

817 (217)
0.27
КЭНДЗАБУРО
ЭЭ

ЗАПИСКИ
ПЕЧАТНИКА

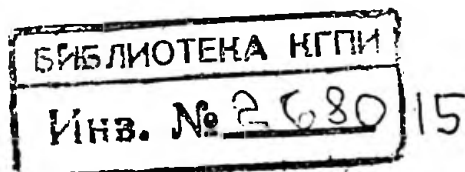
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РАДУГА

КЭНДЗАБУРО
ОЭ

ЗАПИСКИ
ПИНЧАННЕРА

РОМАН

Перевод с японского

МОСКВА
«РАДУГА»
1983

Перевод и предисловие В. ГРИВНИНА

Редактор Г. ДУТКИНА

Оз К.

Записки пинчраннера: Роман/ Пер. с япон. Предисловие В. Гривнина.— М.: Радуга, 1983.— 320 с.

Герой романа известного японского писателя, инженер-физик, подвергся облучению во время нападения левачкой террористической группы на транспорт с ядерным топливом. Его история, воссозданная в записках автора-невидимки, служит предупреждением против грозящей миру ядерной катастрофы.

© Предисловие и перевод на русский язык издательство «Радуга», 1983

О $\frac{70304-223}{030 (01)-83}$ без объявления — 83

4703000000

Восемь лет назад Кэндзабуро Оэ в беседе «Революция. Смерть. Литература. (Опыт Достоевского и современность)», организованной журналом «Сэкай», говоря об одной из левацких группировок «Рэнго сэкигун», заявил: «Я уверен, что самые разные люди, на которых обрушилась лавина газетных сообщений о деле так называемой группы «Рэнго сэкигун», оторвавшись от газет, сразу же обратились к «Бесам» Достоевского. И я убежден, что благодаря «Бесам» многие смогли понять, что представляет собой эта группа. Я убежден в этом потому, что Достоевский помогает более глубокому, более объемному пониманию того, что есть человек, что есть жизнь и смерть, что есть революция и в чем спасение человечества, когда мир находится на переломе к новому». И далее: «Каждый раз, когда я задумываюсь над так называемой ядерной стратегией, я прихожу к выводу, что идеи «Бесов» имеют еще один аспект. Достоевский не напрасно приводит притчу об Ионе... Как известно, Иона, бродя по Ниневии, предсказывал скорую ее гибель и разгневался на бога за то, что тот не уничтожил города... Если посмотреть на эту притчу с позиций сегодняшнего дня, она находит конкретное воплощение в идее атомной войны. В Хиросиме я часто слышал от людей, переживших атомную бомбардировку, пожелание, чтобы и на головы остального человечества упали атомные бомбы, есть даже песня об этом. Такие люди считают, что человечество все равно по-настоящему не переменится до тех пор, пока атомная война не поставит его у порога гибели».

Эти раздумья и привели Оэ к «Запискам пинчраннера». (Пинчраннер — игрок в бейсболе, который приходит на помощь своей команде каждый раз, когда она попадает в тяжелое положение. Пинчраннер — своего рода спаситель.)

Обращение Оэ к русской литературе, в частности к Достоевскому, не случайно. «Писать я учился у русской литературы. Разумеется, не я один. Японская литература нового времени и современная литература в целом учились и продолжают учиться поныне у русской литературы». Эти слова Оэ объясняют многие стороны его творчества. Решив рассказать о японских леваках, о судьбах молодежи, больной псевдореволюционностью, в «Футболе 1860 года», он мысленно обратился к «Бесам» Достоевского, послужившим ему ключом к раскрытию темы. Развивая ее до постижения судеб человечества в «Записках пинчраннера», он обратился к «Мастеру и Маргарите» Булгакова, который, по словам Оэ, помог ему «выработать силу воображения».

Писательская судьба Оэ с первых его шагов и до сегодняшнего дня в полном смысле слова благополучна.

Он родился в 1935 году в горной деревушке на Сикоку, из этой глухой провинции в 1954 году приехал в Токио и успешно сдал экзамены в Токийский государственный университет, одно из самых серьезных учебных заведений Японии. Окончил отделение французской литературы. Стал писать и публиковаться еще будучи студентом. Одна из первых повестей, появившихся в 1958 году, — «Содержание скотины» — была удостоена высшей литературной премии — Премии Акутагавы. Таким образом, в литературе Оэ уже почти четверть века.

Начав с произведений, посвященных последним дням войны, первым послевоенным годам, в которых он рисовал трагедию потерпевшей поражение Японии, он пришел к глубоким философским романам «Футбол 1860 года», «Объяли меня воды до души моей» и, наконец, к «Запискам пинчраннера», знаменующим новый этап в его творчестве.

Человечество стоит на грани катастрофы, утверждает Оэ, будь то катастрофа ядерная или экологическая. Причем такая катастрофа — это не есть нечто предопределенное, привносимое извне, а порождение самих людей, плод их неразумности, недалекости, а подчас и злонамеренности... Что способно предотвратить надвигающуюся катастрофу, готовы ли люди, и в первую очередь молодежь — а ведь помыслы ее должны быть обращены в будущее, в котором ей жить или не жить, — встретить эту катастрофу во всеоружии? Или, может быть, наоборот, люди, и опять-таки молодежь, как главная динамическая

сила общества, своими собственными руками приближают катастрофу, делают невозможным ее предотвращение?

«Воды потопа, огромного потопа, который может привести к концу света, уже дошли нам до груди. Помочь нам не в силах никто, даже бог. Спасти себя мы должны сами», — говорит в одной из бесед Оэ. Вот та главная проблема, которой посвящены «Записки пинчраннера».

Ситуация, предстающая перед читателем в романе, в полном смысле слова фантастическая. Главный герой, физик, — в романе он назван «отец Мори», — облучившийся в период работы на атомной электростанции, и сам Мори, его умственно отсталый сын, претерпевают удивительное превращение — отец становится на двадцать лет моложе, сын — на двадцать лет старше. И вот они-то и берут на себя миссию спасения человечества, вернее, эту миссию возлагает на них некая космическая воля, которая видит, как человечество стремительно движется к своей гибели. На этом фоне разворачиваются все события в романе. Правда это или вымысел, сон или явь — неизвестно. Писатель-невидимка аккуратно записывает то, что ему сообщает отец Мори. Скорее всего, это вымысел. Но не это главное. Не сами события, а их философское осмысление составляет стержень романа.

Оэ последовательно проводит в романе мысль, что человек ответствен за все происходящее в мире. Позиция стороннего наблюдателя самая непродуктивная, самая опасная сегодня. Не случайно, перефразируя леди Макбет, отец Мори говорит: «О делах подобных размышляй, не то сойдешь с ума». У Шекспира, как известно, сказано «не размышляй». Но в нынешних условиях не размышлять нельзя, такая позиция претит общественно активному человеку, осознавшему свою ответственность за судьбы мира.

Оэ не просто декларирует необходимость активно вмешиваться во все, что происходит в мире. Не в роли поучающего, не в роли ментора, указывающего людям, что им следует делать, выступает писатель. Оэ сам, своей жизненной позицией, своими реальными действиями подтверждает, что о судьбах людей, о судьбах своей страны и шире — о судьбах мира — размышлять необходимо.

Вспомним его «Хиросимские записки», острую публицистику, посвященную борьбе японских врачей за жизнь жертв атомной бомбардировки, в которых он ставит проблему единства людей, проблему человеческой доброты,

верности долгу, высшей цели человечества — служения людям; вспомним его взволнованные репортажи из Иокосуки, фактически превращенной в базу американского атомного флота, репортажи, беспощадно критикующие тех, кто интересы, суверенитет своей страны отодвигает на второй план во имя укрепления японо-американского военного союза.

Однако Оэ — борец против несправедливости не только в своих произведениях, но и в повседневной практике. Он активный участник движения афро-азиатских писателей, участник борьбы против японо-американского «договора безопасности», последовательный критик маонизма.

Именно такое активное вторжение Оэ в «дела подобные» дает ему право говорить людям: размышляйте о том, что происходит, предотвратите катастрофу, перед которой стоит человечество.

Зачем потребовалось Оэ фантастическое превращение, да и вообще к чему подобная фантазмагория? Несколько лет назад один японский критик задавал вопрос, зачем потребовалось автору романа «Женщина в песках» Абэ помещать своего героя в вымышленную деревню, якобы поглощаемую песком, когда современная японская действительность дает сколько угодно реальных примеров тяжелой жизни народа. Подобные рассуждения, к сожалению все еще встречающиеся в японской критике, демонстрируют полное непонимание природы и назначения художественного творчества. Задавать вопрос, зачем потребовался писателю вымысел, так же нелепо, как нелепо спрашивать, ради чего Гоголь пустил гулять по Невскому проспекту Нос. Вымысел — если он органично служит художественной выразительности, способствует достижению предельной яркости того, ради чего писалось произведение, служит упрочению связи с реальностью, а не отрыву от нее — всегда рассматривался как вполне закономерный художественный прием реалистической литературы.

В романе Оэ превращение — это метафора. Превратившиеся олицетворяют нового человека, осознавшего свою ответственность за будущее человечества. Превращение героев Оэ — первый шаг к перестройке всех людей. Но, видимо, образ превратившихся потребовался Оэ и для другого — показать, сколь ирреально спасение человечества силами потусторонними, которые якобы совершили превращение двух героев. Не они, а в первую очередь сами

люди должны позаботиться о своем будущем, поскольку превращение — это фактически духовное перевоплощение, реальное, а не сказочное, людей, осознавших, что жизнь или смерть человечества в их собственных руках.

Роль двух превратившихся, говорит главный герой, ведущий повествование, сродни роли «не ищущих легкой доли юродивых, которых жители провинциальных городов России, описанных Достоевским, безжалостно мучили».

Превратившиеся, как и юродивые, не берут на себя непосильной задачи переделать мир. У них иная миссия — указать людям на их несовершенство, на их ошибки и заблуждения и внести свою, пусть скромную, лепту в улучшение человека. И уж тогда пусть этот перерожденный человек, этот новый превратившийся думает о перестройке мира. Достаточно вспомнить сцену выступления отца Мори перед студентами-леваками, когда он призывает убивать всех подряд. Его призывы — доказательство от обратного, нередко так делали и юродивые, чтобы указать человеку на его пороки и заблуждения. Именно в этом видит Оэ совпадение миссии превратившихся и юродивых. Да, собственно, превратившиеся и есть юродивые. Особенно отчетливо это видно, когда они присоединяются к группе ряженых. Собственно, правильнее даже было бы сказать так: именно юродивые натолкнули Оэ на мысль использовать в качестве тех, кто призван предостеречь людей от грозящей катастрофы, превратившихся, функционально играющих роль юродивых.

Роман Оэ близок притче. В нем действуют не столько живые люди, сколько символы, носители тех или иных качеств. Не случайно автор почти ни одному из своих героев, включая и главных, не дает имен. Справедливец, Добровольный арбитр, Патрон. Каждый из них представляет либо силы добра (Справедливец), либо силы зла (Патрон), либо силы, стремящиеся примирить тех и других (Добровольный арбитр). А между ними действуют двое превратившихся, Мори и отец Мори, якобы посланные космической волей спасти гибнущее человечество. Но как это ни покажется парадоксальным, абстрактные символы живут в романе полнокровной жизнью, воспринимаются как вполне реальные персонажи. Достигается это тем, что автор заставляет их не только размышлять о судьбах человечества и о своей собственной судьбе, но и совершать самые обыденные действия: любить, ненавидеть, драться, есть, спать. Такое сопряжение ирреального персонажа с

его вполне реальной жизнедеятельностью еще больше усиливает эффект достоверности событий, происходящих в романе.

Почему человечество находится на пороге катастрофы, какая угроза нависла над Землей? Вселенная, вечная и бесконечная в целом, конечна и в пространстве, и во времени в отдельных ее частях. Как утверждает Добровольный арбитр, идеальная Вселенная — это некая мертвая конструкция, где звезды и планеты, безжизненные, безукоризненно отшлифованные шары, навечно занимают предназначенное каждой место. И для них наступает ничем не нарушаемый покой — смерть. Такова же конечная судьба Земли. В идеально круглый, безжизненный шар, по мысли Добровольного арбитра, ее превратят атомные взрывы. Но высшая космическая воля не склонна торопить события. Наоборот, она готова позволить природе действовать медленно и осмотрительно. Более того, готова дать людям отсрочку, для чего и использует на Земле двух превратившихся, которые должны выполнить роль детонатора в превращении всех людей Земли, а значит, и сохранении ее на долгие годы, может быть, даже и тысячелетия.

Чтобы спасти человечество, превратившиеся должны показать людям, кто их враг, сказать правду о нем, помешать ему творить черные дела, приближая человечество к гибели. В романе зло олицетворяет Патрон. Но люди, как это ни печально, не видят в нем того, кто угрожает самому их существованию. Наоборот, они склонны воспринимать его благодушно, даже несколько проницательно. Он представляется им, говорит отец Мори, чертом из дурного сна. Кончится сон — кончится и черт, то есть Патрон. Но это колоссальное заблуждение, и, если люди не прозреют немедленно, будет слишком поздно и черт из дурного сна уже наяву разрушит мир и уничтожит человечество.

Что представляет собой Патрон, против которого обращено превращение Мори и отца Мори? Патрон олицетворяет власть, самое реакционное ее крыло. Чтобы читатель сразу же понял, кого он имеет в виду, Оз буквально на первых же страницах рассказывает о сне отца Мори, в котором он видит факельное шествие, знаменующее приход Патрона к власти, очень похожее на факельное шествие в фашистской Германии в честь прихода к власти Гитлера. Таким образом — сомнений нет, — Патрон сродни Гитлеру. Он средоточие всех пороков. Этот вещий сон служит как бы прологом ко всему, что свершается в романе.

Чем опаснее Патрон, тем решительнее нужно бороться с ним. «Гитлера уничтожил не бог, а люди,— говорит отец Морн.— Люди обязаны уничтожить Антихриста в зародыше, не дожидаясь, чтобы он явился и в борьбу с ним вступил сам Христос. Борьба людей, уничтожающих Антихриста до его появления, превращается в борьбу за жизнь без помощи бога. Но ее необходимо вести».

Здесь следует сделать небольшое отступление. Почему вдруг в книге японского писателя, построенной на японских реалиях, появилась идея Христа и Антихриста? Ведь для японцев, народа в принципе не религиозного, христианство не является чем-то близким, понятным. А людей, исповедующих христианскую религию, в Японии вообще очень немного. В чем же дело? Вернемся на шестьдесят лет назад, когда творил выдающийся японский писатель Акутагава Рюноске. У него немало новелл о христианстве в Японии. В них он пронизывает над слепой верой, над попытками объяснить беды Японии тем, что в нее проникло христианство. Но есть в его новеллах и другая сторона — их можно рассматривать как мостик, переброшенный между Европой и Японией. Акутагава стремился вывести свои произведения за национальные рамки, стремился, хотя бы тематически, влить их в русло мировой литературы. Христианство близко европейцам — пусть они с помощью новелл о христианстве в Японии увидят, как оно здесь воспринималось, модифицировалось, привлекло ли японцев. Такова была идея Акутагавы.

Та же позиция, правда в несколько трансформированном виде, характерна и для Оэ. Его мысль предельно проста. Нужно использовать всемирно понятные образы, олицетворяющие добро и зло, и тогда удастся проблемы, воплощенные в романе и реализующиеся на японской почве, сделать всесветными, удастся показать, что они органичны не только для данной страны (в данном случае Японии, где происходит действие романа), но и для всего человечества. Вот почему борьбу сил добра и сил зла Оэ изображает в виде борьбы Христа и Антихриста. Но при этом нужно все время помнить, что для Оэ это лишь символы, он далек от мысли возложить бремя спасения человечества на Христа. Христианская идея второго пришествия начисто отсутствует в романе, что лишний раз подтверждает, что Христос и Антихрист выполняют в романе чисто служебную функцию. Оэ неоднократно возвращается к мысли, что только люди способны уничтожить зло.

Итак, Патрон готовит атомную катастрофу, призванную вознести его на самую высокую ступень власти. Задача людей — не допустить этого. Именно с такой целью двое превратившихся подробно рассказывают студентам о программе Патрона, цель которой — захватить власть, и критикуют их за то, что они помогают ему в этом, просто-душно надеясь использовать Патрона, вернее, его деньги, чтобы самим изготовить атомную бомбу и совершить «революцию». Превратившиеся доказывают студентам, что их построения наивны. Нет, говорят они, именно молодежь будет использована Патроном в его корыстных целях, именно ее руками попытается он установить господство над людьми. В конце концов Мори уничтожает Патрона, освобождая человечество от нависшей над ним угрозы. Точнее все же сказать так: сначала Мори лишь ранит Патрона, чтобы продемонстрировать всем, кто есть истинный носитель зла, но потом, убедившись, что его сигнал не принят, убивает его, а сам гибнет в огне. Так он, жертвуя собой, спасает человечество от грозящей ему гибели.

Патрону, казалось бы, должна противостоять молодежь, мечтающая о революции. Именно она должна быть той силой, которая обязана и способна разрушить замыслы Патрона. Но все гораздо сложнее. Оказывается, что молодежь, действующая в романе, стремится совершить революцию, прибегая к той же самой атомной бомбе, которую хочет использовать Патрон. С одной стороны, молодежь борется против строительства атомных электростанций, считая, что они загрязняют окружающую среду и могут нанести непоправимый ущерб здоровью людей, а с другой — пытается изготовить атомную бомбу, выступая с абсурдным лозунгом: «Ядерную энергию — в руки тех, кто не стоит у власти!»

Оэ, разумеется, не столь наивен, чтобы серьезно выступать против строительства атомных электростанций. Его цель совершенно иная — показать, сколь оторваны от жизни идеалисты и сколь циничны политиканы, призывающие к отказу от атомных электростанций, то есть от мирного использования атомной энергии, и в то же время пытающиеся изготовить атомную бомбу, чтобы, угрожая ею, а может быть, даже использовав ее, прийти к власти.

Молодежь занимает в романе центральное место. Объясняя свою приверженность теме молодежи, Оэ в одном из интервью говорил: «В начале своей писательской жизни я просто не знал ничего другого. Молодежь, ее мыс-

ли и надежды, трудности, с которыми ее сталкивала жизнь, проходили у меня перед глазами — я сам был представителем этой молодежи, и обращение к ней было вполне естественно и закономерно. Но и сейчас я не ухожу от этой темы, и в первую очередь потому, что молодежь — наиболее динамичная, наиболее остро реагирующая на события часть общества. Взяв ее в качестве объекта художественного исследования, можно глубже и полнее обнаружить характер общества в целом, его беды и болезни. Мне хочется, пользуясь выражением Шкловского, показать динамику души, показать не просто человека, а становление и развитие характера. Есть ли для этого лучший объект, чем молодой человек?»

В «Записках пинчраннера» Оэ не просто рассказывает о молодежи, но и показывает, сколь трудна, а подчас и бесперспективна ее борьба за утверждение в жизни в том обществе, которое стремится выбросить ее за борт. В общем, если использовать термин, получивший в последние годы большое распространение, — перед молодежью стоит проблема идентификации. Было бы, правда, неверно утверждать, что это — новомодная проблема, связанная со стремительным изменением облика мира, облика людей, этот мир населяющих. Термин, возможно, и нов, но явление старо как мир. Идентификация — это самоосознание, нахождение своего места в жизни, исходя из чувств, побуждений, понимания и оценки своей значимости.

Человек во все времена пытался определить для себя, что он есть, и найти свое место в мире, которое бы соответствовало его самооценке. Но ничто не остается неизменным. Не может не измениться. Дело в том, что перемены, и перемены подчас катастрофические, претерпел и продолжает претерпевать тот мир, где молодежь ищет свое место. Он стал настолько подвижным, нестабильным, что место в этом мире, найденное сегодня, завтра оказывается ложным, ошибочным. То, что еще вчера представлялось абсолютной истиной, завтра превращается в свою противоположность. Причем речь ведь идет не об абстрактных поисках места в жизни, но — о реальном их воплощении. О чем же говорить, когда юноша, обманутый лживой пропагандой, начинает искать то, что найти немисливо, или устремляет свой поиск в те пласты жизни, где отыскать свое место просто невозможно?

Примерно это и происходит с героями Оэ. В любом из его романов мы сталкиваемся с обманутой молодежью.

Итак, Патрон готовит атомную катастрофу, призванную вознести его на самую высокую ступень власти. Задача людей — не допустить этого. Именно с такой целью двое превратившихся подробно рассказывают студентам о программе Патрона, цель которой — захватить власть, и критикуют их за то, что они помогают ему в этом, просто-напросто надеясь использовать Патрона, вернее, его деньги, чтобы самим изготовить атомную бомбу и совершить «революцию». Превратившиеся доказывают студентам, что их построения наивны. Нет, говорят они, именно молодежь будет использована Патроном в его корыстных целях, именно ее руками попытается он установить господство над людьми. В конце концов Мори уничтожает Патрона, освобождая человечество от нависшей над ним угрозы. Точнее все же сказать так: сначала Мори лишь ранит Патрона, чтобы продемонстрировать всем, кто есть истинный носитель зла, но потом, убедившись, что его сигнал не принят, убивает его, а сам гибнет в огне. Так он, жертвуя собой, спасает человечество от грозящей ему гибели.

Патрону, казалось бы, должна противостоять молодежь, мечтающая о революции. Именно она должна быть той силой, которая обязана и способна разрушить замыслы Патрона. Но все гораздо сложнее. Оказывается, что молодежь, действующая в романе, стремится совершить революцию, прибегая к той же самой атомной бомбе, которую хочет использовать Патрон. С одной стороны, молодежь борется против строительства атомных электростанций, считая, что они загрязняют окружающую среду и могут нанести непоправимый ущерб здоровью людей, а с другой — пытается изготовить атомную бомбу, выступая с абсурдным лозунгом: «Ядерную энергию — в руки тех, кто не стоит у власти!»

Оз, разумеется, не столь наивен, чтобы серьезно выступать против строительства атомных электростанций. Его цель совершенно иная — показать, сколь оторваны от жизни идеалисты и сколь циничны политиканы, призывающие к отказу от атомных электростанций, то есть от мирного использования атомной энергии, и в то же время пытающиеся изготовить атомную бомбу, чтобы, угрожая ею, а может быть, даже использовав ее, прийти к власти.

Молодежь занимает в романе центральное место. Объясняя свою приверженность теме молодежи, Оз в одном из интервью говорил: «В начале своей писательской жизни я просто не знал ничего другого. Молодежь, ее мыс-

ли и надежды, трудности, с которыми ее сталкивала жизнь, проходили у меня перед глазами — я сам был представителем этой молодежи, и обращение к ней было вполне естественно и закономерно. Но и сейчас я не уйду от этой темы, и в первую очередь потому, что молодежь — наиболее динамичная, наиболее остро реагирующая на события часть общества. Взяв ее в качестве объекта художественного исследования, можно глубже и полнее обнаружить характер общества в целом, его беды и болезни. Мне хочется, пользуясь выражением Шкловского, показать динамику души, показать не просто человека, а становление и развитие характера. Есть ли для этого лучший объект, чем молодой человек?»

В «Записках пинчраннера» Оэ не просто рассказывает о молодежи, но и показывает, сколь трудна, а подчас и бесперспективна ее борьба за утверждение в жизни в том обществе, которое стремится выбросить ее за борт. В общем, если использовать термин, получивший в последние годы большое распространение, — перед молодежью стоит проблема идентификации. Было бы, правда, неверно утверждать, что это — новомодная проблема, связанная со стремительным изменением облика мира, облика людей, этот мир населяющих. Термин, возможно, и нов, но явление старо как мир. Идентификация — это самоосознание, нахождение своего места в жизни, исходя из чувств, побуждений, понимания и оценки своей значимости.

Человек во все времена пытался определить для себя, что он есть, и найти свое место в мире, которое бы соответствовало его самооценке. Но ничто не остается неизменным. Не может не измениться. Дело в том, что перемены, и перемены подчас катастрофические, претерпел и продолжает претерпевать тот мир, где молодежь ищет свое место. Он стал настолько подвижным, нестабильным, что место в этом мире, найденное сегодня, завтра оказывается ложным, ошибочным. То, что еще вчера представлялось абсолютной истиной, завтра превращается в свою противоположность. Причем речь ведь идет не об абстрактных поисках места в жизни, но — о реальном их воплощении. О чем же говорить, когда юноша, обманутый лживой пропагандой, начинает искать то, что найти немыслимо, или устремляет свой поиск в те пласты жизни, где отыскать свое место просто невозможно?

Примерно это и происходит с героями Оэ. В любом из его романов мы сталкиваемся с обманутой молодежью.

Вспомним «Опоздавшую молодежь» — роман о трагедии юноши, «опоздавшего на войну», юноши, которому годами вдалбливали в голову идею служения императору, служения родине, якобы строящей новый порядок в Азии, и «обманули» — Япония капитулировала, вместо того чтобы победить или уж, во всяком случае, сражаться до последнего солдата. Именно такая молодежь становится питательной средой правого и левого экстремизма. С такой же обманутой, не нашедшей своего места в жизни молодежи встречаемся мы в романах «Футбол 1860 года» и «Объяли меня воды до души моей». Руководители молодежи, исходя из собственных эгоистических устремлений, предают ее, направляя на путь левого экстремизма, иногда ярко выраженного, иногда чуть затушеванного.

Оэ в своих романах ничего не приходится выдумывать. Более того, то, о чем он пишет, может восприниматься даже как документ. И эта документальность, которая стоит буквально за каждой страницей «Записок пинчраннера», не дань моде, не стремление быть на уровне сегодняшних тенденций, когда документальная проза становится чуть ли не генеральной линией развития современной литературы. Подобная позиция Оэ продиктована иным — стремлением, чтобы читатель безоговорочно ему поверил, понял, что то, о чем он пишет, не выдумка, а реальность, не осознавая опасности которой, люди могут оказаться в критической ситуации.

Примеров такой достоверности романа Оэ можно было бы привести множество. Но достаточно остановиться на двух. В недавнем телевизионном репортаже о Японии рассказывалось об аресте главарей «Рэнго сэкигун». Теперь весь мир знает, что они пытаются и убивают единомышленников, если те, поняв ошибочность своих действий, хотят порвать с этой экстремистской группировкой. Об этом же мы можем прочесть и в «Записках пинчраннера». В упомянутом репортаже говорилось о том, что «Рэнго сэкигун» совершала «Великий поход». В точности такой же, какой совершает Корпус лососей — боевое формирование леваков — в романе Оэ.

Таким образом, у левацкой группировки в романе есть точный прототип в реальной жизни сегодняшней Японии. Можно ли сомневаться в том, что обращение Оэ к событиям, происходящим в жизни современного японского общества, значительно усиливает воздействие на читателя, который своими глазами видел по телевизору, до каких

глубин внутренней опустошенности могут опуститься люди, для которых человек и его жизнь — не цель, во имя которой идут на жертвы, а средство удовлетворения амбициозных, эгоистических устремлений верхушки леваков, узурпировавшей право выступать в роли непогрешимого судьи, распоряжаться судьбами тех, кто искренне влился в подвластную ей группу, веря, что служит интересам народа.

Левый экстремизм — явление, как мы видим, реально существующее в сегодняшней Японии. Опасность его велика и далеко не однозначна. С одной стороны — это духовное разложение самой молодежи, с другой — дискредитация демократического движения. В Японии это явление усугубляется еще целым рядом моментов, объясняемых особенностями группового сознания японцев. Если японец, особенно молодой человек, причислил себя к определенной группе, воспринял себя как один из ее элементов, то, и не понимая всех тонкостей и даже конечных целей группы, он будет действовать в ней «как все», будет беспрекословно подчиняться лидерам. Поэтому судьбы юношей и девушек, примкнувших к какой-либо группе, зачастую оказываются безвозвратно искалеченными. Как правило, ими движут не идейные соображения, не приверженность принципам, пусть ошибочным, что делало бы их поведение хотя бы логичным, а именно групповое сознание, толкающее их на бездумное следование за остальными членами группы.

Групповое сознание характерно тем, что человеческая индивидуальность приносится в жертву группе, что даже жизнь человека — ничто, если она приводит в столкновение с интересами группы или, наоборот, используется во имя ее интересов. Групповое сознание, помноженное на патернализм, до сих пор не сдавший своих позиций в Японии, во многом объясняет и, что значительно серьезнее, предопределяет поведение японцев.

Обратимся к давнему прошлому Японии, когда бусидо — кодекс поведения воина-самурая, базирующийся на этих двух основополагающих принципах, определял верность воина сюзерену и группе, в которую он входил, и его беспредельную жестокость ко всем, кто противопоставлен ей или предает ее. И даже верность, преданность, представляющие собой высокие и, казалось бы, однозначные понятия, превращались в собственную противоположность, поскольку они были бездумными, слепыми, безого-

ворочными. Такого война можно было подвигнуть на самые безрассудные действия. Этим пользовались в старые времена, пользовались и еще совсем недавно, в годы второй мировой войны.

Разумеется, мораль бусидо претерпела, да и не могла не претерпеть, существенные изменения. Как-никак, времена меняются. Вспомним блестящую сатиру на эту обветшавшую мораль в новеллах Акутагавы «Оиси Кураноскэ в один из своих дней» и «Рассказ об одной мести». В них Акутагава не просто развенчивает эту мораль, но перечеркивает ее, считая, что она отжила свой век. Но, пожалуй, окончательно хоронить ее еще рано. Ведь совсем недавно, когда началась война и принципы бусидо были гальванизированы, в Японии появились летчики-смертники — камикадзе, появились человеко-торпеды. Вряд ли можно сомневаться в том, что если не бусидо в его чистом, так сказать, исконном виде, то уж во всяком случае, его пережитки, групповое сознание, свойственное японцам в прошлом, свойственное им и сегодня, лежало в основе этого явления.

Тогда ультраправые использовали особенности национальной психологии японцев. Теперь их стали активно использовать и левые экстремисты. Истинно левое, революционное движение опирается на классовое сознание, хотя при этом национальная психология ни в коем случае не может сбрасываться со счетов — прежде всего для того, чтобы выбрать наиболее эффективные методы воспитания классового сознания.

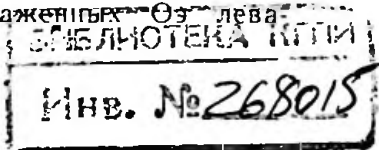
Леваяки даже не задумываются над этим, поскольку их цель иная — терроризировать общество и на волне терроризма достичь господства.

В связи с этим возникает такой вопрос: почему в Японии, почему среди японской молодежи, независимо от того, где она действует — внутри страны или за ее пределами (подобных примеров тоже немало), — левый экстремизм получил такое распространение? Как уже говорилось, отчасти это можно объяснить групповым сознанием японцев. Но подобное объяснение будет недостаточно полным, поскольку оно лишь приоткрывает завесу над проблемой, указывает лишь на специфические черты национальной психологии японцев, облегчающие и усугубляющие проникновение в среду японской молодежи левых идей. Другая причина этого явления — столкновение идеалов японской молодежи с действительностью. Эконо-

мический бум, наблюдавшийся в Японии, сопровождался катастрофическим духовным обнищанием масс. Но при этом не следует забывать, что Япония — страна с многовековой культурой, страна, в которой духовные ценности всегда ставились гораздо выше ценностей материальных. Естественно, что в такой стране духовное оскудение воспринимается молодежью особенно болезненно.

Есть и еще одна причина. Для японцев Китай гораздо ближе, чем страны Европы и Америки. И не только территориально. В течение многих столетий Япония находилась под огромным культурным и идеологическим влиянием Китая. Достаточно упомянуть, что японская иероглифическая письменность — китайского происхождения, что буддизм проник в Японию из Китая, что китайская литература и философия не один век служили японцам образцом для подражания. Может быть, поэтому левачские «идеи» Мао, главным образом периода культурной революции, показались столь привлекательными незрелой, недостаточно критически мыслящей части японской молодежи, чем не преминули воспользоваться политики, преследующие свои корыстные интересы.

Именно такую молодежь изобразил Оэ в своем романе. Главным образом это студенты, в головах у них невообразимая мешанина. «Идеи» Мао Цзэдуна, высказывания структуралистов, мысли Снирана, одного из основателей буддийской секты Дзёдо, жившего в XII веке, афоризмы Паскаля — и все это валится в одну кучу, без глубокого осмысления, без попытки увидеть их несовместимость. Малограмотные начетчики — такими представляются эти студенты в романе Оэ. Возьмем, например, так называемый Великий поход, предпринятый Корпусом лососей — подпольным партизанским формированием левачков — в подражание Великому походу китайской Красной армии в 30-е годы. Во имя чего проводит Корпус лососей свой поход, какова его цель? Это поход без цели, без пункта назначения. Собственно, его даже нельзя назвать походом в обычном смысле слова. Проводится он лишь для того, чтобы, создавая видимость непрерывных действий, годы и годы держать в руках молодежь — участников похода, — иметь наготове людей, которые в любой момент могут совершать акции, призванные удовлетворять амбициозные устремления руководителей. Духовная и душевная пустота — вот что отличает изображенных Оэ левачков.

Японские леваки — разумеется, и те, которых мы видим в романе Оэ, — превратили террор в высшую, абсолютную форму своей деятельности. Чтобы доказать молодежи, что избранный ею путь, вся ее террористическая деятельность ложна и бесперспективна, что она может привести лишь в тупик, а не к революции, к которой эта молодежь якобы стремится, Оэ в речи отца Мори доводит построения студентов до абсурда. Выступая перед ними вместе с сыном, отец Мори призывает их к братоубийству, называя его главным «революционным принципом», и убеждает их оттачивать, совершенствовать методы убийства. Убив братьев, беритесь за родителей, провоцирует он их. Все-ляйте страх, убивайте — вот призывы, обращенные отцом Мори к тем, кто причисляет себя к «истинным революционерам». Он пытается хотя бы таким способом открыть молодежи глаза на происходящее, хотя бы назвать своими словами то, что они делают, — вдруг прозреют и поймут не только абсурдность своих действий, но и несовместимость их с подлинными революционными принципами.

Роман Оэ с полным основанием можно отнести к иронико-философской прозе. Он ироничен с первой и до последней страницы, а в некоторых своих частях поднимается до острой сатиры. Выше приводились слова Оэ о том, что силу воображения ему помог выработать Булгаков. Возможно, ироничность Оэ тоже имеет одним из своих источников «Мастера и Маргариту».

Ироническая интонация пронизывает весь роман. Это можно видеть и в карикатурном изображении руководителей леваков, людей беспринципных и циничных, использующих обманутую молодежь для достижения своих корыстных целей. Можно видеть это и во многих эпизодах романа. Назовем, например, сцену нападения на машину, перевозившую ядерное сырье, молодых людей, которые прикрылись жестяными латами, чтобы уберечься от радиации. Причем речь идет о студентах физического факультета университета, которым должно быть прекрасно известно, что никакая жесть не способна защитить их от облучения. Просто Оэ решил таким способом окарикатурить нападавших, показать их глупость, их полную несостоятельность, неспособность на что-либо серьезное. Чем иным, как не сарказмом, проникнуто предложение Добровольного арбитра не убивать членов враждебных группировок, а хватать, пороть их, повторяя это много раз, чтобы в конце концов превратить их в своих единомышленни-

ков? Этот метод хорош еще и тем, утверждает Добровольный арбитр, что поркой искалечить своих будущих сторонников невозможно — не то что железными трубами, которыми избивают противников, пытаясь врагов превратить в союзников. Столь же саркастичны призывы отца Мори убивать всех подряд, начиная с братьев и отцов, что якобы надлежит делать истинным революционерам. А разве это не сарказм — отец Мори делает вид, что с полным пониманием относится к борьбе против строительства атомных электростанций, проходящей под лозунгом: «Ядерную энергию — в руки тех, кто не стоит у власти!» Как будто в этом случае атомные электростанции перестанут загрязнять окружающую среду, а ядерные бомбы перестанут нести угрозу человечеству.

Сколько злой иронии в словах отца Мори о студентах, которые только что безжалостно избивали его: «Они все время спешат и даже не имеют времени помыть свое дурно пахнущее тело, восхищался я ими».

Роман Оэ должен быть прочитан с пониманием того, что сделан он в ироническом ключе. Тогда все, что могло бы казаться странным, а может быть, даже и несуразным, встанет на свои места. Роман пронизывает мысль об угрозе, нависшей над человечеством, о бесперспективности пути, избранного частью японской молодежи. Но Оэ не просто говорит обо всем этом — предостерегая людей, он показывает и источник, и носителей зла.

Оэ нарисовал страшную картину. Казалось бы, сегодняшняя Япония особых оснований для этого не дает. Но Оэ пошел вглубь, он взломал это внешнее благополучие, что позволило ему увидеть и проанализировать внутренние процессы. И перед читателем возникла трагедия, в первую очередь духовная. Духовная трагедия японского общества. Карточный домик показного благоденствия рассыпается на глазах.

Оэ — художник жестокий. Но он не смакует зло. Просто его эстетические принципы находятся в русле японской художественной традиции, согласно которой не только мысли по поводу тех или иных трагических фактов, а сами факты, показанные в своем крайнем выражении, должны потрясти читателя. Это также следует иметь в виду, читая роман Оэ.

Владимир Гривнин

ГЛАВА I ЗОЛОТОЙ ВЕК ПОСЛЕВОЕННОГО БЕЙСБОЛА

1

Несомненно, это были чужие слова, и я даже помню обстоятельства, при которых они были произнесены кем-то другим, но все же я воспринимаю их как слова, вышедшие из самой глубины моей души. Разумеется, поскольку слова являются лишь в том случае, когда во взаимоотношения вступают два человека, вполне возможно утверждать, что именно мое существование явилось истинной причиной появления этих слов. Однажды некий человек, бывший инженер атомной электростанции, будто разговаривая сам с собой, но, несомненно, рассчитывая на мою реакцию, произнес громко, так, чтобы я услышал:

— Быть выбранным в пинчраннеры¹ — что может быть страшнее этого, что может наполнить сердце большим честолюбием! Это муки бейсбола. Вот те дети, что играют сейчас на площадке, — хотя они и не подбадривают своего пинчраннера, но это ничего не меняет...

— Совершенно верно, даже несмотря на то, что его не подбадривают криками ЛИ... ЛП, что означает «лидируй», — поддакнул я. Но это было больше, чем простое поддакивание. После того как бывший инженер произнес свои слова, а я откликнулся на них, между нами, разумеется, не могли еще установиться взаимопонимание и просто-

¹ Пинчраннер — игрок в бейсболе, задачи которого состоят в том, чтобы в критический момент стремительной пробежкой вывести команду вперед. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

та отношений, нет, но зато возникли узы чуть ли не кровного родства. Прежде всего мы ясно осознали, что принадлежим к одному поколению — возможно, даже однолетки, либо разница в возрасте между нами не больше чем год-два. Нам было известно друг о друге лишь то, что он и я — определить наш возраст было непросто — закончили Токійский университет, один — факультет естественных наук, другой — факультет литературы, и наше сближение было скорее результатом моей случайной реакции.

Почему принадлежим к одному поколению? Да потому, что он сразу же понял мой возглас ЛИ... ЛИ, а его слова о муках пинчраннера были восприняты мной как голос моего собственного сердца. Мы молча стояли на солнце-пеке — это были последние дни весны — и, распаяя свое воображение, прислушивались к доносившемуся из нашей далекой юности ЛИ... ЛИ... ЛИ...

Было около полудня, и дети, не похожие на наших детей, играли на спортивной площадке в бейсбол. Они играли молча, без всяких выкриков, чтобы не мешать тем, кто сидел на уроке в школе, здание которой окружало спортивную площадку. Это были вундеркинды, метившие в элиту, и физкультура не была для них настоящим уроком. Они не имели ничего общего с теми, кто рвущимися изнутри криками выражает радость движения. Как прекрасно первобытное ощущение собственного тела — неужели им не хочется носиться с громкими воплями, рвущимися из самой груди? Даже если они вундеркинды, контролируемые извне и способные сами контролировать себя изнутри. Неожиданно из класса донесли голоса наших детей. И я, и он, в волнении ожидая, что наши дети вот-вот окликнут нас, с ненавистью убеждались в том, как умны, сообразительны, да к тому же и ловки эти молчаливые дети на спортивной площадке.

— Таким, как я, только и оставалось, что быть в игре пинчраннером. У меня ведь и перчатки не было.

— Разумеется, — ответил я. В те золотые годы послевоенного бейсбола, несмотря на огромную его популярность, в провинции мало кто из детей имел перчатку. Там, где я жил, владельцев таких перчаток набралось бы в лучшем случае человек девять — это были лучшие игроки. Возводились в такой ранг лишь те ребята, которым посчастливилось всеми правдами и неправдами добыть настоящую перчатку. А я, стыдливо пряча самодельную матерчатую перчатку, бегал по полю и подбирал

мячи, которые не удавалось поймать этим лучшим игрокам. Мне разрешали участвовать в тренировках только ради того, чтобы не терялись мячи, которыми тоже владели лучшие игроки.

— Никогда не забуду волнения и страха, которые я испытал во время игры с приехавшей к нам командой соседней школы, и впервые родившуюся решимость встретиться лицом к лицу с реальным миром, в котором мне уготовано было жить. Я помню даже, как у меня до боли свело судорогой живот. А мозг сверлило: ЛИ... ЛИ... ЛИ... Когда твоя команда сильно оторвалась от противника, пинчраннеру ждать, что его возьмут в игру, нечего. И тогда для тебя, сидящего на скамейке, игра теряет всякий интерес: выиграет команда, проиграет — все равно. Для тебя это уже не игра, ты в ней участвовать не будешь. Но девятая подача при разнице в одно очко или подача для продления игры при той же разнице в одно очко — вот такие критические ситуации и есть настоящая игра, верно? Девятая подача, лучший игрок отбивает мяч — вот тут-то и начинаются мучения того, кто сидит на скамейке. Руководил нашей командой второй сын местного богача, только что демобилизованный и болтавшийся пока без дела; он начал бахвалиться перед тренером наших соперников своими познаниями в бейсболе, а тот ему в ответ: все это, ха-ха, пустые рассуждения, и тогда наш тренер задумал хитрый маневр. Вызывает пинчраннера. Очередь моя. Если бы я был искусным игроком и отличался могучим сложением, меня бы вызвали пинчхиттером¹ — в той ситуации это было бы лучше. А я был заурядным запасным и уныло все сидел и сидел на скамье, деревянной скамье на двонх, которую я тайком от учителя приволок из класса. Ноги, правда, у меня не устали. И вот я сломя голову понесся к первой базе. Я высоко вскидывал ноги, чтобы все думали: ох и быстрый же парень. Тот, кого я заменил, смотрит на меня волком. Почему? Да потому, что, когда ему удалось наконец как следует отбить мяч, вместо него на сцену, уже готовую для блестящего выступления, выхожу я — сопляк, который и бегать-то толком не умеет. Если бы мне не удалось добежать тогда до базы, он бы повсюду раззвонил, что я загробил его удар, без конца поносил бы меня, да еще притворно сочувственно вздыхал при этом! Но я сумел добежать до базы, у нас

¹ Пинчхиттер — игрок в бейсболе.

с противником сравнялось количество очков. И игру пришлось продлить, ясно? За считанные минуты я превратился в героя, и, пока продолжалась игра, этому типу все-таки пришлось дать мне перчатку. То, что он сначала смотрел на меня волком, вполне естественно. Да к тому же я стою в базе пинчраннером. И в эту минуту вся наша команда, включая и того, кто раньше волком смотрел на меня, во весь голос заорала ЛИ... ЛИ... ЛИ... «Лидируй, лидируй, смелее в следующую базу!» — вот что они мне кричали. В двух метрах от базы следить за питчером¹ — предательство, обличали они меня. Меня ливнем окатывали их крики ЛИ... ЛИ... ЛИ... Голова горела, в висках стучало. Главное — сила ног и решимость; нужно приноровиться к передвижениям питчера и догадаться, что он собирается делать. Питчер хитрит — здоровенный парень, точная копия знаменитого игрока, фотографии которого не сходят со страниц «Молодого бейсболиста»! В другое время я бы высмеял его напыщенность. Но в ту минуту меня обуревал лишь страх. Бежать или стоять? Может быть, действительно лидировать? Малейшее промедление — и на пылающую голову, на обессилевшие руки и ноги обрушивается буря ЛИ... ЛИ... ЛИ... Но было во мне, охваченном страхом, и постыдное честолюбие — во что бы то ни стало добежать до базы...

Неужели он и в самом деле был так многословен? Может быть, он сказал мне лишь, что нет ничего страшнее, чем быть пинчраннером, но и нет ничего, что сильнее бы возбуждало честолюбие. Все же я думаю, что правильно передал состояние человека, жаждавшего раскрыть передо мной свою душу. Моя душа прекрасно уловила это. После нашего разговора мы оба замолчали и, стоя в углу спортивной площадки, чем-то похожей, но чем-то и непохожей на площадки тех школ, которые были построены сразу же после войны, ощущали, как нам припекает затылок горячее солнце двадцатипятилетней давности. И слышали призрачные крики ЛИ... ЛИ... ЛИ... — то ли подбадривающие, то ли осуждающие — не разберешь.

Рядом с нами обычно стояли матери, которые, как и мы, ждали наших детей. Некоторые из них работали в барах и кабаре, и даже утром от них еще пахло вином.

Какие обстоятельства заставили их разрушить семью и найти себе занятие, которое совсем не подходило им по возрасту? Мы об этом никогда не говорили, понимая, что

¹ Питчер — игрок в бейсболе.

Отец Мори так вызывающе заговорил со мной, видимо, потому, что в то утро, когда он стоял в центре спортивной площадки, точно офицер, руководящий военной операцией, я не утерпел и указал ему место для родителей, которые ожидают своих детей, обучающихся в специальном классе. Вообще-то я довольно нетерпим, но тогда не рассердился на его слова. Ведь он впервые вез одного из наших детей в битком набитом автобусе, без конца поднимался и спускался с ним по подземным переходам и наконец доставил его в школу. Потом ему пришлось отдать перепуганного ребенка чужим людям. Совершенно естественно, что отец, впервые испытывавший все это, становится агрессивным. А я уже был ветераном...

Без всяких на то оснований я почему-то решил, что отец Мори — музыкант-авангардист. Наверно, потому, что он в самом деле был очень похож на знаменитого музыканта Юдзи Такахаси, неперменного участника хэппенингов. Я, разумеется, прекрасно понимал, что отец Мори не Юдзи Такахаси, но все равно мне казалось, что он тоже музыкант-авангардист.

На следующий день вместо отца Мори пришла мать, мать Мори. Отдавая ребенка, она объяснила учителю, почему сегодня пришлось прийти ей. Мать Мори, небольшого роста, похожая на индианку, в блеклой черной юбке, была убеждена, что ей нужно сказать учителю нечто особенное, и, хотя все матери, которые привели детей, дожидались очереди, чтобы поговорить с учителем, никак не могла уступить такую возможность кому-то еще, не высказавшись до конца, — она должна выложить все. Правда, и другие матери, все без исключения, вели себя так же. Но в этой маленькой черноглазой женщине была непонятная напористость, придававшая чуть ли не прелесть такому ее поведению. Сегодня утром, как обычно, ребенка должен был отвести отец, ребенок ждал этого, поэтому хотя и не скажешь, что он избегает матери, но все же... Душа его была настроена на другое, поэтому, вполне понятно, он встревожен. Нельзя ли до того, как она придет за ним после занятий, постараться изменить это его внутреннее состояние? Муж случайно сломал вставные зубы, поэтому сегодня утром появляться на людях ему не хотелось...

На следующее утро отец Мори, починивший вставную челюсть, увидев меня, без всякого стеснения стал рассказывать о лечении:

— Когда нет своих зубов, начинаешь осознавать, что смерть неотвратимо надвигается. Постоянно касаясь языком пластмассовых зубов и десен, я ощущаю вкус смерти. Мори, у которого вместо недостающей кости черепа вставлен кусочек пластика, я думаю, испытывает то же самое. Подсознательно.

Я должен был признать, что необычное заболевание сына отца Мори напоминает заболевание моего сына. В противоположность тому, что говорил Толстой, мой опыт свидетельствует: так же как все счастливые семьи походят одна на другую, схожи и обрушивающиеся на людей несчастья.

— В конце концов можно привыкнуть к вставным зубам, и тогда ощущение вкуса смерти, я думаю, исчезнет? — спросил я отца Мори.

— Разве у вас тоже вставные зубы?

— Нет. У меня пока свои, изобличающие мое социальное происхождение.

— Да, чтобы узнать, что ощущает человек, когда его настигает смерть, нет ничего более подходящего, чем лечение зубов.

Дантист, обычно снимавший мне зубной камень, казался весьма жизнерадостным человеком. Хотя при этом у него была привычка корчить такую физиономию, будто он летел в пропасть меланхолии, а бормашина, делающая пятьсот тысяч оборотов в минуту, сверлит его собственную голову. Не знаю, зачем жизнерадостный дантист строил такую мину — то ли старался подбодрить себя, и в самом деле пребывающего в глубоком унынии, то ли хотел подготовить пациента к высокой плате за лечение. Но в общем его жизнерадостность, пусть даже наигранная, вызывала чувство благодарности.

А я, после того как мне делали обезболивающий укол в десну и начинали снимать твердый зубной камень, неотторжимую принадлежность моего организма, непрестанно думал о судьбе своих разрушающихся зубов. Непрестанно думал о том, что единственное мое достоинство — зубы и я должен раз в полгода подвергать себя таким страданиям — снимать зубной камень. Широко раскрыв рот, со слезами на глазах я выставлял напоказ дурно пахнущие обломки смерти. В приемной телевизор обычно был включен, и я слушал рекламу зубной пасты — это угнетало меня еще больше. Приятный сильный голос вещал: КАК ЧАСТО МЫ ГОВОРИМ — ПРОРЕЗАЛИСЬ ЗУБКИ! НО У

Отец Мори так вызывающе заговорил со мной, видимо, потому, что в то утро, когда он стоял в центре спортивной площадки, точно офицер, руководящий военной операцией, я не утерпел и указал ему место для родителей, которые ожидают своих детей, обучающихся в специальном классе. Вообще-то я довольно нетерпим, но тогда не рассердился на его слова. Ведь он впервые вез одного из наших детей в битком набитом автобусе, без конца поднимался и спускался с ним по подземным переходам и наконец доставил его в школу. Потом ему пришлось отдать перепуганного ребенка чужим людям. Совершенно естественно, что отец, впервые испытывавший все это, становится агрессивным. А я уже был ветераном...

Без всяких на то оснований я почему-то решил, что отец Мори — музыкант-авангардист. Наверно, потому, что он в самом деле был очень похож на знаменитого музыканта Юдзи Такахаси, непрямого участника хэппенингов. Я, разумеется, прекрасно понимал, что отец Мори не Юдзи Такахаси, но все равно мне казалось, что он тоже музыкант-авангардист.

На следующий день вместо отца Мори пришла мать, мать Мори. Отдавая ребенка, она объяснила учителю, почему сегодня пришлось прийти ей. Мать Мори, небольшого роста, похожая на индианку, в блеклой черной юбке, была убеждена, что ей нужно сказать учителю нечто особенное, и, хотя все матери, которые привели детей, ожидали очереди, чтобы поговорить с учителем, никак не могла уступить такую возможность кому-то еще, не высказавшись до конца, — она должна выложить все. Правда, и другие матери, все без исключения, вели себя так же. Но в этой маленькой черноглазой женщине была непонятная напористость, придававшая чуть ли не прелесть такому ее поведению. Сегодня утром, как обычно, ребенка должен был отвести отец, ребенок ждал этого, поэтому хотя и не скажешь, что он избегает матери, но все же... Душа его была настроена на другое, поэтому, вполне понятно, он встревожен. Нельзя ли до того, как она придет за ним после занятий, постараться изменить это его внутреннее состояние? Муж случайно сломал вставные зубы, поэтому сегодня утром появляться на людях ему не хотелось...

На следующее утро отец Мори, починивший вставную челюсть, увидев меня, без всякого стеснения стал рассказывать о лечении:

— Когда нет своих зубов, начинаешь осознавать, что смерть неограничиваемо надвигается. Постоянно касаясь языком пластмассовых зубов и десен, я ощущаю вкус смерти. Мори, у которого вместо недостающей кости черепа вставлен кусочек пластика, я думаю, испытывает то же самое. Подсознательно.

Я должен был признать, что необычное заболевание сына отца Мори напоминает заболевание моего сына. В противоположность тому, что говорил Толстой, мой опыт свидетельствует: так же как все счастливые семьи походят одна на другую, схожи и обрушивающиеся на людей несчастья.

— В конце концов можно привыкнуть к вставным зубам, и тогда ощущение вкуса смерти, я думаю, исчезнет? — спросил я отца Мори.

— Разве у вас тоже вставные зубы?

— Нет. У меня пока свои, изобличающие мое социальное происхождение.

— Да, чтобы узнать, что ощущает человек, когда его настигает смерть, нет ничего более подходящего, чем лечение зубов.

Дантист, обычно снимавший мне зубной камень, казался весьма жизнерадостным человеком. Хотя при этом у него была привычка корчить такую физиономию, будто он летел в пропасть меланхолии, а бормашина, делающая пятьсот тысяч оборотов в минуту, сверлит его собственную голову. Не знаю, зачем жизнерадостный дантист строил такую мину — то ли старался подбодрить себя, и в самом деле пребывающего в глубоком унынии, то ли хотел подготовить пациента к высокой плате за лечение. Но в общем его жизнерадостность, пусть даже наигранная, вызывала чувство благодарности.

А я, после того как мне делали обезболивающий укол в десну и начинали снимать твердый зубной камень, неотторжимую принадлежность моего организма, непрерывно думал о судьбе своих разрушающихся зубов. Непрестанно думал о том, что единственное мое достояние — зубы и я должен раз в полгода подвергать себя таким страданиям — снимать зубной камень. Широко раскрыв рот, со слезами на глазах я выставлял напоказ дурно пахнущие обломки смерти. В приемной телевизор обычно был включен, и я слушал рекламу зубной пасты — это угнетало меня еще больше. Приятный сильный голос вещал: КАК ЧАСТО МЫ ГОВОРИМ — ПРОРЕЗАЛИСЬ ЗУБКИ! НО У

ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА ЗУБЫ УЖЕ НЕ ВЫРАСТУТ
А ДЕСНЫ ВСЕ БОЛЬШЕ СЛАБЕЮТ!

— Я хожу к зубному врачу только для того, чтобы снять зубной камень. И каждый раз вспоминаю «Трактат о смерти».

— «Трактат о смерти»?

— В «Трактате о смерти», — пояснил я, — подробнейшим образом описывается человеческий организм, и, вспоминая у зубного врача эти описания, я заглушаю в себе чувство страха.

Тогда я, разумеется, не мог привести по памяти нужную цитату, а потом выписал из этой книги и зачитал ему такие строки: «Человеческий организм состоит из трехсот шестидесяти костей, и они служат ему, как остов дому. Кости поддерживаются сухожилиями; через все тело проходят четыре главные кровеносные жилы. Мышцы, которых насчитывается пятьсот, выполняют роль глины, заполняющей каркас; они связываются шестью толстыми кровеносными жилами, от которых ответвляются семьсот тонких, переплетающихся между собой, кроме того, еще шестнадцать толстых жил обволакивают их. Но означает ли это, что так тщательно и продуманно устроенный человеческий организм не подвержен тяжким недугам? Через семь дней после того, как новорожденный покинул чрево матери, рожденные организмом черви, обитающие в восьмидесяти тысячах пор, начинают пожирать все вокруг себя». Странно, что Гэнсин¹, человек чрезвычайно начитанный, в океане книг не выискал ни строчки о зубном камне.

— Вы цитировали «Трактат о смерти». Может быть, вы принадлежите к людям, которые сочли бы за благо существование загробного мира?

— Я постоянно размышляю о том, что будет после смерти. Мне это представляется как некое видение. Говоря о видении загробной жизни, я имею в виду не себя и даже не память, оставленную мной, а представление обо мне у оставшегося в живых сына. Но я знаю, что стоит мне умереть, как сын сразу же забудет обо мне. Если даже в его мозгу и будут всплывать какие-то обрывки воспоминаний, он все равно не сможет собрать их в единое целое и воссоздать для себя и других образ покойного отца. Следовательно, мое существование после смерти оборвется, исчез-

¹ Гэнсин (912—1017) — один из основоположников буддийской секты Дзёдо, автор «Трактата о смерти».

нет из его физической и духовной жизни. Я, еще живой, поразительно отчетливо представляю себе все это.

— Примерно то же самое чувствую и я. Мне временами кажется, что и мной овладевают такие же мысли о загробной жизни. Особенно после некоторых статей в газетах... Например, вы читали статью о жизни одного человека в горах на острове Миядзима?

— Читал, читал! — Мне сразу же вспомнилась та статья, тогда она произвела на меня ужасное впечатление.

Мы умолкли — что было говорить... Есть газетные статьи, которые обязательно прочитывают родители и их дети. Именно к такого рода статьям принадлежала и та, о которой заговорил отец Морн. В больнице Мацудзава в течение восемнадцати лет находился, работая садовником, одинокий глухонемой. В трехлетнем возрасте он перенес детский паралич; вместе с семьей он жил в пещере на острове Миядзима, а с двадцати семи лет, когда семья покинула остров, оставшись там, стал жить один, в лесу. Однажды начался лесной пожар, не исключено, что он возник не случайно, а от костра, на котором этот человек готовил себе еду; его поймали охотники и поместили в психиатрическую лечебницу. Восемнадцать лет он пробыл там, забытый всеми. Наконец родные нашли его, и вот через восемнадцать лет его направили в государственный отоларингологический центр и дали возможность встретиться с сестрой, живущей в Канагава.

Вернувшись после свидания в палату, он расплакался. А немного позже, отказавшись от ухода и забот, которыми был окружен в лечебнице, неожиданно исчез. Сестра рассказывала потом: «Я только и сказала ему: значит, ты уже не на Миядзима, где мы прожили столько лет». Его приметы: рост — сто пятьдесят девять сантиметров, вес — шестьдесят килограммов, в очках, хромает на левую ногу, одет в желтый джемпер и спортивные туфли. Возраст — сорок восемь лет, в нижней части живота — весьма странный шрам от раны, полученной в период жизни в лесу; она была даже описана в специальном медицинском журнале.

Странная рана в нижней части живота — вот и все, что узнали о нем окружающие в период его восемнадцатилетнего добровольного затворничества в лечебнице, когда он был забыт и покинут всеми. И вот через восемнадцать лет, после встречи с сестрой, человек, который все годы пребывания в психиатрической лечебнице находился

в состоянии душевного равновесия, неожиданно словно прозревает. И уходит — уходит, чтобы вернуться туда, где за ним *охотились*...

— Эта статья — предельно конкретное, я бы даже сказал — вещественное предвидение судьбы моего сына, — проговорил отец Мори после длительного молчания. В садовнике психиатрической лечебницы, пребывавшем в состоянии душевного покоя, я вдруг словно бы узнал своего собственного сына. Представьте себе, что произойдет эмоциональный взрыв и он прозреет, осознав свою истинную сущность, которую до сих пор никто не смог постичь. Разумеется, после моей смерти не найдется человека, включая и мою жену, который захочет увидеть моего сына в истинном свете. И мой сын вернется в прошлое, к тем дням, когда на него еще не началась охота, на свой остров Миядзима. Но я знаю, что никогда не наступит такого дня, когда мой сорокавосемилетний сын направится наконец в желанное место, куда повлечет его тоска. А таким желанным местом для него будет лишь то, где я окажусь после смерти. И он просто пропадет без вести. Но разве такой поступок нельзя назвать мужественным? Ведь вместо недостающей кости черепа у моего сына кусочек пластика — может быть, это и поможет ему решиться на самое рискованное предприятие. Но каждый раз, когда меня посещает подобное видение того, что произойдет после моей смерти, мне хочется, чтобы все было иначе.

Н а ш и д е т и, прикрыв голову руками, мелкими шажками подходят к нам. Разговор прерывается на полуслове. Ведь он был нужен нам лишь для того, чтобы убить время, пока мы ожидали детей.

3

Однако волнение, вызванное этим разговором, не могло исчезнуть бесследно. Но пока я, приняв в свои объятия теплое тельце сына и горя желанием защитить его трепещущее в темноте крохотное сердечко, возвращался с ним домой, волнение постепенно съежилось, как зимняя почка. Ночью же, во сне, эта почка распускалась вновь. В то время я часто видел сны, в которых моя жизнь рисовалась предельно реалистично и в каждой детали проглядывала безысходная печаль. После таких снов я просыпался с неприятным осадком, а жестокая действительность, с которой я должен был столкнуться, восстав от сна, — зубной

камень — во время моего горестного сна впивался в зубы еще сильнее, и стоило мне представить себе эту жестокую действительность, как меня охватывало глубокое уныние.

Эти сны, которые я видел после разговора с отцом Мори о человеке, вернувшемся на остров Миядзима, были какими-то смутными, и, проснувшись, я их почти не помнил. Но неприятное чувство, которое они оставляли, не исчезло до сих пор. Мужчина, которого я видел во сне, — мой сын, нет, я сам, — вернувшись на Миядзима, беспокойно ходит взад и вперед по причалу, не зная, как добраться до своей пещеры, и все время пытается спустить штаны и посмотреть на шрам в нижней части живота, будто это карта, по которой он может найти дорогу.

Беззастенчиво рассматривая меня с ног до головы — а я, проводив сына в школу, никак не мог освободиться от неприятного осадка, вызванного сном, — отец Мори со смехом спросил меня:

— С похмелья? Ха-ха.

— Нет, отвратительный сон видел, — беззлобно ответил я, однако рассказывать, что это был за сон, мне не хотелось. — Может быть, я достиг возраста, когда сон доставляет одни неприятности. В молодости, мне кажется, даже бессонница воспринимается иначе.

— Мне тоже сон доставляет немало мучений. Наверно, это у всех в нашем возрасте. Утрата внутреннего покоя во время сна — вот что неприятно. Стоит закрыть глаза, и тебе представляется, что ты муха, попавшая в сети паука, который сосет из тебя кровь. И по мере того, как твой дух стремится вырваться на свободу, тело постепенно покидают силы!.. Может, это знамение: что-то должно случиться?

Я вновь почувствовал, что у отца Мори и у меня есть много общего, но не могу сказать, чтобы это меня обрадовало.

— Знаете, бывает, что человек, еще совсем не старый, внешне здоровый, полный сил, скоростножно умирает во сне. Раньше мне казалось, что дело тут в предчувствии приближающейся смерти. Страх смерти не давал мне заснуть, пока я как следует не напивался на ночь. Мне тогда было уже за тридцать, ха-ха. Я без конца размышлял о смерти. Особенно по ночам. Вот почему я могу безошибочно определить, когда тот или иной человек думает о смерти. Встречу на улице школьника, совсем еще ребен-

ка, и сразу же замечаю — он думает о смерти. То же происходит, когда я читаю. Бергсон определил воображение как «защитную реакцию природы на осознание разума, что смерть неизбежна». Читая это, я представлял себе человека, который лежит среди ночи с открытыми глазами и видит во тьме красные полосы, ха-ха. Помните, Хидэо Кобаяси¹ начинает свое исследование о Бергсоне с рассказа об огромном светлячке, который в день смерти матери летал за ним по пятам. С тех пор, думая об этом человеке, я вижу преследующего его огромного светлячка. Я с детских лет преклонялся перед Хидэо Кобаяси потому, что он разбирался в атомной физике. И вдруг Хидэо Кобаяси прекратил свою работу над творчеством Бергсона и занялся Мотоори Норинага². Как вы помните, Кобаяси начинает свой рассказ с описания вишни, посаженной на скромной могиле Норинага. Когда я прочел это, мой сон превратился в навязчивую идею. Но разве мог я искать спасения у Хидэо Кобаяси? Если даже мы не гибнем тысячами в страшной войне, то все равно умираем — поодиночке. Так уж устроен мир, согласны? Но пока что смерть, не найдя решения, отошла на задний план. Возникли новые проблемы. Они начались с того, что сослуживец из нашей лаборатории дал мне желтые таблетки снотворного, сказав, что они лучше всякого алкоголя. Приняв их, я уснул, а когда на следующее утро проснулся, подушка от слез и слюны была мокрой, как половая тряпка, хоть выжимай; я лежал, уткнувшись в нее носом, и чуть не задохнулся, но поднялся в сладостном умиротворении. Меня охватило чувство безграничного и в то же время зыбкого счастья.

Я проснулся с головокружением, но во мне еще звучало высшее блаженство — наверно, поэтому сон не сохранился в памяти, но то, что я испытал после таблеток, было потрясающе. Я тщетно противился возвращению в мир из этого высшего блаженства, поэтому, наверно, и лил слезы. Впоследствии я думал об этом не сохранившемся в памяти сне как о какой-то новой проблеме, но, прочитав книгу латиноамериканского писателя Кастанеды, я увидел, что он пишет примерно о таком же испытании, выпавшем на его долю.

¹ Кобаяси, Хидэо (род. в 1920 г.) — японский критик и литературовед.

² Норинага, Мотоори (1730—1801) — выдающийся японский ученый-просветитель.

Кастанеда, узнав от индейцев народности яки, что цветы одного из видов мексиканского кактуса вызывают галлюцинации, с их помощью погружались в бездонные глубины бессознательного. Когда он находился во власти сна, вокруг него собирались индейцы и наблюдали за ним. После пробуждения начиналась рвота, болела голова, бешено колотилось сердце; еще не проснувшись окончательно, он приподнимался, шатаясь, и заползал в канаву с водой, вырытую у дома, и только после этого приходил наконец в себя — так отвратительно было для него возвращение из мира сна в реальный мир. Не исключено, я видел такие же сны, как и он, они-то и освобождали меня от страха смерти. Но все-таки во второй раз я за таблетками не пошел. И Кастанеда бежал от индейцев, и я тоже бежал от своего сослуживца, снабдившего меня таблетками, из страха, что если буду продолжать смотреть эти сны, то окажусь всецело в его власти.

Отец Мори, сжав свои не по возрасту сочные губы, пристально, точно оценивая, смотрел на меня. Он с самого начала понимал, что я страстно желаю заполучить хотя бы одну такую таблеточку, и теперь явно испытывал удовлетворение от того, что поверг меня в уныние такой концовкой своего длинного повествования — уж не знаю, говорил ли он правду или лгал. Но тут и сам он пришел в замешательство, увидев мое разочарование.

— Прочтите «Автобиографию» Юнга¹, и, я вас уверяю, проблема сна будет вами решена! — посоветовал он.

Я уже имел случай убедиться, что отец Мори сведущ в специальных областях и к мнению этого начитанного человека стоит прислушаться. Поэтому я, последовав его совету, прочел Юнга и испытал чудесное чувство освобождения. «Автобиография» Юнга позволила мне достичь примирения между сосуществующими во мне сознательным и бессознательным. Читая «Автобиографию», я добился по крайней мере того, что горестные сны перестали усугублять ужас реальной жизни. Мне удавалось, заснув, видеть грань между сном и реальностью. И когда я просыпался, в моем сознании не было смещения сна и реальной жизни. Разумеется, осадок все равно оставался, но, спустив ноги на пол, я уже ощущал себя в реальности.

Помимо всего прочего, особую радость доставила мне мысль одного йога о «дородовой коллективности бессоз-

¹ Юнг, Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог и философ-идеалист.

нательного», а с йогом этим Юнг встретился во сне. Бессознательность «потустороннего» носит коллективный характер. Отсюда осознанность «посюстороннего» как чего-то лишнего коллективности. Еще один сон Юнга — летающая тарелка, снабженная линзой волшебного фонаря, а ведь «мы постоянно думали, что летающие тарелки есть наша проекция. Однако сейчас мы превратились в их проекцию. Волшебным фонарем я проецируюсь как К. Г. Юнг. Но кто управляет этими аппаратами?»

Я сам даже и не собирался решать вопрос: *В чьих руках этот аппарат?* Мне было радостно и без этого. Юнг решительно заявляет: «Смысл моего существования заключается в том, что жизнь поставила передо мной вопрос. Или же это я сам как раз и есть вопрос, обращенный к миру. И я должен дать на него ответ».

Испытывая глубокую радость, я вместе с тем грезил вот о чем. НЛО направляют на Землю лучи, и на ней просцируемся мы: я и мой сын. Я мысленно — согласно системе, усвоенной из школьного курса физики, — провожу пунктирную линию вверх от моего отражения к источнику света, потом от отражения моего сына, и оказывается, что источник света один и тот же. Итак, я грезил о «дородовой коллективности бессознательного», которая обволакивала меня и сына.

С душевным трепетом я поверил в это. Просто не мог не поверить. Хотя лучи шли от одного источника света, все равно — факт оставался фактом — на Земле были две самостоятельные проекции. И я осознал, что меня и сына смерть настигнет не вместе, а каждого в отдельности.

Примерно через неделю после того, как я, разбуженный Юнгом, испытал это совершенно новое чувство, отец Мори не пришел за своим сыном, что случалось крайне редко. Вместо него появилась похожая на индианку мать Мори, с тонкими ногами, выглядывавшими из-под черной юбки. Взгляд ее был задумчиво устремлен вниз. Мы с ней всего лишь однажды перекинулись несколькими словами. И то, что она сказала, поразило меня:

— Вы, наверно, знакомы с телевизионной дивой Ооно? Она очень дурная женщина, мой муж вступил с ней в связь! Если вы встретите ее, то передайте, чтобы она оставила его в покое! — выпалила она, и ее глаза — два карих пятна на огромных белках — неподвижно уставились на меня.

— Я только слышал имя — Ооно Сакурао, — ответил

я уклончиво, и мать Мори, не дожидаясь, что я скажу дальше, повернулась ко мне спиной и быстро направилась к кучке родителей в углу двора, ждавших наших детей.

Мать Мори, с черными как смоль прямыми волосами, скрученными на затылке узлом, на первый взгляд своим несколько старомодным видом напоминала поколение наших матерей, но ее смуглое лицо с пористой кожей, когда она, чуть наклонив голову, смотрела немигающими глазами в сторону, казалось удивительно современным, гораздо более современным, чем лица остальных женщин, стоявших на площадке.

Было, правда, совершенно ясно, что ее маленькая фигурка несет на себе печать человека, пережившего несчастье, общее для матерей наших детей. Мать Мори беспрерывно дрожала, точно маленькая птичка, и отвергла любую попытку заговорить с ней.

4

— Ну, как Юнг? — спросил появившийся утром отец Мори, глядя на меня со своим обычным вызывающим бесстыдством и стараясь уловить мою реакцию. — Интересно? То, что вам нужно?

— Конечно, интересно. Меня очень заинтересовали сны самого Юнга, меня они потрясли, но скорее эмоционально. Сны об НЛО.

— Пресловутый волшебный фонарь, — сказал отец Мори с чувством, изобразив на своем лице подобие улыбки. Взгляд его, казалось, был устремлен в себя.

— Разве вы посещали лекции по психологии и философии? Вы же окончили физический факультет.

— Я бывший физик-атомщик. Служил на атомной электростанции — стоит ли подробно распространяться о том, что это за работа? Ваше прошлое мне хорошо известно; однажды я вам, как писателю, даже письмо послал. Хотя ответа и не получил. Правда, я отправил вам ругательное письмо, и поэтому отсутствие ответа меня не удивило. Но, с другой стороны, наш протест мы буквально сунули вам под нос и вы не могли не обратить на него внимания.

— О! Вот оно что! Припоминаю. Действительно, я как-то получил письмо от служащих атомной электростанции. Я и в самом деле на него не ответил. Это было года три-

четыре назад, да? Но я думаю, что содержание письма не требовало ответа. Честно говоря, я помню его очень смутно...

— Я не собираюсь снова ругать вас. Вы получаете, наверно, много подобных посланий?

— Получаю. Ругательные письма бывают в основном двух видов — на которые просто ответить и на которые, как на ваше письмо, ответить невозможно, на них я и не отвечаю. Но порой я получаю такие письма, которые просто повергают меня в отчаяние.

— Что же это за письма?

— Мне этот разговор ужасно неприятен, — ответил я.

Дело в том, что меня уже больше шести лет преследует один юноша, которого я в глаза не видел. Время от времени я слышу, как он, пьяная от ненависти, задыхаясь, шипит в телефонную трубку:

— Убью! Я — Дохлая обезьяна! Почему я один должен мучиться еще столько лет? Я убью тебя!

Однажды после того, как он весь день изводил меня телефонными звонками — звонил раз двенадцать, и я неизменно молча клал трубку, — он позвонил в тринадцатый и пропищал тоненьким голоском:

— Слушай, ты, чеши в психиатричку.

Но самым главным оружием Дохлой обезьяны были письма, он меня прямо-таки терроризировал ими. В письмах, нацарапанных твердым карандашом на небрежно вырванных листках из блокнота — их невозможно было прочесть, не поднеся к свету, — содержались такие слова: «Я хочу, чтобы ты знал — у тебя и твоей жены дурная кровь, вот вы и родили идиота. Мне нет, наверно, необходимости уничтожать вас своими собственными руками. Ведь если сказанное мной проникнет в ваши души, у вас будет лишь один выход — всей семьей покончить с собой». Такие письма приходили регулярно несколько раз в неделю.

Дохлая обезьяна с гордостью писал, что его отец «принадлежит к элите — служит в крупнейшей в Японии сталелитейной компании» — и он, «младший ребенок из хорошей семьи», еженедельно подвергается тщательному осмотру психиатра. Знаете, моя мать, чтобы исцелиться от болезни, уже много лет переписывает сутры и, стремясь помочь моей жене, заболевшей неврозом от писем Дохлой обезьяны, преодолеть недомогание, стала ежемесячно посылать ей специальный журнал-пособие. Однако никто не рассматривал упорные враждебные действия

Дохлой обезьяны как антисоциальные, правда за исключением меня и моей жены.

Дохлой обезьяной он сам назвал себя по телефону и, видимо, гордился этим и даже в одном из писем рассказывал, почему он назвал себя именно так. **Дохлая обезьяна** была галлюцинацией наркомана из «Человека с золотыми руками» Нелсона Олгрена¹ — когда его лишали наркотиков, ему казалось, что сзади в его шею вцепилась дохлая обезьяна. Отправитель писем заявлял, что он как раз и есть та самая **Дохлая обезьяна**, которая сзади намертво вцепилась в мою шею.

«Сообщаю тебе, что освободиться от моих объятий ты сможешь, лишь убив меня или передав в руки полиции. И я буду твоей **Дохлой обезьяной** до того дня, пока сам не решусь убить себя. Вцепиться в человека и мучить его до тех пор, пока он не погибнет, совсем не трудно для того, кто достаточно уверен в себе. Тем более если вдуматься в трансцендентную природу действий **Дохлой обезьяны**. Знай, до тебя я заставил дрожать от страха одну девушку. Потом я вцепился в тебя, и теперь ты в руках **Дохлой обезьяны**, у которой за плечами уже немалый опыт».

Сообщить в полицию? Но там и так знали, что этот юноша действительно посылал студентке одного университета, с которой состоял в кружке, именуемом «Исследовательское общество туризма», любовные письма, вкладывая в каждый конверт лезвие безопасной бритвы, но, поскольку он объяснил, что у него не было намерения причинить зло, дело оставили без последствий. К тому же, что бы ни сделал «ребенок из хорошей семьи», по собственной воле посещающий психиатра, полиция будет к нему снисходительна.

Однако почему **Дохлая обезьяна**, не углядев смысла в том, чтобы цепляться за тонкую шейку бедной девушки, решил вцепиться в мою шею? Ежегодно я прочитывал до восьмидесяти его писем, но так этого и не понял. Он требовал, чтобы «во искупление» я с его помощью посмотрел в глаза реальности. То, что мой сын неполноценный, он узнал либо из вывешенного в муниципалитете списка детей, определенных в специальные классы, либо из информационного листка попечительского совета. Интуиция подсказала **Дохлой обезьяне**, что писатель, являющийся отцом такого ребенка, — самый подходящий объект, чтобы

¹ Олгрен, Нелсон — современный американский писатель.

всплывет ему в шею. Как это ни печально, следует признать, что он обладал незаурядной интуицией. Действительно, все эти годы страдала не только **Дохлая обезьяна**.

— Неужели юноша видел смысл жизни лишь в том, чтобы мучить вас? Вряд ли. Может быть, мотивом, побудившим его писать свои странные письма, была страстная мечта, которую он хотел с вашей помощью воплотить в реальность, и он пришел в негодование, когда вы отказались ему помочь? Взять хотя бы случай со студенткой, которую он заставил дрожать от страха,— разве исключено, что он просто-напросто влюбился в эту бедную девушку?

— Он говорил, что хочет стать критиком. Семья его тоже этого хотела. После множества писем, в которых он всячески поносил нас с женой, вдруг приходит разорванный на клочки черновик с просьбой помочь ему войти в литературный мир.

— Вы его слишком ненавидите, и поэтому, скорее всего подсознательно, рассказывая о нем, изо всех сил стараетесь скрыть, что он хотел стать писателем. А ведь, если рассматривать происшедшее с этой точки зрения, у вас с ним много общего.

— Вы хотите сказать, что **Дохлая обезьяна** и я проецируемся из одного источника НЛО?

— Там в этом убеждены,— наслаждаясь моим гневом, прокомментировал отец Морн.— Этот юноша мечтал, в один прекрасный день совершив некое превращение, отнять у вас вашу литературную работу, и тогда уже вам пришлось бы посылать ему полные ненависти письма. Более того, он хотел бы лишить вас не только работы, но и той жизни, которую вы ведете в своей семье. Вот почему он постоянно говорит вам гадости про вашего ребенка, про вашу жену, что казалось бы, не имеет никакого отношения к его литературным амбициям. Скорее всего, вы не освободитесь от **Дохлой обезьяны**, пока не поменяетесь с ним местами, ха-ха. Поэтому бессмысленно из года в год проклиная его. Не будь **Дохлой обезьяны**, вы, наверно, подыскали бы себе кого-нибудь другого и день и ночь пылали бы ненавистью. Возможно, эта **Дохлая обезьяна** и есть спроецированный волшебным фонарем облик ненависти, скопившейся у вас внутри, ха-ха. Заявление протеста, которое я писал вам, возникло из необходимости спроецировать скопившуюся во мне ненависть, и совершенно случайно объектом были выбраны вы. Прав-

да, мне и в голову не приходило, что вы выбросите мое письмо.

— Разумеется, я его не выбросил. Просто убрал подалеже, в книжный шкаф, к тем письмам, на которые нет желания отвечать.

— Вот, значит, почему я не перешел к угрозам, несмотря на то что вы мне не ответили. Ведь если бы я хотел угрожать врагу, то хоть я и не Дохлая обезьяна, но тоже могу привести в трепет десятки миллионов людей, ха-ха. Потому что я человек, который теоретически способен изготовить небольшую атомную бомбу, ха-ха.

Изготовить атомную бомбу, пусть и небольшую! Это уже выходило за рамки разговора, который могли бы вести средних лет мужчины, дожидавшиеся наших детей на школьной спортивной площадке под пасмурным майским небом. Я подумал, что такое, скорее, могла бы сказать всегда погруженная в свои мысли и казавшаяся от этого нервнобольной жена отца Мори. Неужели кто-то мог подумать, что этот похожий на музыканта-авангардиста ученый-атомщик способен привести в трепет даже собственную жену?

Не имея на то никаких оснований, я вдруг осознал, что, скорее, сам отец Мори постоянно находится в зловещей тени, отбрасываемой этой похожей на индианку маленькой женщиной, словно сжавшейся от напряжения — не только духовного, но и физического. Разве он, человек солидный, стал бы угрожать небольшой атомной бомбой, если бы не это давление, которое он непрерывно испытывал? Я вспоминаю, что как раз в тот день отец Мори — неважно, в каком смысле, — впервые употребил слово *превращение*.

5

Помню и еще один день, когда как-то под вечер меня навестили отец Мори с сыном. Отец Мори сначала несколько раз прошел туда и обратно вдоль покрытой нежной молодой листвой и потому просматривавшейся насквозь живой изгороди, пытаясь определить, что делается в доме. Мужчина небольшого роста в надетой на самые глаза шляпе, по форме напоминающей китайскую, каждый раз меняя направление, замирал перед домом, потом снова шел дальше. Чуть отодвинув штору и наблюдая за ним, я размышлял о причине странных движений мужчины и вдруг понял, что это отец Мори, ведущий

за руку самого Мори. Если п а ш и х д е т е й, начавших двигаться в определенном направлении, заставляют изменить его без должного объяснения словами и жестами, они, следуя телесной и духовной инерции, сопротивляются этому. И, неосторожно потянув ребенка за руку в другую сторону, можно вывихнуть ему запястье. Инерция бытия п а ш и х д е т е й, растолстевших от малоподвижной жизни и неумеренного питания.— сила колоссальная. Я не стал дожидаться, пока отец Мори решится ступить на вымощенную кирпичом дорожку, ведущую в дом, и вышел встретить их. При этом я будто бы в поисках опоры взял за руку сына, подняв его с любимого места — за холодильником, у теплой задней стенки.

Стоявший у низкой деревянной калитки отец Мори, увидев, что из дому вышел я с сыном, растерялся, но его первые слова, так же как и вызывающая улыбка, слегка тронувшая глаза и рот, были подчинены стремлению скрыть свое смущение.

— У вас такой вид, будто вы приняли меня за Дохлую обезьяну.

— Я ничуть не напуган, скорее испытываю к Дохлой обезьяне отвращение.

— Я уже говорил однажды, что это, возможно, не более чем одно из проявлений вашего отвращения к действительности. Разумеется, наше неожиданное вторжение тоже вполне могло вызвать ваше отвращение, ха-ха.

Я открыл калитку и стал наблюдать спектакль, как мой сын и Мори обнаруживают друг друга. Они не разговаривали между собой, не рассматривали один другого. Лишь исподволь раздували жар взаимного интереса, тлевший в их груди, подобно подернутым пеплом углям, и жар все усиливался, и наконец кончиками пальцев они потрогали карманчики джемперов друг друга — тогда их бесстрастные, похожие лица осветились приветливой улыбкой.

— Скажи «здравствуй»,— сказал я сыну.

— Здра-а-авствуй.

— Скажи «здравствуй»,— сказал и отец Мори своему сыну.

— Здра-а-авствуй.

— Прошу вас,— пригласил я в дом отца Мори после того, как мы заставили п а ш и х д е т е й поздороваться.

— Нет-нет, давайте поговорим здесь. Вы уже нашли и перечитали то письмо?

— То? Нет, я еще не рылся в письмах. Но саму пачку достал. Стоит посмотреть на эту огромную пачку протестов и ругательных писем — от одного их количества тошно становится.

— Вы правы — вы ведь человек, который в течение многих лет публикует написанное... И тем не менее я надеюсь, что за сегодняшний и завтрашний день вы отыщите и прочтете написанное мной письмо, хотя, как мне кажется, прочитав его заново, опять рассердитесь. Никуда не денешься, я писал это письмо, питая к вам неприязнь, ха-ха.

Отец Мори пришел, чтобы предложить план примирения после этого письма, но, чувствуя, что он может оказаться для меня унижительным, боялся, как бы я не обиделся. Но в конце концов отбросил колебания и заговорил, будто о чем-то постороннем:

— Помните, моя жена обращалась к вам по поводу Ооно. Она считает, что все, кто имеет отношение к средствам массовой информации, связаны в единую семью... И вот я подумал, что, если, рассердившись на мое письмо, вы возьмете и напишете статью и кое на что намекнете мне в отместку, Ооно может оказаться в неловком положении. Даже если в беседах с издателями вы только упомянете мое имя рядом с Ооно — одно это уже может повредить ей. Я фигура малозаметная, так что мне безразлично, а Ооно — личность известная. Хотя, с другой стороны, я человек, пострадавший во время аварии на атомной электростанции, что привело меня к группе Ооно, а это стало началом нашей близости, так что и мое имя тоже может попасть на страницы какого-нибудь реакционного еженедельника.

— О сплетнях я не пишу. И разговоров такого рода с издателями не веду.

— Но вы, наверно, специально сказали моей жене неправду, утверждая, что ничего не знаете об Ооно? Вы сразу же заподозрили подвох в ее вопросе, я в этом уверен.

— С Ооно-сан я, разумеется, знаком. Но нужно ли было говорить об этом вашей жене? Между тем, как вы знакомы с Ооно-сан, и тем, как знаком с ней я, существует принципиальная разница, согласны?.. Может быть, лучше зайдем в дом — там и поговорим?

Мы с отцом Мори устроились друг против друга в моем кабинете, а расположившиеся на полу наши дети хотя и не переговаривались между собой, но занялись одной и той же работой — рисованием. Жена принесла детям

бумагу, карандаши и сладости, а нам — чай и тут же удалась, поскольку отец Мори ее полностью игнорировал.

— Я узнал от жены, что вы сказали ей, будто не знакомы с Ооно; наверно, о ней не стоит говорить и вашей жене тоже?

Ооно Сакурао, находясь на студенческой стажировке в Испании, потратила это самое лучшее в жизни время впустую, хотя и она сама, и многочисленные ее приверженцы считали иначе. Во всяком случае, не совершив еще ничего особенного, она получила широкую известность среди журналистов как активная общественная деятельница. Целью ее жизни было снять кинофильм. Она училась у Лунса Бунюеля, но по замыслу ее фильм должен был превосходить все созданное им. Однако, еще не приступив к работе над фильмом, она была захвачена организацией различных народных движений. Но и это тоже, как она считала, входило в подготовку к созданию фильма, к которому вот-вот должна была приступить, — она окружила себя молодежью, готовила ее духовно, эмоционально, физически. Смысл жизни она видела не только в организации различных движений, но и в том, например, чтобы пригласить в Японию поэта, эмигрировавшего в Мексику после войны в Испании, и организовать ему лекционную поездку по стране. Впрочем, на телевидении она получила известность вовсе не благодаря созданию чрезвычайно актуального фильма, рассказывающего о движении за эмансипацию женщин, а благодаря совсем другой работе. И хотя у нее прахом пошло лучшее в жизни время, держала она себя с достоинством, правда иногда несколько комичным, и на митингах, на экране телевизора представляла блестящей кинозвездой. Телевизионная дискуссия, в которой я увидел Ооно Сакурао, была посвящена годовщине драматического возвращения на родину солдата — об этом знают все, — который в рядах японской армии воевал в странах Южных морей, а потом даже после капитуляции, не зная, что война окончилась, не сложил оружия и в одиночестве двадцать пять лет продолжал воевать психологически. Дискуссия началась после того, как на экране прошли кадры: яма, в которой жил солдат, сцены восторженных встреч по всей стране, — и Ооно сразу же сморщилась, сказав, что ей нехорошо. Рассказывая о солдате испанцу, ведущему настоящую борьбу в изгнании, значительно более долгом, чем то, которое пережил солдат, пропустивший окончание войны, она побледила —

ей снова стало нехорошо,— я это видел собственными глазами.

— Я действительно считаю Оно женщиной незаурядной. Наблюдая за ней, я убедился, что она обладает особыми данными, необходимыми для телевидения, для митингов.

— Только наблюдали? А ноги вы разве ей не мыли?

— Но это...

— Ну конечно, вы ей всего-навсего вымыли ноги,— сказал отец Морн, наслаждаясь моим замешательством.

Это произошло в вечер приема по случаю завершения лекционного турне того самого испанского поэта; те, кто участвовал в организации лекций, после окончания официальной части приема устроили скромную встречу, чтобы отблагодарить молодежь, взявшую на себя всю тяжесть организационной работы. Во время приема захлопотал гром и пошел проливной дождь. Был разгар лета, и от сорокаградусной жары и стопроцентной влажности страдали кожа, сосуды, слизистая оболочка — начиная с полости рта и кончая легкими,— даже человеческие эмоции, казалось, умерли, но теперь дождь возрождал их к жизни. От станции метро до места, где должна была состояться вторая встреча, мы шли улицей, по которой неслись потоки воды, и женщины забрызгали ноги. Совершенно случайно вышло так, что в крохотном туалете я вымыл ноги будущей киносценаристке, с трудом протиснувшей в него свое крупное тело. Мы пошли туда вместе, потому что оба были пьяны.

— А вообще, откуда мне знать, что вы ограничились только этим? Совершенно случайно я впервые переспал с Оно как раз после той попойки. Во время встречи я внимательно изучал вас, а вы, наверно, даже и не помните, что я там тоже был. Здорово же вы можете набраться, да и я хоть не такой мастер по части выпивки, но все же...

— Нет, вы-то, по-моему, как раз из тех людей, которые, оставаясь трезвыми, наблюдают за такими пьяными, как я, например. Вернувшись после той встречи домой в стельку пьяным, я ничего не помнил, за исключением того, что мыл ноги какой-то крупной женщине, а вы даже спали с ней, так что объективно я прав.

— Я тоже был пьян. И поскольку впервые стал близок с ней напившись, естественно, никакого удовольствия мы не получили, в дальнейшем связь с Оно всегда имела неприятный привкус. Я уже говорил, что, став жертвой об-

лучения в результате несчастного случая на атомной электростанции, я повел борьбу с государством, Оно же — организатор группы, которая поддержала меня. Наши любовные отношения базировались на нездоровой психологической основе. Я и с самого начала не отдавался целиком борьбе, а потом, влюбившись в Оно, и вовсе стал ходить на собрания и митинги только для того, чтобы увидеться с ней. Но я оправдывал себя тем, что влюбился не в какую-то заурядную женщину, а был покорен сильным характером Оно.

— Действительно, это женщина с характером.

— Да. Именно в ее характер я и влюбился, а спать с ней стал уже, так сказать, в развитие этого, но добились мы лишь того, что больно ранили друг друга — в этом и состояла наша близость. И причиной была наша первая встреча. Близость с этой женщиной впервые заставила меня испытать страх, что я становлюсь импотентом.

Н а ш и д е т и, полностью вычеркнув из своего сознания существование друг друга, но при этом стараясь согласовать даже свои движения, играли, как бы слившись в единое целое. И рисовали на обрывках бумаги картинки, состоявшие из множества точек. Ни отцу Мори, ни мне, хотя рядом сидели н а ш и д е т и, не было нужды стесняться столь рискованных тем.

Отец Мори во время той второй встречи опасался, что Оно Сакурао даст себе волю и напьется до бесчувствия.

В ту ночь почему-то не было ни одного из молодых ребят, именовавшихся личной гвардией Оно, которые составляли ее постоянное окружение. Наверное, сама Оно послала их проводить испанского поэта. Весть о том, что Оно, которая напилась в ознаменование окончания длительной работы по организации лекционного турне, висевшего на ней огромной тяжестью, заставила одного писателя мыть ей в туалете ноги, распространилась с быстротой молнии. Под утро, когда встреча окончилась, отец Мори взял такси, чтобы отвезти Оно. Однако, как только такси тронулось, Оно стало нехорошо, и ему пришлось заехать в находившийся неподалеку мотель. До этого дня отец Мори встречался с Оно довольно часто, но им еще ни разу не приходилось ночевать в одном номере. Увидев, что к будущей киносценаристке, которую стошнило в ванной, вернулась бодрость, отец Мори понял, что теперь пора перейти к более решительным действиям. Во всяком случае, именно так, несколько упрощая, утверждал он.

Я по собственному опыту знаю, что сила, побудившая отца Мори сделать все эти красноречивые признания, родилась благодаря моей профессии. Если ты писатель, то тебе часто приходится встречаться с людьми, которые приходят к тебе, чтобы рассказать о пережитом, о мечтах, о жажде событий в своей жизни. Превратив меня в слушателя, они надеются, что я сумею проникнуть в самое существо их жизни, хотя рассказ их — они это сознают — далек от совершенства. Ведь их слушатель — писатель.

В том же роде был и рассказ отца Мори. У него было свойственное учившимся на физическом факультете несколько высокомерное отношение к литературному факультету (наше детство пришлось на годы преклонения перед наукой и техникой: началом послужила трагедия атомной бомбардировки, а завершением — присуждение Нобелевской премии профессору Юкава¹ и в то же время переоценка силы воображения, силы слова.

— Я бы хотел использовать вас как экран волшебного фонаря, источником света которого служит мое подсознание; на экране отражусь я, неведомый сам себе. На вашем экране я соединю в одно целое то, что ощущается мной пока лишь как обрывочные предчувствия и грезы, а я хочу увидеть всю картину целиком. Разве сила воображения писателя, умение использовать возможности слова не помогают мне в этом?

Тут мы заметили, что наши дети, не говоря ни слова, неуверенно задрали вверх головы и на их лицах застыл вопрос. Мы повели их в уборную, и наши дети, став по обеим сторонам унитаза, помочились, налив при этом на пол.

— Менять ночью простынку и водить сына в уборную всегда было моей обязанностью. И каждый раз меня поражает его восставшая плоть.

— Меня тоже. Но, когда я потом размышляю, в чем тут дело, мне представляется, что это служит двум целям. Первая цель такова: мой сын родился с дыркой в черепе, как мне кажется, чтобы ею для воздействия на человечество мог воспользоваться космический посредник, и ночью, когда мы, обнаженные, предаемся мыслям о смерти, мой сын употребляет восставшую плоть как антенну. Эта информация накапливается в нервных клетках сына в виде шифра, напоминающего наследственный код. В один пре-

¹ Юкава, Хидэки (род. в 1907 г.) — японский физик.

красный день шифр разгадают, и он превратится в информацию. В ночной тьме, объявшей Токио, в телеобъектив посредника из космоса попадет крохотная светлая точка — антенна.

Вот что происходит, пока мы меняем мокрые простынки, выбираем клеенку и стелем новую простынку. Ха-ха!

— А другая цель?

— Другая?.. Как показал случай с Ооно, я постепенно превращаюсь в импотента, и восставшая плоть сына — это как бы компенсация...

В тот день еще один мой посетитель, сам Мори, все время молчавший, перед уходом неожиданно поднял крик. Когда я сказал отцу Мори, беспокоившемуся по поводу обмоченного пола в туалете, ничего, мол, страшного не произошло, Мори, голая попка которого была покрыта гусиной кожей, стал вдруг каким-то механическим голосом выговаривать себе: *Нельзя этого делать, так мочиться на пол нельзя!*

6

Моя жена встретила отца Мори неприветливо — у нее не было причин питать к нему симпатию, поскольку мать Мори в тот день, когда приводила своего сына в школу, ей тоже пожаловалась, что Ооно и отец Мори продолжают свою отвратительную связь. Правда, это не вызвало сочувствия к ней ни моей жены, ни остальных матерей. Мать Мори, когда собеседница, оглушенная потоком ее слов, пыталась вставить хоть словечко, грубо перебивала ее и снова заводила речь о том, что муж и Ооно строят против нее злые козни, но, когда собеседница, стерпевшая и это, все-таки начинала что-то говорить, мать Мори, опустив голову и дрожа всем телом, отворачивалась и не обращала больше на нее никакого внимания.

— Глаза вылупит, как птица, и уставится на кончик своего носика, а вокруг рта торчат волоски, словно пыль какая-то! — передавала мне жена слова одной из матерей, вдовы, служившей в ночном кабаре.

Кожа на лице у матери Мори была смуглой и казалась закопченной, а вокруг рта густо росли волоски, и капельки слюны, попадавшие на них, когда она разговаривала, напоминала белую пыль. Для матерей и а ш и х д е т с я, которым всегда хотелось поговорить о своем тяжелом положении, откровения матери Мори не были чем-то из

ряды вон выходящим, поэтому с такой злобой корить ее не было оснований.

Но вот однажды моя жена, присутствовавшая вместе с сыном на практических занятиях, где дети учились делать покупки, вернулась домой на час позже обычного и, возбужденная, горячо заговорила об отце Мори. Даже сын, раскрасневшись, повторил несколько раз, упогребив, разумеется, выражения жены:

— Выдающийся человек, ученый, специалист! Выдающийся человек, ученый, специалист!

Наши дети под руководством преподавателя и преподавательницы в сопровождении следовавших за ними метрах в пяти отцов и матерей отправились на практические занятия «как делать покупки». Дети, которые могут по-настоящему платить деньги и делать покупки, должны войти в магазин и купить что-либо, а те, кто на это не способен, пусть попытаются хотя бы войти в магазин без сопровождения родителей. Это был супермаркет с автоматическими дверьми. Ими-то и защемило руку мальчику из самого младшего класса. Не столько от боли, сколько из страха, что оказался в ловушке, он поднял невообразимый крик. Слишком медлительный и неповоротливый учитель и всегда несумеренно суетливая учительница оказались бессильны что-либо сделать. Служащий супермаркета — тоже. Тогда отец Мори, стоявший в стороне от сбившихся в кучку родителей и, казалось, безучастно смотревший куда-то в сторону, начал действовать и освободил ребенка.

Когда работа была закончена, около двери валялись инструменты, деревянные бруски для столярных работ, одеяло; все это отец Мори заставил принести из супермаркета, но было такое впечатление, что, работая, он вытаскивал нужный ему инструмент из своих собственных карманов. Когда автоматические двери были вынуты из пазов, ток отключен и ребенок благополучно высвобожден из зажавших его дверей, вся грудь у него была залита кровью. Однако это была не его кровь, а кровь, лившаяся из раны отца Мори. Он поранился, когда, начав работу, всунул руку между створками, чтобы не поранился ребенок.

На следующий день созвали специальное собрание, чтобы рассказать о случившемся родителям, не присутствовавшим при происшествии, и одновременно выразить благодарность отцу Мори. Жена всячески уговаривала

меня пойти. Но я не пошел, представляя себе, какой шум поднимет там отец Мори в присутствии директора школы, и старших преподавателей. Как я и предполагал, отец Мори ругался со школьной администрацией и родителями одновременно, но ругань его ни к чему не привела — об этом рассказала жена, позвонив во второй половине дня по телефону, установленному в специальном классе, где учились наши дети. «Из-за того, что обстановка чрезвычайно напряженная и от голода ребенок проявляет беспокойство, хорошо, если бы ты пришел за сыном, потому что я собираюсь дослушать спор до конца». Жена была на редкость сдержанна и в то же время взволнованна.

Когда я пришел в школу, немногие оставшиеся еще там отцы и матери, прижав к себе детей, толпились в дальнем конце класса, они напоминали группу беженцев. Не только сами дети, но и отцы и матери тоже выглядели измученными от голода и бесконечных споров. Отец Мори один стоял у доски и что-то говорил. Директор школы и старшие преподаватели, в общем администрация школы, в неестественных позах расположились на деревянных скамьях, предназначенных для детей. Представьте себе, что вдруг в разгар сражения, итог которого неясен — победа или поражение? — появляется человек, и неизвестно, кто он — враг или друг, — таким взглядом встретил меня директор школы. В классе было холодно, но он сидел багровый, от него чуть ли не пар валил. Именно он, видимо, и был объектом нападков отца Мори. У всегда уверенной в себе преподавательницы покраснели скулы, и она укоризненно смотрела на отца Мори; другой преподаватель, ответственный за случившееся, сидел, скорчившись на слишком низкой для него школьной скамье, всем своим видом он старался показать, что готов пасть ниц перед отцом Мори.

— ...Н а ш и д е т и занимают центральное место в школьном коллективе! Но они не господствуют над д е т ь м и, не я в л я ю щ и м и с я н а ш и м и д е т ь м и, как только что превратно истолковал положение директор школы. Они лишь занимают центральное место! Если бы это было не так, школьной администрации вряд ли имело бы смысл принимать в школу н а ш и х д е т е й и создавать из них специальный класс. Какой же урок извлекали н а ш и д е т и, узнав, что автоматические двери супермаркета таят опасность? Им стало ясно — если автоматическая дверь прижмет им руку, то ни служащие супер-

маркета, ни преподаватели не придут им на помощь, — разве это мыслимо? Через час после того, что произошло, в памяти наших детей не останется ничего, кроме удушающего страха. Действительно ли наши дети смогут начать самостоятельную жизнь, получив в этом классе необходимые для жизни знания? Как мне представляется, педагоги должны объяснить детям, начинающим после окончания школы самостоятельную жизнь: вот каков реальный мир, в котором вы живете; сказать им: обратите внимание именно на это! Но возможно ли такое обучение? В состоянии ли педагоги сделать это для наших детей? Не кажется ли вам, что наших детей здесь учат примитивно, занимаются лишь физическим воспитанием, чтобы в будущем они, как беспомощные идиоты, покорно прозябали в той жизни, которая им уготована? В обществе будущего, когда система обучения станет целенаправленной, наши дети смогут научиться и вещам более сложным, к примеру, ха-ха, как совершить самоубийство. Если по-настоящему заботиться о наших детях, то для того, чтобы нейтрализовать силы, которые в обществе будущего станут осуществлять селекцию, необходимо научить их с оружием в руках защищать себя! Но сегодняшний мир все глубже утопает в мерзости, и количество детей, подобных нашим детям, неизбежно будет стремительно расти, и в результате наши дети, которые будут повсюду попадаться на глаза, станут объектом народной ненависти, как символ загнивания общества будущего. Станут объектом ненависти, как малые народы и дискриминируемые классы, вынужденные пребывать в постоянном страхе! Но угнетаемые народы и классы в конце концов восстанут, а наши дети... учит ли их школа средствам самообороны?

— Это противоречит самой сути школьного образования. По-вашему, учащиеся этого специального класса после окончания школы должны поселиться в собственном автономном районе и вооружиться чуть ли не атомной бомбой — что за странные идеи? Ведь это же идет вразрез с принципами школьного образования. Я директор школы, в течение многих лет занимаю этот пост и считаю, что *образование — это обучение гармонии природы и общества и в духовном, и в физическом плане.*

— Хорошо, в таком случае я не стану требовать, чтобы наших детей учили средствам самозащиты. В конечном счете этим должны заниматься родители

наших детей, у себя дома, втайне от посторонних. Мне бы не хотелось, чтобы в тот момент, когда детей будут обучать владению винтовкой, по тайному доносу в класс ворвалась моторизованная полиция и дети после недолгого сопротивления были схвачены, а вместе с ними были схвачены и преподаватели! Ведь обучающиеся в обычных классах дети, не являющиеся нашими детьми, мастера тайных доносов, ха-ха! Так что, подводя итог, я повторяю прежний тезис. Наши дети занимают центральное место в школьном коллективе!

— Как осуществить это на практике? — спросила моя жена с серьезно-задумчивым видом.

Отец Мори, на мгновение смешавшись, замолчал и, неприязненно посмотрев на мою жену, розовым языком облизнул губы и поморщился, будто почувствовал вкус соли. Своими манерами он чем-то напоминал мать Мори. Родители наших детей часто похожи друг на друга. Например, во время близости с женой мне иногда чудится, что я вступил в кровосмесительную связь.

— С помощью музыки! У всех наших детей прекрасный слух. И всех их нужно сделать музыкантами. Обучение должно быть организовано так, чтобы основной упор делался на музыку! Вот я захватил с собой записки одного индийского музыканта. Прочитав их, можно легко понять, для какой роли в обществе и для выполнения каких социальных функций должна готовить школа наших детей! (Сказав это, отец Мори продемонстрировал, что это не случайно пришедшая ему в голову мысль, а плод длительных раздумий; он вынул из кармана рекламный пояс с пластинки и, все еще пылая от возбуждения, сначала чуть ли не прокричал несколько строк по-английски, а потом прочел их перевод.) «I am always afraid when I play, I pray I can do justice to my guru, to my musik...» («Играя, я всегда испытываю благоговейный страх и молюсь, уповаю, что смогу воздать должное моему гуру, музыке. В нашей музыке я ощущаю все богатство Индии. Уже в одной раге воплотилось все духовное богатство нашего народа, история непрерывной борьбы за существование. Это музыка, возникшая из молитв в наших храмах, из самой жизни на берегах Ганга, протекающего по земле священного Бенареса. Звуки существуют везде. И в детстве меня наполняли звуки, игравшие множеством оттенков. Наша музыка объясняет мне весь процесс жизни, начиная с детских лет и кончая смертью...»)

— Что такое гуру?! Что такое Индия, что такое рага? Объяснять эти непонятные вещи таким голодным, таким усталым, таким бессловесным детям, не соображающим, что происходит, да вы в своем уме, в своем уме! Ты...

Сидевшая до того момента с перепуганным лицом одна из матерей, смуглая и плотная, похожая на небольшую цистерну, подняла крик, размахивая руками. Ее ненакрашенные губы сверху были темными, как ржавое железо, но изнутри, когда она вдруг раскрыла рот, оказались ярко-красными — будто вспыхнул огонь, разорвавший тьму. Она была вдовой, все называли ее «мать Са-тяна». Часто видели, как эта похожая на небольшую цистерну женщина, накрашившись, надев парик, который вдвое увеличивал голову, садилась в электричку и направлялась на работу — глаза ее, будто в них растопились сумерки, казались лишенными белка.

— ...Ты предлагаешь уничтожить дискриминацию, которая, как ты говоришь, состоит в том, что и а ш и х д е т е й помещают в особый класс и по-особому к ним относятся, и предлагаешь ликвидировать эту дискриминацию, а ведь ты сегодня первый раз пришел на собрание — разве ты надежный человек! Мы поверим тебе, а ты и в следующий раз возьмешь и не явишься на собрание? Да и вообще, что за чушь ты несешь?! Сделать и а ш и х д е т е й музыкантами, а что будет с глухонемыми, как мой Са-тян? Значит, и в самом особом классе ввести дискриминацию? Хватит дискриминации! Помолнись лучше, чтобы самому не попасть впросак из-за своего Гуру-гуру! Тебе бы только любоваться роскошной задницей телевизионной дивы. *Сексуальный маньяк!*

Директор школы проворно, как обезьяна — недаром он был преподавателем физкультуры, — выскользнул из класса. И собрание само собой прервалось, матери повели детей в уборную.

— Ваши слова в этой аудитории неуместны! Мамаша Са-тяна, вы бы хоть немного подумали! — воскликнула классная руководительница, пытаясь утихомирить матерей, а заодно и отца Мори, едва не вцепившегося в своих противников. У учительницы было одно желание: чтобы и мать Са-тяна поскорее замолчала, и отец Мори избавил ее от новых разглагольствований.

Я стоял в дальнем конце класса, стараясь не привлекать внимания отца Мори, и ждал, пока жена с сыном вернутся из уборной. Вместо того чтобы утихомириться, мать

наших детей, у себя дома, втайне от посторонних. Мне бы не хотелось, чтобы в тот момент, когда детей будут обучать владению винтовкой, по тайному доносу в класс ворвалась моторизованная полиция и дети после недолгого сопротивления были схвачены, а вместе с ними были схвачены и преподаватели! Ведь обучающиеся в обычных классах дети, не являющиеся нашими детьми, мастера тайных доносов, ха-ха! Так что, подводя итог, я повторяю прежний тезис. Наши дети занимают центральное место в школьном коллективе!

— Как осуществить это на практике? — спросила моя жена с серьезно-задумчивым видом.

Отец Мори, на мгновение смешавшись, замолчал и, неприязненно посмотрев на мою жену, розовым языком облизнул губы и поморщился, будто почувствовал вкус соли. Своими манерами он чем-то напоминал мать Мори. Родители наших детей часто похожи друг на друга. Например, во время близости с женой мне иногда чудится, что я вступил в кровосмесительную связь.

— С помощью музыки! У всех наших детей прекрасный слух. И всех их нужно сделать музыкантами. Обучение должно быть организовано так, чтобы основной пор делался на музыку! Вот я захватил с собой записки одного индийского музыканта. Прочитав их, можно легко понять, для какой роли в обществе и для выполнения каких социальных функций должна готовить школа наших детей! (Сказав это, отец Мори продемонстрировал, что это не случайно пришедшая ему в голову мысль, а плод длительных раздумий; он вынул из кармана рекламный пояс с пластинки и, все еще пылая от возбуждения, сначала чуть ли не прокричал несколько строк по-английски, а потом прочел их перевод.) «I am always afraid when I play, I pray I can do justice to my guru, to my musik...» («Играя, я всегда испытываю благоговейный страх и молюсь, уповаю, что смогу воздать должное моему гуру, музыке. В нашей музыке я ощущаю все богатство Индии. Уже в одной раге воплотилось все духовное богатство нашего народа, история непрерывной борьбы за существование. Это музыка, возникшая из молитв в наших храмах, из самой жизни на берегах Ганга, протекающего по земле священного Бенареса. Звуки существуют везде. И в детстве меня наполняли звуки, игравшие множеством оттенков. Наша музыка объясняет мне весь процесс жизни, начиная с детских лет и кончая смертью...»)

— Что такое гуру?! Что такое Индия, что такое рага? Объяснять эти непонятные вещи таким голодным, таким усталым, таким бессловесным детям, не соображающим, что происходит, да вы в своем уме, в своем уме! Ты...

Сидевшая до того момента с перепуганным лицом одна из матерей, смуглая и плотная, похожая на небольшую цистерну, подняла крик, размахивая руками. Ее ненакрашенные губы сверху были темными, как ржавое железо, но изнутри, когда она вдруг раскрыла рот, оказались ярко-красными — будто вспыхнул огонь, разорвавший тьму. Она была вдовой, все называли ее «мать Са-тяна». Часто видели, как эта похожая на небольшую цистерну женщина, накрившись, надев парик, который вдвое увеличивал голову, садилась в электричку и направлялась на работу — глаза ее, будто в них растопились сумерки, казались лишенными белка.

— ...Ты предлагаешь уничтожить дискриминацию, которая, как ты говоришь, состоит в том, что п а ш и х д е т е й помещают в особый класс и по-особому к ним относятся, и предлагаешь ликвидировать эту дискриминацию, а ведь ты сегодня первый раз пришел на собрание — разве ты надежный человек! Мы поверим тебе, а ты и в следующий раз возьмешь и не явишься на собрание? Да и вообще, что за чушь ты несешь?! Сделать п а ш и х д е т е й музыкантами, а что будет с глухонемыми, как мой Са-тян? Значит, и в самом особом классе ввести дискриминацию? Хватит дискриминации! Помолнись лучше, чтобы самому не попасть впросак из-за своего Гуру-гуру! Тебе бы только любоваться роскошной задницей телевизионной дивы. *Сексуальный маньяк!*

Директор школы проворно, как обезьяна — недаром он был преподавателем физкультуры, — выскользнул из класса. И собрание само собой прервалось, матери повели детей в уборную.

— Ваши слова в этой аудитории неуместны! Мамаша Са-тяна, вы бы хоть немного подумали! — воскликнула классная руководительница, пытаясь утихомирить матерей, а заодно и отца Мори, едва не вцепившегося в своих противников. У учительницы было одно желание: чтобы и мать Са-тяна поскорее замолчала, и отец Мори избавил ее от новых разглаговствований.

Я стоял в дальнем конце класса, стараясь не привлекать внимания отца Мори, и ждал, пока жена с сыном вернутся из уборной. Вместо того чтобы утихомириться, мать

Са-тяна завладела учительницей и начала требовать перестройки существующей ныне системы преподавания — видимо, это было связано с глухотой Са-тяна. Это была ее излюбленная тема. Учитель, согнувшись пополам, будто собираясь пасть ниц перед отцом Мори, неотрывно смотрел глубоко посаженными блестящими глазами, как тот, обескураженный, поправляет бинт на своей левой руке, пораненной вчера в борьбе с дверью. Наконец решившись, он подался вперед, чтобы заговорить с отцом Мори, но тот, всем своим видом демонстрируя, что не хочет вступать с ним в беседу, обратился ко мне, хотя до этого даже не взглянул в мою сторону.

— Мы с Мори больше в эту школу ни ногой. Я пытаюсь предложить реорганизацию не только особого класса, но и школьной системы в целом, однако перспектив нет никаких, так что мы с Мори в эту школу больше ни ногой. И теперь никто никогда не будет считать и а ш н х д е т е й избранными...

Пройдя мимо учителя, втянувшего голову в плечи как побитая собака, отец Мори направился к сыну, который, обмочившись, тихо сидел на своем месте. Отец Мори стал хлопотать над ним, а мы с женой и сыном покинули класс.

— Отцу Мори после этого скандала путь в школу действительно закрыт. Что он теперь будет делать?

— Наверно, постарается найти гуру, чтобы сделать Мори музыкантом.

— Ты думаешь, он шутит? Мне кажется, он говорил серьезно, совершенно серьезно.

— Конечно, серьезно, конечно, серьезно! — сказал сын.

Это случилось зимним вечером, через девять месяцев после описанных событий. С последней почтой пришло два письма. Одно — от Дохлой обезьяны в самодельном конверте, заклеенном липкой лентой, на нем стояло мое имя без «господин» или «сан». В конверт были вложены три извещения о невыдержанных экзаменах на должность: от Кредитного банка Асакуса, издательства «Ридерс дайджест» и от какой-то компании, занимающейся оценкой экзаменационных тестов для поступающих в университет.

Другое письмо — от отца Мори, с тех пор ни разу не показавшегося в школе. Оно было написано на фирменном бланке лаборатории атомных исследова-

ний в Калифорнии. Я читал его с надеждой очиститься от грязи, в которой вывалило меня письмо Дохлой обезьяны. Внезапно я понял, что болезненно переживаю отсутствие отца Мори.

Отныне я буду писать вам бесчисленные письма, причем не только письма в обычном понимании этого слова, а посылать вам все, начиная с исследовательских записей и кончая своими произведениями, ха-ха! Буду непрерывно звонить вам, без конца рассказывать о себе — на такую мысль меня натолкнула Дохлая обезьяна, о которой я услышал от вас. Разрешите еще одной Дохлой обезьяне вцепиться в вашу толстую шею. Я понимаю, это малоприятно, но вы сами знаете, как трудно отделаться от Дохлой обезьяны, ха-ха!

Однако, мне кажется, что, став вашей Дохлой обезьяной, я в то же время превращаю вас в свою Дохлую обезьяну. Ведь из всех желающих стать Дохлой обезьяной я вам самый близкий по духу, хотя я и окончил физический факультет, а вы литературный. Беспрерывно input (вводя) в вас информацию, я хочу повлиять на слова, которые будут output (выводиться) из вас. Когда вы начнете думать обо мне круглые сутки, я смогу воздействовать на ваше тело и сознание. Дело в том, что моя информация предназначена не только для того, чтобы доставлять вам страдания. Возможно, когда-то она вас и порадует. И если мне удастся проникнуть в вас, не превратитесь ли вы в моего писателя-невидимку?

Почему вы мне нужны как писатель-невидимка? Потому, что мне необходим человек, который сделает «протокольную запись» моих мыслей и действий. Мы с Мори затеваем одну авантюру, и если нам не удастся найти такого человека, и я сам, и Мори будем восприниматься как плод больного воображения. Замышляемая нами авантюра в полном смысле слова фантастична, и если «протокольную запись» будет делать полиция, то сочтет все это бредом.

Я жду начала нашей авантюры с надеждой, но, честно говоря, и со страхом. Я не прошу мне помогать, но хочется верить, что, разговаривая со способным все понять человеком, я добьюсь его сопереживания, понимания того, что произойдет с моим сознанием и телом. Ведь писатель-невидимка и нужен, чтобы рассказать обо мне и Мори, если затеянное мной рискованное предприятие повлечет за собой нашу смерть.

Я заговорил о смерти — с недавних пор у Мори перед сном стало портиться настроение. И не потому, что он уже давно не ходит в школу. С вашим сыном, наверно, происходит то же самое? Ведь и Мори, и ваш сын — *н а ш и д е т и*. У Мори никогда прежде не портилось настроение, за исключением тех дней, когда он бывал болен, а теперь портится. Особенно если перед тем, как ему ложиться спать, я начинаю шутить. И тут я вспомнил. Когда умирал дедушка, я, чтобы как-то подбодрить его, стал ласкаться к нему, а он рассердился. Старик — перед смертью, *н а ш и д е т и* — перед тем, как заснуть. Разве их может радовать общение возрождения-пробуждения? Это, вероятно, и можно назвать беспредельным погружением в смерть, погружением в сон. Вот почему, когда и старики и дети в такие минуты становятся удивительно серьезными.

Какую авантюру затеваем мы с Мори? Я рассчитываю, что мое и его сознание и тело станут совершенно новыми. В этом только и состоит то рискованное предприятие, надежды на которое возлагаю я, а может быть, и Мори тоже!

В чем состоит главное желание человека? Заново перестроить свое сознание и тело. Если мечтать о вечной неизменности сознания и тела в загробном мире, тогда исчезает отчаяние безысходности. И, лишь преодолев такое отчаяние, впервые удастся испытать радость от мысли *о н и ч т о* после смерти. Замерев у кровати недовольного Мори, я чувствовал, как застывают мои шутовские жесты, стояло в мою голову закрасться мысли: а смогу ли я научить его этому *н и ч т о*, которое нужно встретить с распростертыми объятиями.

Наверно, и вы часто думаете об этом? Вы, несомненно, делаете это как отец одного из *н а ш и х д е т е й*! *Разве вы не такой? (Нет, вы, несомненно, такой!)*

ГЛАВА II

НАНЯТ ПИСАТЕЛЬ-НЕВИДИМКА

1

Иногда себе и другим я говорю и, наверно, буду говорить, вторя леди Макбет:

These deeds must be thought
After these ways; so, it will make us mad.
О делах подобных размышляй,
Не то сойдешь с ума.

Как писатель-невидимка, я, разумеется, знаю, что в цитате из «Макбета» опущено «not», «not» в «must not be».

Я вписал «not», исправив перевод отца Мори на японский язык: «О делах подобных не размышляй, не то сойдешь с ума». Зачем он сделал такую ошибку? Все, что я теперь пишу,— это слова, навеянные опытом и грезами отца Мори. Возможно, такая неточность в цитате и переводе объясняется желанием отца Мори позлить писателя-невидимку. Задача писателя-невидимки заключается в том, чтобы взять за основу чужие слова,— это несомненно, но вместе с тем он обязан, записав эти слова на бумагу, пропустить их через свое сознание и тело. В процессе этой работы я проникну в самое нутро отца Мори, до мельчайших деталей узнаю все его секреты, на какое-то время стану им самим, но все это приведет к обратному — позволит отцу Мори захватить мой мир.

Когда я впервые произнес эту фразу леди Макбет? К примеру, когда читал в газете заключенное в рамку сообщение из-за границы. Оно сопровождалось бледной фотографией, на которой был изображен летательный аппарат,

похожий на огромную круглую игрушку из пластмассы, а в нем восседал мой старый приятель Малькольм Мориа. Только высокий лоб сохранился от прежнего его облика, когда он был худым и стройным. Очки в толстой темной оправе и усы, казалось, были призваны скрыть меланхолию. Подпись под снимком гласила: МАЛЬКОЛЬМ МОРИА (38 ЛЕТ), БЫВШИЙ ПРОФЕССОР ТЕХНОЛОГИИ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ КАЛИФОРНИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, У РЫЧАГОВ УПРАВЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНО СПРОЕКТИРОВАННОЙ И ИЗГОТОВЛЕННОЙ ИМ ЛЕТАЮЩЕЙ ТАРЕЛКИ. Несомненно, это он, несомненно! — воскликнул я. Безусловно, это был профессор. Мы вместе работали в калифорнийской лаборатории, а теперь он, значит, уже б ы в ш и й профессор. Двухместная тарелочка диаметром 2,7 метра снабжена восемью роторными двигателями по двадцать четыре лошадиные силы каждый, развивает скорость до двухсот семидесяти километров в час. В течение месяца предполагалось завершить испытательные полеты, а к будущему лету летающую тарелочку должны принять эксперты управления воздухоплавания и авиации Соединенных Штатов, и она будет продаваться за десять тысяч долларов.

Корреспондент либо сотрудник газеты, правивший статью, сдержанно пронизировал над дальнейшими планами Малькольма, но и я тоже полагал, что вряд ли у него все пойдет гладко. Насколько я знаю Малькольма Мориа, он не мог рассматривать изготовление летающих тарелок как бизнес. Для него летающие тарелки не являлись *товаром*. Скорость двести семьдесят километров в час — просто смешно, — разве способна эта черепашня скорость открыть путь к туманности Андромеды? Тогда ради чего он создал *лжелетающую тарелку* — как некий символ?

То, о чем я собираюсь рассказать, произошло во время моей командировки в лабораторию атомных исследований Калифорнийского университета. Во время обеда я и Малькольм с подносами в руках, отыскивая свободное место, столкнулись нос к носу и сразу же увидели два незанятых стула рядом. Малькольм схватил меня за руку и чуть ли не силой усадил, а потом нырнул в толпу студентов и исчез. Вскоре профессор Малькольм вернулся с двумя большими стаканами пенящегося молока и, сам кипя, как молоко, заговорил:

— Ешьте и слушайте! Жители горных районов вашей

страны на вершинах вырубали лес и ставили там огромные деревянные самолеты, верно? Стремление аборигенов сохранить в виде символа летательный аппарат резко контрастирует с извращением идеи полета в цивилизованном обществе. Может быть, это отражает присущую коллективному воображению всех рас и племен идею истинного полета, идущую от богов?

Я растерялся, мне действительно приходилось слышать подобное, но я должен был внести в его слова поправку: рассказ относился к одному из горных племен Новой Гвинеи.

— Я слушал об этом от дяди-пилота, воевавшего на Тихом океане, который лично столкнулся с таким фактом. Японская армия вместо сбитых самолетов выставляла на аэродроме деревянные. Разве это не произрастает из того же корня, что и деревянные самолеты жителей горных районов?

— Об этом я тоже слышал. Все это действительно так и было, но рассказ о горных племенах Новой Гвинеи — это все же нечто иное. Хотя, возможно, вы правы, и деревянные самолеты взамен погибших в бою, о которых вы говорите, были не только ухищрением, чтобы ввести противника в заблуждение, но и неким символом.

— В таком случае вы должны понять и мое желание выставить в Калифорнийском аэропорту в качестве символов летающие аппараты для б о г о в, которые прилетят из космоса на своих летательных аппаратах, и совершить с б о г а м и обмен. Меня, чья работа связана с космосом, буквально захватила идея убедить человечество, стоящее на краю пропасти, создавать подобные символы, чтобы покрыть ими весь земной шар.

Позже Малькольм Мориа действительно показал мне множество чертежей своего летательного аппарата и процитировал мне того самого Юнга. «Мы постоянно думали, что летающие тарелки есть наша проекция. Однако сейчас мы превратились в их проекцию. Волшебным фонарем я проецируюсь как К. Г. Юнг. Но кто управляет этими аппаратами?» Малькольму было бы легко ответить на вопрос Юнга: волшебным фонарем оперируют б о г и, прилетевшие, чтобы наблюдать гибель земного шара, ха-ха. Я достал старую рождественскую открытку с изображением летательного аппарата, напечатанную самим М. М., и отправил по указанному в ней адресу воодушевляющую телеграмму:

These deeds must be thought
After these ways; so, it will make us mad.

Чтобы осуществить свою мечту, Малькольм Мория оставил должность профессора Калифорнийского университета и приступил к изготовлению и продаже летательных аппаратов, снабженных восемью роторными двигателями по двадцать четыре лошадиные силы каждый, первобытных с точки зрения мирового уровня развития технологии, который он сам неустанно повышал. Я почувствовал, что теперь можно ожидать какой угодно авантюры. И мое предчувствие все отчетливее и отчетливее обретало черты реальности.

Но сначала сон. Наша с Мори авантюра, которая приснилась мне, состояла в том, что я, выступая в качестве советника некоего старика, которого называют **Патроном**, заставляю его стать диктатором Японии. По этому случаю мы с Мори организуем праздничное шествие. Нечто вроде факельного шествия нацистских штурмовиков 30 января 1933 года, приветствовавших Гитлера после его встречи с президентом Гинденбургом. Глядя на огненную реку, слушая грохот десятков тысяч военных сапог, **Патрон** стоит у окна номера «люкс» на двадцатом этаже отеля «Кэйо плаза», он пританцовывает, то улыбаясь, то плача, то громко смеясь!

Облик **Патрона**, несомненно, возник под влиянием реальной личности, в честь которой проводилось упомянутое факельное шествие. Это было комично. Во сне **Патрон** не был просто политическим властелином одной лишь нашей страны. Он стоял у окна, являя собой символ не столько народа Японии, сколько всего человечества. В Коране есть такая строка: «Абрахам! Ты поверил своим снам! В них и вправду есть ясное знамение!» **Патрон** в моем сне зывал ко всему человечеству: «Люди! Все верьте снам всех! В них и вправду есть ясное знамение! И все ваши сны сливаются в мою фигуру, которая, объав весь земной шар, возносится, словно на картине Блейка¹, в небо!» Мы с Мори старались превратить **Патрона** в символ господства над человечеством. Не правда ли, грандиозный сон, ха-ха.

Я на следующий день долго объяснял Мори всю грандиозность моего сна. Я ведь привык целыми днями раз-

¹ Блейк, Уильям (1757—1827) — английский поэт и художник.

говаривать с Мори. Как и большинство родителей и аш и х д е т е й. Я разговаривал с ним и о вещах, ему доступных, и о вещах, совершенно ему недоступных. Дело в том, что недоступное его пониманию теперь покроеется тонким налетом моих слов, подобно тому как даже в закупоренном подземном хранилище накапливается пыль, и в один прекрасный день слова эти, возможно, самовоспламенятся и запылятся. Во всяком случае, Мори не отвергает моих слов. Переданные с помощью удивительного механизма слуха в подземные хранилища его мозга, они скапливаются там, как песок в песочных часах.

В связи с этим я подумал вот о чем: призывы из космоса, обращенные к древней Земле, где еще не существовало жизни, оседали на нее в виде космической пыли посланий, подобно песку моих слов в глубине ушных раковин Мори, и эта мельчайшая пыль, смысл которой оставался непонятым, все накапливалась и накапливалась и в конце концов самовозгорелась живым смыслом, в результате чего и зародилась жизнь, зародился наш далекий предок — амeba. Причем не исключено, что в космической пыли посланий содержались и зародыши цивилизации, определившие появление в нас молекул ДНК, что в конце концов и привело нас к нынешнему атомному веку.

Я понимаю, что перехожу рамки, отведенные писателю-невидимке, но все же мне хочется сделать собственную приписку в виде вопроса. Не снимает ли с себя ответственность отец Мори в первую очередь как физик-атомщик и просто как индивид, утверждая, что нынешняя атомная цивилизация продиктована из далекого космоса волей, накапливающейся подобно космической пыли, и представляет собой единственно возможный путь, извне продиктованный планете, именуемой Земля, а следовательно, homo sapiens по собственному желанию изменить ничего не может? Возможно, именно поэтому отцу Мори не оставалось ничего иного, как бежать вместе со своим сыном в сон, в чем и состоит основная уязвимость его построений?

Знаете, я не хочу, чтобы вы спешили понять меня, ха-ха. Мне ясно, что вы сразу же начнете мне возражать, но поймите, я собираюсь рассказывать лишь о своих снах, хотя и это небезопасно. Правда, мне кажется, что не только рассказывать о своих снах, это-то безусловно, но даже и

просто видеть сны опасно. Разве мало людей, которые, подобно братьям Иосифа, бросили бы сновидца в ров, сказав, что его сожрали хищные звери? Рассказывая Мори свой сон о факельном шествии, в котором участвовали мы с Мори, я предлагал ему свое толкование. Я наблюдал, как Мори, который сидел рядом, даже не пытался вникнуть в смысл произносимых мной слов, внимательно прислушивался к их звучанию и время от времени повторял одно из них, а я все рассказывал и рассказывал, стараясь и для себя уяснить их смысл. Я пытался, уйдя в свой сон, размышлять о его смысле, и мне необходим был спутник, который помог бы идти правильной дорогой, — для меня Мори как раз и был таким реально существующим спутником.

Что было причиной того, что в своем сне, хотя и очень смутно, я увидел празднество по случаю захвата власти **Патроном**, столь схожее с факельным шествием 30 января 1933 года после прихода к власти Гитлера?

— Я, Мори, во сне хотел, чтобы мы с тобой изобразили **Патрона** человеком, наконец добравшимся до огромной власти, а у сна своя логика — вот и возникла ассоциация **Патрона** с Гитлером. Если бы рассказать об этом **Патрону**, он бы рассмеялся. К нему я не питаю особой вражды, а Гитлера глубоко ненавижу.

Но сон есть сон. У сна особая логика. Как же мне удалось в процессе сна преодолеть такое противоречие, а, Мори? Но ведь ты был вместе со мной? Ха-ха, тогда рассказывай, как все это было. Давай подумаем о Гитлере — но уже не из сна, — который в конце концов едва не стал настоящим Антихристом. Что это значит? В самом начале «Войны и мира» Анна Павловна Шерер говорит, что Наполеон и есть самый настоящий Антихрист. О таком Антихристе и идет речь. Это тот самый Антихрист, который придет до того, как явиться истинному Христу, и повсюду будет говорить, что божий день уже настал. Он будет говорить о неизбежности вероотступничества, появления неправедных, мертворожденных детей. Он будет говорить, что все пойдут за сатаной и будут творить ложь, распутство и всякий обман. Но действительно ли Наполеон был Антихристом? Всем известно, что в конце концов он потерпел поражение. Истинный Христос так и не явился, чтобы наказать Наполеона и тех, кто следовал за ним, и божий мир не воплотился в реальность.

Гитлер тоже хотел стать Антихристом, но и ему это не удалось, он провалился, правда, Мори? Гитлер посеял семена огромных бедствий, и они проросли, но Гитлера уничтожил отнюдь не Христос. Не бог, а люди. Так что и логически можно доказать, что Гитлер не смог стать Антихристом, правда? Ха-ха. Но, может быть, явление истинного Христа снова отдалилось, потому что Антихрист, именуемый Гитлером, был уничтожен, еще находясь в пленках? Следовательно, ценность того, что люди своими собственными силами уничтожают тех, кто стремится стать Антихристом, сопоставима с явлением Христа. Может быть, Христос раздражен тем, что ему никак не удается явиться? Ха-ха. Борьба людей, уничтожающих Антихриста до его появления, превращается в борьбу за жизнь без помощи бога. Но ее необходимо вести, Мори.

Итак, если вернуться к моему сну, я не знаю, как согласовать его с логикой реальности, но, видимо, Патрон был для меня Гитлером и я рассматривал его как Гитлера, все еще имеющего возможность превратиться в настоящего Антихриста. Он стоял, пританцовывая, улыбаясь, плача, громко смеясь, у окна двадцатого этажа отеля «Кэйо плаза», глядя на реку огней, слушая дружный топот военных сапог, эхом отражающийся от трех стоящих друг против друга небоскребов на одной из центральных площадей города. Но, Мори, дойдя до этого места в своем рассказе, я вспомнил следующий эпизод сна, о котором забыл — точно внезапно сдвинулся фокус объектива фотоаппарата, приблизив место событий, — и я увидел, что пританцовывали, улыбались, плакали, громко смеялись мы с тобой, а не Патрон. Мы уже давно помогали Патрону захватить власть и даже участвовали в шествии, но в последнюю минуту, кажется, взбунтовались против него. Причем я и ты, Мори, в линзе с измененным фокусным расстоянием оба были высокого роста, подходящего тем, кто предпринимает подобные действия. Даже если отказаться от версии, что Патрон — Антихрист, все равно мне кажется, что сон не совсем лишен смысла, правда Мори?

Записывая все это, писатель-невидимка считает, что события, о которых рассказывается как о сне, хотя и являются не настоящим сном, а вымыслом, названным сном, в основном соответствуют действительным снам, которые видел отец Мори. Именно поэтому я без

всяких колебаний записываю как сон повествование, которое отец Мори называет сном.

Мне ничего не было сообщено о Патроне — действующем лице сна, но существующем, кажется, и в действительности. Я, правда, подозреваю, что уже на том этапе, о котором рассказывал отец Мори, он заранее предчувствовал многое, о чем еще не было сказано, — будь то из области реальной жизни или из толкования снов. Что означают слова для писателя-невидимки? И настоящие сны отца Мори, и так называемые сны, лишь именуемые снами — точнее определить их не в моих силах, — и неумело сделанные отступления, хитро задуманные для того, чтобы увести рассказ в сторону, — все они, пронизывая мое сознание и тело, имеют равную ценность. Причем слова отнюдь не безразличны к правде и лжи — какова же их природа? В какой взаимосвязи находится эта природа с моим сознанием и телом?

2

День за днем я тянул лямку жизни, сознавая, что это не настоящая жизнь; поскольку человек сознает это, он находится во взвешенном состоянии и, продолжая вести подобную жизнь, оправдывает себя тем, что существа его такая жизнь не затрагивает. Я говорю так, исходя из собственного, хотя и не слишком богатого, опыта.

Действительно, хвастать тут нечем. Хотя я и начал свой рассказ в несколько высокопарной манере — как-никак рассказ обращен к писателю, — скованность моя исчезла, ха-ха, и я в конце концов начну откровенно рассказывать о взаимоотношениях с женой, о взаимоотношениях с б ы в ш и м и товарищами по атомной электростанции. Конечно, взвешенное состояние есть взвешенное состояние, и для того, кто находится в нем, не существует принципиальной разницы, где висеть — на турнике на заднем дворе или в космическом пространстве. Говоря «на заднем дворе», я имел в виду задний двор атомной электростанции — ходили слухи, что из хранившихся там подземных цистерн просачиваются плутоний и стронций-90 и вместе с цеzieм достигают грунтовых вод, но лучше оставим это в стороне. В течение десяти лет после моего ухода со службы атомная электростанция выплачивала мне деньги за секретность, так что, как только об этом заходит речь, я сразу же замолкаю.

Не знаю, странно ли это или, наоборот, естественно, но десять лет назад, после того как я подвергся облучению на атомной электростанции, я мог думать только о себе, о своей болезни, и ни о чем другом. Потому-то я и надеялся, что жена тоже будет думать только обо мне, но, разуверившись в этом, перестал обращать на нее внимание. Я весь сосредоточился на жалости к себе. Я не думал, что облучение приведет к быстрой смерти. Ожоги, вызванные радиацией, начали зарубцовываться, но опасность смерти оставалась вполне реальной. Хотя я был несведущ в радиационной медицине, по специальности я все же физик-атомщик. И понимаю, что такое радиация. Но все-таки я верил, что, поскольку радиация не нож или железная палка, убить меня она не может.

Размышляя о смерти, я представлял ее как неясное, но упорное вмешательство потусторонних сил — так обычно думают дети, осознав, что они существуют. Только я продолжал так думать, и став взрослым. С того дня как я узнал, что рано или поздно неизбежно умру, я без всяких на то оснований твердо верил, что умру не из-за какого-то глупейшего несчастного случая, нет, моя жизнь будет унесена лишь после того, как вмешаются потусторонние силы, сложно и запутанно предопределяющие нашу судьбу. Кто же еще один отвратительный враг, прибавившийся к тому глупейшему случаю, послужившему причиной моего облучения? Мне и это было ясно. Чудовищная злокачественная опухоль, вызванная канцерогенным веществом — плутонием, — обнаружится у меня через несколько лет. В космосе, возможно, существует еще более ужасный враг, но у нас нет другого выхода, как ждать, пока с ним столкнутся космонавты, прыгавшие, как кенгуру, по Луне, ха-ха. Именно рак я считал болезнью, в которой замешаны потусторонние силы, и стоило мне подумать о нем, как страх раздирал мою душу и я весь покрывался холодным потом. Жена как-то принесла в палату настоящую губку, которыми сейчас уже никто не пользуется, — наверно, она надеялась на эту диковинную губку, как на амулет, обладающий магической силой, ха-ха, и нежно стала проводить ею по моему лбу, носу, щекам. Я хотел сказать ей, чтобы она оставила меня в покое, но даже на это не хватило сил. Так силен был мой страх, усугубленный бессилием. Если бы мне сказали, что я ослабел, думая о радиоактивном загрязнении среды, грозящем в будущем человечеству, я тогда охотно согласился бы с этим. Не

сумев успокоить мои страхи и побороть бессилие, жена печально посмотрела на меня, но я все равно не мог передать ей свои ощущения. Настойчиво думая о будущем раке, вызванном плутонием, я втапывал в грязь чувства жены. Разумеется, такой эгоизм должен был вот-вот обернуться против меня!

Через два года, когда родился Мори, я наблюдал обратную картину — теперь уже жена не обращала внимания ни на что другое, кроме своей тоски. Я смотрел на нее печальными покрасневшими глазами, потом откровенно злобными глазами, наконец, безразличными глазами... Как воспринимала жена мои взгляды, было ясно — я со стороны наблюдал за ней. Но я чувствовал, что успокаиваться нельзя, и проник в закрытое сердце жены, с изощренной хитростью используя в качестве отмычки тот несчастный случай двухлетней давности, явившейся причиной моего облучения. Наш ребенок, Мори, находился в специальной палате университетской клиники, и мне не хотелось пробуждать ее материнский инстинкт. Я чувствовал: чтобы расколоть закрытую раковину, у меня один путь — вернуться в то время, когда я сам запер себя в раковине и не хотел вылезать из нее.

Перечитывая написанное мной, писателем-невидимкой, я почувствовал, что последний абзац недостаточно убедителен. Видимо, потому, что отец Мори не хочет рассказывать всю правду о ненормальности, обнаруженной у Мори при рождении. Но поскольку отец Мори и в своих письмах, и в телефонных разговорах со мной умолчал об этом, я как писатель-невидимка ничего не могу поделать. Отец Мори не говорит об этом подробно, возможно, потому, что мой сын страдает тем же, чем страдает Мори.

Правда, я не могу утверждать, что и сам хорошо понимаю, насколько нарушилось внутреннее равновесие моей жены, когда родился ненормальный сын. Жена не видела ребенка в момент его появления на свет — лишь услышала испуганный возглас медсестры!

Только через пять лет я стал постепенно ощущать, как наполняется слабой электрической энергией психологическая цепь, замкнувшаяся внутри нас. Когда родился второй, совершенно нормальный ребенок, я случайно услышал, как жена говорила сиделке:

нужно было иметь немалое мужество, чтобы после того снова забеременеть и девять месяцев трястись от страха. Зачиная ребенка, я и в мыслях не имел, что и второй ребенок может быть ненормальным, а жена вместо радости все это время испытывала лишь тревогу и страх.

К какой я прибег уловке, чтобы расколоть раковину, в которую заперлась жена? Я упорно пичкал ее всевозможными небылицами не только о своих былых сослуживцах по атомной электростанции, но даже о жертвах атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, стремясь внушить мысль, что ненормальность в черепе Мори связана с тем, что я подвергся облучению. Я договорился до того, что появившиеся из-за плутония раковые клетки, которых я так боялся, вероятно, дали метастазы в череп Мори. Жена поверила. Каков был результат? Ее твердое решение — ни в коем случае не иметь больше детей. И жена упустила случай, родив следующего, здорового ребенка, совершить самоочищение.

Говоря жене все это, я прекрасно знал, что лгу. Но потом меня и в самом деле обуял страх, что раковые клетки, которые, якобы исчезнув из моего организма, переродились в опухоль в голове Мори, действительно поразят меня. К тому же я был вынужден постоянно поддерживать и без конца повторять эту ложь — вот почему я и нахожусь во взвешенном состоянии.

По своей натуре жена — человек, логически мыслящий, но склонный к нелепым выводам. Если еще какая-то женщина родит от меня неполноценного ребенка, это нанесет ущерб здоровью человечества, считала она и, взяв на себя миссию защитника всемирной справедливости, начала препятствовать моим связям с женщинами, ха-ха.

Я и в глазах Ооно Сакурао предстал чуть ли не импотентом, возможно, под влиянием собственной лжи и твердой убежденности жены, опирающейся на эту ложь. Когда знаешь, что ложь есть ложь, оказываешься во взвешенном состоянии. Это аксиома. И поскольку моя жена взяла на себя великую миссию следить за моими связями с женщинами, исходя из стремления освободить будущее человечество от дурной наследственности, она, видимо, действительно была далека от мелкой женской ревности, ха-ха.

Поступок матери Мори на спортивной площадке, где мы ждали наших детей, теперь предстал передо мной, писателем-невидимкой, совершенно в новом свете... Действительно, она тогда честно и открыто обвиняла Оноо Сакурао в безнравственности, будто говорила об угрожающем миру продовольственным кризисе. И я в самом деле воспринял тогда ее слова не как проявление мелкой женской ревности — в ее словах скрывалась хотя и не понятная мне тогда, но огромная страсть человека, захваченного всепоглощающей идеей. Да и сам отец Мори, как видно, ясно осознавал это. Какими бы ни стали сейчас их супружеские отношения, рождение наших детей заставило родителей, хотели они того или нет, достичь глубокого взаимопонимания в главном.

Сейчас я хочу пояснить конкретно, как проходит моя повседневная жизнь во взвешенном состоянии. Совместная борьба профсоюзной организации атомной электростанции и группы Оноо закончилась успешно, и я превратился в бывшего служащего, получающего прежнее жалованье, но теперь не обязанного ходить на службу. Атомная электростанция должна была на собственные средства обеспечить обследование пострадавшего от радиации сотрудника. Профсоюз проявил энтузиазм, в результате чего и администрация предприятия активно способствовала созданию для меня самых благоприятных условий. Разумеется, эти условия предусматривали обязательство хранить тайну, поэтому, рассказывая в дальнейшем о несчастном случае, особенно распространяться я не смогу. Итак, получая жалованье и ничего не делая, я больше не должен был засиживаться допоздна, но, поскольку я работал до глубокой ночи много лет, плохо засыпаю. В час ночи я начинаю пить виски с пивом, но стоит мне чуть задремать, как во мне вскипают жизненные силы, подстегнутые алкоголем. И, пользуясь этой минутной вспышкой жизненных сил, я направляюсь к Мори.

— Мори, Мори, вставай, нужно помочиться! — зываю я к сыну.

Иногда простынка уже бывает мокрая — это зависит от его самочувствия и от того, что он ел на ужин. Тогда я веду полусонного Мори в уборную, меняю простынку,

снова покрываю тюфяк полиэтиленовой подстилкой — вам тоже случалось это делать? Детям, достигшим возраста Мори или вашего сына, приходится расстилать довольно большую простынку, чтобы она была им по росту, и, когда она обмочена, можно стелить на тюфяк сухую ее часть — так что работы немного. Но при моем физическом состоянии помощь пива с виски необходима.

Писатель-невидимка не может не добавить к этому, что часто полиэтиленовая подстилка — целая проблема. Когда возникают временные перебои с полиэтиленом, раньше всего исчезают подстилки, которые достаточно велики, чтобы прикрыть толстую попку восьмилетнего ребенка. Наконец после долгих поисков находишь то, что тебе нужно, и, боясь, что подстилки снова исчезнут, набираешь впрок столько, что остальные покупатели смотрят на тебя осуждающе. Что, мол, за странный человек, скупающий, разумеется для спекуляции, такое огромное количество полиэтиленовых подстилок. Отец Мори тоже, несомненно, сталкивался с осуждающими взглядами людей. Отцов н а ш и х д е т е й нередко подстерегает опасность пережить стыд и унижение.

Однако нужны еще большие жизненные силы, чтобы смотреть на восставшую плоть Мори. Особенно это переносимо для меня после истории с Ооно. Мори всегда находится во власти магии времени и, укутываясь в одеяло после возвращения из уборной, смотрит на часы, будто хочет всю свою жизнь размерить по минутам:

— Уже двенадцать минут второго! — говорит он и тут же засыпает.

Я возвращаюсь на кухню и продолжаю пить пиво с виски, чтобы нагнать сон, — остудив таким образом внутренности, я устраниваю себе очередной приступ колита.

Интересно, какие сигналы получала от восставшей плоти Мори жена? Недавно произошел такой случай — проснувшись, я увидел, что постель заволакивает утренний туман. Но это же не туристский лагерь в горах, ха-ха. Мы с Мори всегда спим, раздвинув перегородку, отделяющую постели, и обычно жена, чтобы не будить меня, забирает Мори из комнаты и помогает одеться; но в то утро, распахнув окно, она что-то делала у его кровати.

Я встал, дрожа от холода и злобы, но накричать на жену не смог. Мори лежал не шевелясь на гладко расстеленной простынке, глаза его были плотно закрыты. Он был похож на маленького умного зверька, учуявшего опасность. — спит он или бодрствует, определить было невозможно.

Жена стояла на коленях у постели Мори, низко склонившись над ним, будто отвешивала поклон. На ней была надета старомодная комбинация, задравшаяся выше колен. Я неотрывно смотрел на жену — она сидела не шелохнувшись. Я заметил, что в левой руке — моя жена левша — была зажата наполовину раскрытая золингеновская бритва, которую отец купил на память во время учебы в Германии.

3

Вы, наверное, тоже слышали толки о *Корпусе лососей*? Я находился недалеко от того исторического места, где состоялось его рождение. И я горжусь тем, что путь *Корпуса лососей* и мой жизненный путь однажды пересеклись. Вооружившись ружьями, они совершали свой *Великий поход* туда, где полиция была бессильна настигнуть их; я тогда как раз удил лососей перед самым закрытием лова в том году на горной речке Кумагава, в уезде Адзума префектуры Гумма, откуда начался этот *Великий поход*.

Я не сомневаюсь, что *Корпус лососей* до сих пор существует как сплоченная организация, если не развалился во время своего *Великого похода* в горах в результате внутренней междоусобицы. О том осеннем инциденте, ставшем и для меня волнующей кровью живой легендой, рассказывают, наверно, теперь члены *Корпуса лососей*, вспоминая о днях его возникновения. Возможно, именно эта акция была первым этапом его партизанской деятельности. Она осуществлялась под контролем *Корпуса лососей* как организации, имеющей четкую структуру, но в то же время слагалась из индивидуальных действий каждого члена, выявивших его преданность общему делу.

Об упомянутом инциденте я рассказал на основе писем, самых горячих и исчерпывающих из всех полученных отцом Мори. Может быть, он все выдумал, чтобы я воспрянул духом, боясь, что после того, как он заставил меня описывать близкую мне обстановку

в его неблагополучной семье, роль писателя-невидимки вызовет у меня отвращение. Не исключено, что события, рассказанные в письме отца Мори и записанные мной, являются плодом его фантазии.

Как я уже говорил, в конце лета — начале осени я ловил лососей на горной реке Кумагава. Конечно, меня нельзя назвать заядлым рыболовом, одержимым страстью к ловле рыбы в горных реках. В отличие от любой другой рыбной ловли страсть к ловле рыбы в горных реках может овладеть любым человеком, независимо от профессии, и он, отказавшись от любых удовольствий ради рыбалки, всю свою жизнь посвящает блужданию по горным рекам. Но такому человеку, как я, который родился в бедной крестьянской семье, с огромным трудом окончил физический факультет и, начав работать на атомной электростанции, прилагал невероятные усилия, чтобы хоть немного опередить своих сослуживцев, немыслимо целиком посвятить себя ловле рыбы в горных реках.

Однако в то лето сложились особые обстоятельства — после облучения администрация электростанции и профсоюз, отдавая дань моей самоотверженной работе, требовали, чтобы я занимался только восстановлением своего здоровья. Кроме того, я уже не мог вернуться на прежнее место, где существовала опасность нового радиоактивного облучения, так что я был лишен возможности продолжать демонстрацию своего усердия. Вот как я очутился на летней даче, принадлежавшей атомной электростанции, и стал вести жизнь человека, занятого поправкой своего здоровья, а этим я мог заниматься за счет электростанции до конца своих дней.

Инженер, долго живший на этой даче летом прошлого года, — это был пожилой человек — оставил все необходимое снаряжение для ловли рыбы в горной реке. Я думаю, он, как и я, прежде никогда в жизни не занимался этим. Запасся он и несколькими пособиями по рыбной ловле — без всякого спроса я позаимствовал у него и снаряжение, и книги, но мук совести при этом не испытал. Можно было не опасаться, что инженер когда-нибудь еще приедет сюда ловить рыбу. Он не подвергся облучению, а страдал нервным расстройством — он был одержим идеей, что над ним нависла страшная угроза: будет украдено ядерное горючее для реакторов атомной электростанции и похищен он, инженер, которого заставят изготовить атомную бомбу

для террористской группы. Целое лето он лечился на этой даче, но депрессия его лишь усугубилась, и, когда наконец ему удалось уговорить жену и детей переехать в страну, где нет ни одного атомного реактора, он вдруг взял и повесился.

С фиберглассовой удочкой для ловли рыбы в горных реках, которую оставил мне человек, обуянный страхами атомного века, я спустился по тропинке между берез к реке Кумагава. Я не собирался, как завзятый рыболов, забросить удочку и идти вдоль реки, а выбрал удобное местечко недалеко от лесной дороги. Наловив в ледяной воде личинок ручейника, я забросил леску в омут у отмели, менявшей направление потока. И тут же вытащил бьющегося лосося! Вода в реке была прозрачной, лишь чуть подернутой белесоватой дымкой. Видимо, поток поднимал со дна песчинки. Лосось, покрытый, точно пленкой, той же белесоватой дымкой, что и вода, был весь в черных крапинках и темно-красных полосах. В деревне, где я вырос, кетовые не водились, и я был потрясен окраской этого пятнадцатисантиметрового лосося, его свирепо торчащей вперед нижней челюстью — даже какое-то время не слышал шума реки.

С тех пор я каждый день ловил по одной рыбине, ловил на том самом месте, где поймал своего первого лосося. По субботам и воскресеньям настоящие рыбаки, добравшиеся до Кумагава, проворно перемещались вдоль реки, вытаскивая одну рыбу за другой, местные жители ловили на искусственную приманку и легко добивались успеха. И лишь я, оставаясь на одном и том же месте, которое настоящий рыбак, забросив пару раз удочку, сразу же переменил бы, ловил на личинку ручейника в омуте, где удить на искусственную приманку трудно. Мне ведь достаточно было поймать одну рыбину. Пока я удил, наступал вечер, бывало, шел проливной дождь. Может быть, такие изменения погоды создавали особые условия для обитавших на дне лососей и заставляли их каждый раз набрасываться на личинку, неизменно появляющуюся в одном и том же месте. Я всегда ловил только одну рыбину в день.

Однако чем больше я вникал в руководство по рыбной ловле, тем сильнее мне хотелось заняться ловом по-настоящему — однажды я надел резиновые сапоги, оставленные все тем же предусмотрительным инженером, вошел в реку и стал подниматься вверх по течению от того места, где были садки с молодью горбуши, — ни разу не клюнуло.

Неожиданно опустившийся на реку туман и сгущающиеся сумерки заставили меня, бредя по мелководью, искать подъема к горной дороге, как вдруг я столкнулся с прекрасно экипированным рыбаком, забрасывавшим удочку с искусственной приманкой в том месте, где глубоководье переходило в отмель. Его реакция, когда он меня увидел, была более чем странной, и я встревожился.

— Разве так рыбачат? Учтите, это место очень опасное — медведи! — зловеще сказал мужчина, и меня это сразу же насторожило.

— *Медведи* — это меня очень заинтересовало. Как мне было известно, именно благодаря медведям и появилась на свет легенда, относящаяся ко времени рождения *Корпуса лососей*!

Уезд Адзума — горный, и поэтому осень наступает внезапно. Начинается с того, что в течение пяти-шести дней идет дождь, вода в реке мутнеет и поднимается. Я уже начал втягиваться в ловлю лососей и во время огорчившего меня вынужденного перерыва пошел посмотреть на реку — она выглядела совсем иначе, чем летом. Вода затопила валежник, оползни на лесной дороге изменили русло реки, кусок берега, где раньше росли густая трава и кустарник, теперь превратился в остров, окруженный kloчочущим потоком. Остров был довольно велик в длину, рассказывали жены расчищавших там землю крестьян, приходившие на мою дачу продавать овощи.

Остров был в центре внимания всех, кто жил поблизости; и вот как-то ранним утром по горной дороге, где стлался густой туман, оттуда прибежали двое юношей. Напуганные медведями, они искали спасения в гостинице, открытой только в летний сезон. Юноши рассказали, что недавно вместе с товарищами разбили здесь лагерь и ловили лосося, пока рыбная ловля еще была разрешена, но тут зарядили дожди, и они оказались отрезанными на этом острове, образованном начавшимся паводком. Мало того, кроме них, на острове остались еще медвежонок и огромная медведица, и ребята дрожали от страха. Наконец им, двоим смельчакам, удалось переправиться через реку, чтобы связаться с властями, а на острове вместе с медведями осталось пятеро их товарищей и девушка. Случайно в гостинице как раз проходила встреча тридцати директоров охотничьих союзов Синсю. Вооруженные прекрасными ружьями, прихватив большое количество патронов, они все как один спустились к реке.

Директора охотничьих союзов переправляются на остров, и тут провожавшие их двое юношей отбирают у них ружья! Затем появляются остальные шесть человек, среди них и девушка, и уносят ружья и патроны. Директора оказались бессильны, поскольку у них и в мыслях не было стрелять в людей. Тридцать разоруженных человек получили приказ снять резиновые сапоги, которые были выброшены в реку. Ружья охотников охраняли юноши, а двое даже целились в них, так что сопротивляться было невозможно. Перейти вброд бешено мчащийся ледяной поток они тоже не могли. Таким образом, оставив в западне на острове тридцать директоров охотничьих союзов, семеро юноцов и девушка погрузили в резиновую лодку тридцать новехоньких охотничьих ружей и патроны и переправились через реку. Говорят, их командир от имени *Корпуса лососей* даже выразил благодарность за любезно предоставленное оружие. А тридцать охотников, соорудив баррикаду из камней и валежника, ждали, когда по лесной дороге к ним придут люди с другого берега, — они принимали меры предосторожности на случай, если бы на острове действительно оказались медведи, ха-ха!

Я прямо с ног сбился, все это время собирая слухи о *Корпусе лососей*, все новые и новые легенды о случившемся в окрестностях реки Кумагава; семеро юношей и девушка, благодаря которым родился *Корпус лососей*, были деятельны, но малоразговорчивы — откуда появились, куда исчезли, — они не оставили ни намека, который мог бы послужить путеводной нитью.

4

Вам может показаться удивительным, что о таком из ряда вон выходящем инциденте не было сообщения в газетах. Но это говорит лишь о существовании приказа заткнуть рот прессе из-за опасения, что известие о тридцати ружьях и большом количестве патронов, попавших в руки организованной в группу молодежи, может вызвать общественное волнение. Я же имел возможность на месте гоняться за слухами и легендами, связанными с этим событием.

Я сказал «приказ заткнуть рот», будучи уверен, что в нашей стране он действует фактически повсеместно. Навероятно большое число инцидентов не находит отражения

на страницах газет. Мне, например, точно известно, что это относится к происходящему на атомных электростанциях. Я уже говорил, что до сих пор получаю пособие как бывший научный сотрудник атомной электростанции, только дав обязательство не сообщать средствам массовой информации конкретных подробностей аварии, в результате которой я подвергся облучению. Мне и впредь необходимо это ежемесячное пособие, вот почему я и вам не раскрываю всей сути происшедшего, ха-ха.

Подобное случалось, я думаю, не только со мной; я имею в виду людей, облучившихся на атомных электростанциях, которых не только руководство электростанции, но и профсоюз убеждал держать в тайне случившееся, и они молчали, получая за это определенное денежное вознаграждение. Атомные электростанции обходятся дорого, ха-ха. Они определенно разрушают окружающую среду и ежедневно вырабатываемыми радиоактивными отходами, и астрономическим количеством отработанной горячей воды, но, несмотря на это, они активно пропагандируются как источник энергии, символизирующий надежду будущего человечества выжить. А значит, распространять слухи о том, как я, работая на такой электростанции, стал жертвой аварии, все равно что перечеркивать завтрашний день человечества. И естественно, молчание становится нашей неотъемлемой сущностью.

Приведу пример — об этом инциденте писали газеты. Он произошел совсем недавно — помните? На атомной электростанции в Тохоку инженер-электрик умер от лейкоза. Он служил в компании, осуществлявшей ремонт атомных реакторов. В течение четырех лет он проверял и ремонтировал атомные реакторы. В мае прошлого года его положили в клинику, а в конце февраля этого года он умер. Мне не особенно хотелось знать подробности — достаточно уже того, что у него оказался лейкоз. Компания попыталась заткнуть рот средствам массовой информации — это естественно, но и семья умершего тоже хранила молчание. В течение своего полугодового пребывания в клинике инженер тщательно скрывал диагноз и ни словом не обмолвился о нем больным, находившимся в одной с ним палате. Если бы случившееся вышло наружу, он мог лишиться покровительства атомной электростанции, и тогда рассчитывать ему было бы не на кого. Он испытывал одиночество человека, который в условиях бурного использования атомной энергии в мирных целях

усомнился в целесообразности строительства атомных электростанций. В состоянии ли больной вынести такое испытание? Я убежден, что множество инженеров проходит курс лечения, облучившись на атомной электростанции.

Таким образом, остается одно — говорить о подобных инцидентах в юмористических тонах; так вот, я облучился вне стен атомной электростанции. И в этом первая причина того, что электростанция и профсоюз сделали все, чтобы сохранить случившееся в глубокой тайне.

Мы мчались тогда в машине, груженной ядерным сырьем, из которого можно было изготовить двадцать бомб. Мчались по государственной автострате вдвоем: водитель, его помощник и я, представитель атомной электростанции, и никакой охраны — не великолепно ли, ха-ха. И произошло то, что должно было произойти, — на нас напали похитители ядерного сырья.

Писатель-невидимка, исходя из подготовленных отцом Мори материалов, стараясь понять, на чем основываются его «юмористические тона» представил себе детали инцидента в таком виде. На атомной электростанции с помощью стержней из изотопа урана-238 в определенной пропорции с обогащенным на 3—5% ураном-235 нагревают паровой котел. В результате происходит превращение некоторой части урана-238, и в реакторе образуется плутоний. Для его выделения стержни раз в год извлекаются и подвергаются химической обработке. Ральф Лепп — один из тех, кто делал атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, а после войны стал критиком ядерной стратегии, хотя и не настаивает на полном уничтожении ядерного оружия, пишет, что ядерные стержни, заключенные в огромные свинцовые контейнеры, невероятно тяжелые, «горячие» в смысле радиации, и даже гангстеры, если похитят их, никакой пользы для себя извлечь не смогут. А вот выделенный химически на обоганительной фабрике азотнокислый плутоний, представляющий собой зеленую жидкость, обладает весьма слабой радиацией, и его можно перевозить на грузовике в обычных контейнерах — им гангстеры могут интересоваться, говорит Лепп.

Писатель-невидимка согласен, что зеленая жид-

кость в контейнерах была тем самым ядерным сырьем, которого могло хватить на двадцать бомб, о чем говорил отец Мори, и считает описанный инцидент вполне вероятным! Однако, если бы даже зеленая жидкость действительно была похищена, для того, чтобы изготовить из этого исходного продукта атомную бомбу, пришлось бы наладить производственный процесс по ее очистке и превращению в металл — для этого необходимы дорогостоящее оборудование и опытные специалисты. Разумеется, если грабители ядерного сырья поставили себе цель завладеть этими контейнерами, все происходило так, так описывает отец Мори.

Мы ехали в большой машине, груженной ядерным сырьем, возвращаясь с обогатительной фабрики А на атомную электростанцию. Вырвавшись из бесконечных пробок, наша машина выехала наконец на специальную дорогу, ведущую к атомной электростанции. Тут нас и захватили. Крытый брезентом грузовичок старой модели, который, несомненно, следовал за нами от самой обогатительной фабрики, отчаянно сигналил, будто хотел обогнать нас, начал прижимать нашу машину к обочине — какое сопротивление могли мы оказать, не имея охраны? Во-первых, я не сразу разобрался в происходящем и даже подумал, не нарушили ли мы правила движения. Вполне можно было бы предположить, что в крытом брезентом грузовичке сидит инспектор дорожной полиции. А водитель скорее всего подумал: наверно, что-нибудь неладно в кузове, где стоят контейнеры, и его машину хотят остановить, чтобы сказать об этом. После того как грузовичок обогнал нас, водитель рукой в перчатке стал подавать знаки, чтобы мы подъехали к обочине и остановились, причем делал он это твердо и уверенно.

Однако, как только мы остановились, из грузовичка выскочили какие-то личности, чей вид вызвал изумленные возгласы нашего водителя и его помощника. Вне себя, они завопили злыми голосами:

— В чем дело, в чем дело? Чего вам надо?

— Что это такое, что это такое? Чего это вы устроили?

Брезент над кузовом преследовавшего нас грузовичка откинулся, и оттуда молодцевато выпрыгнули человек пять-шесть, они встали в позу *жестяных людей* из «Ужас-

ного колдуна»¹, издав при этом странный металлический скрежет. Их можно было назвать ловкими и в то же время какими-то несуразными — беспорядочно, хотя и энергично, прыгая вокруг нас, они действовали неумело, и было совершенно непонятно, чего они хотят. У всех у них в руках были старинные пики в рост человека.

— В чем дело, в чем дело? Чего вам надо?

— Что случилось, что случилось? Чего это вы задумали?

Жестяные люди пиками прижали дверцы водительской кабины, и водитель со своим помощником снова завопили голосами, в которых звучали жгучая злоба и стыд. Тут я впервые испугался, и не на шутку, из-за их странной одежды. Потом мне пришла в голову мысль, что самое ужасное произойдет, если им удастся осуществить задуманное. Наряд *жестяных людей* — старые американские шинели с капюшонами, надвинутыми на глаза, поверх шинелей привязаны тяжелые металлические листы — по всей видимости, должен был играть роль защищающей от радиации одежды; скорее всего, руководил грабителями не научный расчет, а животный страх. *Жестяные люди*, тут же взобравшиеся в кузов нашей машины, оказались, видимо, первыми в нашей стране похитителями ядерного сырья.

Теперь один из *жестяных людей* начал колотить пикой в дверцу водительской кабины. Водитель и его помощник опять закричали, растерянно и в то же время негодующе:

— В чем дело? В чем дело? Чего вы стучитесь?

— Что это такое, что это такое? Чего вы стучитесь?

— Хочет, чтобы мы открыли дверцу, — пришлось мне объяснить им. — Нижняя часть лица под капюшоном наверное, у него повязана носовым платком, и поэтому говорить он не может. Ничего плохого делать нам он не собирается — нет нужды.

Пика продолжала барабанить по дверце, и водитель нехотя открыл ее — в кабину ворвалась уличная жара и вонь, исходящая от *жестяного человека*. Он протянул руку, огромную из-за прикрывавших ее металлических листов, и вытащил ключ зажигания. Между рукавом шинели и перчаткой проглянула потная розовая кожа.

Завладев ключом, *жестяной человек* резко захлопнул дверцу и, грохоча, побежал к своему грузовичку. Как толь-

¹ Популярный в Японии комикс.

ко он вскочил на подножку, грузовичок развернулся и задом подъехал к кузову нашей машины. Водителем грузовичка был бледный мужчина в спортивной рубашке, а не *жестяной человек*, как остальные. Когда я выглянул из кабины, чтобы получше рассмотреть его, *жестяной человек* на подножке погрозил мне пикой, так что водителя удалось увидеть лишь мельком. И еще я заметил, тоже на мгновение, нарисованную на брезенте эмблему начальной школы. И подумал, что это грузовичок, на котором доставляют школьные завтраки, и мои мысли устремились в новое русло. Эмблема начальной школы как раз и явилась главной причиной того, что я сделал в дальнейшем. Не покажется ли вам это странным? Ведь в то время у меня еще не было ребенка, да я и не питал особого интереса к детям.

И все же, когда я увидел эмблему начальной школы, я совершенно явственно услышал громкие крики: ЛИ... ЛИ... ЛИ... Я испытал возбуждение пинчраннера, охваченного страхом, смешанным с горьким честолюбием.

Я еще был сотрудником атомной электростанции и в тот раз отвечал за перевозку ядерного сырья, но не само нападение возмутило меня так сильно, как водителя и его помощника, — пока еще не отчетливо, но я уже предвидел огромную опасность, с которой оно связано. И мысль об этой опасности сверлила мне мозг: ЛИ... ЛИ...

Поскольку жестяные люди решили везти ядерное сырье в грузовичке для доставки школьных завтраков, то, видимо, предполагают воспользоваться летними каникулами и произвести очистку плутония в спортивном зале начальной школы. Какой-нибудь юнец, только что назначенный учителем физики этой начальной школы, будет руководить производственным процессом, но сможет ли эта компания, не имеющая никакого опыта, благополучно осуществить задуманное? Даже если все пойдет хорошо, заражение спортивного зала ядерным сырьем неизбежно. При соприкосновении с воздухом очищенный плутоний окисляется. В этом случае окись плутония распространится по всему спортивному залу. Дети будут вдыхать его, и через какое-то время в школе появятся больные раком легких.

Когда мне это пришло в голову, я сам закричал ЛИ... ЛИ... и, переступив через колени водителя и его помощника, выскочил из кабины в дверцу, которая не была видна *жестяному человеку*. Водитель и его помощник с негодованием теперь кричали вслед мне:

— Что это с вами, что это с вами? Побледнели как полотно. Не впутывайте нас! Что это с вами, что это с вами? Побледнели как полотно. Не впутывайте нас в это дело!

Когда я подбежал, *жестяные люди* уже загрузили в свой грузовичок вожделенные контейнеры. И точно замороженные смотрели на зеленую жидкость, струйкой стекавшую с кузова на землю. По меньшей мере один контейнер оказался поврежденным.

Было уже слишком поздно, а похитители ядерного сырья стояли и строили идиотские предположения: проникнет вытекающая жидкость через их защитную одежду или нет. Ни у одного из них не было счетчика Гейгера. Заметив, что я побежал, наблюдатель с грохотом припустил за мной, остальные, смотревшие на распolzающееся по земле пятно, обернулись в нашу сторону. Тут я поднял крик и, хотя до смерти напугал всех этих юнцов, сам оказался в безвыходном положении, и мне не оставалось ничего другого, как нырнуть под брезент грузовичка похитителей.

— Здесь все вокруг заражено! И грузовик, и дорога — все заражено! Вы сами тоже заражены! Если вы уедете обратно на своем грузовике, то заражен будет весь Токио! Спасайтесь, спасайтесь, спасайтесь!

С этим криком я спрятался за самым дальним контейнером, и *жестяные люди* стали колоть меня пиками, подниматься в кузов они боялись. Я все кричал, а *жестяные люди* все кололи и кололи меня пиками, боль была нестерпимой, а тут еще возникла и другая боль, от ожогов. Но я безостановочно кричал металлическим голосом, не уступавшим лязгу лат *жестяных людей*.

— Здесь все вокруг заражено! Вы облучились. Я тоже облучился и весь в ожогах! Разве можно допустить, чтобы вы вернулись в Токио на своем грузовике и заразили весь город? Нельзя допустить, чтобы дети заболели раком легких! Спасайтесь, спасайтесь, спасайтесь!

Крытый брезентом грузовичок продолжал стоять на месте, а юнцы все ожесточеннее кололи меня пиками. Вдруг *жестяные люди* разом сорвались с места и побежали, издавая невероятный лязг. Боль от ожогов лишила меня сил вылезти наружу, я уже не кричал о радиоактивном заражении и, лишь едва слышно повторяя все еще звучавшее у меня в ушах ЛИ... ЛИ..., весь дрожал, точно от холода, хотя лето было в разгаре. Вот как я был облучен.

ГЛАВА III

ОДНАКО ВСЕ ЭТО БЫЛО В ПРОШЛОМ

1

Однако все это было в прошлом; я говорю «в прошлом», потому что все это безвозвратно прошло. Дело в том, что это происходило до нашего с Мори *превращения*. Теперешние же я и Мори — это я и Мори после *превращения*. Что значит *превращение*? Мне даже кажется, что я только и живу ради того, чтобы рассказать о нем, преодолев неисчислимые тяготы, выпавшие на мою долю после *превращения*, ха-ха. Однако как сложно мне рассказать о *превращении* так, чтобы убедить вас, а через вас бесчисленное множество других лю ей! Рассказывать же упрощенно, в общих чертах не годится. Именно поэтому до сих пор я рассказывал о том, что уже безвозвратно прошло. Это была подготовка.

И опять-таки именно поэтому мне понадобились вы — писатель-невидимка. Я, рассказывавший вам до сих пор, — это я уже после *превращения*. Мне, человеку, лишенному литературных способностей, вряд ли удалось бы придать правдоподобие описанию событий до *превращения*, изложенных человеком после *превращения*. А чтобы понять, что представляло собой наше с Мори *превращение*, совершенно необходимо знать, что происходило до него.

До сих пор я ничего не рассказывал вам о *превращении*. Говоря о своих предчувствиях, я мельком коснулся этого, но рассказывал-то о действительно случившемся в моей реальной жизни и снах до *превращения*. Пригласить вас в качестве писателя-невидимки было для меня единственно

возможным способом передать информацию бесконечному множеству людей. И роль писателя-невидимки будет постепенно возрастать. Я взял на себя обязанность поведать всему человечеству об истинном смысле *превращения*, но для этого нужно не столько говорить, сколько действовать, опять-таки в интересах всего человечества! Я в самом деле безумно занят, ха-ха.

Таким образом, поскольку роль писателя-невидимки определена, характер этой работы, заключающейся в описании событий, субъектом которых является отец Мори, наконец стал ясен и мне, и читателям. Следовательно, комментарии, отражающие несогласие между рассказчиком, отцом Мори, и мной, записывающим его рассказ, потребуются мне в редких случаях, как это и было до сих пор. К тому же я стал испытывать острый интерес к *превращению* или, лучше сказать, к самому отцу Мори, утверждающему, что такое *превращение* произошло. Следовательно, до тех пор пока отец Мори не умолкнет, я не откажусь от выполнения своей миссии писателя-невидимки.

Итак, наше с Мори *превращение* — каким образом оно началось? Прежде всего мне хотелось бы, чтобы вашей памяти запечатлелся факт, что это случилось в начале весны, в день сильного снегопада. И сам факт, что в тот день был сильный снегопад, заставивший отступить весну, тоже, видимо, имел определенное значение. Проснувшись в темной комнате, я сразу же почувствовал, что снаружи все занесено глубоким снегом. Почувствовал по холоду, по доносившимся с улицы звукам, совсем не таким, как всегда. Обычно я поднимаюсь с постели с тяжелым сердцем, будто внутри у меня что-то надломилось, но в то утро или, лучше сказать, почти полдень я встал удивительно бодрым, готовым на любые подвиги.

Мори тоже был возбужден снегопадом, он встал с рассветом и смотрел на снег. Его сумеречный, ограниченный мир сознания расширился до того, что он мог уже испытывать подъем, даже его движения, хотя и едва уловимо, изменились, став более ловкими, целенаправленными. Это-то и явилось непосредственной причиной события, случившегося во второй половине того снежного дня, то есть последнего события перед *превращением*. Действия Мори на первый взгляд могли показаться

безрассудными, но, если внимательно присмотреться к ним теперь, когда все завершено, в них явственно вырисовывается причинно-следственная связь. Мори никогда не действует по своей прихоти, ему неведом метод проб и ошибок — разумеется, это немало усложняет жизнь нашим детям, ха-ха!

В тот день обстоятельства складывались для жены особенно неблагоприятно. Ее разбудил Мори, чтобы она сменила обмоченную еще на рассвете простынку, потом позвонили из группы Ооно, чтобы я выходил. Точно недовольная птица, она нахохлилась, замкнулась в себе и не удостоила даже взглядом снежные сугробы. Мне пришла в голову мысль, не воплотились ли в мою жену, собравшись вместе, все тени, сбежавшие с улицы, где стало так необычно светло, ха-ха! В одинаковых пальто, в одинаковых шапках, в одинаковых шерстяных шарфах, в резиновых сапогах, доходивших нам до колен, — в таком виде мы вышли с Мори из дому. Встречавшиеся на прорытой в снегу узкой тропинке прохожие, чье сонное воображение, подстегнутое снегопадом, пробудилось, удивленно смотрели на нас. Вернувшись домой, они, наверно, снова вышли на улицу, чтобы насладиться снегом, и, может быть, кто-нибудь из них говорит:

— Странная пара, этот взрослый и ребенок. Совершенно одинаковые с головы до ног. Даже головы у них одинаковые, два огурца, большой и маленький, нет, это не отец и сын, а братья, и один из них — карлик.

В тот день мы с Мори шли встречать руководителя движения против строительства атомной электростанции на юге Сикоку, который прибыл на Хонсю рейсовым пароходом, а потом пересел на поезд Синкансэн — скоростной линии железной дороги. Он интересовался мной потому, что я уже десять лет был неразрывно связан с группой Ооно. «Десять лет со дня облучения» — руководитель движения обязательно употребит эти слова; во время нашей беседы он будет задавать мне вопросы о тех тяготах, физических и моральных, которые я в связи с этим испытываю. Снедаемый постоянной тоской, я не смогу передать свои истинные чувства и мысли и буду говорить самые общие вещи. Тем более что руководитель движения из далекой провинции, чтобы доложить потом обо всем пославшей его организации, будет подробно и обстоятельно записывать мои слова. Но поскольку в прошлом я был инженером и имею опыт работы на атом-

ной электростанции, то я обязательно скажу о неверном толковании проблем научного характера. Так что для него, руководителя движения, я ни в коем случае не окажусь человеком совершенно бесполезным.

Я ходил на самые разные митинги протеста против строительства атомных электростанций в первую очередь для того, чтобы встречаться с Ооно. Если бы я уходил из дому без убедительного предлога, порожденного нашим атомным веком — борьбы против строительства атомных электростанций, — жена бы сделала все, чтобы помешать моей встрече с Ооно. Но жена тоже человек атомного века — разве могла она возражать против борьбы со строительством атомных электростанций, одна из которых, по ее глубокому убеждению, была виновна в облучении ее мужа и разрушении в его организме красных кровяных телец, в рождении ребенка, и о д н о г о н а ш и м д е т я м , и лишении ее возможности производить на свет здоровых детей? Жена очень гордилась тем, что училась когда-то на медицинском факультете; так могла ли она повернуться спиной к гражданскому движению протеста против строительства атомных электростанций, несмотря на то что возглавляла его Ооно?

В этом причудливо переплеталось комичное и трагичное, ха-ха, но временами моя жена сама, казалось, сомневается — может быть, облучение плутошем тут ни при чем и что-то неладное произошло в ее собственном, материнском организме. Именно поэтому она, возможно, прониклась еще большей ненавистью к атомным электростанциям, стараясь убедить себя в том, что именно они повинны во всех ее несчастьях.

— Идем на платформу Синкансэн. Это та самая платформа, Мори, с которой ты ездил к бабушке.

— Да, Синкансэн!

Так переговаривались мы с Мори в толчее Токийского вокзала у выхода на платформу Синкансэн, и тут я выпустил руку Мори, которую до этого крепко сжимал. Нужно было купить перонные билеты. Я направился было прямо к окошку кассы, но, увидав, что перед ним стоит человек пять-шесть, неловко потоптавшись, повернулся и пошел в конец очереди. Я рассеянно смотрел по сторонам. В костюме, предназначенном для хождения по глубокому снегу, было слишком жарко, и я находился в каком-то полубессознательном состоянии. Купив перонные билеты,

я протянул один из них Мори, который, как я думал, стоит у меня за спиной, но Мори исчез!

Толчая переместилась от контроля у выхода на платформу Синкансэн вправо, к центральному входу. Я кричал громко, но мои крики мгновенно растворялись в шуме толпы.

— Мори, Мори!

Все было напрасно.

Я кричал, а толпа безжалостно толкала меня и несла за собой, и мне с трудом удавалось сохранять равновесие. Я решил остановиться у центрального входа — ведь у Мори нет перронного билета. Пока я нервно оглядывался в сторону контроля, новый поток пассажиров потащил меня к проходу на платформу линии Кёхама, Яматэ и Центральная. В конце концов мне удалось вырваться из толпы и вернуться к выходу на платформу Синкансэн, но Мори и след простыл. Судя по времени, экспресс Хикари, который я встречал, уже пришел. Не зная, что предпринять, я нерешительно, поминутно оглядываясь, прошел контроль и одним духом взбежал по лестнице на платформу, к которой прибывал экспресс Хикари. Там уже стояли встречавшие — два молодых человека с флагом группы Ооно.

— Хорошо, что пришли! Из-за снежных заносов поезд опаздывает на целый час, — сказали они, как обычно, бесстрастно.

— Только что где-то здесь исчез мой сын. Пойду разыщу его и сразу же вернусь.

— Пропал Мори? Уж не ЦРУ ли или Американская комиссия по атомной энергии здесь замешаны?

— Не может быть! — закричал я.

— Почему? Как это «не может быть»?

Молодые люди, которые привыкли организовывать демонстрации и всегда готовы к активным действиям, захваченные дикой фантазией о существовании некоего международного заговора, тут же окликнули проходившего мимо сотрудника железнодорожной полиции. Тот стал подробно записывать в блокнот: имя пропавшего, возраст, пол, место жительства, профессию отца. Хотя Мори было уже восемь лет, чужому он ни за что не скажет своего имени, поэтому объявлять по радио об исчезновении мальчика было бессмысленно. Кроме того, пропавший Мори не проявит никакого беспокойства,

что позволило бы окружающим понять — пропал именно он.

— Ему восемь лет, но... От рождения с черепом у него не в порядке... и, даже поняв, что потерялся, плакать он все равно не будет...

— Вы говорите, с черепом не в порядке — это заметно?

— Была опухоль — ее удалили! Что в этом противостественного?

Нужно пойти в участок и проделать все необходимые формальности — как это у них все просто! Молодые люди, которым нельзя было отказать в отзывчивости, пошли туда вместо меня. Я снова вернулся к контролю у выхода к платформе Синкансэн и стал рыскать по всему вокзалу. Токийский вокзал — здание довольно простое, но для такого ребенка, как наши дети, оно представляет собой огромный лабиринт, где легко заблудиться, да к тому же отсюда можно уехать в любой район Японии.

Через час после того, как начались поиски Мори, молодые люди из группы Ооно, прихватив с собой маленького пожилого человека — руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикокку, — спустились с платформы. Молодые люди уже рассказали ему мою придуманную сначала только для жены историю, будто ненормальность при рождении Мори объясняется тем, что я был облучен, — он тут же выразил готовность включиться в поиски Мори и стал расспрашивать о его приметах.

— Увидите — сразу поймете, что слабоумный. Точная моя копия, уменьшенная на треть! — ответил я грубо.

Он печально посмотрел на меня.

Мысли, терзавшие меня во время поисков Мори, продолжавшихся уже целых два часа, вспомнились мне потом, при случившемся вскоре *превращении*, и наполнились для меня новым смыслом. Меня преследовала мысль, что Мори оказался брошенным на Токийском вокзале, точно ребенок, подкинутый в камере хранения. Преследовала меня и такая идея: а вдруг Мори сел в первый попавшийся поезд и уехал неизвестно куда и попадет в руки совершенно чужих людей. Пройдет несколько недель, родственные узы, связывающие его со мной, его отцом, порвутся, и Мори превратится в совершенно другое существо, и не исключено, я найду его только по собачьему выражению глаз и странному шраму на животе...

Стоило мне представить себе, что Мори упал

с платформы и его переехало поездом, как все во мне переворачивалось. К тому же у меня было совершенно отчетливое чувство, что произошло *превращение* и мы поменялись с Мори местами: потерявшийся ребенок, брошенный всеми, заблудившийся, не понимающий, что с ним произошло,— не кто иной, как я сам. Потрясенный этой мыслью, я метался по вокзалу, и тут ко мне подбежал руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку, взывавший к каждому ребенку, который попадался ему на глаза: «Мори! Мори?» — и обратил ко мне глаза, полные непереносимой боли, чистые и честные глаза пожилого человека. Каждый раз, когда на меня смотрели эти глаза, я чувствовал себя вдвойне, втройне затерянным в толпе Токийского вокзала и шептал строку из Блейка, которую как-то прочел в романе: *Отец, куда же ты ушел, бросив меня?* Прошептав эти слова, я обратился к какому-то совершенно постороннему, неизвестно что собой представляющему человеку (ха-ха, обратился к отцу) вырвавшимся из самой груди молитвенным голосом, точно взывающий о помощи:

Father! Father! Where are you going? O, do
not walk so fast.
Speak, father, speak to your little boy.
Or else I shall be lost.

Запыхавшись от погони за человеком, который хотел бросить меня, я в конце концов начал носиться взад и вперед по Токийскому вокзалу, ха-ха,— неужели я хотел догнать убегающего father?

Что же касается настоящего Мори, то его нашли молодые люди, которые любое дело доводили до конца. Мори поднялся на платформу экспресса «Кодама» и целых три часа, никому не мешая, спокойно стоял у киоска, навалившись всей тяжестью своего усталого тела на прилавок. Толпы людей на платформе толкали его, и он нашел себе убежище в этом тихом уголке. Когда мы отправились с ним навестить бабушку, то ехали как раз на экспрессе «Кодама». Точно бестелесное существо, он без билета спокойно проскользнул через контроль на выходе к платформе Синкансэн. Молодые люди пошли в полицейский участок сообщить, что пропавший найден, а мелкий служащий, пивший чай, сказал своим товарищам:

— Я так и подумал, что это он и есть, на платформе экспресса «Кодама», да? Я его там видел.

Молодые активисты, имеющие привычку по всякому поводу заявлять протест властям, набросились на него: если заметили мальчика, почему не удостоверились, кто он, не доложили? Они так вопили, что их чуть было не арестовали, но им удалось удрать, ха-ха.

2

В тот день я надолго задержал на вокзале руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикоку и даже заставил его помогать нам разыскивать Мори, но этого мало — я решил вернуться домой и не участвовать в вечернем митинге, где ему была отведена главная роль. И, что было уже совсем неприлично, я еще спросил у молодых людей, будет ли присутствовать на митинге Ооно, и получил такой ответ:

— Послушайте, папаша, ради чего вы вертитесь около нашего движения? Когда Ооно не будет с нами, вы сразу же сбежите, да? До чего же люди вашего возраста прямолинейны.

Я почувствовал, что молодежь в душе осуждает меня. Но я совсем выбился из сил, устал и Мори, и мы, шлепая по слякоти от растаявшего снега, перепачканные с ног до головы, вернулись домой. Подождав, пока жена, у которой с утра было дурное настроение, перестанет Мори, я увел его в кабинет и стал бить. Мори весь съежился от страха, сощурился, втянул голову в плечи и, пытаясь защитить лицо, выставил вперед локти. Где и когда научился он так защищаться? Может быть, среди общих накоплений человечества, полученных нами еще до рождения благодаря наследственному коду, есть специальный пункт, предусматривающий правила защиты слабого, когда его избивают? А я, приводя Мори в ужас, пользовался самыми грязными методами — схватив за руки, пытался отвести их от лица, тыкал в грудь, чтобы ему пришлось опустить локти, и бил его по щекам.

Вас, отца одного из наших детей, наверно, с души от этого воротит, вам хочется спросить меня: для чего? — запишите мой ответ, и пусть он прозвучит, как смех сквозь слезы, ха-ха,— чтобы научить! Как иначе

осознал бы Мори, что три часа его блужданий были ужасными тремя часами, смог бы понять, что должен за это понести наказание? Хотя наказание последовало только через пять часов. И все бил и бил Мори — и никто бы меня не оправдал, — ха-ха, чтобы научить! Научить, что бросать меня и уходить, бежать так, чтобы я не мог догнать, уходить в неизвестном направлении — плохо! Ха-ха, жестокое учение с весьма сомнительными результатами!

Когда я ударил Мори первый раз, нос его стал багровым, точно внутри его вспыхнула красная лампочка, из глаз пролилось несколько слезинок, и он, будто для того, чтобы подтвердить мой удар, сам стукнул себя по той же щеке. И он не плакал. Потому что я, ударив его первый раз, пригрозил: не смей плакать! Что же я начал делать потом? Дрожа всем телом от озноба, будто во мне таяли снежные сугробы, со скрипом стискивая зубы так, что сморщился подбородок, ха-ха, я коварно и жестоко бил неумело защищающегося, не помышляющего о сопротивлении ребенка...

Я постепенно сознавал, что невидимой мне, грубой, огромной ладонью бьют не кого иного, как меня, бьют прозрачной, огромной ладонью, легко преодолевающей неумелую защиту, и, чтобы понять смысл этих ударов, я бью самого себя по щеке (но это щека Мори!), и волосы у меня встают дыбом.

— Что вы здесь делаете в темноте? — услышал я за своей спиной крик человека, у которого тоже волосы встали дыбом. Не разгибаясь, я испуганно обернулся и увидел жену, которая, перестав кричать, так и осталась с зиявшей черной ямой открытого рта. Что-то напоминающее серебристые листья ивы выделялось в темной фигуре жены. Два глаза и лезвие бритвы в левой руке.

— Сам виноват, что Мори потерялся, за что ты его бьешь? Ты же ему говорил о бабушке, вот он и пошел на платформу «Кодама». И целых три часа терпеливо ждал, что ты догадаешься об этом! Откуда такая жестокость! Что ты делаешь с ним здесь, в этой страшной темноте?

Жена кричала «в этой страшной темноте», дрожа всем телом, точно так же, как дрожали мы с Мори.

— Скажи лучше, что ты собираешься делать? С бритвой в руке? Может ты тайком брилась?

— Ты поехал на Токийский вокзал, чтобы бросить

там Мори? Ты поехал, чтобы бросить там Мори, и, чтобы создать себе алиби, решил использовать как свидетелей активистов движения против строительства атомных электростанций!

— Ничего подобного!

— Когда ты первый раз позвонил мне, что Мори пропал, ты был возбужден — думал, удалось избавиться от него! А стоило ему найтись, и в телефонной трубке я слышу унылый голос! Будешь и дальше врать?

— Я искал Мори целых три часа и безумно устал, откуда же взяться бодрости.

— Бодрости у тебя не было, наверно, потому, что не пришла та отвратительная женщина! Нужен ты ей, чтобы с тобой встречаться! Она в это время выступала по телевизору. Так бить ребенка, которого ты собирался бросить, только за то, что тебе не удалось встретиться с той женщиной? Подонок!

После нашего возвращения, переодевая Мори, жена упорно отворачивалась от меня, когда я рассказывал о случившемся, и я подумал только, что виной всему ее дурное настроение. Но она, наверно, в течение ста восьмидесяти минут, которые отделяли первый звонок — Мори потерялся, и второй — он нашелся, беспрерывно пила виски. И теперь пьяна. Поняв это, я разозлился до того, что в глазах потемнело — такой была моя реакция на страх от неожиданного появления жены. Если вдуматься, я постоянно стеснялся жены и на этот раз, боясь, что она услышит, приказал Мори не плакать.

— Я прекрасно понимаю — ты меня ненавидишь, вот и размахиваешь бритвой. Но тебе меня не обмануть, я видел, что ты собиралась сделать в то утро. Скажи сама, что хуже — бить Мори или кастрировать его?

Не успел я это сказать, как ее глаза — два ивовых листка на одном уровне — сверкнули во тьме. Третьим листком — золингеновской бритвой — жена начала размахивать во все стороны!

Жена, хоть и пьяная, была ошеломлена и, когда до нее дошел смысл моих слов, даже перестала размахивать бритвой. Я ее, конечно, разозлил, но у меня была и другая цель — представить ее трагедию в комическом свете и хоть немного сбить чудовищное напряжение. Совершенно обезумевшую жену я любил сейчас до умопомрачения, этим же умопомрачением можно было объяснить и мои слова.

— Я убью тебя! Хотя ты и облучен плутоном, все равно спишь с женщинами! И пусть все катится к черту! Я убью тебя!

Размахивая бритвой уже целеустремленно, жена набросилась на меня. Я повалил Мори на пол и теперь мог увертываться от мелькавшей у меня над головой бритвы. Пьяная жена, прыгая около меня, споткнувшись, ударилась о книжный шкаф.

— Ой, больно! — жалобно закричала она.

Но в нее точно бес вселился — боль только распалила ее, она развернулась и снова набросилась на меня.

Атаки жены стали чересчур опасными, но тут застонал валявшийся у наших ног Мори. Как только я с ужасом подумал, не поранен ли Мори, жена ударила меня по уху рукой, в которой была зажата бритва. От страха, охватившего меня подобно мрачной, грозовой туче, я силой отшвырнул жену. Она и сама испугалась, что бритва сделала свое дело, и, с грохотом ударившись о стеклянную дверцу шкафа, на этот раз не завопила: ой, больно! Послышался лишь звук, похожий на всхлипывания — на-верно, она пыталась втянуть кровь, лившуюся из носа. На полу стонал Мори — он трясся, напуганный нашей дракой.

Я стоял в темноте и тихо подвывал. Удар пришелся по кончику левого уха и губе, но бритва, как мне показалось, щеки не задела; брызнула кровь, и я ощутил боль, но не только от удара, а еще и от того, что нервные волокна словно скрутились в тугую клубок. Возможно, я подвывал еще и потому, что в критический для жизни момент пытался спастись, инстинктивно повторяя то, что делал Мори. Всхлипывания жены объяснялись, видимо, тем же. Каждый из нас старался подражать стонам Мори.

С подбородка, точно из крана, стекала кровь и струилась с груди на живот, а потом на босые ноги. Я открыл рот, чтобы облизать губы, но, попав на онемевший, ставший твердым, как палка, язык, кровь полилась по нему в горло; закашлявшись, я стал выплевывать сгустки крови. Я понял, что бритва все-таки рассекла щеку насквозь и из этой красной дыры, наверное, торчат зубы, свои и искусственные; я пошел к выключателю зажечь свет, заливая кровью все вокруг. Нужно показать рану убийце с золингеновской бритвой! Но я увидел такое, что отбило у меня охоту демонстрировать свою рану. Жена, стоявшая у стеклянной двери, куда я отшвырнул ее, опустив окровавленное лицо, занесла левую руку с бритвой, чтобы

перерезать запястье на правой! Я схватил с пола под выключателем крысыловку и запустил в жену, целясь ей в руку. В бритву она не попала, но зато прищемила ей правую руку. Жена издала вопль, на который не способна ни одна крыса, и начала судорожно отжимать пружину, ха-ха. Это была особая крысоловка, изготовленная по моим чертежам, когда я работал на атомной электростанции, где крысы перегрызали трубы, по которым поступала вода для охлаждения реактора. Я стащил на атомной электростанции массу всяких вещей, но ни одна не оказалась столь полезной, как эта крысоловка.

Засунув в рот четыре пальца, высвобожденные из крысоловки, жена медленно вышла из комнаты. Я сел на кровать, чувствуя во всем теле неприятный озноб. В книге, анализирующей стрессы, которым подвержены служащие атомной промышленности, я как-то прочел, что во время стресса происходит сужение кровеносных сосудов кожи, чтобы больше крови поступало в мозг и мышцы. Но в данном случае все было по-другому — кровь не поступала в мозг и мышцы, она лилась на пол из раны в щеке.

Все тело мое заоченело, будто я уже был трупом. Я неотрывно смотрел на все еще лежавшего на полу, прикрывавшего обеими руками кусочек пластмассы в голове и продолжавшего стонать Мори. Удастся ли мне восстановить взаимопонимание, существовавшее между нами до сих пор? А какими, собственно говоря, были наши отношения до сих пор? Я вспомнил, что Мори сам ударил себя по щеке, мне захотелось еще отчетливее вспомнить это, и я тоже ударил себя по щеке. Однако пальцы прошли сквозь рану и столкнулись с чем-то твердым, возможно с зубами, и я закричал от боли и страха. Жена вбежала на этот крик с аптечкой в руках. Свернувшееся калачиком тело стонавшего Мори даже не шелохнулось, и я, чтобы вызвать его сострадание, закричал снова...

В борьбе сумо при ранении одного из противников объявляется ничья — так и жена, забыв о стычке стала оказывать мне первую помощь. Выйдя замуж в период прохождения стажировки в университетской клинике, она так и не стала врачом, но, я думаю, истинная причина была в другом — к тому времени она поняла, что не способна одолеть программу медицинского факультета. Разумеется, я ей этого никогда не говорил. Когда она оказывала мне первую помощь, я боялся, как бы к жене не вернулась жажда борьбы и она не начала раздирать

пинцетом дыру в щеке, но жена тщательно продезинфицировав рану, сказала тусклым голосом:

— Я положу марлю и забинтую, так что кровь больше гечь не будет.

И я действительно почувствовал, что кровь, лившаяся в рот, загустела. А сам факт, что меня порезали бритвой, уже не вызывал злости. Я испытывал чувство освобождения, будто мне специально сделали кровопускание. В какой-то популярной книжке я прочел, что в средние века, когда кровопускание было главным средством лечения, случалось, женщина, чтобы поскорее облегчить страдания, даже давила на руку лекаря, резавшего ее тело.

— Нужно, наверное, наложить швы? Пойду к врачу, — сказал я. Но тут жена завопила:

— В больницу идти нельзя!

Как раз в тот момент, бинтуя мне лицо, она распрямилась и, бурно выдыхая запах виски, продолжала вопить:

— Пусть меня арестуют, я все равно рта не раскрою!

Рана болит, кровь безостановочно течет — наверно, из-за недостатка витамина В, головной мозг не регулирует обмена веществ, а тут еще от воплей жены я окончательно растерялся, ха-ха.

— Хорошо, сегодня в больницу не пойду. Да я и не могу оставить тебя с Мори, когда ты в таком состоянии.

Жена уронила голову на грудь и в густых парах алкоголя, казалось, потеряла самое себя, но вдруг энергично вскинула голову и потребовала:

— Отдай «золинген»! Я же отдала твою крысыловку!

— Никакого «золингена» не отдам, куплю тебе безопасную бритву «Жилетт». То, что ты разрезала мне щеку, — ладно, но я не могу допустить, чтобы ты кастрировала Мори, — сказал я и, подпрыгнув, увернулся от пинка в пах.

— Это ты поранил Мори. И мы с Мори ни за что не простим тебе!

Готовила жена новый пинок или просто шаталась от того, что была пьяна, я не знал, но на всякий случай решил поостеречься и, чтобы не вдыхать паров алкоголя, отошел в сторону.

— Я с Мори возвращаюсь к своим родителям! А ты отправляйся на Итабаси в клинику Токийского университета и попроси у них опухоль, вырезанную у Мори! Она принадлежит тебе! И больше ничего не смей отбирать у него! Мы с Мори будем бороться!

— Не говори глупостей. Я активист гражданского движения и не допущу такого тона,— сказал я, а жена, прикрывая своим телом Мори, который лежал в прежней позе, скорчившись, снова ревниво обратила ко мне свои глаза — ивовые листики, как если бы речь зашла об Ооно. Не были ли ее неожиданные действия проявлением подсознательного стремления противодействовать Ооно?

3

Жена бросила наматывать бинт поверх марли, прижимавшей рану, и я попытался сам закрепить его, но это никак не удавалось. Не знал, где лучше завязать. Я пошел в другую комнату, чтобы взять лыжный шлем из черной шерсти, в котором было три отверстия — для глаз, носа и рта. Я примерил его — бинт прижат, почти никакого давления на рану. Попробовал произнести «Мори, Мори» — ощутил боль от движения щеки и услышал только:

— Ей, ей.

Я вернулся в кабинет, жена, до этого что-то шептавшая на ухо Мори, сразу повысила голос и запричитала:

— Мори вместе с мамой, Мори уедет отсюда. Только Мори и мама вдвоем уедут отсюда. Бросим здесь сумасшедшего, который бьет Мори, и уедем вдвоем, Мори и мама!

Мори уже не лежал, скорчившись и прикрыв руками голову,— теперь он стоял. Жена, стоя на коленях, прижимала его к себе. Мори, который сейчас был на голову выше ее, поднял на меня опухшие глаза, но остался в объятиях матери.

— Мори, слышишь, Мори, вместе с мамой Мори уедет отсюда! Только Мори и мама вдвоем навсегда уедут отсюда! Оставим здесь сумасшедшего, который хотел бросить такого ребеночка, как Мори, бил его, и уедем!

Я сел на кровать и, мелко дрожа от озноба — не знаю, чем вызванного, погодой или моим физическим состоянием,— стал ждать. И при этом думал с беспокойством, что такая возможность для нас с Мори — это последний шанс.

Жена встала и, продолжая прижимать к себе Мори, склонилась над ним и попыталась вывести из комнаты, но он явно сопротивлялся этому. Жена тащила его изо

всех сил, так энергично, будто решила похитить. Но Мори стоял как вкопанный — сдвинуть с места его было невозможно, жена даже еле удерживалась на ногах.

— Мори, ну что же ты? Послушай, Мори, ну пойдём же!

— Мори, Мори, — поспешил я вмешаться, но ничего вразумительного произнести не смог — слышалось только «ёй, ёй». — Мори, Мори, оставайся со мной! Мори, Мори, оставайся со мной!

Однако у меня получалось лишь «ёй, ёй, ёйиниё!». Возможно, именно тогда и наступил поворотный момент в нашей с сыном жизни.

Противясь жене, которая буквально пыталась выкорчевать его, Мори, как сторонник ненасильственного сопротивления, лишь упирался, и каждый раз, когда жена пыталась сдвинуть его, она сама едва не падала, пьяная и обесилевшая. Причём все это время Мори смотрел прямо на меня, зывавшего: «Ёй, ёй, ёйиниё!». Хотя мне было стыдно за себя в этом дурацком черном с красными полосками шерстяном шлеме, ободряемый взглядом Мори, я продолжал зывать: «Ёй, ёй, ёйиниё!»

— Что ты говоришь? — Жена, повернувшись ко мне, в противоположность Мори была, казалось, потрясена моим видом, ха-ха.

— Ёй, ёй, ёйиниё! — прокричал я и выплюнул на подушку сгусток крови.

— Мори, Мори, папа плохой!

— Папа плохой — нет!

— Мори, иди с мамой!

— Ёй, ёй, ёйиниё!

— Мори пойдет с мамой — нет!

Жена отняла от Мори одну, потом другую руку, выпрямилась и сделала несколько шагов в мою сторону. Потом замерла и, точно исполняя айнский танец журавля, только изображая не летящего журавля, а угрожающего, медленно вскинула вверх непослушные руки.

— И отец, и сын полоумные, отравленные плутонием! — закричала она и с громким плачем выскочила из комнаты и побежала вниз по лестнице.

Я выпул из книжного шкафа коньяк и салями, спрятанные туда на случай бессонницы, когда идти за виски с пивом неохота, но потом, вспомнив о ране, поставил коньяк назад и отрезал кусок колбасы.

— Ёй, ёй, ёйиниё.

Мори подошел ко мне и начал есть колбасу, разложенную на перфокарте. Счистив ногтями шкурку и выковыряв каждое зернышко перца, он держал тонкий кружок в горизонтальном положении, и при этом глаза его, напоминающие темную воду, не видели ничего вокруг, кроме этого кружочка. Я не знаю ни одного человека, кроме Мори, который бы ел самую немудреную пищу, проявляя такое уважение к еде как таковой. Разумеется, я воспринимал эту короткую передышку как временное перемирие, и радость видеть Мори, жующего салями, была равносильна глотку из фляжки, когда сидишь в окопе. Одинокая вонительница на первом этаже беспрерывно ходила взад и вперед — наверно, укладывала вещи. Потом сделала несколько звонков по телефону. В моем кабинете и гостиной были установлены параллельные аппараты, поэтому при повороте диска на одном из них второй позванивал. Стоило мне поднять трубку, и я бы узнал, с кем разговаривает жена, но я этого не сделал. Мори со мной, и все шансы на победу у меня, так что суетиться нечего. А кроме того, как бы осторожно я ни поднял трубку, жена моментально это заметит, и на меня тут же обрушится ее окрик: «Нечего подслушивать, ты, полоумный, отравленный плутонием!» Ха-ха!

Когда Мори доел салями, я снял с его кровати любимое им шерстяное одеяло — старого друга, с которым он был в клинике, когда ему делали вторую операцию. Я устал и у меня не было сил подстелить простынку — вместо этого я сводил его в уборную. Потом, не раздеваясь, мы легли с ним в мою кровать. Рана на щеке пульсировала и болела, эта боль прочно удерживала меня в *настоящем*. Боль была подобна циклическому движению. Ведь циклическое движение подразумевает бесконечное повторение — бесконечное повторение боли! Когда в детстве, стараясь заснуть, я плотно закрывал глаза, под веками появлялись самые разные фигуры — они вращались, рассыпались, снова собирались вместе, и в этом была определенная цикличность. Мне казалось, что это Манда¹, и на ней изображено предсказание всей моей жизни, а я из всех сил старался понять его — не помню, с каких пор эти фигуры перестали появляться. Я хотел сказать Мори о том, что нашел наконец разгадку; он лежал рядом со мной на спине, обжигаяще горячий, точно готовый

¹ Манда — буддийский магический рисунок мира.

самовоспламениться. Но тут сработал рефлекс — мне не хотелось тревожить сына, которому пришлось сегодня немало выстрадать, и я решил пойти за коньяком. Я собрался уже было встать с постели, но спящий Мори крепко вцепился мне в руку — неужели чтобы не потерять, не превратиться в потерявшегося ребенка?

4

Я заснул. И увидел удивительный сон, весь наполненный атмосферой беды; во сне я снова испытывал смертельную усталость, причем чувство это не поддавалось никакому описанию. После облучения моя жизнь превратилась в бессрочные каникулы, и, поскольку во время бодрствования никаким трудом я не занимался, воображаемый труд во время сна, возможно, служил некоей компенсацией моего безделья. Часто я просыпался, испытывая неимоверную усталость, а самого сна не помнил, и тогда я думал, не подобна ли эта усталость тяжкому бремени воспоминаний умирающего, перед мысленным взором которого проходит вся его жизнь. Но все это было до *превращения*. В своем рассказе я вот-вот перейду и этот рубеж, потому-то мне и потребовался писатель-невидимка. Время *превращения* уже совсем близко, так что можете смело не обращать внимания на то, что я рассказываю.

Сон был такой. Какой-то хулиган ударил меня, когда я возвращался домой. И вышел-то я на улицу, кажется, только для того, чтобы меня ударили. Во рту был неприятный привкус от раны в щеке и искусственных зубов. Когда мне ставили временный протез, у меня возникли денежные затруднения, и постоянный я до сих пор так и не сделал. Между тем десны у меня задубели и сжались, и между искусственными зубами и деснами образовались щели, и поэтому я всегда плотно прижимал зубами протез. Итак, возвращаясь домой, я засунул палец в рот и обнаружил, что два верхних коренных зуба, к которым крепился протез, отсутствуют. Я надавил на зубы языком, и они вывалились все до одного, точно поставленные в ряд костяшки японских шахмат, представляете? Как неприятно, когда весь рот набит выпавшими зубами...

Я проснулся от топота жены, избежавшей по лестнице. Это была наша с ней общая привычка — по комнате мы двигались вяло, медленно, но, выйдя в коридор,

всегда чуть ли не бежали. Точно боялись, что на нас неожиданно нападет что-то страшное, как опухоль, которая была в черепе у Мори. Включив в комнате свет, жена заверещала:

— Бросаю тебя и Мори и уезжаю, вот! Раньше я не бросала вас потому, что боялась, что вы вдвоем покончите с собой. Но теперь я решилась — бросаю тебя и Мори и уезжаю, вот! И опять вернусь к учебе, которой пожертвовала ради тебя и такого ребенка! А потом выйду замуж по-настоящему и рожу настоящего ребенка! Если бы я вышла замуж не за тебя, а за другого, то родился бы совершенно нормальный ребенок! Допустим, Мори такой из-за облучения плутоном — на этот раз я выйду замуж за человека, не облученного плутоном. И значит ребенок будет нормальным! Если же Мори такой по чистой случайности, даже по теории вероятности следующий ребенок будет нормальным! Понял?! Я бросаю тебя и Мори и уезжаю!

— Но не поедешь же ты сейчас, ночью? Может быть, лучше сделать это завтра?

Я хотел ей сказать это, но мне удалось произнести лишь: «ей, ей, ейиии». Правда, жена, которая, по самым скромным подсчетам, была близка со мной две тысячи пятсот раз, моментально поняла, что я хотел сказать.

— Что ты мелешь? Режиссер уже приехал за мной, даже цепи надел на колеса, опасаясь, что на дороге гололед. Он ждет меня на улице, ведь ты, чтобы помешать мне уйти, можешь обвинить его в незаконном вторжении в чужой дом. Может, встанешь и вынесешь мой чемодан? Пошелемливайся! Бросаю тебя и Мори и уезжаю, вот!

От того, что жена вот так запросто, без всякого объяснения употребила существительное «режиссер», у меня начисто исчезло желание останавливать ее. В распахнутые настежь двери прихожей лились звуки трубы, выводившей мелодию «За сотни ри¹ от моей страны».

В газетной колонке, посвященной театральной жизни, я как-то прочел сиклетню, будто этот самый режиссер поставил на свой выдавший виды автомобиль музыкальный клаксон. Жена была знакома с ним давно, еще в девичестве — тогда его театральная группа преуспевала, ставила одну пьесу за другой, и про него даже говорили,

¹ Ри — мера длины, равная 3927 м.

что он будет способствовать возрождению японского театра.

— Бери чемодан, не копайся! Я бросаю тебя и Мори и уезжаю!

В комнате все было перевернуто вверх дном. Вокруг чемодана — с ним я обычно ездил за границу — горой валялись вещи, с которыми жене жаль было расстаться, и она из всех сил пыталась втиснуть их в чемодан, но так и не смогла. Сковорода с ребристым дном — свадебный подарок однокурсников жены, однако я не припомню, чтобы мы хоть раз ели куски мяса, которые были настолько велики, чтобы жарить их на этой сковороде, ха-ха. Делая вид, что проверяю замки на чемодане, я попытался вложить в него сковороду, но тут жена, стоявшая рядом с независимым и неприступным видом, резким движением вырвала ее у меня из рук и отбросила в сторону. Не понимаю, почему именно сковорода вызвала у нее такой гнев. Разумеется, такую тяжелую вещь лучше было не класть в чемодан, и без того достаточно набитый. Чемодан был неподъемный, и рана на щеке стала болеть невыносимо, невыносимой была и боль в суставах после ночи, проведенной в неудобной позе на узкой кровати рядом с Мори.

— Что ты там копаешься? Заснул, что ли? Импотент!

Преодолевая боль, я иступленно тащил чемодан. Мой соперник, с которым мы десять лет назад боролись за эту женщину, все слышит, так что «импотент», пожалуй, слишком жестоко с ее стороны, ха-ха.

Режиссер, небольшого роста мужчина, стоял рядом со старым «ситроеном», который он поставил у фонарного столба. Одежда на нем была в тон машине, печальное лицо закрывали солнечные очки, хотя и так было темно.

Сразу же за калиткой я опустил чемодан на землю и, отступив на шаг, остановился. Жена, кажется, не требовала от меня, чтобы я дотащил чемодан до «ситроена»?

— Быстрее клади вещи в машину! А то он вдруг пожалеет и унесет их обратно!

Режиссер с унылым видом медленно направился ко мне. Поравнявшись с чемоданом, он вдруг сделал стремительный рывок и бросился на меня с кулаками. Наверно, они с моей женой пользуются одним и тем же методом нападения — неожиданной атакой. Но мне даже увертываться не пришлось — режиссер вдруг поскользнулся и грохнулся на мостовую. Не мешало бы ему и на ботинки

надеть цепи, ха-ха. Он тут же поднялся и с гордым видом потащил чемодан — выглядело все это великоленно.

— Можешь не бить, бросаю-то его я! Я бросаю тебя и Мори и уезжаю!

«Ситроен» подъехал вплотную ко мне — режиссер сделал это, чтобы через окошко бросить мне в лицо прощальную реплику:

— Полоумный!

Я вернулся в опустевший дом. Режиссер, не постеснявшийся обругать меня, был еще совсем молод, но казался стариком — мне почему-то стало тоскливо. Мой соперник выглядел пожилым человеком, да и я сам, несомненно, одряхлел не по возрасту. Но что это? Куда вдруг девалась боль в мышцах и суставах, которая мучила меня даже тогда, когда я опустил на землю чемодан? Я теперь испытывал обновление во всем организме, о котором в молодости и мечтать не мог, и в то же время сознавал невозможность такого обновления. Может быть, именно это и было болью? Если бы я не должен был думать о Мори, спавшем в моей кровати, то, наверно, так бы и стоял здесь сейчас и плакал, ха-ха.

Вернувшись в кабинет и сев на кровать рядом с Мори, я заметил, что он обмочился. Я разбудил его, отвел на его кровать и укрыл одеялом. Избитое лицо Мори отекло. Из-за опухоли сразу после рождения голова его была продолговатой, и весь он был похож на маленького старичка — я отчетливо помнил это.

— Мори, спокойной ночи, — хотел я сказать ему, но получилось «ёй, ёйии».

— Мори спит! — пробормотал сын.

Потом мне захотелось пожаловаться Мори, и я стал мысленно говорить с ним, употребляя самые неожиданные даже для самого себя слова: мама уехала, она бросила нас, хотя я и любил ее больше Ооно, больше всех, ведь она была моим товарищем в борьбе с нашей горькой жизнью.

Да, но что же делать с мокрым матрасом? Жена бросила меня, и мне не оставалось ничего другого, как просто отказаться от ответа на трудные вопросы, которые стали тут же возникать, я завернулся в сухое одеяло и лег прямо на пол. То, что я испытал во сне, было ужасно. Не сновидение было страшным — все заволокла сплошная тьма, и я даже снов не мог видеть. Ужасным было то, что произошло со мной во время сна: мое тело точно вывернули наизнанку. И само тело, идя наперекор испуганному

сознанию, не сопротивлялось! Оно начало исторгать из себя другое тело такого же размера. И остановить это было невозможно.

Проснувшись на следующее утро, я обнаружил, что рана на щеке зарубцевалась, исчезли даже шрамы от ожогов, полученные в сражении с *жестяными людьми*. Вместо вставных зубов выросли собственные — чтобы убедиться в этом, достаточно было потрогать их языком. Даже не смотрясь в зеркало, я уже знал, что мое тело помолодело на двадцать лет и стало телом восемнадцатилетнего. А Мори, повзрослевший на двадцать лет и ставший двадцативосьмилетним, накинув на голову свое любимое потрепанное одеяло, пришел посмотреть, что произошло со мной. Вот формула нашего *превращения*: $38 - 20 = 18$, $8 + 20 = 28$.

ГЛАВА IV

МЫ СРАЗУ ЖЕ ВКЛЮЧИЛИСЬ В БОРЬБУ

1

Символический смысл происшедшего со мной *превращения* состоял в том, что исчезли все следы плутониевого ожога. Разве это не так? В атомных реакторах выделяется Рц, никогда не существовавший на Земле, и период его полураспада равен двадцати четырем тысячам лет. Во всяком случае, он не исчезнет, пока человечество будет существовать. Я отождествляю земной шар до загрязнения этим веществом, которое человек теперь уже не в силах уничтожить, и свое тело, омолодившееся до восемнадцатилетнего возраста и еще не облученное. Возможно, некоторые скажут, что так мыслить и чувствовать — полнейшее безумие, и мое превращение в восемнадцатилетнего посчитают обыкновенным бредом сумасшедшего. А у меня нет желания обращаться к тем, для кого я безумец, хотя я понимаю, что мой рассказ действительно похож на бред сумасшедшего. Но я не могу забросить все и заняться детальным исследованием себя и Мори, чтобы сообщить потом о результатах этих исследований. Если я просто расскажу о событиях, происшедших со мной и Мори после *превращения*, слова мои, несомненно, выразят истинное содержание того, что произошло с нами. А благодаря вашим запискам это смогут понять и другие. Для нас с Мори, непосредственно переживших *превращение*, хорошо уже то, что мы оказались способными на самостоятельные действия. Представляете, что испытывает человек, вновь обретший тело восемнадцатилетнего? Ха-ха, это очень приятно. Разве не свойственно всем людям горестно вздыхать: неужели и мне когда-то было восемнадцать лет? А я вздыхал с радостью — сейчас, дожив до тридцативосьмилетнего возраста, я вновь стал обладателем тела восемнадцати-

летнего, ха-ха. Правда, к радости примешивалась и мука. Когда мне давным-давно было восемнадцать лет, я влюблялся так, что внутри у меня все клокотало, я испытывал муки от обуревавших меня чувств. И я предпочел бы умереть, нежели испытать их вновь. Но возродило ли и их мое *превращение*? Ха-ха. Я не могу отрицать, что в создавшемся положении мной овладело беспокойство, но стоит ли говорить вам об этом? Ведь мои слова доходят до вас, пройдя через тело восемнадцатилетнего.

В каком направлении будет в дальнейшем развиваться мое тело, вернувшееся к восемнадцатилетнему возрасту? В направлении — семнадцать, шестнадцать, пятнадцать... ноль лет? И в конце концов я исчезну, погрузившись в плодную жидкость искусственной матки? Ха-ха. Если же предположить, что мое тело застынет на нынешней отметке «восемнадцать», то я, возможно, обрету бессмертие, вечно оставаясь восемнадцатилетним? Правда, я могу, когда захочу, покончить с собой — так что ада бессмертия я всегда смогу избежать. Благодаря вашим запискам мое *превращение* получит широкую огласку и я стану самым знаменитым человеком, объектом всеобщей зависти. Римский папа должен будет встретиться со мной и принять относительно меня какое-то специальное решение, ха-ха. Однако вполне можно предположить, что происшедшее со мной и Мори *превращение* случается с бесчисленным множеством людей — только данных об этом пока нет.

Следовательно, если *превращения* происходят на всем земном шаре, не означает ли это кризиса человечества? Правда, руководитель калифорнийской лаборатории Солк, создавший вакцину против детского паралича, напомнил, что в китайском языке слово «кризис» состоит из первых иероглифов двух слов: «опасность» и «шанс». Не станет ли бесконечное множество *превращений*, включая и нас — меня и Мори, — явлением, символизирующим кризис человечества? Если да, то в современном мире на свет вот-вот появится Антихрист. Как нужно бороться, чтобы не допустить этого, чтобы погубить Антихриста в зародыше? Возникает вопрос: кто будет бороться? И я отвечаю: поручите это только нам, *превратившимся*.

...Вот какие мысли владели мной, они захватили меня целиком. Мне ведь стало восемнадцать лет, и у меня было такое ощущение, будто бурлящая в теле жидкость

вот-вот достигнет точки кипения, будто мрачные грозовые тучи гонят меня вперед!

Как только я осознал происшедшее *превращение*, мной овладела навязчивая идея. На НЛО прилетают пришельцы из космоса и направляют проекционный аппарат на определенную точку Земли. Один источник света посылает два луча на два стереозкрана. Используя подобную конструкцию, не составляет никакого труда, манипулируя проекционными аппаратами, совместить проекцию А и проекцию В, произведя взаимокомпенсированное *превращение* с разрывом в двадцать лет.

Если наше с Мори *превращение* было осуществлено таким образом, то естественно предположить, что пришельцы имели определенный план, и не исключено, что на нас с Мори возложена некая миссия. *Пре­вращение* захватило нас со всепоглощающей силой, которой было трудно противиться. Оно произвело в наших телах направленный взрыв. И, может быть, мы вплотную подошли к такому моменту, когда должны выполнить возложенную на нас миссию. В том случае, разумеется, если наше *превращение* имеет реальный смысл! Мы, *превратившиеся* — восемнадцатилетний я и двадцативосьмилетний Мори, — надемся, что этот момент наступит. Мы выполним свою миссию, преодолевая одну трудность за другой. Потом... да, судя по моим оптимистическим рассуждениям, я, кажется, действительно помолодел до восемнадцати лет не только телом, но и душой. Но стоит ли горевать по этому поводу? Ха-ха.

2

Каким же человеком стал *превратившийся* Мори? Я думаю, о нем можно сказать так же, как и обо мне, — его дух остался духом до телесного превращения, и, не противореча этому, он стремительно переходит в дух, соответствующий возрасту его нового тела.

Мори после *превращения* уже не повторял за мной слова как попугай, стал молчаливым, и поэтому я теперь сужу о нем только по его внешнему виду и поведению. Природная молчаливость теперешнего, двадцативосьмилетнего Мори очень идет ему. Молчаливость его весьма выразительна. Собираясь что-либо предпринять, я рассказываю Мори, как я это себе мыслю, что намерен делать. Я приобретаю новый опыт, разумеется опыт восемнадцати-

летнего, ха-ха, и рассказываю о нем. Мори впитывает мой рассказ, не произнося ни слова, ободряет меня. В такие минуты он не отрывает от меня внимательного взгляда!

В своем дальнейшем повествовании я покажу, как это происходит конкретно. Ведь и после нашего *превращения* Земля продолжает вращаться вокруг собственной оси, вращаться вокруг Солнца, чередуются приливы и отливы — все в природе зовет нас к действиям. Когда я смотрю на Мори, *превратившегося* в двадцативосьмилетнего, сердце мое наполняется бесконечной нежностью. Никогда прежде я не встречался с таким Мори, но, поскольку именно этот Мори — настоящий, окончательный Мори, Мори, рожденный источником света, и поскольку этот Мори живет в реальности, я совершенно спокоен — скорее всего, нам с ним удастся достойно прожить свою *превращенную* жизнь и выполнить миссию, возложенную на нас космической волей.

Помимо всего прочего, я почувствовал, что Мори полностью отдает себе отчет в том, что представляют собой его тело двадцативосьмилетнего и изменяющийся в соответствии с этим телом дух. У нас не было необходимости говорить о *превращении*. Ведь как это было бы хлопотно, если бы дети, подобные нашим детям, претерпев *превращение*, не понимали, что с ними произошло. Правда? Представляете мое положение, если бы Мори, увидев меня, ставшего восемнадцатилетним, и решив, что какой-то проходимец хочет занять место его отца, пришел бы в ярость и набросился на меня с кулаками? Ведь Мори теперь обладал мускулатурой зрелого мужчины, а я был еще слабым юношей с неокрепшим костяком, не говоря уж о мускулах, ха-ха.

Вот почему я, исходя из наших отношений, строящихся на том, что *превращение* мы воспринимали как нечто естественное, рассказал Мори следующее:

— Я тебе уже много раз говорил о пинчраннере, а теперь вспомнил кое-что новое. Я вспомнил яркий солнечный день после проливного дождя, мы как раз начали игру, дождавшись, когда солнце высушит лужи. Между рядами домов неся бурлящий мутный поток бурого цвета. Но игроки под яркими лучами солнца, выглянувшего после дождя, думали только о бейсболе, а я сидел на скамейке и ждал, чтобы меня выбрали в пинчраннеры. (Я и раньше часто вспоминал о страхе и честолюбии, которое испытывал, когда выбирали меня, но поче-

му-то забыл о том, что сначала меня охватывало непреодолимое желание быть выбранным в пинчраннеры.) Мальчишки, которым еще ни разу в жизни не удалось посидеть на скамейке запасных, призывно кричали, будто души солдат — деревенских парней, погибших в чужих краях, откуда даже останки их не вернулись на родину. Ну, в общем, доставай из шкафа одежду, которая тебе подойдет. Сегодня холодно. А я приготавливаю поесть!

Мори отошел от кровати и стал шарить в шкафу. В школу он ходил недолго, но, похоже, выработка жизненных навыков в специальном классе в основном сводилась к обучению детей самостоятельно одеваться. Во всяком случае, в этом виде обучения он преуспел. Правда, сейчас, после *превращения*, говорить об этом немного смешно.

Я стремительно вскочил с кровати, испытывая бодрость, свойственную восемнадцатилетнему. На подтянутой фигуре брюки теперь висели мешком. В ту минуту, честно говоря, я почувствовал даже беспокойство от того, что во мне произошла такая разительная перемена. Слой подкожного жира сделался тонким, как детское одеяльце. И это ты, толстый мужчина средних лет, ха-ха. Но думал я не только о себе. Я стал беспокоиться о Мори. Не должен ли я скрывать от посторонних *превратившегося* Мори? Хорошо еще, что в нашей стране нет воинской повинности, но, если взрослый человек, неожиданно ставший из восьмилетнего двадцативосьмилетним, не регистрируется в муниципалитете, это будет воспринято как пренебрежение к своим обязанностям гражданина. Но как скрыть Мори? Хуже всего прятаться в собственном доме, лучше выйти на улицу. В народ! В безвыходной ситуации партизаны тоже бросаются в безбрежное людское море, где они могут свободно плавать!

Телефонный звонок. Я потянулся было за трубкой, но вдруг весь сжался.

Постой, как я должен говорить по телефону после превращения? Но поскольку превращение произошло, нынешний я — единственно существующий я. Продолжать в том же духе, как до превращения? Это лишь насторожит посторонних, колебался я.

— Ты что, спал? Постоянно ты спишь! Я бросила тебя и Мори и уехала!

Телефон умолк. Набралась смелости с похмелья или опохмелилась на скорую руку и кричит дурным голосом, ногами топает от бешенства.

Хорошо! Значит, во всем мире сохранился порядок, существовавший с незапамятных времен. *Превратились* лишь мы с Мори! Снова зазвонил телефон, на этот раз я снял трубку с твердым намерением обругать в ответ жену, бы в ш у ю жену, но услышал голос совершенно незнакомого мне, постороннего человека.

— Вам известно, что тайным устроителем сегодняшнего митинга является террористская антикоммунистическая организация? Может быть, вам лучше не ходить на него?

Ответить я не успел. Действительно, в тот вечер проводился митинг против строительства атомных электростанций. В качестве докладчика выступал руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку, за день до этого прибывший в Токио. Группа Ооно сотрудничала с этим движением. До сих пор, достоверно зная об этих связях, я не расспрашивал о подробностях. Деятельность группы Ооно контролируется руководством революционной группы — что в этом противозаконного? Я, правда, никогда не слышал, что какие-либо организации непосредственно диктовали свою волю группе Ооно. *Пусть я не знаю, кто это звонил, но, если кто-то пытается помешать нам с Мори пойти на митинг, мы обязательно должны попасть туда*, сразу же подумал я. Действительно, у меня появилась решительность восемнадцатилетнего, ха-ха. Каким бы опрометчивым ни было решение, инициатива останется в моих руках, подумал я с оптимизмом. Более того, ждут, что появимся мы, какими были до *превращения*, а придем мы — после *превращения*. Может быть, это и гарантирует нам полное алиби?

Спустившись по лестнице, я заглянул в комнату Мори. Разбросанные в ней одежда и обувь показались мне такими крохотными словно из сказки. Значит, я уже привык к повзрослевшему Мори после *превращения*.

— Надеюсь, ты не пойдешь один? Двадцативосьмилетний мужчина, обладающий опытом восьмилетнего?

Я сказал это, будто произносил монолог, но мой голос сорвался на пронзительный фальцет неоперившегося юнца. Мало того, я, восемнадцатилетний, боялся, что Мори бросит меня. И по привычке, которая была у меня до *превращения*, я стремительно сбежал с лестницы с энергией, свойственной восемнадцатилетнему, хотя так суетиться необходимости не было. Мори никуда не собирался!

Раньше это делал я, а маленький Мори смотрел, держа в руках длинный пакет спагетти,— теперь же он сам готовил себе еду. Грациозно склонившись над газовой плиткой, он внимательно следил за кипящей кастрюлей и мелко нарезал лук, кусочек масла уже был приготовлен. Напрягшееся тело Мори в моих брюках и спортивной рубашке, его затылок и плечи — мне показалось, что я уже видел их где-то. Да это ведь точно мое тело на закате юности! Успокоившись, я пошел в ванную. Мое лицо, которое я увидел впервые после *превращения*, не было прежним, каким я запомнил его, когда мне в первый раз исполнилось восемнадцать лет. Более того, в зеркале мне улыбалось именно то лицо, которое мне хотелось иметь тогда. Вот только глаза разрушали гармонию лица — в них застыла неуверенность в себе, застенчивость, проглядывало детское любопытство. Но если отвернуться от зеркала, ха-ха, своих глаз не увидишь!

3

Когда мы посли, было уже за полдень, и в четыре часа мы наконец вышли из дому, направляясь на митинг; эту вторую половину дня мы прожили спокойно и мирно, синхронизируя свои организмы с движением вселенной. Словно привыкали к разнице во времени после длительного полета.

В то послеполуденное время наши отношения с Мори напоминали отношения братьев, которые, встретившись после долгой разлуки, весь вечер пировали, порядком напились и наутро вдруг приумолкли. Исполнять роль младшего брата, который, перепив и перегуляв, чувствует себя сегодня разбитым и испытывает стыд, должен был, разумеется, я. А роль великодушного и рассудительного старшего исполнял Мори. Я собрал вещи, разбросанные по всему дому женой, б ы в ш е й женой, а Мори сидел в уголке гостиной и слушал пластинки. Я трудился в одиночку, испытывая чувство, будто делаю это в благодарность за то, что меня, напившегося и буянившего вчера, великодушно прощают.

Слушая музыку, Мори время от времени тихо улыбался. Эта привычка была у него до *превращения*, и то, что она сохранилась и после *превращения*, радовало меня и наполняло надеждой. Ведь это значит, что ниточка, связывающая меня с Мори, и после его *превращения* все

еще находится у меня в руках. Когда Мори хотелось послушать музыку, у него всегда был такой вид, будто его ждет большая радость. Потом начинала играть музыка, и он умиротворенно улыбался. И это была не деланная улыбка, которую можно изобразить на лице в любой момент, независимо от того, что слушаешь. Например, слушает он «Турецкий марш» Моцарта в исполнении Глена Гульда, либо Горовица, или Гизекинга. Каждого из них он воспринимает с особой улыбкой, причем все они взаимно дополняют друг друга, подчеркивают те места в произведении, которые и вызывают его улыбку, и сразу же можно понять, кого он слушает.

В тот день Мори, точно почувствовав необходимость восстановить гармонию между собой, претерпевшим *превращение*, и музыкой, устроил свое тело, ставшее теперь таким большим, перед динамиками и слушал «К-331» в исполнении Горовица. От того, что этой ночью творилось в доме, проигрыватель немного расстроился, и Мори, прослушав несколько тактов, чуть увеличил скорость. Обладая абсолютным слухом, он прекрасно помнил паузы Горовица при правильном вращении диска. Меня радовало, что эта способность сохранилась у него и после *превращения*. А ведь когда дети, подобные нашим детям, вырастают, эта удивительная способность, которой они обладают с младенческих лет, исчезает. Тем более, что произошел не естественный рост, а *превращение*.

Снова телефон: уборку я вчера закончил и теперь спокойно снял трубку, но, услышав голос Ооно, неожиданно для себя сказал, что должен перейти к другому аппарату, и, упруго отталкиваясь ногами восемнадцатилетнего, взбежал по лестнице. Если Ооно не узнала моего голоса после *превращения*, можно кое-что придумать, решил я. Но *превратившийся* Мори не должен был этого слышать.

— Отец Мори дома? Кто вы такой? Я не могла бы поговорить с отцом Мори? — *Отца Мори нет. Он собрался и вместе с Мори отправился в длительное путешествие. А мать Мори вернулась к родителям. Вчера был большой переполох — пропал Мори. И когда отец Мори пришел домой, у них с матерью Мори вышла ссора. Может быть, они решили на некоторое время разъехаться, чтобы потом все начать заново? Меня наняли присматривать за домом, пока их нет, но я не один. Нас двое — тот, что слушает*

инженер, находящийся на содержании электростанции, вовсе не желал навредить коллегам. И тем не менее или, "возможно, именно поэтому, когда мне попало на глаза сообщение из-за границы об аварии на атомном реакторе, происшедшей в США, в штате Иллинойс, по вине «Коммонвель Эдисон компани», я тут же затребовал материалы в отделе информации своего бывшего предприятия. «Защитим три принципа мирного использования атомной энергии — независимость, демократию, гласность!» — это была моя коронная фраза, которой я очень гордился, ха-ха. Может быть, я просто хотел выявить где-нибудь в мире еще один случай облучения, происшедшего в результате столкновения с *жестяными людьми*?

Но сейчас я вдруг понял, что материалы, хранившиеся в шкафу, стали мне не нужны. Потом я кое-как подыскал подходящую одежду для себя, восемнадцатилетнего, и Мори, двадцативосьмилетнего, чтобы мы могли выйти из дому, и спустился вниз. И подумал: а что, если после митинга мне удастся подцепить Оноо и испытать свою возродившуюся мужскую силу, ха-ха. Если бы я знал, что произойдет со мной дальше, это, должно быть, умерило бы мою радость.

4

В тот день, пока мы играли в «наведение мостов», произошло землетрясение. Игра «наведение мостов» состоит из расчерченной на клетки четырехугольной доски, в каждом нечетном ряду проделано пять, а в четном — четыре отверстия, в которое вставляются Т-образные пластмассовые фишки. Красные фишки играют против белых. Фишками строят мосты — красный и белый. Когда фишки противника препятствуют наведению моста, приходится идти в обход или перескакивать через него и двигаться дальше. Мне стоило немалого труда научить этой игре Мори до *превращения*. Это тоже делалось для его воспитания! Какого воспитания? Необходимость борьбы с чужими. Чужие будут препятствовать естественному течению жизни Мори. Что нужно сделать, чтобы все же двигаться вперед? Что необходимо предпринять, чтобы освободиться, когда тебя приперли к стене? Иногда нужно не пропускать вперед чужих, одолевая их. Так что, пожалуй, эта игра — своего рода учебник жизни.

Сначала трудно было обучить Мори абстрактной идее строительства моста. Моста, который строится из пяти фишек путем продвижения их вперед. Моста, который удастся наконец построить из двадцати пяти фишек, когда движение по прямой перекрыто и приходится идти в обход. В обоих случаях получаются одинаковые мосты — уже одно это требует высокого уровня понимания. Далее — как надо ставить свои фишки, препятствуя движению вперед моста противника; чтобы научить этому, пришлось немало попотеть. Дело в том, что Мори пытался построить фигуру не в соответствии с логикой игры, а из побуждений эстетического характера.

Но все же в конце концов Мори научился правильно ходить, и, если он получал три фишки форы и игра упрощалась, ему удавалось даже побеждать. Когда мое поражение становилось очевидным, я испытывал чувство досады, близкое к безнадежности, и прибегал к самым нечестным методам, чтобы инспровергнуть побеждающего Мори. Уж не было ли это предварительной подготовкой к *превращению*? Теперь, когда *превращение* действительно произошло, я с помощью этой игры пытался погрузить лот в глубину нашего *превращения*.

Мы начали с того, что по заведенной традиции поставили в лагере Мори три фишки. Постепенно он стал теснить меня, и, поскольку его атака развивалась в наиболее логичном направлении, Мори не давал мне возможности перейти в контратаку. Я проиграл. Тогда мы поставили ему две фишки. Я стал играть предельно внимательно, стараясь изолировать эти фишки и не позволить им соединиться с теми, которые ставились вновь. Однако эта операция привела к тому, что ходы мои стали элементарными, и, когда окружение было завершено, воспрепятствовать постройке моста, который Мори вел с другой стороны, оказалось невозможным. Горло у меня пересохло и саднило. Я дал Мори фору одну фишку. И попытался сразу же расстроить правильное расположение его фишек. К каким только уловкам я не прибегал — ведь мне было восемнадцать лет и я не испытывал стыда, не боялся за свою репутацию, ха-ха! Но, несмотря на все мои хитрости, с первых же ходов именно я попался на удочку: уловка — оружие обоюдоострое. Я разозлился, даже пот выступил, и одновременно уловил другой запах, не похожий на запах моего пота, отличный от запаха юноши; я ощутил запах тела взрослого человека — тела

Мори. Мори тоже был напряжен. Что же делать — может быть, теперь играть, не давая форы?

...И в это время началось землетрясение. Эти колебания вверх и вниз, как ни странно, вселяли чувство устойчивости, казалось, будто спокойно погружаешься в бездну на какой-то огромной качающейся платформе — таким было это землетрясение. По привычке я тут же начал рассказывать Мори о землетрясении.

— Это землетрясение. В движение пришел верхний слой земной коры. Если говорить о том, как это происходит, то в общем...

Повернувшееся ко мне небритое лицо Мори выражало живой интерес, но глаза при этом были совершенно спокойными! И я покраснел. Я подумал, что Мори, с таким интересом и спокойствием слушавший мой рассказ, как раз и есть тот человек, который, подобно Сократу, заставляет меня осознать свое невежество и пытается поднять меня на новую ступень знаний. В этот момент, к счастью, зазвонил телефон, и я вышел из затруднительного положения. Это снова был юнец, такой же, как тот, что угрожал мне тогда по телефону, но на этот раз тон был предельно вежливый — наверное, какой-нибудь полный энтузиазма молодой профсоюзный функционер, старающийся придать своему голосу солидную басовитость.

— Если сила толчков достигнет восьми баллов, то Токио будет разрушен. Разумеется, будут мобилизованы силы самообороны. Воспользовавшись таким удобным моментом, они совершат военный переворот. И в Японии никто не способен предотвратить это, верно? Землетрясение, переворот — революционные силы будут раздавлены. Землетрясение — этот шанс изменения расстановки сил — смогут использовать только силы самообороны, а революционные группы использовать не смогут. Исходя из этого, сделаем следующий шаг в наших рассуждениях. Нужно создать такое разрушительное средство, которое могло бы уравновесить те силы, что придут в движение в результате землетрясения. И показать, что мы способны свободно контролировать его и приводить в действие. Другого пути нет. Могучая сила, адекватная общему количеству энергии землетрясения, не дана человеку. Успех возможен лишь в том случае, если мы ограничимся только районом Токио. Народ должен иметь одну атомную бомбу, которой будет распоряжаться наша р-р-революционная группа. Это будет фактором нестабильности —

нечто равное землетрясению, способному превратить Токио в руины. Вот что явится нашим козырем. Нечто подобное планирует и контрреволюционная группировка, но мы в отличие от них уже лет десять готовились к этому, так что сходство только кажущееся. Одна лишь наша группа р-р-революционная, и только наш курс правилен и в своей теоретической основе, и в своей практике. Мы надеемся, что вас не запугают грязные угрозы бандитов из контрреволюционной организации и вы пойдете на наш митинг. Мы высоко ценим активное участие в нем представителя интеллигенции, тем более что вы специалист.

— Специалист? Какой же я специалист? Я восемнадцатилетний неопытный мальчишка! — непроизвольно вырвалось у меня — впервые после *превращения* мой голос звучал естественно. Я вновь ощутил, что не только мое тело, но и даже дух стал восемнадцатилетним.

— Что? — Голос собеседника, утративший деланную солидность, звучал теперь по-молодому грубо, в нем слышалось нескрываемое беспокойство. — Восемнадцатилетний мальчишка? Зачем вы меня дурачите? Разве вы не тот бывший специалист атомной электростанции?

— Не верите — задайте мне какой-нибудь вопрос по специальности. Я и сам хочу проверить, остались ли у меня хоть какие-то знания. Остались ли они в голове восемнадцатилетнего юнца.

— Хм! Болван!

Мой собеседник бросил трубку, употребив, как мне послышалось, непонятный диалектизм, но, подумав, я понял, что это просто старое ругательство. Ха-ха, а ведь я ему сказал чистую правду. Теперь революционная группа, откуда мне позвонили, несомненно, будет считать меня своим врагом я ведь отказался снабдить ее сведениями об атомной энергии. Правда, мне уже угрожала враждебная ей группировка. В любом случае либо те, либо другие будут ненавидеть меня — никуда не денешься! Но фактически ненавидеть будут несуществующего тридцативосьмилетнего человека, и, следовательно, я, *превратившийся*, в полной безопасности, ха-ха.

Когда мы с Морри подошли к зданию, в котором проходил митинг, около огромного сугроба, подтаявшего было, но потом снова замерзшего, выступал какой-то странный человек лет тридцати. Долго говорить ему не дали — юнцы из отряда охраны митинга с повязками *Антиполиция* на рукавах сбили его с ног. Он упал,

уткнувшись головой в грязный сугроб. Это был невзрачный человек с серым лицом, казавшийся ниже ростом, чем был на самом деле, из-за сутулости, вызванной сидячим образом жизни. Но, подчиняясь непонятному раздвоению сознания, он отрастил вызывающе огромные усы. Привлеченный усами, я внимательно всмотрелся в его лицо — прекрасный высокий лоб, крупный, выдающийся вперед нос. Манера изъясняться у него тоже была не простой, сочетавшей в себе прямоту и выпренность.

— Революционная партия свергает партию своих противников — это совершенно естественно! Если она не делает этого, то никакая она не партия. Но зачем проламывать черепа железными трубами, переламывать руки и ноги и, наконец, убивать? Может быть, лучше вместо этого хватать людей, снимать с них штаны и пороть? А потом можно и отпустить. Снова хватать и снова пороть, повторяя это раз за разом. И проделывать это с лучшими студентами, в конце концов порка им надоеет и они, возможно, вступят в вашу группу. Во всяком случае, такая вероятность существует. Если же к вам придут люди с пробитыми головами и переломанными ногами и руками, проку от них мало. От убитых и вовсе мало толку. Вам это, должно быть, понятно? Вы ведь тоже лучшие студенты! — (Тут несколько человек из *антиполиции*, на которых он указал пальцем, подскочили к усатому с криками: *Мы не проламываем черепа, не переламываем руки и ноги и, уж конечно, не убиваем! Партия наших противников, говоришь? Пороть нужно, говоришь?* — и сбили его с ног. Мужчина упал в сугроб как подкошенный, но все же встал и начал счищать с себя снег и грязь и отряхиваться, как собака, — во все стороны летели комки снега и брызги воды. Потом он отошел на несколько шагов от *антиполиции* и возобновил свое выступление, но тут же снова приблизился к *антиполиции*.) — Я придумал прекрасный метод достижения согласия между вашими группами. Враждующие группы А и В посылают друг другу ну хотя бы по пять человек. Таким образом, каждая из них берет заложников и, заботясь о судьбе своих товарищей, находящихся во вражеском стане, будет относиться к посланцам учтиво. Если же вы станете принимать с распростертыми объятиями посланца других групп, то поступите именно так, как следует поступать умным людям. Мао Цзедун всегда радушно встречал иностранных гостей. Неумны те, кто не видит другого

пути, кроме борьбы с противником. Но вы, наверно, выступаете и против идей Мао тоже? Со временем посланцы других групп поймут, что теория и практика вашей группы не так уж отличаются от их собственной теории и практики, во всяком случае не настолько, чтобы за это пороли. И тогда они станут той движущей силой, которая поможет осуществить слияние двух групп. Согласны? А если не согласны, то с чем? *(Ты ни черта не смыслишь в организационных вопросах, в анализе нынешней обстановки в мире, реально существуют лишь революционная группа и контрреволюционная бандитская организация, — парировала антиполиция, заколебавшаяся было под воздействием логики оратора, и набросилась на него с еще большим ожесточением.)*

Усатый оратор, сбитый с ног в четвертый или пятый раз за то время, как мы с Мори наблюдали за происходящим, медленно, точно вставать ему совсем не хотелось, поднялся и, отряхиваясь, подошел к нам. Наверно, потому, что, кроме нас, у него не было ни одного слушателя! Сильно сожмурившись, как всякий очень близорукий человек, по какой-то причине оставшийся без очков (в данном случае причина была ясна — он несколько раз тыкался головой в сугроб), сказал:

— Революционная группа ведет борьбу, обращаясь к широким слоям народа, но особенно старается втянуть в свою орбиту интеллигенцию, верно? Вам не кажется, что она должна делать все наоборот? Сможет ли группа расширить свои ряды, если не разрушит окружающую ее ограду и не распространится за ее пределы? Никакого прока не будет от того, что она втянет в свою орбиту незначительное число интеллигентов. Разве не должна она выпустить интеллигенцию на вольное пастбище как свободных пропагандистов проводимой группой кампании?

Сначала я подумал, что слова усатого оратора обращены ко мне. Но тут же спохватился. Он обращался к одному из тех интеллигентов, которых революционная группа пытается втянуть в свою орбиту, и считал он таковыми не кого иного, как Мори! Двадцативосьмилетний же Мори, благосклонно улыбаясь, слушает усатого оратора и, казалось, безмолвно соглашается с ним, поощряет его. Улыбка Мори, будто милая шалость ребенка, не могла не вызвать улыбку и у оратора, в усах которого запеклась лившаяся из носа кровь.

Тут подлетели юнцы из *антиполиции* и обратились к нам и оратору с разными заявлениями, причем выражение их лиц и тон в обоих случаях ничем не отличались. Мне бы хотелось, чтобы удобства ради вы передали их по-разному.

— Участники митинга, войдите, пожалуйста, в зал! Ты и участникам митинга собираешься мешать?

Прежде чем *антиполиция* грубо оттолкнула усатого оратора, Мори успел протянуть ему руку и решительно обменялся с ним рукопожатием. Я почувствовал, что у меня, восемнадцатилетнего подростка, запершило в горле.

5

В холле перед залом, где проводился митинг, стояли параллельно два длинных стола, между ними был узкий проход; минуя его, каждый получал пачку листовок, взамен которых вносил взнос участника митинга, — год от года расположение столов становилось все более продуманным. Скупердяев вроде меня, например, все это раздражало. Однако за себя и Мори я все-таки положил в ящик двести пен мелочью, но вдруг Мори достает из кармана брюк, до вчерашнего дня бывших монми, бумажку в пять тысяч пен и вносит ее. Я даже вскрикнул непроизвольно: ого, ха-ха. Под потолком вдоль сцены висел лишь один лозунг. У меня создалось впечатление, что будущая киносценаристка Оно хотела продемонстрировать свое профессиональное мастерство. **Ядерную энергию — в руки тех, кто не стоит у власти!** — вот этот многозначительный лозунг. Ни один политический строй, будь то на Востоке или на Западе, не способен на такое. Если вдуматься, то *жестяные люди* были первыми, кто, громыхая своими бесполезными доспехами, попытался реализовать этот лозунг. И воспрепятствовал им не кто иной, как я. Может быть, мне, наоборот, следовало облачиться в их снаряжение и похитить ядерное сырье? Я почему-то был убежден, что на митинг, где присутствовали и домохозяйки, но главную роль играли студенты, явились и *жестяные люди*. Но идентифицировать меня, *превратившегося*, и меня во время нападения — немислимо.

Не успели мы сесть, как я почувствовал зуд в области сердца. Хорошо еще, что я сидел у прохода, — нерешительно, будто опасаясь побеспокоить соседей, я запустил руку под рубаху и даже вскрикнул от боли — пальцы мои

коснулись крупной сыпи! Хотя ко мне и вернулась неопытность восемнадцатилетнего, все же мне не могла прийти в голову мысль, что в городе на следующий день после большого снегопада расплодятся гусеницы. Значит, виновата рубаша. Желая выглядеть, как подобает юноше, я надел пижонскую рубашку. Одноцветную трикотажную рубашку, которую я купил в магазине калифорнийской лаборатории — это был период моего становления как специалиста.

Когда я увидел в шкафу рубашку, меня отчего-то охватило неприятное чувство. Но — о безрассудство *превратившегося* восемнадцатилетнего! — не подумав об источниках неприятных воспоминаний, я надел рубашку на голое тело. Теперь, когда начался нестерпимый зуд, я понял секрет рубахи. Последний раз я надевал ее сразу же после возвращения из Америки, в тот день, когда пошел помочь новому начальнику переехать на новую квартиру. Стараясь заслужить похвалу, я не покладая рук таскал вещи, и с камелий, во множестве росших в саду, мне за ворот насыпались волоски гусениц. У меня начался невероятный зуд, но у окружающих мои мучения вызывали лишь отвращение, саркастические улыбки, поэтому я не попросил кого-нибудь из сослуживцев стряхнуть со спины волоски. Именно с того дня и начались мои злключения — несмотря на стажировку в Америке, начальство атомной электростанции игнорировало меня и в конце концов, назначенный ответственным за перевозку ядерного сырья, я облучился. Значит, насыпавшиеся в тот день волоски гусениц продолжают существовать. Наверно, и в самом деле в жизни человека есть злосчастные дни, ха-ха. Нестерпимый зуд на груди и животе я пытался унять, поглаживая кончиками пальцев выступившую сыпь. У меня совершенно вылетело из головы, что я вместе с Мори пришел на митинг, — какое-то огненное чудовище пожирало меня.

А в это время в зале произошла странная перемена, и это вернуло меня к действительности. Не то чтобы я почувствовал, что сюда проникла вражеская группировка. Просто все вокруг — старуха в круглых очках на огромном толстом лице со свисавшими вдоль щек редкими неопрятными волосами, юноша в переднике от шеи до колен, как европейский мастеровой, мужчина лет сорока с козлиной бородкой и в бейсбольной кепке, — все они, ну и, конечно, студенты-активисты выглядели как-то странно.

— Мори! — закричал я во тьму, повернувшись в ту сторону, где только что видел его, и, сам не знаю почему, присовокупил фразу, которую обычно употребляют мальчишки: — Смоемся, пока нам не наклали, а, Мори!

Но вот новая вспышка — она не осветила Мори, который должен был стоять рядом со мной! В наступившей вслед за этим тьме, пытаясь разглядеть толпу, в которой не было видно Мори, дерущуюся толпу, сдержать которую уже было невозможно, я так усиленно моргал глазами, что слышал шорох собственных ресниц. Следующая вспышка осветила Мори и студентку, которые спокойно шли по проходу через восемь — девять рядов от того места, где я стоял. Они отличались и от большинства находившихся в зале, скованных мыслью, что они жертвы, и готовых бежать без оглядки, и от юнцов, которые носились по залу, продолжая драку. Точно отменяя дурной сон, Мори медленно вытягивал перед собой руки и, легко раздвигая толпу, шел вперед. Руки *превратившегося* Мори, видимо, обладали необыкновенной силой — он без труда отбрасывал стоявших у него на дороге людей, причем те, кого он отбрасывал, даже не пытались кинуться на него.

— Мори! — завопил я что было сил, стараясь перекричать Бетховена. — Мори! Мори! Куда ты?

Вспыхнул свет — Мори не обратил никакого внимания на мои крики, на знаки, которые я ему подавал, он шел, охраняя вцепившуюся в рукав его кожаного пиджака студентку в джинсовом расклешенном платье и в длинном теплом жакете, застегнутом на все пуговицы и плотно облегавшем ее. Когда вновь стало темно, я с криками «Мори, Мори!» начал поспешно пробираться по узкому проходу между стульями, но продвинуться вперед мне не удалось. Те, кого я отталкивал, давали мне сдачи, и я, вытянув шею, как черепаха, и корчась, вопил «Мори, Мори!» — вот и все, что я мог сделать. Наконец он посмотрел в мою сторону — в его взгляде я сразу же прочел отказ, — мелькнул на прощание небритый профиль, и Мори исчез в толпе. Я остался стоять весь в поту, снова испытывая нестерпимый зуд. Я был сражен отказом Мори, вот так-то. До сих пор его многочисленные отказы я не воспринимал как отказы, но теперь понял — пришло время платить по счетам. Мори с детских лет, до *превращения*, отказывался слушаться меня, своего отца, подчиняясь туманным, неосознанным желаниям; я решительно

не признавал отказов и вынуждал к послушанию...

— *Корпус лососей!* — раздался вопль, заглушивший мощно звучащую сонату для струнного квартета. — *Корпус лососей! Корпус лососей!!!*

Моим чувствам вновь был нанесен решительный удар. В открытую рану, оставленную в моей душе отказом Мори, упали слова *Корпус лососей* и закупорили ее! В вспышке яркого света, которой я едва дождался после темноты, наступившей, когда выплеснулся крик *Корпус лососей*, все повернулось к сцене.

Там началась невообразимая потасовка! Разумеется, эти люди не собирались устраивать под шумок поножовщину, ха-ха. Но дрались они как звери, на сцене было полно дерущихся и была такая давка, что даже упасть невозможно. Кто из них принадлежал к *Корпусу лососей* — не разберешь. А тут еще над головами устроивших эту потасовку юнцов пронесли на плечах будущую киносценаристку. Она болтала толстыми ногами из-под задравшейся юбки — будто разверзся бездонный зев духовой трубы!

— Сволочь! Чертово сволочь! Ни стыда ни совести! Кончайте! — кричал я громовым голосом, но крик мой замер в только что закупоренной ране моей души. Обратившись к разверзшей зев трубе, я, восемнадцатилетний, ринулся вперед, горя не осознанным еще желанием и злобой. Ринулся вперед, оскалив не искусственные, а собственные молодые зубы!

6

Ринувшись вперед, я добрался до сцены и вклинулся в самую гущу дерущихся, но меня сразу сбросили вниз. Я попытался снова взобраться на сцену, но мне топтали руки, били ногами по голове и плечам и каждый раз скидывали со сцены — да, захватить их позицию трудно. Я опять осторожно оперся руками о край сцены, причем руки сжал в кулаки и, избегая нацеленного на них старого ботинка, прыгал из стороны в сторону, пытаюсь найти щелку, чтобы взобраться на сцену, и тут головой вниз полетел худой человек лет под сорок, видимо ветеран *Корпуса лососей*. Полетел прямо передо мной. На его побледневшем лице выделялись янтарные, как у кошки, глаза, он смотрел прямо перед собой. Наверное, потому, что перед ним вдруг оказалось мое

лицо, в глазах его на миг отразилось изумление, но тут он, ударившись теменем об пол, завопил:

— Ой, больно!

Упал еще один человек — со всех сторон его пинали стоптанными ботинками, а он, продолжая лежать на полу, пытался увернуться. Не руководитель ли это движения против строительства атомной электростанции на Сикоку?! Но у него на маленьком лице огромный запавший рот и вокруг множество морщин — может быть, это не он, а его отец? Однако глаза горели злобой, ноздри раздувались, от него даже пар шел — так силен был боевой дух. Действительно, руководитель движения против строительства атомной электростанции, хотя и лежал на полу, оружием, зажатым в правой руке, бил по ногам пинавших его противников. Когда он промахивался, оружие не впивалось в ногу противника, а издавало щелчок, точно кастаньеты. Вот оно что! Я ведь тоже всегда стараюсь укунить — стоило мне подумать об этом, и я сразу же догадался, что это за оружие. Раздосадованный маленький человек, которого повалили на пол, пинали ногами, не в силах подняться, вытащил изо рта вставные челюсти, зажал их в руке и кусал ими ноги противников. Ха-ха, я был потрясен — кусательная атака с дистанционным управлением. Вы когда-нибудь слышали о таком?

— Прибыла моторизованная полиция! Не поддавайтесь на провокацию! — раздались у меня за спиной крики множества людей. Эти крики несметной толпы заглушили лившуюся из мощных динамиков музыку и произвели пугающий эффект. Побойсь прекратилось. Руководитель нападавших, несомненно, отдал команду отступить. Умолкли динамики.

Погасла лампа-вспышка, освещавшая тьму, начались вопли смятения и негодования, что не было свойственно обученным активистам обеих групп, и длилось это довольно долго. Со сцены, где утихла потасовка, беспорядочно прыгали убежавшие. Это могло оказаться опасным для тех, кто стоял внизу, — ведь была полная тьма, и я, охватив руками голову, наугад бросился вперед, пытаясь вклинить в свободное пространство на сцене. И упал со страшным грохотом.

— Сволочь, фашист! — раздалась ругань — кого бы вы думали? — взбешенной киносценаристки. — Тупица! Идиот!

Встав на четвереньки, я пополз, лавируя между

топающими ногами, в направлении этого голоса. Вдруг я почувствовал страшную боль — что-то впилось мне в зад; наверно укусила вставная челюсть руководителя движения против строительства атомной электростанции. Если бы я не двигался вперед так стремительно, широко раскрыв во тьму глаза, то одной десятой секунды опоздания было бы достаточно, чтобы челюсть отгрызла важный орган, представляете — у восемнадцатилетнего-то, ха-ха. К счастью, все утихло, и продолжал сражаться один лишь руководитель движения против строительства атомной электростанции, поэтому я продвигался вперед, непрерывно натываясь на чьи-то колени и голени, и никто не пинал меня ногами, не топтал. Чтобы не отдавили пальцы, я сжал руки в кулаки и передвигался ползком по полу. Неожиданно я наскочил плечом на перевернутый стул, и он отлетел далеко вперед, и оттуда раздался вопль «Ой!».

— **Сволочь, фашист!** — послышалась ругань.

Подходить с той стороны, откуда только что полетел стул, было неразумно, и я, чтобы выйти из положения, схитрил — перекатился несколько раз по полу и пополз дальше; сердце бешено колотилось. Я протянул руку и погладил по спине сидевшую неподвижно, как изваяние, Оно.

— Это я! Надо выбираться отсюда! — сказал я. Вспомнив, какой у меня был голос до *превращения*, я изменил свой теперешний на басовитый.

Обняв за талию дородную киносценаристку, я помог ей подняться, и мы во тьме направились за сцену; все участники потасовки уже были в зале, и на сцене не осталось ни одного дерущегося. Будущая киносценаристка будто ждала моего появления, она крепко вцепилась в меня и, стуча высокими каблуками, бежала рядом вприпрыжку — решительная женщина, но в то же время и немного жалкая, подумал я. Моя грудь снаружи болела от нестерпимого зуда, а внутри изнывала от сладкого волнения. Ха-ха.

Когда мы оказались у задника сцены и я стал соображать, куда идти дальше, в зале прогремел гром! Через все двери ворвались полицейские моторизованного отряда.

— Древние, если раскаты грома доносились слева, считали это добрым предзнаменованием. Бежим направо и сами устроим себе доброе предзнаменование!

Вскоре я неожиданно наткнулся на металлические перила винтовой лестницы. Над ней виднелся красноватый

светлый прямоугольник. Пристально всмотревшись, я увидел проступающие на нем светящиеся иероглифы **ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ, ШИТОВАЯ**. Мы с Ооно, как овцы, бегущие бок о бок, помчались вверх по винтовой лестнице. Красноватый светлый прямоугольник был приделан к распределительному щиту, чуть в стороне от него поблескивала дверная ручка. Мы вошли в крохотную каморку и заперли дверь. Во тьме под нами топало множество ног — впечатление, будто начинается первый акт «Макбета». Заставив Ооно сесть на расстеленную на полу циновку, а потом и лечь на нее, я, хотя не имел на то никаких оснований — безответственный восемнадцатилетний мальчишка, что с меня взять, ха-ха, — авторитетно заявил:

— Полицейские моторизованного отряда в тяжелых металлических доспехах побоятся подняться сюда, к распределительному щиту!

Что произошло между нами? Мы переспали, ха-ха. Будущая киносценаристка вдруг раскашлялась, и я, боясь, что кашель могут услышать полицейские, зажал ей рот поцелуем, хотя с тех пор, как начались наши отношения, мы избегали поцелуев, считая их чем-то грязным. Я сделал собственное открытие — *ах, вот как это происходит у людей*. Близость с Ооно раскрыла мне глаза. Неужели это тело — тело простого земного человека? Разве человек, обладающий таким телом, не живет космической жизнью? Моя душа влилась в тело Ооно, и я познал смысл бытия. Обращаясь к космической воле, я отвечаю: *Теперь все*. Так я испытал блаженство, которого не изведаль еще ни разу в жизни!

Мы оделись и, обнявшись, сидели на циновке, а в это время внизу, в полной тьме, господствовал моторизованный отряд полиции. К распределительному щиту кто-то поднимался, потом снова спускался вниз. Видимо, вернулся на свое рабочее место электрик, которого нападавшие либо заставили спрятаться, либо заперли где-нибудь. В зале загорелся свет, моторизованный отряд построился, участников митинга, не успевших бежать, собрали в одном месте. Одна за другой слышались команды, но совсем тихие по сравнению с доносившимися раньше воплями. В маленькое матовое окошко у самого пола комнаты, в которой мы укрылись, проник свет. Теперь, на свету, будущая киносценаристка увидела все признаки *превращения*, происшедшего с моим телом.

Она неожиданно протянула руку и, погладив меня по затылку, сказала:

— О бедняжка! Что с тобой произошло?

Она безоговорочно разрешила мне быть мной, причем мной *превратившимся*, то есть мной с телом восемнадцатилетнего (а возможно, и душой восемнадцатилетнего).

Я был не в состоянии ответить на ее вопрос, да, собственно говоря, и необходимости отвечать не было, и, снова обняв Оно за талию, ставшую теперь мягкой и податливой, наслаждался нежностью ее руки, гладившей меня по затылку и шее. Точно пытаюсь сказать, как мучительно и печально *превращение*, слезинка коснулась горячей щеки Оно, и в ответ ее глаза наполнились слезами, и они поползли к припухлостям в уголках губ. Я слизывал их красным языком восемнадцатилетнего. Ноздри шекотали лившиеся по ним слезы, но я заметил, что зуд на груди и животе прекратился. Чудесная близость с женщиной уничтожила яд гусениц.

ГЛАВА V

ЧУВСТВУЮ, ЧТО ЗАГОВОРЩИКИ ЧУЖДАЮТСЯ МЕНЯ

1

Будущая киносценаристка проявила истинную доброту к телу и душе *превратившегося*, но эта доброта была чересчур демократичной и проявлялась не только по отношению ко мне.

— Если ребят арестовали, нужно немедленно организовать их спасение, — скомандовала она себе.

Я хочу, чтобы спасали только меня. Продолжай спасать меня, превратившегося! И никакой организации не нужно, делай это одна! — готов был я крикнуть ей в ответ. Полиция сюда даже не поднялась, разве это не означает, что происшедшей здесь потасовке не придается большого значения? Наверно, построились, вышли и уехали.

— Выходит, полицейские не стали здесь искать, потому что у них металлические доспехи и они боятся, что их ударит током, сам же это говорил.

— ... Разве опасность может помешать им? Конечно, если бы они действительно хотели арестовать зачинщиков...

— Значит, по-твоему, они должны были, чтобы не ударило током, раздеться догола? Хотя, следуя твоей логике, и такое предположение вполне возможно. Нет, заняв зал, они сразу же арестовали тех, кого наметили заранее. Нужно не мешкая начать их спасение!

— Но кого власти взяли на заметку? И потом, к какой группе принадлежат арестованные — к вашей или же к нападавшим?

— Если руководители контрреволюционной группировки, совершившей нападение, и арестованы по сговору

с властями, почему мы должны заниматься их спасением?

— ... В таком случае, кто же из устроителей сегодняшнего митинга интересовал полицию, если сама руководительница группы Ооно спокойно прячется здесь?

— С точки зрения политических группировок я ничего не значу. Ни наши друзья, ни наши враги, ни служба безопасности не считают меня важной персоной.

— Не могу в это поверить, я всегда был убежден, что не только твоя группа, но даже *Корпус лососей* и тот находится под твоим руководством.

— Ну к чему провоцировать меня? Зачем говорить чушь, не понимая сути нашего движения?

— ... В таком случае тебе придется самой организовывать спасение, ведь схватили-то твоих ребят. Я давно наблюдаю за твоей группой и до сих пор не считал тебя марионеточным руководителем. Но когда на митинге произошла потасовка, я слышал выкрики *Корпуса лососей*. А ведь *Корпус лососей* является боевым формированием революционной группы, в которую входите и вы? О *Корпусе лососей* я впервые услышал лет десять назад...

— Ну и что из того? Даже если моя группа и имеет отношение к *Корпусу лососей*... Сколько можно повторять эту чепуху? Я немедленно приступаю к спасению ребят. И потом, с меня довольно.

Действительно, в глубине души я взывал: *О-о, не разрушай своими словами прекрасное воспоминание о том, что было между нами, даже если и не хочешь спасти бедного мальчишку, который сейчас перед тобой. Хотя и с запозданием, я неожиданно перешел в контрнаступление. Для чего я это сделал? Наверно, таков уж характер впечатлительного юнца.*

— С меня тоже довольно. Просто я постеснялся сказать тебе такое, ха-ха!

— Ну ладно, пошли. Что бы там ни было, мне сейчас не до шуток.

Втайне я надеялся, что электрик запер нас снаружи, но стоило мне повернуть ручку, как дверь открылась. *А как мне хотелось побыть здесь вдвоем с Ооно до завтра!* — с сожалением прокричал во мне голос восемнадцатилетнего, ха-ха.

— Рядом с распределительным щитом, по-моему, должен быть фонарь на случай аварии. — И точно в подтверждение профессионального опыта киносценаристики, рядом с рамкой из красных лампочек висел фонарь, длинный, как

палка. Когда я включил его, свет попал на дверь, из которой мы только что вышли, — там был изображен череп и кости и написано: ВХОД ВОСПРЕЩЕН, ТОК ВЫСОКОГО НАПРЯЖЕНИЯ! Не удивительно, что ни полицейские, ни электрик не вошли в эту комнату. А мы, ничего не ведая, проникли сюда и занимались любовью, касаясь голыми телами проводов, по которым шел ток в десятки тысяч вольт. Может быть, благодаря току высокого напряжения все было чудесно, как никогда? Ха-ха.

Глянув на предостерегающую надпись, киносценаристка воскликнула: «Ой!» — и прижалась ко мне обесшленившим телом. И я, нежно обняв не раздражавшую меня женщину, которая, поднаторев в телевизионных дискуссиях, разбила меня в нашем споре, а очаровательную партнершу любовных утех, стал спускаться с ней по винтовой лестнице, ха-ха. И, пока она не пришла еще в себя от потрясения, я, делая оборот за оборотом, точно шурупом, накрепко привинчивал ее к себе. Я шагал уверенно, как юноша, которому впервые в жизни исполнилось восемнадцать лет, чувствуя, что теперь каждый, наверно, признает мои права восемнадцатилетнего, ха-ха!

Вы сомневаетесь в моих словах? В изящной словесности я действительно не специалист, но, даже если вы и сомневаетесь, пишите так, чтобы ваш собственный голос сомнений был заглушен моим голосом самоутверждения, каким я веду рассказ. Разумется, в примечаниях писателя-невидимки совсем не обязательно писать: «Но я в этом сомневаюсь».

Вы послушно записываете слова, которыми я веду рассказ. Я хочу, чтобы бесконечному числу третьих лиц, которые будут читать их, передались динамические отношения между двумя лицами — мной, ведущим рассказ, и вами, записывающим его повествование. Для третьих лиц я живу только в этих отношениях противостояния — меня, ведущего рассказ, и вас (сомневающегося, но тем не менее послушно записывающего мои слова), — вот в чем дело. Если я внезапно исчезну из этого мира, то записанные вами слова — единственный шанс воскресить меня, вновь заставить существовать в реальном времени. Третьим лицам, которые будут читать записки, я не собираюсь рассказывать небывлицы о *превращении*. Я хочу, чтобы мое существование, существование такого человека, как я, всколыхнуло силу их воображения. Я начинаю использовать вашу

специальную лексику, ха-ха. Только тогда я буду существовать как реальный дух. Для этого необходимо, чтобы слова, которыми я веду рассказ, и ваше молчаливое сомнение, напряженно противоборствуя друг другу, отражались в ваших записках. Потому что тогда у третьих лиц, читателей, возникает интерес — и с этой секунды, как бы борясь с вашим сомнением, они перейдут на мою сторону. Ваши сомнения будут тем толчком, который положит начало динамичным отношениям между мной, ведущим рассказ, и третьими лицами, читающими записки.

Вот первые шаги в той области, где я специалист, ха-ха. Вы, писатели, видимо, тоже используете механизм слова, чтобы пробудить у третьих лиц силу воображения? А разве механизм не работает в соответствии с законами механики? Раньше для меня, исследователя и специалиста атомной электростанции, слова в конце концов превращались в бесполезный мусор. Например, слова о возможности коррозии атомного реактора и выхода его из строя ничего не будут стоить, если соответствующие специалисты предпримут меры, сводящие такую опасность к нулю. Необходимость в моих словах просто-напросто отпадет.

Что же касается вас, писателей, написанные вами слова всегда должны быть тем механизмом, который пробуждает силу воображения, верно? Видимо, нет на свете такого специалиста, который мог бы превратить ваши слова в ненужный мусор. Вот почему предложенный мной механизм окажется, как я думаю, эффективным, он поможет превратить слова, которыми пользуется, ведущий рассказ, бывший исследователь и специалист, в детонатор, способный взорвать силу воображения третьих лиц. Однако я снова повторяю: если вы не верите тому, что я говорю, то не делайте вид, что верите.

2

Стараясь не поскользнуться на льду, замерзшем грязном месиве — словно всклоченная шерсть бездомной собаки, — мы вышли из боковых ворот и направились к входу в здание, стоявшее в конце тупика. Без всяких на то оснований я был твердо убежден, что Мори, превратившийся во взрослого человека, со студенткой ли, без нее ли, но сейчас, глубокой ночью, ждет меня на этой улице. Поскольку моторизованный отряд полиции оцепил весь

район, ждать меня рядом со зданием, в котором проходил митинг, опасно, и он, найдя такое же укромное место, как тогда, на платформе экспресса «Кодама», несомненно, ждет меня на этой улице, раскаиваясь, что отверг мои призывы.

Я думал о Мори, но, ощущая себя защитником будущей киносценаристики, которая совсем ослабла, потрясенная тем, как близко она находилась от тока высокого напряжения, внимал ее жалобному голосу, такому тихому, что казалось, ей было больно говорить:

— ... Гражданские организации, которые до сих пор вели совместную с нами борьбу, не понимают того, что их отвергает определенная часть революционной группы. Но если бы сегодня мы не подверглись нападению контрреволюционного хулиганья — сволочи, фашисты! — митинг прошел бы успешно и моей группе удалось бы повлиять на общественное мнение. Это объективный факт. Тем не менее мои теперешние ребята совсем не похожи на тех, которые были у меня семь-восемь лет назад, и даже на тех, кто входил в группу года три-четыре назад. Они всегда с энтузиазмом носятся по городу, распространяя листовки, а когда я, бывает, простужаюсь, до утра, не сомкнув глаз, дежурят у моей постели и, не выспавшись, отправляются на работу. Но при этом я не удивлюсь, если узнаю, что они втайне от меня изготавливают бомбу. Может быть, они и некоторые другие, которые к нам приходят, изготавливают не простую бомбу с часовым механизмом, а атомную. Вырыв где-нибудь подземное укрытие...

— Что значит «вырыв подземное укрытие»? Если они всерьез собираются изготавливать атомную бомбу, нужно подземное укрытие по меньшей мере величиной с теннисный корт, а разве без специальной техники его выроешь?

— ...Послушные, очаровательные ребята. Если считать эти их достоинства чем-то обыкновенным, то действительно самые обыкновенные ребята. И в своей борьбе, и в своей обычной, повседневной жизни они не выходят за рамки дозволенного, но, как знать, собираясь в своем кругу, они вполне могут тайком изготавливать атомную бомбу. Эти ребята держат меня в неведении. Я чувствую это, а потому не могу сказать им: а вдруг в один прекрасный день вы изготовите атомную бомбу, да еще меня в это дело впускаете!

Мы подошли к входу в здание — Мори нигде не было

видно! У меня возникло ощущение, будто во мне разорвался снаряд! Вы подумаете, что я был во власти отчаяния, как и день назад, когда Мори, еще до *превращения*, потерялся на Токийском вокзале? Ничего подобного! Мне показалось, что внутри у меня образовалась пустота и заполнилась чем-то горячим. Ревность — вот что это было! Ревность к студентке, которая увела Мори неизвестно куда, к Мори, который отверг меня и предпочел постороннего человека!

— Что с тобой? Тебе как-то не по себе?

.. Под уличным фонарем будущая киносценаристка внимательно посмотрела на меня, *превратившегося*, и, поняв мое состояние, стала трогательно утешать, хотя сама еще не оправилась после пережитого потрясения.

— Куда подевался Мори, не знаю; я думал, он где-то здесь ждет меня! Это уже не тот Мори, который потерялся вчера, а Мори *превратившийся*, Мори, который в противоположность мне повзрослел, став двадцативосьмилетним... Когда я в последний раз видел его в зале, он шел к выходу, поддерживая студентку...

— Я не совсем понимаю, что все это означает, но, если Мори, как ты говоришь, двадцать восемь лет и если он ушел со студенткой, может быть, их забрала полиция? Если мы начнем спасать остальных ребят, несомненно, узнаем и о том, что случилось с Мори.

— Нет, мне с тобой не по пути! Для тебя Мори — один из многих, а для меня Мори — единственный. Я сам займусь его поисками!

— Для меня каждый из этих ребят единственный, — печально сказала Ооно, к ней вернулись практичность и находчивость общественной деятельницы. — Садись вон в то такси и поезжай. Нужно объехать все места, где может быть Мори. А я приступлю к спасению ребят и, если получу сведения о Мори, позвоню тебе домой в любое время, даже ночью.

Эмоционально я регрессировал, *превратился* почти в младенца. Хотя, бессмысленно отказавшись от предложения Ооно, я заявил, что буду искать Мори в одиночку, шоферу такси, повернувшемуся ко мне с бесстрастным видом, я назвал адрес своего дома.

— Вы газом не будете пользоваться? Слезоточивым. А то студенты-террористы, спасаясь от преследования, пользуются слезоточивым газом. У пассажиров потом щиплет глаза, и они ругаются.

Мне было неприятно слушать это, но я молчал. По возрасту я действительно *превратился* в студента, способного на самые безрассудные поступки, после потасовки на митинге вид у меня был плачевный. Но проучить водителя я не мог, так как под пиджаком железного ломика у меня не было, и мне не оставалось ничего другого, как сидеть тихо и помалкивать.

— Уж не больны ли вы? Не сопите так возмущенно, а то мне страшно, — поддразнивал меня шофер. Может быть, это он так шутил?

А мне сейчас, как тогда Оноо, было не до шуток. Мной овладели печальные мысли. *Превращение произошло по моей собственной воле. Меня, ставшего после превращения восемнадцатилетним, отверг превратившийся Мори и убежал с неизвестной студенткой. Я хочу вернуться к тому, что было до превращения! Превращение — сон. Я хочу снова стать средних лет мужчиной, которому жена порезала щеку, а потом бросила!*

...Я был погружен в эти мысли, когда вылезал из машины и у дверей доставал из кармана ключ. Я было стал вставлять ключ в замочную скважину, но на ее месте зияла дыра с неровными краями, такая огромная, что в нее мог бы войти чуть ли не кулак!

— Ого! — проворчал я, в страхе отступив от двери.

Некая революционная группа с помощью дрели и механического резца взломала дверь тайного укрытия вражеской группировки. Подобные сообщения можно встретить в газетах почти ежедневно. Где бы я мог спастись от неминуемой опасности в этом огромном ночном городе — совершенно не представляю себе. А ведь к тому же я должен был отыскать пропавшего Мори. Я стоял, не находя в себе силы переступить порог дома, застыв в нерешительности на дорожке, выложенной кирпичом; и вдруг в дыре, зиявшей вместо выломанного замка, мелькнул свет лампы, дверь открылась изнутри! Открылась передо мной, восемнадцатилетним, у которого от страха сердце подскочило к горлу. Представляете, в прихожей стоял Мори, страшно усталый Мори, у которого щеки и подбородок были покрыты щетиной, отросшей после *превращения!* Подобно тому как у меня все явственнее проступали черты восемнадцатилетнего мальчишки, так и Мори все больше становился похожим на зрелого мужчину.

Не говоря ни слова стоявшему передо мной спокойно-

му, рассудительному Мори, я вошел в дом и закрыл за собой дверь, но не знал, как ее запереть, и растерялся. Ведь фанерная доска вокруг замочной скважины была вырезана вместе с замком. Но тут рядом с Мори, взиравшим на мою растерянную физиономию, появилась та самая студентка и стала ловко закреплять дверь. Она присела на корточки — ноги босые, несмотря на холод, ну точно собачонка, ха-ха, — протянула в дырку от замка веревку, намотанную на рукоятку ледоруба, конец ее привязала к дверной ручке, раз, другой — дверь была закреплена как следует. Будто мне впервые в жизни исполнилось восемнадцать лет, я, весь трепеща перед студенткой, которая игнорировала меня как юнца, хотя я, теперь всего года на два-три моложе ее, был потрясен тем, как ловко управлялась девчонка со всеми предметами, какую сноровку проявляла. Но откуда взялись в моем доме ледоруб и веревка? Наверно, принесла с собой девчонка, так наглядно продемонстрировавшая, что привыкла обращаться с ними. Хотя и с опозданием, но мой неопытный мозг восемнадцатилетнего разобрался в обстановке.

— Сколько нужно храбрости, чтобы сломать ледорубом дверь! Ворваться в дом с помощью ледоруба, перебить сопротивляющихся, связать веревкой — такова, наверно, тактика группы, в которую входит эта девица? Значит, мой дом захвачен хорошо обученной профессиональной активисткой?

— Не было другого выхода — дверь пришлось ломать. Ключ-то у вас, вы и теперь держите его в руке!

Мори молчал, доверив студентке ответить за него. Взрослый Мори полностью освободился от некоторых прежних странностей, вызванных необходимостью ни на минуту не забывать о том, что он должен как-то предохранять поврежденный череп, и теперь его облик наконец соответствовал тому, что было заложено генами. Моя жена бы в ш а я жена, была угрюмой женщиной, небольшого роста, а ее брат — крупного телосложения, с большим открытым лицом, настоящий великан среди своих низкорослых соотечественников. Гены, казалось, перескочив через жену, бы в ш у ю жену, передались Мори. Кровь превратившегося Мори четко проявила это.

— Надеюсь, эта уважаемая девушка не будет возражать, если я войду, а, Мори? Все-таки этот дом и принадлежит вашему покорному слуге, — сказал я церемонно, но в моем голосе слышались визгливые нотки возмущения

тем, как вел себя теперь уже взрослый человек, которого мое возвращение и не обрадовало, и не смутило.

Сдержанно улыбаясь, Мори посмотрел на меня с любопытством и, кажется, немного растерялся. Девушка, высунувшая из-за его спины голову, опять заговорила со мной. Буравя меня острым взглядом, оскалив передние зубы — не то чтобы некрасивые, но слишком большие, — она заявила:

— Что вы заладили, как мелкобуржуазный собственник: мой дом, мой дом. Оставьте эти ваши разговоры, лучше входите и поешьте. Мы признаем право детей на равных разговаривать с отцом, но все же...

Что все это значит? Ведь отец — я, а Мори — сын?! Правда, после превращения старший и младший поменялись местами. Но неужели сын занял место отца, и наоборот? Это нелогично, наконец просто нелепо! — хотел я крикнуть в ответ, но, не зная, поймет ли девушка наше превращение, решил не делать необдуманных заявлений. Ощущая боль во всем теле, я медленно наклонился, снял ботинки и вслед за Мори вошел в гостиную. Нападавшая на меня девушка, видимо, была не из тех, которые, не удовлетворившись победой, продолжают преследовать противника — она уже трудилась на кухне. Разумеется, то была та самая студентка, которая во время потасовки в зале вверила себя Мори. Сейчас на ней не было, как тогда, длинного джинсового платья. Она была в свитере и в скромной, но в то же время яркой, напоминавшей испанскую, юбке. Но когда она повернулась ко мне спиной, стыд заставил меня отвести глаза. Нижняя часть тела была совершенно голой, и лишь, как передник, прикрывало ее мое купальное полотенце — его-то я и принял за юбку. Каждое ее резкое движение, когда она, наклонившись, вынимала посуду из мойки, с того места, где я сидел, позволяло увидеть ее оголенный зад. Эмоции, теперь уже не имевшие ничего общего с возмущением, которое мгновенно улетучилось, кружили голову, заставляли колотиться сердце, я не мог заставить себя снова взглянуть в ее сторону. Мори сидел на своем обычном месте, где ребенком слушал музыку, — там, где она звучала лучше, чем во всех остальных местах комнаты, стараясь преодолеть скованность своего выросшего тела, но весь его вид говорил о том, что душа его никакой скованности не испытывает. Желая как-то вернуть утраченный отцовский авторитет, я посмотрел на него: мол, что это за развлечение такое? Холодная

вода моего взгляда вернулась ко мне горячим паром — Мори проявлял независимость. До *превращения* Мори был чрезвычайно чуток к малейшим сигналам, не содержащимся непосредственно в словах, — к тому, как я себя вел по отношению к нему, к моим интонациям.

— Жаль, что я не смогла оставить эту свинину на ночь вымачиваться, — оправдывалась студентка, внося поджаренную гречневую лапшу с кусками свинины, приготовленной, похоже, в духовке. Мори сказал, что вкуснее этой свинины он ничего в своей жизни не ел.

Говорил ли он когда-нибудь такое, даже после превращения? Неужели она вкуснее подрумяненной жареной свинины, которую я покупал, когда под Новый год ездил с ним в Йокогаму? — хотел я спросить его ехидно, но в эту минуту пустой желудок, пустой желудок, не подвластный контролю восемнадцатилетнего тела, заставил меня вперить взор в поставленную передо мной миску свинины с луком и овощами и желтоватой лапшой.

— Я вас прошу впредь не называть меня «уважаемой девушкой», мне противен мужской шовинизм. Меня зовут Саёко. Договорились?.. Ну ладно, что вы будете пить? Воду? Пиво? Маленькие бутылки пива в холодильнике — ваши, так что не стесняйтесь, — и решен вопрос собственности, который так вас волнует.

— Дайте пива, Саёко-сан, — попросил я, радуясь, что подобная услуга не будет рассматриваться сю как поощрение мужского шовинизма.

Саёко отнеслась к моей просьбе вполне нейтрально и, вставая, чтобы принести пива, завела левую руку за спину и придержала расходящиеся концы купального полотенца. Увидев это, я пришел в замешательство — неужели она почувствовала мой взгляд? Ха-ха.

Жареная лапша? О, это было вкусно! Нужно, конечно, сделать оговорку: оценивал еду голодный юноша. Я ел так, как любой восемнадцатилетний, — быстро выбрал все мясо, и тут чувствительная защитница прав женщины проявила на практике свою сноровку и добросердечие. Она принесла на кухонной доске всю оставшуюся свинину, жаренную до янтарного блеска, и нарезала. Глядя на нее, я сделал еще одно открытие. До *превращения*, даже достигнув среднего возраста, я все еще считал, что тонкие длинные куски жареной свинины — это мышечные волокна, но оказалось, что это плечевая часть, нарезанная в форме гадальных палочек. Человек учится в самое нео-

жиданное время, правда? Ха-ха. Желая похвалить жареную лапшу, я, немного преувеличивая, как это свойственно восемнадцатилетним, ну и, конечно, слегка захмелев от выпитого пива, произнес, если вдуматься, полную бессмыслицу!

— Саёко-сан, наверно, вы и ваши товарищи, изучая идеи Мао Цзэдуна, одновременно проходите курс поджаривания свинины?

Словно собрав в своих глазах весь разлитый в комнате свет, она пронзила меня этим острым лучом. Но не раскрыла рта до тех пор, пока не собрала все силы, сконцентрировав владевший ею гнев. Она сдерживала себя, не давая пересохшим губам, прикрывающим поблескивающие крупные зубы, сразу же излить на меня переполнявшую ее злость. Почему свою злость она преодолевала внутренне? Может быть, откровенно презирала примитивного юнца, к тому же еще и моложе ее?

— Я бы не стала на вашем месте дискриминировать тех, для кого приготовление жареной свинины — профессия. И нельзя проводить параллели между изучением идей Мао Цзэдуна и китайской кухней. Кстати, какие вообще идеи Мао Цзэдуна вам известны?

— Хм-хм. То, что мне известно, — это научные идеи Мао Цзэдуна. Опираясь на них, китайский народ создал атомную бомбу. Я тщательно изучал их документальный фильм о ядерных испытаниях, и у меня не создалось впечатления, что участники испытаний хоть сколько-нибудь заботились о мерах по предотвращению опасности радиоактивного облучения.

— Вы уклоняетесь от предмета нашего спора. Хорошо, давайте поговорим о документальном фильме о ядерных испытаниях в Китае. Вы сопоставляли увиденное в кинофильме с медицинскими данными? Скорее всего, вы очень невнимательно смотрели кинофильм, демонстрировавший для иностранных журналистов, и не сравнивали его с тем, что происходило во время испытаний, проводившихся американскими исследователями в Неваде? Китайцы опираются на собственные силы, и они опередили всех настолько, что для них нет необходимости сравнивать себя с кем-либо. Слышали вы о китайцах, страдающих лучевой болезнью. Видели вы их?

— Но ведь в Китае существует контроль над средствами информации. Саёко-сан.

— Только потому, что Китай не может не считать себя

в состоянии войны с контрреволюцией, от кого бы она ни исходила — от стран Юга или Севера. Однако контроль над средствами информации не имеет никакого отношения к тому, есть в Китае пострадавшие от ядерных испытаний или нет их. Разве нельзя утверждать, что контроль существует, а пострадавших нет?

— Хм-хм. Я молюсь о том, чтобы наш народ не пострадал от радиации в случае, если вашей группе или группировке ваших противников, которые, кажется, следуют мао-издуновскому курсу опоры на собственные силы, удастся, разумеется собственными руками, создать атомную бомбу и провести ее испытание.

— А нужно ли вообще испытание? Если истинно-революционная группа получит ядерное оружие и объявит в Токио о том, что она располагает атомной бомбой, присовокупив научные данные и фотографии, одного этого будет достаточно, чтобы создалась революционная ситуация. И, поскольку такова основная задача революции, контрреволюционные бандитские организации стараются не допустить, чтобы мы первыми создали атомную бомбу. Исходя из того же принципа, революционная группа, придерживающаяся верного курса, должна получить в свои руки ядерное оружие до того, как власти создадут свое, верно?

— Если речь идет просто о создании ядерного оружия, то, действительно, изготовить одну атомную бомбу вполне возможно при наличии достаточно крупной организации, в которую войдут ученые и специалисты. Но это будет лишь первым шагом в создании системы ядерного вооружения. Взять хотя бы проблему средств доставки атомной бомбы — как она будет решаться? Той же революционной группой, придерживающейся верного курса?

— Никакие средства доставки и не потребуются. Вполне достаточно в освобожденном районе Токио поместить атомную бомбу или хотя бы атомное устройство.

— И, грозя взорвать ее, добиться нестабильной ситуации в Токио и его окрестностях, да? Народные массы Токио склоняют голозу, и революционная группа без боя овладевает городом. Такой вариант устроил бы и нападающих: им тоже выгодней, чтобы освободительная армия, не предпринимая боевых действий, просто охраняла атомную бомбу. Хм-хм.

— Для чего эти ваши «хм-хм»? Чтобы представить нас в невыгодном свете?.. Мол, смотрите сами, а мое дело сторука. Это отвратительно...

— Не утверждайте, будто мне все равно! Просто я предсказываю — план осуществления революции с помощью ядерного оружия, какая бы группа ни вынашивала его, в конце концов приведет в тупик. Давным-давно я читал о том, какой была реакция на выступление по Би-би-си вдовы Рузвельта, в котором она говорила, что, по мнению большинства американских граждан, лучше уничтожить весь мир, чем позволить Америке стать красной. Я думаю, атомная бомба действительно создаст в Токио нестабильную ситуацию. Но не будет ли это вашим поражением, если массы домохозяек из новой группы «Голос лишенных голоса» во всеуслышание заявят: чем революция, лучше погибнуть от атомной бомбы? В таком случае вы не сможете использовать свое атомное устройство! Знайте, ядерная война не способна подавить войну на родную!

— При чем тут массы домохозяек? Вы до мозга костей заражены мужским шовинизмом — все желторотые юнцы таковы!

Что из этого вышло, если взглянуть объективно? Моя логика в конце концов заставила, наверно, студентку сдаться. Если вспомнить сражение с будущей киносценаристкой, получалось, что я одержал одну победу и потерпел одно поражение, так что в нынешней моей дискуссии с женщинами — ничья. Только вот третий — Мори, — не становясь явно ни на чью сторону в моем споре с Саёко, иронически сведя брови и улыбаясь, наблюдал со стороны за словопрением «молодежи». Неожиданно я повернулся к Мори, решив наконец излить на него переполнявшую меня агрессивность...

— Ну как настроение, Мори? Хорошо позабавился с Саёко? Ты умиротворен и смотришь теперь на меня как на мальчишку? Еще в то время, когда я не мог выгнать жену — естественно, это было до *превращения*, — я думал о том дне, когда у тебя наступит половая зрелость, и предлагал жене все тебе объяснить. Но жена посмотрела на меня как на сумасшедшего. Ну что ж, теперь, после *превращения*, когда перед тобой встали половые проблемы, хорошо, что все уладилось само собой.

— Даже ненормальный не ведет себя так, омерзительный мальчишка, — сказала девушка тоном, оскорбившим мои чувства восемнадцатилетнего. — Мори, скажи этому пьяному мальчишке, чтобы шел спать. Голодные, мы ждали его возвращения, и в благодарность за это он напился как свинья.

Я не мог забыть, как во время потасовки в зале взгляд Мори оттолкнул меня, и поэтому, нападая на него, не осмеливался посмотреть ему прямо в глаза, а, опустив голову, разглядывал свою чуть покрасневшую ладонь. И, будто на ней проступили огненные иероглифы, я прочел поступившее от Мори телепатическое сообщение: *Если немедленно не отправишься спать и будешь продолжать напиваться, разрушишь свой организм и не сможешь выполнить миссию превратившегося, ясно?* Это сообщение точно ударило меня по лбу, я вскочил, но пошатнулся и стукнулся головой о стену. Мори и студентка даже не засмеялись. Я вспомнил, что в то время, когда мне первый раз исполнилось восемнадцать лет, я и полстакана пива не мог выпить. Добравшись до кровати, я, не зажигая света, повалился на нее — простыня, в том месте, где лежала моя щека, затвердела от крови, пролитой мной до *превращения*, а сквозь штаны я ощутил влагу, сохранившуюся еще с тех пор, как Мори, до *превращения*, обмочил простыню. К этому времени я уже наполовину спал. Реальный мир, простиравшийся за стенами нашего дома, до самых мельчайших своих частей взаимосвязан, и лишь я и Мори, претерпев *превращение*, как физическое, так и духовное, оказались абсолютно не связанными между собой.

3

До сих пор я вел подробный рассказ, но неожиданно обнаружил, что сила моих слов весьма проблематична... Я говорю так потому, что почувствовал: мои слова, которыми я описывал Мори после *превращения*, бедны и плоски. Рассказывая, я испытывал грусть, желание плакать. Когда я говорил о Мори до *превращения*, со мной такого не случалось. Я с самого начала был твердо убежден, что дети, подобные нашим детям, достойны сочувствия хотя бы потому, что они умственно отстающие. Когда моя старушка мать засветила лампадку перед божеством Сукунахикона-но-микото, чтобы поведать о ненормальности Мори от рождения и его печальном будущем, ответ в предсказании был обнадеживающим.

Однако если мои слова о *превращении* Мори не смогут описать обыкновенного взрослого человека, то, как мне кажется, третьи лица, проявившие интерес к *превращению*, будут разочарованы. Неужели мне все еще не удалось

понять подлинный характер Мори после *превращения*? До сих пор я много раз непринужденно говорил о себе, неопытном восемнадцатилетнем после *превращения*. Но на самом деле некоторые вещи не укладывались в моем сознании, потому что я действительно стал неопытным восемнадцатилетним мальчишкой и оказался неспособным понять всю притягательность Мори после *превращения*. Может быть, это была проблема способности одного человека коснуться души другого?

И тем не менее я буду продолжать рассказ. Потому что сам субъект моих рассказов после *превращения* живет, полный сил, в реальном мире. На следующее утро, а говоря точнее, после полудня, я проснулся на простыне, затвердевшей от моей крови и вонявшей высохшей мочой Мори, но, несмотря на то что накануне, во время потасовки, меня били, пинали ногами, валили на пол, а к тому же была еще и изнурительная забава с Ооно, я проснулся полный бодрости. Хотя мышцы у меня и болели, меня воодушевляла мысль, что все это скоро пройдет. Прекрасно, решил я, приоткрыв один глаз, нужно взорвать мой молодой организм. Подумайте только, сейчас из всех восемнадцатилетних на Земле мой восемнадцатилетний организм самый молодой. Ведь фактически я родился на двадцать лет раньше, чем обычный восемнадцатилетний, следовательно, я восемнадцатилетний, родившийся, когда человечество не было таким постаревшим, как сейчас, ха-ха!

Вновь возродившимся указателем того, что мой проснувшийся организм полон бодрости, было утреннее возбуждение — не стоит подробно говорить об этом, чтобы не повторяться, ха-ха. Но не хотелось бы проходить и мимо биологически связанного с этим напряжения мочевого пузыря. Передо мной встала новая проблема. Что делать, если по дороге в уборную я вдруг наткнулся на девчонку? Вчера вечером я напился и злословил по поводу того, что она спала с Мори. Вдруг она неверно истолкует мое состояние? Неужели вы, отец, испытываете влечение к возлюбленной своего сына? Противный мальчишка! Вот что она, наверно, скажет мне. Или наоборот: неужели вы, сын, испытываете влечение к возлюбленной своего отца? Так тоже она может сказать. Но вывод будет один — противный мальчишка! Скорее всего. Но пузырь все раздувается, и уже нет времени страдать от возникшей проблемы. Я сполз с кровати и стал носиться по комнате.

И тут я увидел лежащую на спине мексиканскую фарфоровую лягушку с открытым ртом.

Я даже вскрикнул от удивления — она оказалась очень вместительной! Возможно, это был ночной горшок инков? Ха-ха.

Почувствовав облегчение, я стал размышлять о душевных силах, которые позволили бы мне держать Мори после *превращения* в своих руках, — я уже говорил об этом. Исчезли ли у меня, *превратившегося* в восемнадцатилетнего мальчишку, силы воздействия на чужую душу, которыми я обладал до *превращения* благодаря своему жизненному опыту? Терзаемый сомнениями, я свернулся калачиком на кровати. Если в результате *превращения* я утратил способность воздействовать на душу Мори, какой смысл будет тогда иметь для меня *превращение*? Разумеется, *превращение* нелогично, но именно благодаря своей нелогичности оно, видимо, и таит в себе возможность способствовать справедливому решению конфликтов между людьми.

...Брошенный всеми, я лежал одинокий и беспомощный, как вдруг мне явилось знамение. Пусть я чувствую себя ни на что не годным мальчишкой, но все равно не следует сомневаться в том, что *превращение* Мори во взрослого мужчину имеет смысл — таким было знамение. Даже в том, что имеет смысл *превращение* Мори, обремененного особой миссией! Не это ли телепатически передал мне Мори вчера ночью? И мое *превращение* нужно лишь для того, чтобы я присутствовал при выполнении им своей миссии. Тела и души всех людей на Земле — не более чем отражения, проецируемые с НЛО, и тем не менее из трех миллиардов пятисот миллионов этих отражений выбрано отражение одного Мори, на которого и возложена миссия, и, поскольку он стремится выполнить ее, я, тоже *превратившийся*, должен во имя этого, не ленясь, наблюдать происходящее, засвидетельствовать все, что увижу...

Думая обо всем этом, я неожиданно расплакался и, широко открыв рот, часто задышал, чтобы слезы не перешли в громкие рыдания... Вот что произошло — ничтожный восемнадцатилетний, лишенный опыта, необходимого, чтобы обладать силой, которая позволила бы ощущать душу другого человека, с помощью обильно лившихся слез пытался проникнуть в суть явлений. Продолжая лить слезы, я мечтал о том, чтобы спуститься вниз и поплакаться Мори. *Мори, Мори, Мори (а поскольку произошло наше прев-*

ращение — папочка Мори!), открой мне, в чем состоит твоя миссия! Ради чего ты превратился? Не хочешь поведать мне тайну возложенной на тебя миссии — не надо. Я лягу костьми, чтобы выполнить любой твой приказ. Мори, Мори, папочка Мори! Ты меня слышишь?

Стараясь унять припадок фанатизма и сентиментальности, я не мог усидеть на кровати. Подобное стремление к движению — по-французски это звучит «une force qu'iva» — толкало меня на необдуманные действия, я просто места себе не находил. Неужели, достигнув и вперывые в жизни половой зрелости, я точно так же перебарывал себя? Я думаю, это была подготовка к предстоящим жизненным экзаменам. Может быть, в свои первые восемнадцать лет я как человек был совершеннее, чем во вторые? Значит, нынешний я ниже качеством? Ха-ха.

Кончилось все это тем, что я по привычке, оставшейся с тех пор, когда *превращение* еще не произошло, стремительно сбежал вниз — в гостиную Мори и студентка с грустными лицами просматривали разложенные на полу газеты.

— Читаете утренние выпуски? Думаю, в них еще не успели поместить сообщения о вчерашних событиях, — скачал я с видом знатока, нарушая их уединение.

— Вечерние! — отрезала девушка.

Мори, чисто выбритый, отчего он выглядел уверенно и в то же время привлекательно — его лицо было совсем не похоже, как мне вспоминается, на мое, и в зрелом возрасте напоминавшее детское, — без улыбки, даже, скорее, печально, протянул мне одну из газет. Следовало признать, что в отличие от студентки Мори проявил объективное беспристрастие. Чуть не закричав: «Покажи, покажи!» — я подбежал к Мори и Саёко.

4

Я увидел четыре разные газеты — хотя было уже далеко за полдень, для вечернего выпуска еще рано. Кроме того, мы получали всего лишь одну газету. Значит, не дожидаясь, пока ее принесут, они сходили в газетный киоск к железнодорожной станции. Мори и Саёко в соответствии со своим восприятием происходящего, переоценив происшедший вчера вечером инцидент, наверно, были убеждены, что все газеты будут полны им. Ха-ха, смешно!

Я предполагал, что можно рассчитывать лишь на небольшую заметку. Но не стал высмеивать серьезность, с какой они анализировали все сообщения — зачем им знать мое мнение? Сообщения были трех видов, и напечатаны они были очень убого. Чтобы продемонстрировать характер этих статей, достаточно привести один из заголовков: МЕЖДОУСОБИЦА НА МИТИНГЕ ПРОТИВ СТРОИТЕЛЬСТВА АТОМНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ. ВВОД ОТРЯДА МОТОРИЗОВАННОЙ ПОЛИЦИИ. Лишь в одной газете текст был взят в рамку, как специальное сообщение: МЕЖДОУСОБНАЯ БОРЬБА ВРАЖДУЮЩИХ ГРУПП; РУКОВОДСТВО ОБЕИХ СЕКТ ХРАНИТ МОЛЧАНИЕ; СПАСЕНИЕ АРЕСТОВАННЫХ. В чем причина вражды? Хотя в потасовке участвовало человек триста, в отличие от наблюдавшихся в последнее время междоусобиц между сектами не было убитых и тяжело раненых. Легко раненные и те появились, только когда моторизованный отряд полиции стал наводить порядок. Это утверждала в беседе с корреспондентом Ооно Сакурао, которая высмеивалась в статье как одна из тех, кто занялся спасением арестованных. *Значит, она сразу же приступила к спасению ребят, неужели несколько не отдохнула?* — закричал я про себя срывающимся голосом влюбленного восемнадцатилетнего.

Тридцать пять человек, участвовавших в потасовке, были арестованы, но среди всех этих юношей и девушек, хранивших упорное молчание, не оказалось ни одного из тех, кто был внесен полицией в список активистов. Когда в прошлом случались междоусобицы, руководители и нападавших, и оборонявшихся немедленно выступали с заявлениями, на этот же раз они словно воды в рот набрали. Неужели это действительно была междоусобица враждующих революционных групп? Чем объяснить то, что в этой междоусобице ни те, ни другие не использовали своего обычного оружия — металлических ломиков и труб? Может быть, это была междоусобица, призванная, как это ни парадоксально, найти пути к объединению обеих группировок?.. А вот о *Корпусе лососей* ни в одной статье не было сказано ни слова.

В качестве представителей группы спасения на вопросы корреспондентов ответили лишь двое. Первая из них — Ооно — начала с критики мер по наведению порядка, принятых моторизованным отрядом полиции: мы, сказала она, проводили гражданский митинг, на который не оказывала

непосредственного влияния какая-либо революционная группа, и целью его было отобрать ядерную энергию у властей и передать ее в руки народа. А те, кто пришел сорвать гражданский митинг, не только фашисты и хулиганы, но и прихвостни властей, обладающих ядерной мощью, со свойственной ей определенностью подвела она итог. Вторая беседа привлекла мое внимание в первую очередь благодаря тому, что собеседник корреспондента назвал себя **Добровольным арбитром**. Это, конечно, смахивало на оригинальничанье, но звучало выразительно: **Добровольный арбитр**. Корреспондент, чтобы у читателей тоже сложилось аналогичное впечатление, описал все его действия во время инцидента. Находясь снаружи, **Добровольный арбитр**, учуяв, что вспыхнула потасовка, сразу же попытался проникнуть в зал, но был отброшен полицией. *Антиполиция*, силы которой были рассеяны, тоже ничего не могла поделать, ха-ха. Тогда он стал ждать на улице развития событий и, когда вывели арестованных, протестовал против действий полиции настойчиво, но в то же время осторожно, опасаясь, что его самого схватят за попытку препятствовать официальным лицам исполнять свои обязанности. После того как большая полицейская машина с полицейскими и арестованными уехала, **Добровольный арбитр** сделал корреспонденту заявление. **Добровольный арбитр** говорил следующее: «На разогнанном только что митинге — и среди устроителей, и среди тех, кто проник на него и учинил потасовку, — есть молодые люди, так сказать, сегодняшнее издание молодых крестоносцев, которые голыми руками, не располагая реальной силой, пытаются оказывать противодействие возрастанию ядерной угрозы в мире. А вот их стремление уничтожить друг друга наносит страшный ущерб общему делу. Я хочу выступить арбитром в их споре».

— Молодые крестоносцы? В таком случае по исторической аналогии их уничтожение предрешено, верно? — Я не мог удержаться, чтобы не пуститься в объяснения по старой привычке учить Мори, которая сохранилась у меня с прежних времен, когда еще не произошло нашего *превращения*.

— Как можно утверждать, что существование молодых крестоносцев лишено всякого смысла? Ведь эти крестоносцы из сегодняшнего дня шагнут в завтрашний. Я, разумеется, против того, чтобы ставить в один ряд революционную группу и контрреволюционные бандитские

организации. Но критиковать революционную группу — ее оценка, данная Добровольным арбитром, верна! — я считаю необходимым.

— Ах, значит, вот это кто... тот самый мужчина, которому ты пожал руку, да, Мори? Чудак, который вчера выступал у зала, где проводился митинг, и не замолчал даже после того, как его несколько раз ткнули в сугроб!

— Никакой он не чудак, этот Добровольный арбитр. Выводы, к которым он приходит, я отвергаю, но, думаю, с некоторыми его оценками нашей деятельности следует согласиться; выступления Добровольного арбитра я слышала уже раз десять. Я сделалась активным членом группы немногим более года назад, а слушать его выступления начала уже давно — еще когда просто так ходила на митинги, не будучи членом группы.

— Где же тут логика, если ты выступаешь против выводов, как можно соглашаться с его оценкой вашей деятельности? Как мне представляется, точка зрения Добровольного арбитра состоит в следующем: обе ваши группы в своей деятельности выполняют роль молодых крестоносцев — осознав это, вы должны прекратить междоусобицу. Может быть, полная путаница в твоей голове и привела тебя в группу? Ха-ха.

— Как вы можете говорить о моей группе, если ничего о ней не знаете? Вчера вы впервые несколько минут слушали выступление Добровольного арбитра — вот и все. Хотя Мори и пожал ему руку. Вы должны сейчас заняться самокритикой: «Не делай заявлений без проверки».

— Мао Цзэдун!

— Это каждому известно. Правда, Мори? Говоря, что с некоторыми положениями Добровольного арбитра в оценке нашей деятельности можно согласиться, я исхожу из опыта. Хотя в теории Мао Цзэдуна мне не все понятно, его мысли воодушевили меня на то, чтобы стать членом революционной группы.

— Молодые крестоносцы, и ты — одна из них!

— ...Если человек на что-то решился, внешнее воздействие существенно поколебать его решение не может. Человек — система закрытая.

— Это структурализм, вернее, лжеструктурализм!

— ...Я уверена, что неверные выводы того человека происходят из убеждения, что нападки одной группировки на другую лишены всякого смысла. Однако для тех, кто активно работает в истинно революционной группе,

весьма важны их собственные решения, поскольку человек — система закрытая. Любому человеку вначале трудно разобраться в теории и анализе существующего положения, и поэтому он не сразу начинает активную деятельность. **Добровольный арбитр** неверно толкует сущность борьбы с контрреволюцией, во времена междоусобиц, но говорит: преодолевайте расхождения, ибо их причина — заблуждения. В своих выступлениях он приводит цитаты из классики: «Даже Хонэн¹ не все проясняет».

— Это Синран!²

— ...Мори, почему этот мальчишка все время суетится?

Добровольный арбитр еще говорил: «Если, не веруя, окропиться святой водой и прослушать мессу, превратишься не в верующего, а в глупца». Правда, эта мысль отдает законченной реакционностью.

— Паскаль!

— Этот мальчишка суетится как одержимый. Что он хочет сказать в конце концов? А, Мори? **Добровольный арбитр** привел эту цитату, чтобы показать смысл нашей деятельности, устремленной вперед. Если это помогает достичь истины, то можно слепо верить вождю. Пусть красные охранники ничего и не понимали, но верили и шли правильным курсом Мао, значит, все было в порядке, правильно? Для истории лучше действовать с верой, чем быть аполитичным.

— Это уже какой-то диалектический Паскаль!

— Вздор! — не сдержавшись, закричала студентка, а потом, снова став по-девичьи кроткой, заявила: — Послушай, Мори, я думаю, ты действительно веришь в свои слова, в слова о *превращении*, и я тоже действительно в это верю. Ты же с самого начала говорил: *Если космической воли — неважно, в каком виде она проявляется, — не существует, зачем бы мы тогда превратились?..*

Ее слова прозвучали как гром среди ясного неба. Слова Мори, произнесенные устами студентки, потрясли тело и душу злившегося и дерзившего восемнадцатилетнего мальчишки. Они были созвучны оставшимся в его памяти словам Ооно. *О, какая жалость! Почему это случилось? О, какая жалость! Почему это случилось?* Оказывается, пока я тратил время на грустные размышле-

¹ Хонэн (1133—1212) — один из основателей буддийской секты Дзёдо.

² Синран (1173—1262) — один из основателей буддийской секты Дзёдо.

ния о нашем с Мори *превращении*, лил печальные слезы, предавался унынию, полагая, что мне явилось знамение, злился и дерзил, Мори, *превратившийся*, так же как и я, попусту растрачивал свои физические и духовные силы лишь на то, чтобы развлекаться со студенткой. Он тоже все время пребывал в глубокой задумчивости, испытывал душевные муки — впервые познавая женщину, он рассказал ей о *превращении*. Может быть, то, что он неожиданно утратил ощущение прочности и незыблемости, свойственное сумеречному сознанию неполноценного ребенка, и приобрел вдруг способность мыслить и высказывать свои мысли, и ввергло его в пучину горькой задумчивости?

Выходит, что эти слова, пронзившие, точно электрический разряд, мозг двадцативосьмилетнего Мори, погруженного в свои мысли, испытавшего душевные муки, *превратившегося* Мори, и слова Ооно, вызывающие ответную нежность, эмоциональный подъем, гармонически сочетаются. Выходит, что я, оказавшийся способным услышать обоих, как человек, который, повинаясь *превратившемуся* Мори, выполняет возложенную на него миссию, именно сейчас получил сигнал от космической воли?

Если космической воли — не важно, в каком виде она проявляется, — не существует, зачем бы мы тогда превратились? О, какая жалость! Почему это случилось? О, какая жалость! Почему это случилось?

— Все, кончаем бесплодную дискуссию и переходим к делу! Но сначала поедим. Ты же сам говорил, Мори, что *если превращение было призвано сделать из тебя пинчраннера для тех, кто не способен бежать, не знает, что необходимо бежать, то нужно немедленно начать бег*. Так давай же начнем бег. Я хочу, чтобы ты взял меня с собой и мы включились в спасение ребят. Мы обязаны восполнить то, что упустили вчера и сегодня!

Я отчетливо услышал подбадривающие меня крики ЛИ... ЛИ... ЛИ... Эти раздававшиеся во мне крики пробуждали в моем теле и душе страстное желание бежать вперед, но вместе с тем пробуждали страх, и это в свою очередь вновь вызывало жажду бежать вперед, преодолевая страх, неразрывно связывая меня с движением, начавшимся в теле и душе *превратившегося* Мори. Сколько раз до *превращения* я рассказывал Мори об испытаниях, выпадающих на долю пинчраннера! Наверно, мои рассказы подсознательно сделались основой его существования. Это проявилось у Мори после *превращения*!

Студентка, точно приступая к первому этапу спасения; стремительно направилась на кухню, а Мори и я молча ждали еду, прислушиваясь к раздающимся в наших телах и душах крикам воодушевления и угрозы:

ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ...
ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ...

5

Возникла проблема денег. Нашу с Мори жизнь после *превращения* мы направили, как нам казалось, по верному пути, но, сколь бы странной, сколь бы переменчивой ни была наша жизнь, она неизбежно влекла за собой проблему денег... Говоря так, я хочу предварить слова, с которыми вы собираетесь обратиться ко мне. *Превращение?* Прекрасно, какой бы странной выдумкой, какой бы сумасшедшей мечтой это ни было, но, поскольку я утверждаю, что именно оно есть единственная реальность, которую я пережил, переживаю и, видимо, буду переживать, пусть это слово будет записано. Но все же как быть с деньгами? *Превращение* произошло, однако жить, питаясь туманом, невозможно. Как быть с деньгами? — не понимая существа этого вопроса, невозможно правдиво рассказать о том, что представляла собой наша жизнь.

Поэтому главное место в моем рассказе будет занимать проблема денег. Случай, поставивший меня перед этой проблемой, как это ни прискорбно, произошел не по моей вине, виновником был высокий мужчина в полевой форме американской армии! Мори и Саёко отправились спасать своих товарищей, и, когда они уходили, я спросил у студентки, нападала или оборонялась вчера их группа, но та пропустила мой вопрос мимо ушей. Может быть, она почувствовала, что с помощью такого вопроса я пытаюсь доказать сходство ее группы с другими? И я, восемнадцатилетний слабак, не осмелившийся больше преследовать девушку своими вопросами, остался дома, сознавая унижительность своего положения и надеясь на звонок от будущей киносценаристки. Студентка, видимо, направлялась в штаб-квартиру своей революционной группы или в какое-то другое место, связанное с ней, и я не мог надеяться на то, что она возьмет меня с собой.

Оставшись один, я стал прикидывать, не удастся ли мне починить входную дверь, которую студентка сломала ледорубом. Когда Мори со студенткой ушли, мной, как вся-

ким восемнадцатилетним мальчишкой, овладел страх — что теперь со мной будет; я боялся, что стану жертвой «ошибочной бомбардировки», и молодчики из группировки, враждебной революционной группе Саёко, смогут беспрепятственно проникнуть в дом через незапертую прихожую! Еще в те времена, когда я работал на атомной электростанции, у меня были золотые руки. Вынув из книжного шкафа несколько пустых полок, я сколотил их вместе, так как они были слишком тонкими, и отпилил кусок по размеру дыры, проделанной в двери. Потом стал приделывать к доске висячий замок, который был у нас в доме, — не знаю, для какой надобности я его когда-то купил.

Вдруг у меня за спиной раздался мужской голос: — Эй!

«Ошибочная бомбардировка?!» — подумал я с ужасом. Стоя на коленях спиной к улице и прижав к полу доску — мог ли я в таком положении помышлять об обороне? Посетитель тоже, поскольку у меня под рукой были пила и долото, окликнул меня опасливо, не переступая порога. И все-таки, что это еще за «эй!»? Я взял себя в руки, поднялся, прихватив долото, и повернулся к высокому мужчине в военной форме, испещренной маскировочными зелеными пятнами. Он был коротко стрижен, с унылым выражением лица. Видимо, это он и кричал «эй!». Буравившие меня узкие, налитые кровью глаза были точь-в-точь как у моей жены, бывшей женой, — ко мне явился один из ее многочисленных братьев. Поняв это, я испытал новый прилив растерянности и замешательства, даже мурашки по спине побежали. Но и у посетителя секундой позже в узких слезящихся глазах тоже появились растерянность и замешательство.

— Ты кто такой? Тот...

Все в порядке, я превратился — эта мысль сразу же освободила меня от растерянности и замешательства. Я успокоился — неплохо он получил за свое «эй!».

— Все нормально! Я племянник того сумасшедшего, отравленного плутонием.

— ...Ну что ж, дядя дома?

— Он действительно ненормальный, и жена ему порезала щеку, вот он и прятался где-то. Я сторож у дом.

— Что же делать?! Когда он обещал вернуться?.. Неужели и больного ребенка с собой взял?

— На первый вопрос отвечу — не знаю! На второй — да!

— Что же мне делать, что же мне делать?! — задумчиво повторял высокий мужчина в военной форме, с мрачным выражением лица, на котором печаль была смешана с жестокостью, — да, с таким встретиться один на один не особенно приятно. Несколько смущенно, что совсем не вязалось с его тяжелым дыханием, он заговорил просительным тоном:

— Послушай. Ты не знаешь, где лежит дядина личная печатка? Я пришел взять ее по поручению твоей тети. Я ее родной брат. Если бы дядя был дома, он бы, конечно, отдал мне ее. Уходя, тетя взяла с собой чековую книжку. А печатки перепутала. Может, поищешь?

— Выходит, вы надели военную форму и пришли сюда, чтобы вырвать печатку из рук отравленного плутоном ненормального, если бы он оказался дома?

— Что? — взорвался шурин, бы в ш и й шурин. Однако этот крупного телосложения человек сравнительно легко справился со вспышкой гнева. Кроме того, он был преисполнен желания выполнить поручение старшей сестры, к которой питал большое уважение. Этот тип служил в рекламной фирме, занимался торговой рекламой и был в приятельских отношениях с тем самым режиссером. Видимо, посоветовавшись втроем, они направили сюда его, потому что он и чувствовал ответственность за порученное дело. — Затеивать ссору я не собираюсь. Коль скоро тебе поручено охранять дом, значит, ты, наверно, знаешь, что дядя и тетя разъехались. И следовательно, дядя обязан обеспечить тетю средствами к существованию — таков закон.

— У дяди разрезана щека, впредь он будет сам воспитывать своего больного сына, так что нужно еще подождать, что скажет суд во время бракоразводного процесса. К тому же, насколько мне известно, тетя уехала из дому вместе с режиссером в темных очках. Наверно, и вы об этом слышали? Одну щеку дяде разрезала тетя, по другой щеке ему съездил режиссер. Может быть, он — чуждый непротивлению *христианин атакующего плана?*

— Что?.. Интересные вещи ты говоришь, однако. Ну ладно, закончим на этом разговор, найди и принеси печатку. Между дядей и тетей на этот счет существует полная договоренность. И дяде будет гораздо приятнее передать печатку через меня, нежели вынуждать приехать за ней тетю.

— Конечно, приятнее, чем дрожать от страха, что она и другую щеку ему раскроит!.. Но если у нее в руках окажется чековая книжка и печатка, на какие деньги он будет содержать больного сына? Ведь пособие от атомной электростанции выплачивается через банк.

— Тебе известны даже такие подробности? Значит, ты наверняка знаешь, где печатка? Принеси сейчас же. Сам подумай, на что будет жить тетя, если ты не принесешь ее.

— Конечно, я же не ребенок, — рассмеялся я.

— Меня тоже не ребенок прислал!.. Если я расскажу обо всем его товарищам по движению или корреспонденту какой-нибудь газеты, он не только печатку — что угодно отдаст. Тем более что о вчерашней междоусобной стычке уже написано в газетах. И по телевизору передавали со ссылкой на **Могущественного господина А.** Ну как?

— Ого! — растерялся я на секунду.

Пятясь шаг за шагом, я отступил в дом, потом вернулся назад — в моей правой руке все еще было зажато долото, левой протянул мужчине личную печатку. Люди, находящиеся под влиянием моей жены, б в ш е й жены, имеют, кажется, дурную привычку: нападать на любого, кто стоит у них на пути, — необходимо быть внимательным, предостеречь себя.

— Я скажу дяде, что вы силой отняли у меня его печатку.

— Твое дело, говори что хочешь. Эй! Мальчишка насмехается над взрослым человеком — где это видано? Ты это брось!

...Не прошло и двадцати минут, как раздался телефонный звонок, я снял трубку — не поздоровавшись, будущая киносценаристка вылила мне на голову ушат холодной воды.

— В штаб спасения арестованных поступил анонимный телефонный звонок о том, что вы передали **Могущественному господину А.** информацию, связанную с ядерными делами. И вчера, переодевшись, проникли в зал, отчего, возможно, и произошла потасовка. Уже давно ходили слухи, что контрреволюционное хулиганье, совершившее вчерашнее нападение, получает деньги от **Могущественного господина А.** ...Вы хотите, чтобы вас считали человеком, передавшим информацию **Могущественному господину А.?**

— Только что я имел дело с братом жены, или, может быть, лучше сказать, б в ш е й жены, в общем, с бра-

том этой женщины, который пришел, чтобы взять у меня печатку. Он намекал на то же самое, и, когда печатка оказалась в его руках, он решил оклеветать меня — это я вполне допускаю.

— Значит, вы хотите сказать, что не связаны с Могушественным господином А.? Или, может быть, все же связаны?.. Через три часа я буду в том отеле. Прежде всего нам нужно обсудить этот вопрос вдвоем! Сидеть дома, ничего не предпринимая, для вас сейчас небезопасно.

Я тут же решил принять ее предложение. Она сказала «в том отеле» — это был тот самый отель, в котором я до превращения так неудачно переспал с будущей киносценаристкой. Размышляя об угрозе шурина, бывшего шурина, и сопоставляя ее с информацией Ооно, я вновь приступил к починке замка на входной двери, но шурупы выпадали из моих взмокших пальцев. Обобранный до нитки восемнадцатилетний мальчишка, которого на каждом шагу подстерегают опасности, — мне ничего не оставалось, как, пошатываясь, выйти на улицу, уже не рассчитывая на помощь взрослого, здорового Мори! «Ошибочная бомбардировка» теперь мне не угрожает — я стал мишенью настоящей бомбардировки!

ГЛАВА VI

ТАК Я ВСТРЕТИЛСЯ С МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А., ТО ЕСТЬ С ПАТРОНОМ

1

В сумеречной дымке от висевших в воздухе мелких капелек дождя и тумана я сел в электричку, все время опасаясь засады *антиполиции* или *Корнуса лососей* — даже кондуктор показался мне членом революционной организации служащих частной железной дороги. Он пробил протянутый билет с таким остервенением, будто проделывал дыры в моей коже! Кондуктор, несомненно, догадывался, что я и есть тот самый человек, только вырядившийся мальчишкой. Разумеется, его предположения ошибочны. Но, даже если юнцы, сбив меня с ног железными ломиками и трубами, обнаружат, что я вовсе не переряжался, а действительно стал молодым, все равно мой обновленный череп уже будет проломлен. Что же даст мне подобное запоздалое признание? Даже такой необычный хомо сапиенс, как я, переживший *превращение*, не имеет запасной черепной коробки. Вспомнив прошлую стычку, которая могла повториться в этот весенний вечер, я, еще не представляя себе, во что она выльется, боялся, как бы эта стычка не обернулась против меня — тогда не удастся выполнить миссию, возложенную на меня космической волей, выразившейся в *превращении*. А если меня не станет, Мори придется в одиночку выполнять миссию, не знающему людей Мори — в одиночку!

Неужели на моем лице, на котором было написано одно страдание, она уловила намек на чувственность?

Хорошо еще, что мы встретились у живой изгороди, скрывающей вход в отель, — на грустном лице будущей киносценаристки молнией сверкнуло отвращение; не желая входить со мной внутрь, она оттеснила меня назад, на дорожку. И, еле шевеля губами, сказала, надрывая душу восемнадцатилетнему мальчишке:

— Я с трудом выбралась к тебе, отсрочив расследование, которое ребята уже собирались начать. А ты еще смотришь на меня голодными глазами?

Мы одновременно стали раскрывать только что закрытые зонты, спицы их сцепились, и Оно, разозлившись, с силой тряхнула свой зонт; я отступил, и спица больно ткнула меня в пах.

— Ой, больно! — застонал я.

— Больно? — разозлилась она, и даже в темноте было видно, как покраснели ее щеки: значит, своей болью я нанес ей новое оскорбление! — Нечего мешкать, пошли. Я одна должна провести предварительное расследование, вызванное некоторыми касающимися тебя подозрениями.

— Куда мы идем?

— Куда? Естественно, в такое место, где можем спокойно побеседовать.

— Но ведь отель был бы вполне подходящим местом?

— ...Вот то, что нам нужно! Видишь, где горит неоновая реклама? С а у н а — все номера отдельные.

— С а у н а ? — спросил я, но создавшаяся обстановка не позволяла рассчитывать на обстоятельный ответ, и я поспешно последовал за гордо выступавшей будущей киносценаристкой. Как только мы вошли в отель для парочек, при котором и была с а у н а — все номера отдельные, Оно с поспешностью, будто во что бы то ни стало хотела успеть обнажиться перед служителем, принесшим зеленый чай, мигом разделась, обмотала бедра купальным полотенцем и вошла в помещение, напоминающее поставленный на попа гроб из некрашенных досок, а я еще и брюк скинуть не успел. Когда вслед за ней я вошел туда, она уже устроила свое плотное тело на полке такой высоты, что голова ее касалась потолка, и зло смотрела на меня, ха-ха. Вообще говоря, она привела меня в этот отель, чтобы без помех как следует расспросить, и наличие сауны, должно быть, было лишь побочной причиной выбора. Но, как только мы попали в с а у н у с о т д е л ь н ы м и н о м е р а м и , она, по своей привычке все делать обстоятельно, не могла не воспользоваться этим. На коже,

пошедшей красными пятнами, с яркостью татуировки проступали следы вчерашнего сражения. Я сидел, поджав ноги, весь в ссадинах и кровоподтеках.

В этой самой сауне и началась наша беседа, или, лучше сказать, допрос. Стоило открыть рот, как пахнувший гарью воздух, нагретый до восьмидесяти градусов по Цельсию, вривался через горло в легкие, и мы с Ооно, кашляя, выдыхали огненные струи. Нагретый до восьмидесяти градусов по Цельсию воздух не располагает к тому, чтобы выбирать выражения, и я продемонстрирую сейчас в самых общих чертах, что представляло собой устроенное мне личное дознание, сопровождавшееся поджариванием. Но, как станет ясно из дальнейшего, ни вопросы, ни ответы не были необдуманными.

В. По имеющимся сведениям, в течение нескольких лет вы передавали **Могущественному господину А.** информацию, связанную с ядерной ситуацией, и получали за это денежные вознаграждения, значительно превышающие пособие, выплачиваемое вам атомной электростанцией. Аноним, сообщивший нам об этом факте, предложил в случае необходимости ознакомить нас с деталями. Чтобы соблюсти беспристрастность, я спрашиваю: настаиваете ли вы на том, что человек, сообщивший нам об этом, питает к вам личную неприязнь?

О. Безусловно. Я уверен, что ваш осведомитель — брат жены, б ы в ш е й жены, которая позавчера вечером, поранив мне щеку (обнаружить сейчас рану на щеке невозможно в связи с происшедшим со мной *превращением*), покинула дом.

В. Я допускаю, что в сведениях, сообщенных осведомителем, могли содержаться злонамеренные искажения, но как обстоит дело с главным фактом? Верно ли, что вы передавали информацию о ядерной ситуации **Могущественному господину А.** и регулярно получали за это денежные вознаграждения?

О. Это нельзя даже назвать информацией — я делал сокращенные переводы статей, главным образом из периодических изданий, выходящих в Европе и Америке, касающихся ядерного оружия и ядерных исследований во всех странах мира, и в виде кратких резюме ежемесячно передавал их **Могущественному господину А.**, только и всего.

В. Согласно сообщению осведомителя, каждая передача резюме сопровождалась часовой, а иногда и двухчасовой беседой с **Могущественным господином А.** В таком

случае вы не можете отрицать возможность и вероятность того, что, вольно или невольно, кроме резюме, вы представляли информацию и иного характера также. Далее, согласно сообщению осведомителя, у вас вошло в привычку называть **Могущественного господина А. Патроном**. Так называют лишь человека, с которым находятся в деловых отношениях.

О. Патрон (по-японски — ояката) — глава, старший человек, заменяющий отца. Следовательно, это слово можно трактовать как «опекун», «дух-хранитель». Потому я и называл его **Патроном**, мысленно делая перевод с японского «ояката». Кроме того, это слово не мое изобретение. Я перенял его у покойного товарища. Мой университетский товарищ был молодым многообещающим международником, в течение длительного времени обучавшийся в Принстоне. Он полюбил француженку, приехавшую туда на стажировку. Они отправились в Париж и поженились. После этого он стал продолжать свои изыскания в Парижском университете, но средства к существованию мог добывать лишь случайными заработками в парижских отделениях наших газет или работал переводчиком с делегациями. Бросив на полпути свои исследования в Соединенных Штатах, он лишился возможности, приехав на родину, вернуться в свой университет. Тем более не мог рассчитывать на получение должности в Токио, которая приносила бы достаточно средств для семейной жизни с француженкой. Оказавшись в таком тяжелом положении и уже совсем отчаявшись, он, работая переводчиком, случайно познакомился с **Патроном**. И получил поручение поставлять информацию о Восточной Европе и Ближнем Востоке. Разумеется, и от него тоже потребовали отбирать политические и экономические статьи во французских газетах и журналах, делать их краткий перевод и передавать в виде резюме. Подготавливая резюме о ядерной ситуации на Ближнем Востоке, он иногда прибегал к моей помощи, поскольку я вел специальные исследования в Калифорнии. В дальнейшем **Патрон** предложил мне лично снабжать его резюме по вопросам, относящимся к той специальной области, в которой я работал. Вот и вышло так, что я стал называть его **Патроном**.

В. Осведомитель сообщил, что ваш товарищ, обвиненный в срыве передачи информации, был наказан людьми, подчиненными **Могущественному господину А.** Верно ли это?

О. Наказан — глупая выдумка. Когда начался кубинский кризис, в Париже, являющемся европейским информационным центром, пристально следили за ходом событий — не вспыхнет ли мировая ядерная война — и мой товарищ оказался в гуще событий, а через неделю после того, как кризис был ликвидирован, он повесился. Когда его жена, работавшая секретаршей на заводе Рено, пришла домой обедать, он висел на спинке кровати.

В. За день до смерти, встретившись с Могуущественным господином А. в аэропорту Орли, он получил выговор за халатное отношение к сбору и передаче информации — известно ли вам это? А если известно, то почему скрываете? — уколола меня будущая киносценаристка и, будто неожиданно вспомнив, что ей нужно срочно позвонить, обливаясь потом, быстро спустилась с полка. Вид этой женщины, которая, согнувшись, шла между опаленными столбами из некрашеного дерева, зажав рукой концы тяжело свисавшего ниже пояса, пропитанного потом полотенца, олицетворял саму решительность. Дверь, плотно захлопнутую пружиной, нужно было открывать сильным толчком, из-за нестерпимого жара ей пришлось снять полотенце, обмотать им руку и, напрягшись, изо всех сил толкнуть ею дверь. Я подумал было, что она собирается пойти в номер, но будущая киносценаристка тут же вернулась с бадьей и черпаком. Я пил, точно глотал золотых рыбок, влившийся в открытую дверь свежий воздух, и вдруг почувствовал надвигающуюся опасность, но было уже поздно. Оно вылила полный черпак на раскаленную печь! В мгновение вода превратилась в пар, и меня обдало раскаленной струей.

Изнемогая от жара, я вытащил ее наружу. В общем, для женщины средних лет она вела себя решительно, хотя и безрассудно.

Опустившись на колени, я посадил ее и прислонил к ванне, она низко опустила голову и тяжело дышала. С благоговением молодого поклонника я проверил на себе температуру воды и душем на гибком шланге стал поливать ее вспыхнувшую багровую шею и плечи. Совсем обессилев, она лишь скорбно, другого слова не подберешь, вскрикнула «ой!», но даже не пошевелинулась. Еще не оправившись как следует и лишь придя в себя от шока, вызванного раскаленной струей пара, она выразила решимость продолжать дознание.

— Долго еще будешь обливать меня холодной водой? Движения должны быть плавными,— сказала она раздраженно.— Для такого массажа кожи и существует сауна.

— Да, совершенно верно!— ответил я и направил струю воды себе на живот, а она чуть обернулась и притянула меня к себе, ха-ха.

2

В. Значит, вы передавали **Могущественному** господину **А.** краткую информацию об иностранных материалах или их резюме?

О. Как я уже говорил, это были статьи о ядерном вооружении, а также о мирном использовании ядерной энергии, публиковавшиеся в общих и специальных журналах Европы и Соединенных Штатов. О возможностях отсталых в ядерном отношении стран тайно разработать ядерное оружие. Недавно и в нашей стране появились специальные журналы по вопросам ядерной энергии. Бегло просматривая их, я концентрировал внимание на таких проблемах, как аварии на атомных электростанциях, загрязнение ими окружающей среды, похищение ядерного горючего. Все эти проблемы касались того, что мне было хорошо известно.

В. Направления изысканий и исследований были указаны **Могущественным** господином **А.**? Или вы выбирали их, исходя из своих личных интересов?

О. Последнее. Вместе с тем я убежден, что мои интересы, базирующиеся на моем личном опыте, в конечном итоге находятся в основном русле развития ядерной ситуации в мире.

В. Какого рода беседы происходили между вами и **Могущественным** господином **А.**, когда вы передавали ему резюме? Желателен конкретный ответ.

О. В последние годы я собирал невероятные истории — они-то и служили темой наших бесед. Мне казалось, что **Патрон** слушает мои рассказы с удовольствием, хотя на его лице всегда была натянутая улыбка. Сколь бы невероятной ни была рассказанная мной история, **Патрон** всегда связывал ее с действительностью. Выказав интерес к удивительному рассказу, он требовал от меня дополнительных разъяснений и, если в моих расследованиях оставались неясные места, выражал неудовольствие. Приведу пример. Летом 1966 года американский бомбардировщик Б-52

с четырьмя водородными бомбами на борту во время заправки горючим в воздухе рухнул на землю. Хозяин продовольственной лавки в городке Паломарес, на берегу Средиземного моря, пнул ногой дымящуюся водородную бомбу, упавшую на томатном поле. Патрон выразил желание выяснить, каково состояние здоровья этого человека в настоящее время. Однако в литературе, посвященной этому вопросу, говорилось, что сообщение, будто этот человек пнул ногой водородную бомбу, является недостоверным. Чтобы мой рассказ был интереснее, я игнорировал это. Патрон выразил явное неудовольствие.

В. Если вы собирали необыкновенные истории, основывающиеся на фактах, то, видимо, должны были, не ограничиваясь сообщениями зарубежной печати, рассказывать о работе атомной электростанции, к которой вы имели отношение, о движении против строительства атомных электростанций?.. Я особо отмечу, что на этот вопрос вы не ответили.

Мое минутное молчание объяснялось лишь тем, что я хотел всерьез вспомнить, как все было. Но будущая киносценаристка сразу же вынула блокнот для режиссерских заметок, с которым не расставалась, и начала писать. Ведь теперь мы находились в таком месте, где писать было уже возможно. От груди до бедер обернув себя купальным полотенцем и подложив под спину две подушки, она полулежала, вытянув ноги; мне все сильнее хотелось нового «дознания», и я, тоже обмотав бедра полотенцем, сел рядом.

Но, вынув свой блокнот, Оно стала подробно записывать все прежние вопросы и ответы тоже. От этого мне стало не по себе. Я вспомнил, что действительно рассказывал Патрону о подоплеке несчастных случаев на атомной электростанции, где я работал, о подоплеке странных явлений в движении против строительства атомных электростанций. Я рассказывал ему невероятные истории, достойные осмеяния, но все они базировались на фактах. Когда я рассказал о нападении *жестяных людей*, в результате которого получил облучение, Патрон в самом деле был потрясен комизмом происшедшего и в то же время проявил неподдельное сострадание; удалось заинтересовать его и рассказом о *Корпусе лососей*, но все это было уже очень давно.

— Вполне возможно, что Могуущественный господин А., пользуясь хотя бы тем, что вы иногда проговаривались, поручал другим своим поставщикам информации

выяснить суть событий, чтобы определить, в каком направлении они развиваются. Предположим, вы проговорились о чем-то секретном, и он, как следует сопоставив и перепроверив полученные сведения, пригрозил сообщить об этом руководству атомной электростанции или штабу движения против строительства атомных электростанций, и вы вынуждены были покориться ему и давать все новую и новую информацию?

— *Ну, если ты уж такие предположения будешь строить...* — напал я на нее, подстегиваемый страхом. — Ладно, сведения об атомной электростанции я давал, но какая мне была необходимость поставлять информацию о движении против строительства атомных электростанций? Гражданское движение против строительства атомных электростанций связано с подпольным движением, и всю информацию Патрон получает непосредственно уж не знаю от кого — от руководства ли вашей революционной группы или враждебной группировки. Что же выходит, обе они или по крайней мере одна из них — контрреволюционная бандитская организация? *Vice versa*, ха-ха, но ведь хорошо известно, что от Патрона обе группы получают деньги.

— *Разве такое мыслимо?*

— *Мыслимо!* Найдя пути к членам революционной группы, ответственным за ее бюджет, и предоставляя денежную помощь, он регулярно получает нужную ему информацию — это джентльменское соглашение.

— *Это твоя фантазия!*

— *Фантазия, опирающаяся на факты!*

— *Это клевета.*

— Разве ты не сетовала, что даже твои ребята относятся к тебе отчужденно? А отчужденность вышестоящей организации, наверно, еще большая? И разве нельзя допустить, что ваш мозговой центр действительно делает то, что ты считаешь немыслимым?

Ооно Сакурао внимательно наблюдала за мной, ее лицо утратило всякую округлость и сделалось каким-то угловатым, как морда черепахи. Такая разительная перемена, происшедшая в ее внешности, объяснялась, возможно, воздействием сауны или слабым освещением номера. Возникшую напряженность я попытался обратить в шутку, но мне это не удалось.

— *Позвоню и проверю,* — мрачно заявила Ооно, и я, не собираясь мешать ей, нажал несколько выключателей, вмонтированных в кровать.

Благодаря моей любезности комната ярко осветилась, в то время как соседняя оставалась темной! Кровать вспыхнула всеми цветами радуги, матовое стекло на потолке ярко переливалось, сама кровать вдруг начала двигаться.

Оно упала на циновку, но фашистом меня, как при вчерашнем падении, не назвала. Лишь застонала, пригвоздив меня злым, осуждающим взглядом... В отеле был коммутатор, в конце концов Оно, кажется, соединили с кем-то, но между абонентом, телефонисткой и Оно вспыхнула перебранка. Человек, которому она звонила, входил в штаб революционной группы, и этот руководящий деятель не собирался беседовать по телефону, не уточнив имени человека, который его вызывает. Однако широко известная на телевидении Оно Сакурао, видимо, стеснялась сказать, как ее зовут, телефонистке отеля для парочек. Но она быстро решилась и назвала свое полное имя. Тем не менее собеседнику ей удалось сказать лишь несколько слов. Пытаясь сохранить достоинство, она прекратила разговор и вернулась ко мне; куда только подевались ее бывшие злость и осуждение — у нее был вид растерянного ребенка, правда довольно великовозрастного.

— Эти ребята разговаривают со мной так, будто я ничто. Значит, у них сть основания смотреть на меня свысока.

— Телефонистки, как известно, официально занимаются подслушиванием. Серьезные разговоры через них вести нельзя.

— Тогда возмущение этих ребят вполне естественно. Группа специального назначения контрреволюционной бандитской организации совершила покушение на Могушественного господина А., и, кажется, безуспешно. Но убить его так и не удалось — в общем, действия этой группы выглядят какими-то необдуманными...

Теперь уже я попытался прыжком вскочить со специально оборудованной кровати, на которой мы лежали, но свернул поясницу! Если бы не мое *превращение*, я бы уж никогда не разогнулся. Время новостей заканчивалось, я подполз к телевизору и включил его.

— Похоже, какой-то порнофильм. Покушение было совершено с полчаса назад, так что по телевизору еще не могут показать.

Остается одно — узнать на месте.

Когда мы спустились в холл, человек шесть горничных и служащих гостиницы, подозрительно глядя на нас, стоя-

ли кто у лифта, кто в бельевой с раскрытой настезью дверью, кто у конторки, скрытой пальмой, — таков был эффект недавнего телефонного звонка. Однако будущая киносценаристка, не отводя глаз, смело встречала взгляды окружающих. Ответом на ее вызов была реплика:

— И еще с молодым любовником! — Произнесенные тихим голосом, слова эти наглядно демонстрировали высокие нравственные принципы горничных.

— Нас позорите, а ведь вам бы самим следовало стыдиться своей профессии, — с ходу парировала Ооно Сакурао, — ха-ха!

3

Расставшись с активной деятельницей гражданского движения и оставшись один, я ничуть не испугался, хотя, поскольку на Патрона совершено покушение, я тоже подвергаюсь опасности, как человек, которого обвиняют в связях с ним. Я был убежден, что теперь ни *антиполиции*, ни *Корпусу лососей* нет никакого смысла нападать на меня. Вряд ли они станут покушаться на меня — мелкую сошку — сразу же после того, как кому-то из них удалось ранить Могушественного господина А. Я сокрушался только потому, что не представлял себе, на что буду жить, если Патрон умрет от полученной раны, — ведь тогда я не смогу рассчитывать на ежемесячное вознаграждение за свои резюме. Пособием, которое я получал от атомной электростанции, единолично завладела жена, бы в ш а я жена, но это ничего не меняло: я все равно должен прокормить себя, достаточно ненасытного, кроме того, я обязан материально поддерживать средних лет человека, являющегося моим сыном, а возможно, и его возлюбленную. Остроту эта проблема приобретет недельки через две, что я тогда буду делать? Мори и студентка, конечно, торопятся домой, но, опасаясь, что им не хватит денег, не стали нанимать такси и добираются на электричке. Вот почему они до сих пор не вернулись.

В последних новостях по телевизору — я как раз успел к ним — сообщалось о покушении на Могушественного господина А. Покушавшиеся, минуя секретаря, договорились с Могушественным господином А. по телефону, предназначенному исключительно для личных разговоров, и появились в то время, когда секретарь ушел обедать. Вернувшись через полчаса, он обнаружил, что Могушествен-

ный господин А. лежит в своем кабинете с проломленным черепом. На месте преступления оставлен ледоруб, который, как полагают, был орудием нападения, обнаружены также следы крови, не принадлежавшие пострадавшему.

Ледоруб? — подумал я с замиранием сердца. Как-то, отправляясь к Патрону, чтобы передать резюме, я взял с собой еще не превратившегося Мори — наши дети никогда не мешают разговору взрослых. Телефон, по которому я договаривался о дне и часе, был тем самым внутренним телефоном, предназначенным исключительно для личных разговоров, о котором говорилось в телевизионных новостях. Но тем не менее я решительно отверг сразу же возникшее у меня подозрение, что покушавшимися были Мори и студентка. Если наше с Мори превращение произошло ради выполнения миссии, возложенной на нас космической волей, может ли Мори предпринимать какие-либо действия, направленные на осуществление этой миссии, без меня? Даже если мне отводится роль лишь быть рядом с ним. Скорее именно поэтому! Я видел сон — я тогда был охвачен предчувствием, что вот-вот должно произойти превращение, — мне снилось, будто все вокруг поздравляют Патрона с захватом власти, а мы с Мори в тот самый день убиваем его, и сами занимаем его место. Да, сон может служить доказательством — во сне мы с Мори были вместе! Мог ли Мори, выполняя миссию, возложенную на него космической волей, потерпеть неудачу? Да, случись такое, наше превращение было бы не более чем насмешкой над нами. Патрон остался жив, отделавшись ранением, на месте преступления остались следы крови покушавшихся. Допустим, Мори убили в момент покушения и он не выполнил возложенную на него миссию. Тогда именно мне в одиночку пришлось бы завершить эту миссию, но могу ли я это сделать? Я не считаю Патрона врагом. Я бы хотел, чтобы та же космическая воля указала мне, почему его необходимо убивать. Но все равно я обязан выполнить миссию, ради которой произошло превращение. Во всяком случае, если в нашем с Мори превращении действительно участвовала космическая воля, то покушение все-таки совершено не Мори и студенткой. Мной овладел страх от того, что Мори так долго не возвращается домой. Почему нужно убивать Патрона, выдающегося человека, к которому я испытываю почтение и страх?

Однако, в то время как мой внутренний голос с такой силой выражал исходивший из самого моего нутра отказ убивать Патрона, я не мог понять самого себя. Я в самом деле долгое время получал от него денежную помощь, но наши отношения сводились к тому, что я передавал ему резюме и получал за это вознаграждение и никогда не осознавал, что питаю к нему почтение и страх... Но, прислушиваясь к тому, что делается у меня внутри, я не мог отмести прочь этот звучащий во мне отчаянный, решительный протест. Потрясающе, а? Вероятно, и вы, в е д у ш и й з а п и с и , неожиданно услышав от меня такое, тоже поразились. Начну рассказ с того, что за человек Патрон, с которым я связан не один год. Возможно, и вы подметите мой страх и почтение к Патрону, которых до сегодняшнего дня я не замечал? Или хотя бы запишите мой рассказ так, чтобы третьи лица смогли понять это из прочитанного. Надеюсь, вы не сочтете обременительным эту нелегкую миссию? Ха-ха.

Я сейчас снова вспоминаю, что Патрон с завидной легкостью очаровывал всех, кто имел с ним дело, обаяние же его крылось в тембре голоса и интонациях. У него, старика, был уверенный звучный голос. Знаете, как некоторые преподаватели для более точной передачи студентам правильного произношения и акцентирования иностранных слов произносят их утрированно четко? Он действительно обладал чертами, благодаря которым студенты могли бы дать ему прозвище Патрон, но Патрон, по его собственным словам, лишь однажды и очень недолго преподавал язык. Это было в Шанхае перед самым поражением Японии, где он, обучая китайскую молодежь, одновременно занимался сбором информации. Патрон, тогда еще нестарый человек, служил в специальном подразделении, приданном японской армии в Китае, и его обязанностью была работа среди интеллигенции, и молодые китайцы это прекрасно понимали, однако они, казалось, не придавали этому особого значения. Видимо, они надеялись, что, если каждый из них не только не будет утаивать, но, наоборот, раскроет перед Патроном свой сложный внутренний мир, тогда и тот сделает вид, будто ничего не знает. Таким образом, между ними, скорее всего, сложились своеобразные отношения, и Патрон все сведения о подлинной сущности каждого из них плотно прикрывал крышкой, не давая им просочиться наружу. Ведь если бы кто-либо из молодых китайцев вызывающе заявил: «Я из

яньяньцев¹», начались бы расспросы и неприятностей ему не избежать. То же самое касалось чунцинцев². К тому времени у японской военной администрации в Китае уже была разработана подробная программа действий на случай поражения Японии. Китайские журналисты, преподаватели, поэты, писатели, зная, что у них выуживают информацию, все же посещали частную школу, открытую **Патроном**, и таким способом добывали себе плащ-невидимку. Кроме того, в школу поступала пресса всех стран мира, и ученики тоже могли получать интересующую их информацию. Личная цель **Патрона** состояла не в том, чтобы связать по рукам и ногам людей, принадлежащих к лагерю противника, а в том, чтобы в их непринужденном поведении выявить путь, по которому они пойдут после поражения, и действительно преуспел, это и послужило основой для его превращения после войны в **Могущественного господина А**. В том же русле развивались и нынешние действия **Патрона** — оказывать материальную помощь противоборствующим революционным организациям.

Если говорить о внешнем облике **Патрона**, то в первую очередь следует отметить одну особенность: у него была огромная голова. Фотографии, на которых было запечатлено одно его лицо, не могли передать его обаяния. Я сам вспоминаю, каким отвратительным показалось мне оно на фотографии, помещенной рядом со статьей, связанной с одним скандальным делом. В то время я еще не был знаком с ним. Выражение лица было зловещим, и в то же время казалось, что запечатленный на фотографии человек еще полон детского озорства, но это создавало обратный эффект, еще больше подчеркивая зловещие его черты. На голове **Патрона** было нечто напоминающее клобук, или шляпу без полей,— таким способом он прикрывал рану, полученную при нападении на него члена одной террористической организации. Ходили слухи, что, стреляя в **Патрона**, террористическая организация мстила ему за то, что он передал монопольное право на торговлю в Южной Корее или на Тайване компаниям группы В, отобрав его у компаний группы А, с которыми были связаны террористы. Фотография казалась карикатурой, иллюстрировавшей эти темные слухи.

В жизни же все части лица **Патрона**, начиная со лба

¹ Яньяньцы — имеются в виду коммунисты.

² Чунцинцы — имеются в виду гоминдановцы.

и кончая подбородком, были хоть и велики, но пропорциональны, что начисто снимало зловещее впечатление, — таким было его лицо, и оно прекрасно гармонировало с огромным телом. На фотографии даже глаза — левый и правый — блестели по-разному; они казались глазами преступника, а в жизни его глаза были совсем иными. Левый глаз, прятанный в глубоких складках, как у ящерицы, почти ничего не видел и, укрытый веками, казался черной впадиной, а другой, хотя и горел подозрительностью и гневом, в любую минуту мог спрятаться в тень. Глаза эти легко определяли физическую и духовную ценность собеседника, но не подсказывали ему ответов.

Мог ли я, беседуя с таким незаурядным человеком, и в самом деле не проникнуться страхом и почтением? Если вы дословно записываете то, что я говорю, то теперь уже ваши слова полностью доказывают это!

Была глубокая ночь, и я, дожидаясь Мори и его спутницу, сварил рис в электрической рисоварке, поджарил мясные консервы и, начав свою одинокую трапезу, вдруг сообразил, что этими мясными консервами — новогодним подарком от Патрона — снабдил меня, как и всех остальных поставщиков информации, тот самый разиня секретарь, который преспокойно обедал во время сегодняшнего покушения, ха-ха. Вот сколь разнообразно вмешательство Патрона в мою повседневную жизнь. Что же удивительного в том, что в ту ночь, когда на Патрона было совершено покушение, он не выходил у меня из головы? А что, если его влияние распространяется на всю мою внутреннюю жизнь, претерпевшую *превращение*, а я просто не осознаю этого? Под ложечкой у меня что-то противно екнуло; к этому времени я съел лишь треть своего ужина. Думая о еще не осознанном влиянии Патрона и основанном на этом его господстве надо мной, я по ассоциации вдруг увидел призрак своего товарища, повесившегося на спинке кровати в своей комнатухе под самой крышей многоэтажного дома в Париже. *Он тоже сначала не мог полностью проникнуть в замыслы Патрона, презирал его, считая несведущим в вопросах международных отношений, но — и здесь не было противоречия — в то же время боялся и почитал его, а к тому же, опасаясь за свое материальное благополучие и стараясь заручиться расположением Патрона, собирал информацию, делал резюме и передавал ему. Все это постепенно увлекало его в пропасть. В пропасть еще не понятных ему замыслов Патрона. Лишь*

во время кубинского кризиса он впервые задумался над истинными планами Патрона, понял, с каким человеком сотрудничает, в какую трясину тот его увлек. Открыться в этом он не мог даже жене-француженке, вместе с которой еще в Принстонском университете специализировался по международной политике. Тогда у него возникает намерение собственными силами порвать с Патроном. Он начинает саботировать не столько сбор информации, сколько составление резюме и их передачу. Патрон приезжает в Париж. Они беседуют с глазу на глаз. По-видимому, их беседа кончилась суровым выговором Патрона. Опустошенный, он даже не находит в себе силы посетить любимые места в Париже и вешается на спинке кровати. Поскольку квартира — их единственное достояние, жена вынуждена спать в той же комнате, на той же кровати!

В два часа ночи раздается телефонный звонок. Это та самая студентка; куда только подевалась ее выразительная лаконичность — это оружие активистки. Теперь она превратилась в пайнюку-студентку, туманно сообщившую мне следующее. Подозревая, что телефон в моем доме прослушивается, она была предельно осторожна, и это она-то, не позаботившаяся прикрыть свой зад.

— Алло! За папой и его компанией наблюдают, даже к гаражу приблизиться невозможно. Поэтому в ближайшее время встретиться у вас не удастся. Вас напугало то, что мы совершили вдвоем? Это естественно. Что произошло? Что-то вроде предупреждения. Главное мы сделаем вместе с вами. Так определено судьбой, верно? И тут уж я ничего не могу поделать. Идет мама, до свидания. Вам привет. И пожелания здоровья!

Выходит, покушение на Патрона совершили Мори и студентка вдвоем! Сначала я не мог понять, ради чего это было сделано, но выразительные слова Саёко помогли мне понять. Как же она это назвала? Что-то вроде предупреждения. Главное мы сделаем вместе с вами. Так определено судьбой? Значит, сегодня Мори и студентка пришли к Патрону, чтобы предостеречь его. А при выполнении своей миссии мы будем действовать вдвоем как люди, превращенные судьбой. Следовательно, ради чего совершенно сегодняшнее нападение — ясно, здесь вопроса нет. Почему космическая воля приказала совершить нападение на Патрона? Поскольку настоящее выполнение миссии будет осуществляться под руководством Мори — для меня и здесь вопроса нет!

Судя по телефонному звонку, полиция сейчас наблюдает за моим домом. Слова студентки убедительно подтверждали, что люди, безучастно прохаживающиеся перед домом, вели наблюдение. Как только она положила трубку, я тут же бросился гасить свет в гостиной, но тут же отказался от этой мысли. Я с трудом удержался от того, чтобы не поглядеть в щель между занавесями. Не следовало давать наблюдавшим за домом почувствовать, что телефонный звонок был призван скрыть планы покушавшихся.

Я, разумеется, не думал, что наблюдение установлено потому, что Мори и студентка находятся под подозрением. В противном случае сюда явилась бы полиция с ордером на арест и произвела бы обыск. Не на Мори со студенткой, а именно на меня поступил тайный донос в полицию. Наполовину веря доносу, наполовину сомневаясь в его достоверности, полиция решила установить за домом наблюдение. Действия полиции ловко разгадали Мори и студентка или, возможно, те, кто провожал их домой, что позволило избежать ареста.

Кто донес на меня? Разумеется, жена, бывшая жена! Она услышала по телевизору сообщение о покушении на Патрона и сразу же связала это покушение со мной. Разве это не естественно? Но меня радовало то, что Мори со студенткой или те, кто их охранял, ловко избежали ловушки, подстроенной женой, бывшей женой, а теперь тайное донесение жены, бывшей жены, позволит Мори и его приятельнице спастись от преследования полиции. Но, даже если будет установлено, что покушение на Патрона совершил Мори со студенткой, у меня есть выход, который позволит разрешить все, выход, к которому десять лет назад прибег приятель, повесившийся в своей квартире, высоко над парижской улицей. Передо мной всплыло даже видение — Патрон, до сих пор воспринимавшийся мной как объект страха и почтения, валяется в крови и выражение его лица такое же зловещее, как на фотографии. Поразительна быстрота, с какой меняется восемнадцатилетний, ха-ха. Меня беспокоило лишь ранение Мори, но ведь студентка пропела: **Вам привет! И пожелание здоровья!**

Подождав минут двадцать, я погасил свет в гостиной и лег спать — не на своей кровати, а на кровати Мори, уперев ноги в спинку. До утра я несколько раз просыпался, чувствуя, что под окнами кто-то ходит — наверно, и в са-

мом деле полиция наблюдала за домом. Руководство организации, в которую входила группа Ооно, считает меня шпионом, ее противники — сторонником вражеской группировки, а жена, бывшая жена, и ее многочисленные братья люто ненавидят и горят желанием отомстить — в общем, на меня вполне могли совершить покушение во время сна. Жизнь имеет множество разных сторон, и, если у вас писателей, не будет сложных фасеточных глаз насекомых, охватить ее целиком вам не удастся. К примеру, если вы не будете основываться на принципе: я веду рассказ — вы записываете, ха-ха!

4

Полиция, преисполненная духа уважения к правам человека, дав мне время для сна, необходимое восемнадцатилетнему *превратившемуся*, наконец появилась, материализовавшись в виде двух джентльменов. Кажется, только тайный доносчик — жена, бывшая жена, — свирепствует, забыв о существовании такого понятия, как права человека, ха-ха. Проснувшись, я сразу же собрал всю свою волю и стал готовиться к отпору властям. Хотя Мори уже приступил к выполнению миссии, возложенной на него космической волей, его боевой товарищ, который должен вот-вот включиться в борьбу, не имеет права расслабляться! Прежде всего я занялся утренней уборкой. Распахнув все окна, я заметил, что за пять-шесть домов от моего стоит машина, хотя на этой улице стоянка запрещена. Вся крыша соседнего гаража в грязных следах от сапог, а сами длинноволосые, наверно, промерзли до костей на утреннем холодном ветру — было самое начало весны. Это были длинноволосые, чьи сапоги и вся одежда изобличали тот нелегкий труд, которым они занимались, но все-таки они были приятнее слоняющихся по улицам обычных длинноволосых, ха-ха. Наконец раздался звонок, я вышел в прихожую — передо мной стояли двое полицейских в аккуратной форме, не похожей на потрепанную одежду сыщиков. Они напоминали победителей на соревнованиях по фехтованию, устроенных полицейским участком, или на двух болтающихся без дела полицейских, получивших из-за туберкулеза отпуск с весны до конца года. Хотя они пока молчали, каждый из них своим видом явственно демонстрировал одну из сторон принятой ими тактики: насилия и умиротворения. На-

сильник назвал мое имя и спросил, дома ли хозяин, и это придало мне, *превратившемуся*, уверенность.

— Дядя и тетя не возвращались со вчерашнего вечера. Да, а тетя, кажется, еще с позавчерашнего. У них есть и ребенок, но дядя ушел вместе с ним. Позавчера, кажется, была сделана попытка обокрасть дом, и меня позвали охранять его. Что-нибудь случилось? Объясните, пожалуйста, я ведь имею к этому дому прямое отношение. Может быть, тетя или ее братья опять порезали дядю?

— Вы племянник?.. Сторожите дом? Почему вы говорите, что дядю порезали, да еще опять?

— Хм. Допрашиваете с помощью наводящих вопросов!

— Вы рассказываете занятные вещи, — вмешался **Насильник**. — Ваш дядя вчера не вернулся домой! И сейчас его нет. Звонил?

— Нет, не звонил. Объясните наконец, что произошло! Я ведь в самом деле имею к нему отношение.

— Вы что, не смотрели телевизор? — сказал **Умиротворитель** и посмотрел на меня так, будто дал мне ключ к отгадке. Я струсил, но слова полицейского, кажется, выражали лишь только то, что он понял — мальчишка слабо соображает. — Нет-нет, мы пришли к вашему дядюшке лишь потому, что кое у кого возникли некоторые вопросы. А вы поскорее сообщите нам, кто там кого порезал — дядя ли тетю, тетя ли дядю.

— Ха-ха-ха! И это называется не вопросом с помощью наводящих вопросов?! Требуют сотрудничества добропорядочного, здравомыслящего гражданина, ха-ха-ха.

Затем последовала сцена, словно в старой кинокомедии: не успевает открыться дверь, как влетает пожарный, — так же стремительно возник между отступившими на шаг полицейскими **Добровольный арбитр**.

Вблизи лицо у него выглядело таким землистым, что впору было спросить: вы живы? Правда, выражение его не было неприятным, как у мертвеца. Наоборот, с той минуты, как мы встретились с ним глазами, все в его лице вызывало симпатию — и широкий лоб, и выдающийся вперед нос, обтянутые сероватой кожей, и усы. Когда он поднял на лоб очки в черной прямоугольной оправе, в его широко открытых глазах мелькнуло изумление, да-да, именно изумление. Из этого я понял, что **Добровольный арбитр** пришел вместо Мори и студентки, чтобы связаться со мной, и, не исключено, Мори рассказал ему о *превращении*, и он, увидев в реальности еще одного человека,

пережившего *превращение*, был изумлен и восхищен.

— У вас вокруг дома прямо заросли азалии,— начал **Добровольный арбитр**, не поздоровавшись.— Кошка окотилась, хорошо хоть, что сегодня тепло...

Полицейские, конечно, заподозрили, что его слова — зашифрованное сообщение. **Насильник** сразу же подошел к **Добровольному арбитру**, чем воспрепятствовал продолжению шифровки. Более опытный **Умиротворитель** пошел посмотреть, что делается в зарослях азалии. И тут, как назло, раздалось злобное «фыр!», и полицейский отскочил от атаковавшей его рыжей пятнистой лапы.

— Не нужно ее пугать. А то она почувствует опасность и сожрет котят. Смотрите, она уже со страха начала их жрать. Один остался. Наверно, вчера вечером здесь все время крутились и кошку без конца пугали?

— Напугали-то меня!

Говоря это с недовольным видом, **Умиротворитель** тяжело дышал. Я оказался как бы между двух огней... Нить разговора была утеряна, полицейские упустили случай возобновить разговор — это не ускользнуло от внимания **Добровольного арбитра**. Повернув к полицейскому лицо, на котором, если смотреть на него под определенным углом, симметрично выделялись, как трехлопастный пропеллер, нос и две половинки усов, он, не дав им раскрыть рта, стал прощаться.

— *Благодарю вас*, простите, что доставили вам столько хлопот! *Благодарю вас*, господа полицейские! Вы нам очень помогли!

Озадаченные этой словесной эквилибристикой, полицейские попрощались и ретировались, полуразвалившаяся калитка со скрипом захлопнулась, и кошка, окотившаяся в зарослях азалии, снова издала злобное «фыр!», или, может быть, это прорычал **Насильник**? Ха-ха.

— Хорошо не поить и не кормить кошку, а? Раньше я этого не знал. Полицейские, наверно, тоже не знали...

— Дело в том, что полицейских не учат ловить кошек,— грустно, будто демонстрируя беспристрастность, сказал **Добровольный арбитр**. — Если это не ваша кошка, лучше ее, пожалуй, прогнать. Мамаша, во всяком случае, набила живот.

— Вы специалист по кошкам?

— По кошкам? Нет, я пока для этого возрастом не вышел. Разрешите войти?

Отказывать причин, разумеется, не было. Войдя в гос-

тиную и усевшись, Добровольный арбитр снова стал внимательно меня разглядывать. В глазах его за толстыми стеклами очков мелькали искорки, в них светились радостное изумление и смех, наконец он воскликнул удивительно по-детски:

— Ух ты, правда! Здорово это у вас получилось, ну и ловкачи!

Я почувствовал, как мое молодое лицо восемнадцатилетнего заливают краска до самой шеи.

— ...Мне обо всем рассказал Мори... Да, вы и вправду здорово изменились!

— Превратились.

— Да, превратились. Наверно, трудно было все так пригнать друг к другу и все сделать так ловко! Вчера я ничего не заметил. Хотя раньше, до превращения, и встречал вас на митингах, все равно ничего не заметил. Ловко! Здорово это у вас получилось!

— Мори сейчас у вас? — решил я охладить его восторги, боясь, что им конца не будет. — Я слышал, он ранен?

— Он в моем фехтовальном зале «Реабилитация». Ранение несерьезное! Студентка вообще не пострадала, она сейчас ведет диспут с членами нашего клуба, а Мори сидит спокойно и слушает. Да-а, совершить такое — это достойно всяческого уважения... Так вот, я, понимаете, пришел установить с вами контакт. Пришел потому, что питаю интерес и к вашему превращению, и к вашим прошлым исследованиям до этого. Я занимался молекулярной биологией, но на полпути бросил; в общем, ни исследователя, ни вообще чего-либо путного из меня не вышло!

Говоря это, Добровольный арбитр нахмурил брови, и на его землистом лице пролегли две горестные морщины. Мне вдруг показалось, что эти морщины прорезали мою душу — ведь я тоже забросил свои исследования на полпути, и, наверно, наши горькие мысли должны совпадать.

— О нашем превращении... Мори сам вам рассказывал или сделал это каким-то иным способом? В общем, когда вам сообщили об этом, вы поверили? И продолжаете верить теперь?

— Разумеется! Сейчас верю вдвойне, разумеется!

Добровольный арбитр дал наконец волю расправившему его смеху и громко рассмеялся, перемежая смех горестными вздохами:

— *Не верить... этому... никак... хха-хха-хха... невозможно!*

С удивлением я наблюдал за тем, как Добровольный арбитр, отсмеявшись наконец, вытирает платком слезы и слюну.

— Куда ранен Мори?

— В голову...

— В голову?!

— Ой... он же мне сказал, чтобы я вам не говорил. Нечаянно подвел его.

— Ранение, видимо, серьезное? Раз он сказал, чтобы вы молчали...

— Нет, рана пустяковая, его обеспокоило лишь то, что ранен в голову... И главное, просил ведь меня не говорить, а я подвел его.

— Рана на затылке? Или где-то еще?

— Я, правда, не специалист, но продезинфицировал рану, забинтовал, она, как вы и предполагали, на затылке. Когда я увидел рану, она не кровоточила и я касался пальцами запекшейся крови, но мне показалось, что старая рана на голове снова открылась. То же сказал и сам Мори, но его это особенно не беспокоило. Получить удар ледорубом по голове — когда я это услышал, меня всего передернуло.

— Ледорубом? Но ведь им был вооружен именно Мори?

— *Совершенно верно!* Сначала Мори ударил ледорубом Могушественного господина А., и студентка подумала было, что они спокойно ретируются, но вместо этого Мори протянул ледоруб Могушественному господину А. и тот, хотя все лицо у него было в крови и он почти ничего не видел, взял ледоруб, а Мори спокойно ждал, пока ему не нанесут удар. Могушественный господин А. замахнулся ледорубом, но не удержался и, падая, содрал Мори кожу на голове. *Мори замечательный человек!* Коль уж судьба столкнула меня с таким человеком, я ни за что на свете не оставлю его, буду служить ему верой и правдой! Мой фехтовальный зал «Ресабилитация» призван наставлять на путь примирения бывших членов враждующих группировок, которые до этого готовы были убить друг друга, но... ведь истинные боевые ненасильственные действия, ведущие к примирению, воплотились именно в том, что совершил Мори!

— Как по-вашему, Мори сделал все, что задумал? Или

же это предупреждение о следующих; более решительных действиях? Студентка говорит — второе. И меня это сильно тревожит.

— Как вы можете? Как вы можете говорить, что замысел Мори ограничивается покушением? Неужели вас пугает участие в его дальнейших планах? В таком случае лучше сразу откажитесь! И сидите тихо и помалкивайте! Вы задались целью оскорблять Мори?

— *Что? Почему вы так говорите? Я, и вдруг оскорбляю Мори?*

Мы, точно боевые петухи, напряжили ноги и, встав, уставились друг на друга; еще чуть-чуть — и мы бы бросились друг на друга. Я оказался, разумеется, первым петухом, утратившим боевой дух, я вспомнил о происшедшем несчастье и, снова усевшись как следует, стал оправдываться перед Добровольным арбитром, тоже севшим спокойно.

— Теперь я понимаю это совершенно отчетливо — мое потрясение, смятение из-за ненормальности, обнаруженной у Мори при рождении, **Могущественный** господин **А.** пытался использовать, чтобы тиранить меня. Он хотел умертвить Мори и сделать меня своим рабом до конца дней — вот в чем состояла его тирания... Если вспомнить, что я тогда испытал, то покушение Мори можно считать возмездием. Но, с другой стороны, мне удалось избежать капитуляции и намерение **Могущественного** господина **А.** тиранить меня так и осталось пустым намерением, следовательно, по таблице взаимных расчетов, существующей в нынешнем мире, нападение на **Могущественного** господина **А.** было несправедливым. Поэтому, я думаю, Мори и отдал ему ледоруб. Хотя действия Мори, нарушившие систему расчетов, существующую в нынешнем мире, должно быть, имели определенную причину... Да, я полагаю, если проследить за ходом рассуждений, то удар ледорубом по наиболее уязвимому месту на его черепе весьма символичен. Я говорю о тирании, задуманной **Могущественным** господином **А.** в момент рождения Мори, — именно теперь я понял истинный смысл всего этого. Хотя и продолжаю называть его **Патроном**... Но неужели вы серьезно думаете, что я могу презирать Мори? Несмотря на то что после превращения я всего лишь неопытный, неосторожный, эгоцентричный мальчишка?

— *Нет, что вы!* — извиняющимся тоном возразил Добровольный арбитр, и на его землистом лице проступил

ржавый румянец. И тут же продолжал заносчиво, показывая всем своим видом, что я не отношусь к людям, которые неодолимо влекут его к себе.— Мы иногда совершаем ошибку, сами того не желая, показывая презрение к уважаемому человеку, верно? И всей своей жизнью нам не искупить этой ошибки, проживи мы не одну жизнь, а две или три. Даже вам, хоть вы и вступаете в борьбу после *превращения*.

ГЛАВА VII

ВСЕСТОРОННЕЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАТРОНА

В день, когда родился Мори с недостающей костью в черепе, я отвез его в университетскую клинику и в течение девяти часов ждал в приемной, рассказывал я Добровольному арбитру. Чего я ждал, говорите? Сообщения: порожденное вами маленькое чудовище благополучно испустило дух, ха-ха. На следующее утро я позвонил из приемной по телефону-автомату. Кому, говорите? Не жене и не приятелю — Патрону, вот кому. И рассказал ему об этом необычном событии, случившемся со мной, — рассказал в том же стиле, в каком я сообщал ему основное содержание удивительных историй, которые я извлекал из зарубежной прессы и переводил. Патрон проявил невероятный интерес. После двух-трех его вопросов мне стало ясно, что ненормальность новорожденного он считает результатом моего облучения плутонием. Честно говоря, я был потрясен. Возможность связать такой ниточкой взаимозависимость ненормального ребенка со мной заставила меня взглянуть на все по-новому. Впоследствии это привело к характерному для ядерного века лжесвидетельству, данному мной жене, бывшей жене. Вот так-то Патрон бросил тень на мою жизнь. Разумеется, главный нейрохирург клиники объяснил случай с ребенком физиологическими причинами. Я сказал об этом Патрону, и у него тут же пропал интерес к ребенку, но он заставил записать номер телефона специальной клиники и приказал в те-

чение дня перевезти туда ребенка — там сделают все необходимое. Я не выразил никакого протеста, только заволновался. И в глубине души подумал: отдать собственного ребенка на растерзание чужим людям, и к тому же сделать это по наущению Патрона! Это приведет к тому, что в дальнейшем и мое тело, и моя душа окажутся целиком в его власти. Черные мысли не выходили у меня из головы, но в то же время я испытывал и покой — меня согревает на своей груди могущественный человек, на которого можно положиться! Весь тот день меня снедала тоска, я ничего не предпринимал и, когда прошло уже больше половины назначенного Патроном времени, заставил себя пойти за такси — ничего другого не оставалось, но, дойдя до стоянки, сел в него один и поехал в турецкую баню неподалеку от клиники.

Почему люди моего поколения, будь то мужчины или женщины, попав в трудное положение, сразу же ныряют в сауну или турецкую баню? Ха-ха. Разумеется, в тот момент я еще думал о том, что должен вовремя вернуться в клинику. Пока я лежал на скамье для массажа и девица-банщица сосредоточилась на моей спине, я рассеянно смотрел себе под нос. Тут девица оторвала зад от скамьи и, вильнув бедрами раз-другой, скинула туфли. Потом поставила на скамью ногу у самой моей головы и сильно согнула ее в колене. Я нахально скосил глаза в сторону и увидел лучшее, с чем мне доводилось сталкиваться в жизни! Худой, трогательный живот... Тут я даже забыл, что банщица из соседнего номера наблюдает за мной сквозь бамбуковую штору.

Потом... больше ничего не было. Я лежал, вытянувшись во весь рост, рядом с девушкой, и вернулся в клинику, когда уже было поздно выполнять указания Патрона; от старшей сестры я узнал, что ребенок активно сосет молоко. Тогда я попросил главного нейрохирурга сделать операцию, и если бы меня спросили, откуда у меня взялось такое мужество, то, должно быть, ответил бы так: *Я сделал то, чего мне до сих пор решительно делать не следовало! У меня болезнь, источником которой является Америка двадцатого века,— я облучен плутонием, а теперь у меня еще и болезнь, источником которой была Америка шестнадцатого века,— сифилис. Наука, почерпнутая мной благодаря всей моей деятельности, состоит в следующем. Действие лучше, чем бездействие! Патрон дал мне испытать полную чашу соблазна убить младенца, и я сам заставляю*

себя, бежавшего куда глаза глядят, испить полную чашу и буду всю жизнь прижимать к своей груди неполноценного ребенка! Я сделаю это потому, что до сих пор даже не предполагал, что способен на такое!

Если вспомнить об этих осложнениях, возникших между мной и Патроном при рождении Мори, то можно легко понять Мори, который, обретя благодаря превращению свободу и физическую силу, необходимые для активных действий, «отблагодарил» за угрожавшее ему убийство в те дни, когда из-за опухоли, вылезавшей из дырки в черепе, он не мог даже повернуться в постели. На этом я закончил свой рассказ, и Добровольный арбитр ответил мне вполне разумно:

— Объясняя свое нападение, Мори приводил аргументы, выходящие за рамки житейской логики,— вот почему, нанеся удар, он спокойно, не помышляя о сопротивлении, ждал ответного удара Могущественного господина А. Достойна восхищения сила духа и отвага человека, который отдал ледоруб теряющему сознание, окровавленному старику и ждал, пока удар обрушится на его голову. Нужно еще помнить, что это Мори, у которого недостающая кость черепа заменена кусочком пластика. Услышав ваш рассказ, я теперь совершенно ясно понимаю, почему Мори, совершая именно это покушение, не взял вас с собой. Разумеется, оно лишь первое, но...

2

— Почему вы с таким уважением относитесь к превратившемуся Мори, безоговорочно верите не только в его превращение, но и в мое?— спросил я Добровольного арбитра, чтобы как-то выразить ему свою симпатию.

— Как же я могу сомневаться в Мори? Разве вы сами сомневаетесь в его превращении?.. Я даже думаю, что превращения, сродни тому что случилось с вами, постоянно происходят в мире. Совершенно случайно мне удалось встретиться с двумя такими людьми, я счастливцев...

Я недоверчиво прислушивался к необычной аргументации, к которой прибегал Добровольный арбитр в своей речи; он пытался обосновать свою теорию, что в мире существуют коренные аномалии, одним из примеров которых является превращение.

По словам Добровольного арбитра, нынешняя цивилизация на земном шаре приближается к космическому кон-

цу, и поэтому космические силы, которые получают все большее ускорение по мере движения к этому концу, естественно, вызывают искривление, деформацию всех сторон жизни на Земле. В результате возникают явления, которые в обычном представлении выглядят фантастическими. Вот как вкратце можно изложить построения Добровольного арбитра:

— История нашей Земли, вся история человечества как конечного ее этапа во времени есть не более чем средство выполнения причудливой программы космической воли. Такого рода шутливая фантастика (лучший ее представитель — Курт Воннегут) появляется нередко. Помоему, в фантазиях каждого человека лежит общечеловеческая основа. Поэтому я думаю, что в таких фантазиях, возникающих у писателей-фантастов, есть определенный смысл. Я тоже в конспективной форме изложил свои мысли по этому вопросу. Пока я писал свой конспект, я вновь уверовал в то, что судьба человечества predetermined, ха-ха-ха. По моим предположениям, земной шар — крохотная деталь огромной космической конструкции и она по ленточному транспортеру направляется в предназначенное ей место космоса! Галактика и есть тот самый ленточный транспортер, который посылает Землю в предназначенное планом место, и на конечном этапе она превращается в стартовую площадку, откуда Земля запускается в заданном направлении с заданной скоростью. Затем эта деталь в виде почти идеального шара, на котором зародилось человечество, занимает свободное место в космосе — конструкция завершена! Однако на подготовительном этапе эта деталь, именуемая Землей, чуть деформирована. Для ее исправления требуются сверхкрохотные мастеровые, немыслимые в космических масштабах, и не только люди, но и звери, птицы, рыбы и даже насекомые... Не знаю, как лучше назвать это — исправлением или подгонкой, во всяком случае, последней шлифовкой явились, я думаю, проводившиеся повсеместно на земном шаре ядерные взрывы. К настоящему времени взрывы в пустынях и на атоллах в океанах завершились. Теперь очередь за ядерными взрывами в крупных городах, то есть в таких местах, где, за исключением двух случаев, ядерных взрывов еще не было. Вот тогда-то Земля — деталь, доведенная до необходимых стандартов, — будет запущена с галактической стартовой площадки и плотно войдет в завершенную конструкцию. Если говорить о форме этой

огромной конструкции, то ее прекрасно отражают система мира Птолемея и карта звездного неба Данте. Разумеется, я не обладаю нужными способностями, чтобы объяснить все возникшие загадки, ха-ха. Когда дойдет до осуществления этого космического проекта, придется дать новую оценку Галилео Галилею, если, конечно, у человечества останется время, чтобы это сделать, ха-ха-ха. Галилей был не только пионером, путем опытов выработавшим новый взгляд на Вселенную, но, как стало ясно из его показаний на процессе по обвинению в ереси, он, как католик, не выступал против абсолютной конструкции, основывающейся на карте звездного неба Данте. Знаменательно, что в его словах и делах не было противоречий! *И все-таки она вертится.* Галактика вращается с невероятной скоростью. Это движение вовлекло в свою орбиту крохотную деталь огромной конструкции, начиная от неподвижного неба наверху и кончая адом в преисподней. Если вдуматься в это, то удастся гармонично соединить Галлилея, кающегося в ереси, и Галилея, являющегося реформатором представлений о Вселенной; его душевный покой был глубок и всеобъемлющ. Галилей сам пишет об этом: *Если подвергнуть испытанию хотя бы одну из аксиом, с которой соглашаются все, и реально оценить знания, которые удалось получить, то выяснится, что не понимаешь ни одного из бесконечного количества выводов, к которым приходишь.* Ха-ха-ха.

Я молчал. Разве мог такой человек, как я, изучавший физику в школе и университете, высмеивать человека, точно цитирующего Галилея, хотя рассуждения его и были безумными? А Добровольный арбитр с несколько смущенным видом продолжал:

— ...Разумеется, я принадлежу к людям, которых не может не привести в негодование проект завершения сверхогромной космической конструкции, выстрелив отшлифованной деталью-Землей, согласно предначертанию космической воли. Что касается меня, я против процесса шлифовки детали-Земли. Я думаю, что ваше с Мори *превращение* является существенным элементом сопротивления шлифовке детали-Земли, а это и моя цель также. Именно *превратившиеся* люди станут ядром такого сопротивления! Да и само *превращение* благодаря искривлению, деформации, которые несет с собой всевозрастающая скорость по мере приближения к завершающей стадии, возможно, является еще одним выражением косми-

ческой воли. Подобно тому, как действию неизбежно сопутствует противодействие. Согласны с этим, отец Мори?

«Согласны с этим?» — спросил он меня, но это не был вопрос, на который можно было ответить немедленно. Однако я, восемнадцатилетний *превратившийся*, дал четкий и определенный ответ, будто только и ждал его вопроса:

— Я все выясню. Более того, может быть, я и *превратился* ради того, чтобы выяснить это? *Я все выясню!*

— Мужество, обретенное вами после *превращения*, — огромное подспорье! И в первую очередь для Мори! — сказал Добровольный арбитр. Его туманная речь, речь грезящего наяву человека, сразу же зазвучала иначе, став конкретной речью практического деятеля. Сильный человек. — Итак, на этот раз полицейские мирно удалились, но, я думаю, сопоставив донос вашей жены и случившееся с Могуущественным господином А., они будут обязаны установить за вами наблюдение. Телефон, несомненно, прослушивается. Стоит нам выйти, и следом за нами увяжется хвост. А уж если наша полиция за кем установит слежку, ни за что не упустит своей жертвы, если, конечно, на полпути ее планы не изменятся...

Я стал анализировать свое положение после *превращения*. Поскольку моя жена, бывшая жена, донесла на меня, человека средних лет до *превращения*, обвинив в покушении на Патрона, мне, теперь восемнадцатилетнему *превратившемуся* мальчишке, останусь ли я дома или выйду на улицу, опасаться ареста нечего. Ведь наша полиция, как ее называет Добровольный арбитр, не располагает людьми с богатым воображением, которые бы оказались способны заподозрить, что восемнадцатилетний мальчишка и есть тот самый тридцативосьмилетний мужчина, и арестовать его, ха-ха.

Однако не исключено, что, когда я отправлюсь туда, где скрывается раненный в голову зрелый мужчина, следующая за мной по пятам полиция препроводит его в участок. И хотя именно я — тот, кто способен засвидетельствовать, что этот человек — мой сын и решительно не может быть тем, о ком идет речь, убедить полицию мне не удастся, если только не заставлю ее поверить в наше с Мори *превращение*.

— Навещать сейчас раненого Мори — чистая авантюра. Что же мне предпринять?

— Самым естественным для вас было бы связаться с секретарем **Могущественного** господина А. Вы должны выразить соболезнование... ну и, кроме того, из тактических соображений ваш звонок тоже будет весьма полезен. Для той борьбы, которую мы будем вести в дальнейшем, помогая Мори, необходимо всесторонне изучить **Могущественного** господина А. ... Из вашего дома звонить не следует — телефон прослушивается. По-моему, лучше дойти до телефона-автомата.

Предложив мне это, **Добровольный** арбитр, даже и мысли не допуская, что я могу возразить, быстро вскочил на ноги и глазами сделал мне знак следовать за ним.

3

Мы вышли на улицу. В такой ясный и нежаркий день, когда почки на деревьях начинают просыпаться от зимней спячки, а воздух прозрачен, работа сыщика не столь уж удручающа. На первом же перекрестке **Добровольный арбитр**, шепнув *идите прямо*, повернул направо, махнув мне рукой — то ли он расставался со мной, то ли пошел купить сигареты. Там, где я жил раньше, были крестьянские поля и улицы еще не проложили как следует, поэтому, свернув в переулок, выбраться обратно на главную дорогу было не так-то просто. Но объяснить ему это времени не было — не мог же я кричать бодро удаляющемуся с поднятой рукой человеку: «Если повернете налево, там тупик!» Ха-ха.

Через некоторое время, когда, по моим предположениям, он уже должен был столкнуться с нашей полицией, я услышал за своей спиной топот огромных башмаков, какие носят при плоскостопии. Я тоже припустил было вперед, ха-ха. **Добровольный арбитр**, догнавший меня, когда я уже совсем запыхался, тоже тяжело дышал, лицо его посерело, глаза за казавшимися бездонными стеклами очков торжествующе и в то же время умиротворенно улыбались.

— За мной увязались сразу двое, ха-ха-ха! А когда упустили, стали громко обсуждать ситуацию: может, бросить все и отправиться выяснять его личность? И при этом очень волновались, потому что я убежал у них из-под самого носа. В общем, взял инициативу в свои руки, ха-ха-ха!

Беззаботный человек. А я, вытаскивая у телефона-автомата из кармана мелочь, заколебался. **Добровольный**

арбитр, с которого ребячество как ветром сдуло, сказал: — ...Ваш звонок **Могущественному** господину А. совершенно необходим. Будет странно, если вы сделаете вид, что не знаете о случившемся! Там не известно, насколько вы связаны с Мори и студенткой, и вам придется вести разговор невинным тоном — это малоприятно, прекрасно понимаю, но ничего не поделаешь. Если, конечно, вы действительно хотите помочь Мори, который ранил **Могущественного** господина А. ...

Я набрал тот самый номер, по которому Мори с приятельницей договаривались с **Патроном** о встрече. Секретарь тут же снял трубку, будто ждал моего звонка. Он сразу же понял, что звоню я, поэтому говорить голосом, каким он был у меня до *превращения*, необходимости не было. Доказательством того, что он ждал моего звонка, было переданное мне заранее подготовленное сообщение.

— ... А, это вы? **Патрон** хотел в ближайшие два-три дня встретиться с вами. Да, он ранен, но не серьезно, покушавшиеся — желторотые юнцы. Если вы так тревожитесь за **Патрона**, можете навестить его в любое время. В какой день вы сможете встретиться с **Патроном**?

— Я обязательно проведу **Патрона**, а вот день и час...

— Хорошо, может быть, решим так: как только у вас будет свободная минутка, сразу же приходите прямо в палату **Патрона**. Я буду находиться там постоянно, и, когда вы вызовете меня в приемную, с пропуском вопрос будет тут же улажен...

— Большое спасибо.

— Секретарь понял, что последней частью вашего разговора заинтересовалась полиция, и вынужден был поспешно положить трубку, — сказал **Добровольный** арбитр с печальным видом стратега и тактика, анализирующего неблагоприятное сообщение.

— Вы хотите сказать, что **Патрон** и выполняющий его волю секретарь защищают меня от полиции?

— Именно так, принимая во внимание текст информации, переданной полицией прессе. Если, конечно, полиция и секретарь, находясь в сговоре, не пытаются поймать вас в ловушку... Но **Могущественный** господин А., поскольку он и в самом деле **могущественный**, вряд ли опустится до того, чтобы устраивать вам ловушку, прибегнув к услугам самого неавторитетного института власти! Скорее всего, **Могущественный** господин А. дейст-

вительно хочет увидаться с вами. Он, безусловно, догадывается, что вы как-то связаны с покушавшимися на него Мори и его подругой.

— Вы думаете?.. Но в таком случае мне тем более необходимо поговорить с Мори прежде, чем я встречусь с **Патроном**! Если мне не будет известен истинный смысл нападения, я не смогу избрать верную тактику, чтобы помочь Мори!

Так, откровенно беседуя, я шел беззаботно с **Добровольным арбитром** по улице, ведущей к станции частной железной дороги, как давным-давно, когда мне первый раз в жизни было восемнадцать лет, брел, не зная куда, со своим школьным товарищем. **Добровольный арбитр** был мрачно-задумчив, словно его заботила новая проблема, и вдруг резко вскинул свою крупную голову и посмотрел назад. И не столько для того, чтобы узнать, не идут ли за нами сыщики, а чтобы отпугнуть их. Отпугнуть таким способом — разве могло это хоть как-то подействовать на н а ш у п о л и ц и ю? Я сначала даже растерялся, не поняв назначения преувеличенно серьезных действий **Добровольного арбитра**. Действий этого неудавшегося биолога, который был моложе, чем я до *превращения*, и намного старше, чем я после *превращения*. Человека, которого невозможно было сравнить с обычным биологом по масштабам его деятельности во имя спасения человечества. Это был человек, в котором сосуществовали способное на самые неожиданные поступки тело и погруженная в мысли душа... Фраза, которую наконец произнес **Добровольный арбитр**, показала, что, пока мы шли, он все время обдумывал взаимоотношения между мной, Мори и **Патроном**.

— Если вы спросите Мори, что побудило его совершить нападение на **Могущественного господина А.**, то узнаете; что он совершил покушение не только в отместку за то; что **Патрон** хотел умертвить его при рождении. Я могу лишь предполагать, но, по-моему, это предупреждение о том, что последует дальше. Вы должны пойти к **Могущественному господину А.** лишь после того, как Мори раскроет вам суть дальнейших действий, тогда это будет иметь совсем другой смысл. Мешать Мори, препятствовать ему ни в коем случае не следует, да фактически это и невозможно.

— Вы совершенно правы, — сказал я и услышал в своем голосе интонации мальчишки, не воспользовавшегося нео-

жиданно быстрым и точным ударом партнера по мячу!

Мы подошли к железнодорожной станции и зашагали, теснимые толпой нерадивых студентов, опаздывавших на занятия. Мы опасались, что в таком месте сыщики вот-вот положат нам руку на плечо. Я открыл было рот, чтобы спросить: *Куда же нам теперь идти, если мы не можем немедленно встретиться с Мори?* Но Добровольный арбитр, словно закончив обсуждение плана дальнейших действий, сказал шепотом, чтобы окружающие не подслушали:

— Поскольку обе враждующие революционные группы матернально зависят от Могушественного господина А., давайте выясним, что думает о нем рядовой член, любой из них. Ребята, находящиеся сейчас в фехтовальном зале «Реабилитация», принадлежали прежде и к той, и к другой группе, но их подозревали в намерении дезертировать и поэтому не посвящали в подробности. Вы не знаете подходящего человека?

— Может быть, Ооно Сакурао? Я с ней знаком по движению против строительства атомных электростанций... Если она что-либо знает — думаю, расскажет.

— Ооно Сакурао! Прекрасно! — с горячностью, какой я от него и не ожидал, согласился Добровольный арбитр. — Она человек железный!

— Железный?.. Что-то я этого не заметил, да и нельзя сказать, что она оказывает влияние на революционную группу, стоящую во главе движения.

— Нет, она человек железный, давний участник движения! — сказал Добровольный арбитр, подбирая наиболее сильные выражения. В голосе его звучало восхищение. — Она была единственным членом группы среди учащихся известной женской гимназии. Решив, что она любовница руководителя, враждующая группировка схватила ее. Устроили ей допрос. Требовали, чтобы она открыла тайник, где скрывается руководитель. В то время даже желторотые члены революционной группы соблюдали нормы этики — ее не изнасиловали, хи-хи-хи. Просто поиздевались. Во всяком случае, это было время, когда существовала этика, заставлявшая блюсти чистоту. Ее увезли лечиться в Европу, но, как только она вернулась, сразу же приступила к организации гражданского движения — сильный у нее характер... В любой группировке можно найти людей, которые относятся к ней с большим уважением. — Добровольный арбитр весь дрожал, глу-

боко задумавшись, словно забыв о своих странных умо-
заклечениях.

Мною тоже почему-то овладело мрачное настроение, а когда я позвонил будущей киносценаристке, она, точно была где-то рядом и слышала наш разговор, ответила мне грустным голосом. Она как раз отправляла на отдых в горы — там дача ее богатых родителей — *тех ребят*, которых до сегодняшнего утра держали под арестом, и организаторов движения за их спасение. Я объяснил ей, что не один, а с Добровольным арбитром и что за нами увязались два сыщика, и она согласилась выйти к нам. Местом встречи Оно назвала корейский ресторанчик в Синдзюку. Соглашаясь на предложенное ею место встречи, я исходил из того, что, мне хоть и придется все это время смотреть ей прямо в лицо, лицо ее будет скрывать чад жарящегося мяса. Жалкая попытка восемнадцатилетнего избежать новых унижений. Вряд ли она, ветеран гражданского движения, не предусмотрела всех практических деталей. Кроме того, она хотела побыстрее накормить Справедливца — так сказала Оно. Справедливцем она называла руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикоку. Я удивился, но она объяснила мне, что, прочтя сообщение в сегодняшних газетах, поняла: будет полезно приютить у себя Справедливца, такого праведного человека, и даже привести его на встречу с нами. Мы с Добровольным арбитром, не читавшие сегодняшних утренних выпусков, вдруг болезненно ощутили свою исинформированность и, перед тем как сесть в электричку, купили оставшихся в киоске газет.

Просмотрев их, мы убедились, что там нет ни одной статьи, в которой сообщалось бы что-то новое о покушении на Патрона по сравнению с новостями, которые передавали вчера вечером по телевидению. Видимо, особо контролировались сообщения о характере ранения Патрона и его теперешнем самочувствии. От репортеров держали в тайне даже то, о чем сказал мне по телефону секретарь. Однако в одной статье в экономической газете я обнаружил сообщение, что именно Патрон является закулисным руководителем концерна, контролирующего треть атомных электростанций в Японии и обладающего монопольным правом на строительство атомных электростанций в Южной Корее. Я почувствовал себя обманутым, и это было очень неприятно. *Зачем*

же тогда я так старался? Ведь если Патрон в самом деле крепко держит в своих руках атомные электростанции в Японии и за ее пределами, то моя роль сводилась к тому, чтобы быть мальчиком на побегушках, помогающим ему удерживать власть в своих руках. Когда Патрон начал переговоры, имеющие целью убедить Канаду при посредничестве японского концерна продать Южной Корее атомный реактор, я отбирал критические статьи, появившиеся в европейской прессе. Причем собирал эту нужную Патрону информацию за смехотворно малую плату... Получая свое мизерное вознаграждение, преисполненный благодарности, я полагал, что Патрон совершенно бескорыстно, лишь из добрых побуждений ежемесячно платит мне деньги, и безропотно снабжал его информацией. Но оказалось, что я был не более чем дешевой рабочей силой и за нищенское вознаграждение выполнял действительно чрезвычайно важную работу.

Чем больше размышлял, тем острее чувствовал, что все это задевает и мои интересы, наносит ущерб мне, и в голове вертелась отчаянная мысль, что вот-вот во мне вспыхнет злость и эта злость, которую невозможно сдерживать, может оказаться сродни той, которую испытал мой товарищ, повесившийся в Париже. Отчаянная и в то же время всепожирающая ненависть — она вспыхнула лишь на мгновение, но жизнь товарища была кончена.

— Оно знает об интересе Могушественного господина А. к строительству атомных электростанций — это и приносит ему огромные выгоды, потому-то она и решила привести на встречу с вами руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикоку. — Добровольного арбитра решение Оно привело в восхищение.

— Руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку приехал на тот самый митинг, где вы выступали у входа в зал. Потом он вместе с Оно занимался спасением арестованных ребят... Но все же этого недостаточно, чтобы судить о ее жизненной позиции.

— Покушение на Могушественного господина А. для нас явилось полной неожиданностью, хотя все знали, что он имеет самое непосредственное отношение к секретам атомных электростанций. В этой ситуации нам ничего другого не остается, как принять случившееся словно должное, правильно? А Оно стремится, приведя сюда

руководителя движения против строительства атомной электростанции, вовлечь нас в активную деятельность, понятно? Оно видит смысл жизни в том, чтобы своими действиями повседневно создавать нестабильную обстановку. Ее жизненная позиция определяется сложившейся ситуацией. Это все не так просто!

— Вы столько сил отдаете вашей деятельности **Добровольного арбитра**, а сколько забот, связанных с фехтовальным залом «Реабилитация»!.. Теперь же вы укрываете человека, совершившего покушение на **Патрона**. Значит, и ваша жизненная позиция определяется сложившейся ситуацией... Выходит, в этом смысле ваши жизненные принципы совпадают с жизненными принципами Оноо.

Серое лицо **Добровольного арбитра** неожиданно порозовело. Мысленно он уже вырабатывал свое отношение к Оноо Сакурао, с которой мечтал встретиться.

И вот в топорщившемся, точно доспехи, желтом, как гиацинт, пальто, вздернув плечи и пиная длинные полы, вошла Оноо Сакурао. А на руководителе движения против строительства атомной электростанции были светло-коричневые хлопчатобумажные брюки и куртка со стоячим воротником. Кто бы мог сказать, что это тот самый человек, который сражался вынутыми изо рта вставными челюстями, ха-ха.

— Собирались обсуждать план неотложных действий, а теперь преспокойно попиваете пиво? — сердитым окриком приветствовала нас будущая киносценаристка. — Вы с таким удовольствием хрустите маринованной редькой, будто единственная ваша цель — пить пиво!

Но мы были вынуждены, дожидаясь их, пить пиво — несмотря на то, что я после *превращения* стал быстро пьянеть, да и **Добровольный арбитр** плохо переносил алкоголь. Не закажи мы хотя бы пива, не удалось бы сидеть здесь и читать газеты, которые мы принесли с собой. Мужчина, наружностью напоминающий лесного клопа, стоял у перегородки, отделяющей кухню от зала, раздраженно обозревая помещение, где сейчас, кроме нас, никого не было.

— И отец Мори здесь? Вы уже превратились в молодого, почему же такой вид жалкий? Не мешало бы хоть побриться.

— Я могу одолжить вам бритву, — подал голос **Добровольный арбитр**.

— Хм, у вас что, привычка такая — таскать с собой бритвенные принадлежности?

— Когда ко мне в фехтовальный зал «Реабилитация» пришел Мори и я отправился на встречу с вами, то понимал, что дома буду не скоро, вот и прихватил с собой бритву, — сказал **Добровольный арбитр**, явно адресуясь к Оноо, а **Справедливец** потрогал свой гладко выбритый подбородок. В общем, присутствие телезвезды Оноо подействовало на всех нас.

Я побрился на ощупь в уборной, в крохотном закутке между умывальником и писсуаром. Направо от входа было зеркало, к которому был прикреплен ароматизатор воздуха, но мне было противно смотреть на свое жалкое лицо.

Когда, побрившись, я вернулся к столику, трое, усевшись плотным кружком, что-то горячо обсуждали. Над газовой жаровней, вделанной в стол, поднимались огонь и чад от горящего жира. Официант, пребывавший до этого в состоянии крайнего раздражения, стряхнул оцепенение и услужливо подал бутылки пива, выражая готовность угодить известной телевизионной звезде.

4

Руководитель движения против строительства атомных электростанций на Сикоку, чье лицо с чересчур крупными чертами выражало спокойное воодушевление, говорил с какими-то извиняющимся интонациям на характерном для Сикоку искаженном кансайском диалекте¹.

— ... Это, я думаю, означает, что к императорской семье тянется множество нитей — вот что я думаю! А что до этих могущественных людей или закулисных деятелей, то их и здесь, в столице, и у нас, в провинции, не перечесть. И все они чем-то заняты. Нам, людям здравомыслящим, понять, что они делают, ой как трудно! А вот то, что они действуют своекорыстно, — это нам ясно. Подобное своекорыстие недопустимо. С этим надо бороться. И нет ничего важнее этого! На вершине огромной горы непомерно разросшегося своекорыстия вырисовываются неясные миражи. Посмотришь на них какое-то время — и увидишь, как они колышутся, извиваются, протягивая нити к императорской семье! Между ними и им-

¹ Кансайский диалект — диалект Западной Японии.

ператорской семьей нерасторжимая связь — это уж точно. Критиковать бессмысленно! Будет такая критика, не будет ее — все равно протягиваются нити к императорской семье, это факт, и от него никуда не денешься. Если ты выступаешь против могущественных людей, закулисных деятелей или чудовищ и их колдовство тебя не обмануло, то всегда видно, как над их головами тянутся нити, множество нитей! Как протягиваются нити к императорской семье!

Говоря это, Справедливец устремил свой взор в пространство, будто в густом чаду от жарящегося мяса он увидел, как тянутся эти нити.

— ...Взять хотя бы Могущественного господина А., тайного властелина атомных электростанций. Стоит присмотреться внимательнее к этому деятелю — чем он занимается, никому не ведомо, — сразу же увидишь эти нити! Преследовать тех, кто стремится к получению монопольных прибылей, невероятно трудно, тотчас возникнут бесчисленные препятствия, даже если удастся привлечь на свою сторону члена парламента от оппозиционной партии. Зная, что закулисный деятель, о котором мы говорили, связан со строительством атомных электростанций, понимаешь, что наше движение может быть разгромлено и начнется строительство на Сикоку самой крупной атомной электростанции; это вполне вероятно, если вспомнить о связях этого деятеля с императорской семьей. Когда построенная электростанция начнет функционировать, заражая окружающую среду отработанной водой, для осмотра ее прибудет императорская семья! Что произойдет в тот день и в тот час? Тогда все японцы, обратившись к югу Сикоку, где она будет построена, преклонят колени! Это выльется в грандиозную демонстрацию силы духа императорской семьи, помноженной на силу атомной электростанции, — сто с лишним миллионов коленопреклоненных перед телевизорами!

— Как же можете вы, практик, рассуждать столь пессимистически? — вставил слово Добровольный арбитр, явно пытаясь прошупать позицию Ононо.

— Вы считаете Справедливца пессимистом? Но ведь он прекрасно понимает масштабы трудностей и, не предаваясь сверхнадежде и сверхотчаянию, ведет борьбу... Разве это не равносильно тому, что делаете вы как арбитр, сознавая существование расхождений между группировками?

Лишь один я выпадал из их тесного кружка и, раздражаясь от того, что на покрытой жиром решетке газовой жаровни подгорают, сворачиваясь, кусочки мяса, печенки, сердца, не отрывал от них глаз, что так не отвечало важности происходившей рядом со мной дискуссии.

— Еда — дело второстепенное, во всяком случае сейчас! — досадливо поморщившись, сказала будущая кино-сценаристка и величественно и щедро, в свойственной ей манере, ухватила палочками кусков шесть дымящегося мяса и положила их Справедливцу.

Вслед за ней и остальные протянули палочки, я тоже взял кусочек жареного мяса и печенки, а Оно, подцепив с тарелки сырое мясо, приготовленное для жарки, бросила его на решетку. Если жарить столько мяса в один прием, оно обязательно подгорит. Мясо должно быть слегка подрумянено, и, съев его, нужно положить на решетку новую порцию — ровно столько, сколько съедено, тогда получится вкусное мясо. А она совершенно не соблюдает законов корейской кухни, хотя раз десять ходила со мной сюда. Укоризненно думая об этом, я жевал сухое, как подметка, мясо и жесткую печенку и при этом старался не смотреть на решетку, над которой снова начал подниматься чад. Но тут Оно надменно приказала:

— Будьте любезны, нельзя ли включить вентилятор на полную мощность? А то от чада просто дышать невозможно!

Официант покорно выполнил ее приказ.

Справедливец ел жареное мясо, не только не соблюдая порядок, принятый в корейском ресторане, но и вообще забыв о хороших манерах, и тем не менее мне было приятно на него смотреть. Перед нами стояли маленькие тарелочки с тарэ, густым соевым соусом к жареному мясу, и с карамисо — пастой из соленых соевых бобов к свиным ножкам, и этот пожилой маленький человечек, подхватив палочками сразу несколько кусков мяса и обмакнув их в тарэ и карамисо, отправлял все это в рот. Потом старательно жевал, глядя прямо на говорившего, жевал своими искусственными зубами, пока не прожевывал как следует. Остальные, видя, как он злоупотребляет острой приправой, хотели было остановить его, но он ел с таким достоинством, что они не решились ничего сказать. При этом у него был такой вид, будто еда для него — дело второстепенное...

— Вы называли меня пессимистом? — говорил Справедливец с набитым ртом. — Но проанализируйте положение с ядерным оружием, положение со строительством атомных электростанций во всем мире. Я думаю, в такой ситуации самое верное — быть пессимистом! Хотя люди, как правило, оптимисты. Вон официант, который регулировал вентилятор. Посмотрите, какой у него торжествующий вид. Через двадцать-тридцать лет он умрет, а сейчас стоит с заносчивым видом, даже не представляя себе, сколь он зауряден. Так кого же беспокоит собственная смерть, невозможность иметь детей и внуков из-за радиоактивного заражения, вызванного ядерной бомбой и атомными электростанциями? Портит ли это аппетит даже нам, людям, которых особенно беспокоят эти проблемы? Нет, мы продолжаем есть с неукротимой жадностью!

Он прав. Лишь одна Ооно, слушая Справедливца, задумалась над его словами и рассеянно обкусывала передними зубами свиную ножку, где и мяса-то почти не было. А для остальных она положила на решетку целую гору мяса. Но тут разговор вдруг переключился на меня. По всему было видно, что говоривший без умолку Справедливец знает от Ооно подробности моего *превращения*.

— Однако такой человек, как отец Мори, наверно, не может не учитывать то положение, в котором он сам оказался, да и проблему в целом? Может быть, ваш взгляд на мир отличается от моего. Во всяком случае, вы не отдаете себе отчета в существовании нитей, которые тянутся к императорской семье! Эти нити нужны тем, кто исповедует идею гармонии традиционной японской культуры. Вы, естественно, стоите на противоположных позициях. Императорская семья вам ни к чему!

— Действительно, *превратившиеся* Мори и отец Мори отвергают так называемый естественный порядок, господствующий в нашей стране, — подтвердил Добровольный арбитр. — Правда, я еще не могу понять смысла слов Справедливца об отношениях между императорской семьей и отцом Мори.

— Представьте себе, что в существующей вечно императорской семье произойдет *превращение*! Отец Мори и императорская семья — вы представляете разницу в масштабах, в самом смысле, который заложен в вашем существовании и существовании императорской семьи?

— То есть, если говорить о борьбе, мы с Мори должны навязать императорской семье происшедшее с нами *превращение*, это вы хотите сказать, папаша? Ха-ха. И, чтобы заразить их *превращением*, отправиться в Оутняма?¹

— Я не хотел дразнить вас, отец Мори. Я думаю, одной горячей воды, сбрасываемой атомными электростанциями, достаточно для того, чтобы нарушить естественный порядок. Ведь эта горячая вода будет сбрасываться в астрономических количествах, верно? И если естественный порядок будет таким образом нарушен, это неизбежно приведет к *превращениям*. Я действительно так считаю... Однако те, кто форсирует строительство атомных электростанций, утверждают, что вечно существующий естественный порядок не будет нарушен. В довершение — осмотр этих электростанций императорской семьей, и атомная электростанция будет воспринята всеми как чудо. Так будут думать сто с лишним миллионов японцев, прильнувших к телевизорам. Вот для чего существуют нити, ведущие к императорской семье!

— Значит, папаша, вы призываете двух *превратившихся*, меня и Мори, устроить демонстрацию против торжественного открытия атомной электростанции? Ха-ха.

— Эти ваши «папаша», да и вся ваша манера говорить объясняются не чем иным, как желанием доказать, что *превращению* подверглись не только ваше тело, но и ваш дух. К чему это представление?.. Мы же собираемся действовать сообща, не так ли? Никаким «папашей» называть его не нужно — **Справедливца** так и следует называть **Справедливца**. Все должно быть функционально.

— Стоит мне выпить пива, и я сразу становлюсь ужасно болтливым. А в сущности, я могу сказать одно: я — это я и я сижу здесь. Вот это я и хочу сказать, а все ненужные разговоры прекращаю, потому что они ни к чему. В самом деле ни к чему. Я не хочу снова услышать от своих товарищей по борьбе, когда вернусь к себе на Сикоку: пустая болтовня!.. — сказал **Справедливца**.

— Нет, надо лучше узнать друг друга — это непременное условие для ведения совместных действий, — сказал **Добровольный арбитр**; слова его были совершенно не к месту — он лишь хотел подыграть Ооно, но она его игнорировала.

¹ Оутняма — императорский дворец.

Я понял, что она собирается посвятить нас в свой план. Таков жизненный принцип активистов гражданского движения — если вступить с ними в разговор, то они до тех пор не прекратят его, пока не договорятся с тобой о каких-то конкретных действиях (даже если они сводятся к пусканию мыльных пузырей, ха-ха). План действий, который собиралась предложить мне и Добровольному арбитру Ооно Сакурао, пришедшая к нам вместе со Справедливцем, в конечном итоге сводился к следующему. Она решила потребовать от руководства разъяснений по поводу финансирования вышестоящей революционной организации Могушественным господином А., что, кстати, давно уже было для всех секретом полишинеля. Она, как глава своей группы, имеет право потребовать таких разъяснений. Вот почему она все время настаивала на том, чтобы ее связали с руководством, хотя и безрезультатно!

Теперь ей и ее союзникам не остается ничего другого, как самим направиться прямо в штаб революционной группы (хоть и не на броневике, а на «фольксвагене» — его одолжил приятель, поклонник будущей киносценаристики) и спросить у руководства, что оно думает насчет Могушественного господина А. Справедливец как представитель того района, где идет борьба против строительства атомной электростанции, пойдет вместе с ней. Кроме того, в этом деле будем участвовать и мы с Добровольным арбитром, а, следовательно, за нами увяжутся и два сыщика, приставленные к нам властями.

Это, видимо, послужит немаловажной гарантией успеха всей операции и нашей безопасности — поскольку за нами будут наблюдать сыщики, руководители революционной группы не смогут схватить нас и подвергнуть допросу.

Эмоциональность этой женщины, одно время работавшей у Луиса Бунюэля, приводила порой к совершенно невероятным с точки зрения логики, даже сюрреалистическим поступкам — она вдруг заявила, что было бы нечестным не спросить также и у контрреволюционной бандитской группировки, что там думают относительно проблемы Могушественного господина А. Человек, покушавшийся на Могушественного господина А., то есть совершивший то, что логично было бы ожидать от этой группировки, скрывается в фехтовальном зале «Реабилитация», принадлежащем Добровольному арбитру. Поэто-

му, если Добровольный арбитр и отец покушавшегося (хотя *превратившись*, отец стал моложе сына, ха-ха) будут в числе тех, кто требует встречи с руководством этой организации, оно не посмеет игнорировать их требования, утверждала Ооно. Далее, если их беседа примет нежелательный оборот, Ооно призовет на помощь сыщиков, заявив, что подвергается насилию со стороны контрреволюционной бандитской группировки, и те придут на защиту ее естественных гражданских прав. Не допустить такого оборота событий — в интересах любой организации.

— Прежде всего необходимо, по-моему, водрузить на автомобиле флаг или хотя бы лозунг, наглядно отражающий характер наших действий, но, к сожалению, у нас нет времени подготовить их... — сказала Ооно, и тут Добровольный арбитр, сидевший до того с безучастным видом, вдруг воодушевился, ха-ха.

Из рюкзака, где лежали те самые бритвенные принадлежности, он вытащил белое полотнище. Разложив его на газете, расстеленной на столе, он написал на нем: «ВСТРЕЧА ПО УСТРАНЕНИЮ ПРЕПЯТСТВИЙ К ПРИМИРЕНИЮ» и пошел прикреплять лозунг к машине. Увидев это, офицант принес известной телевизионной звезде Ооно цветную бумагу. Фломастером Добровольного арбитра она каллиграфически вывела черные иероглифы: «ДОЛОЙ ЛЮБОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЯДЕРНОГО МОГУЩЕСТВА, ЗАПРЕТИТЬ АТОМНЫЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ». Ха-ха, похоже жизненные принципы этой женщины действительно отличаются последовательностью. Счет она протянула мне.

— Поскольку вы получали помощь от Могущественного господина А., то будет вполне естественно, если вы уплатите этими грязными деньгами.

Заплатив по счету и догоняя Ооно, которая отправилась на бой, решительно пиная полы своего длинного пальто, я, в свойственной восемнадцатилетнему юнцу манере, принялся, иронизировать над Справедливцем:

— Ну, папаша, вы дайте! Нет, одеты вы неподходяще. Наверно, это Сакурао приискала вам одежонку на молодежной распродаже?

— Я купил эту одежду, когда меня послали за границу из Осака по программе обмена профессорами, и у меня нет оснований стыдиться того времени, когда я вместе с коллегами рассчитывал траектории ракет...

Я, желторотый восемнадцатилетний, получил по заслугам от руководителя движения против строительства атомной электростанции, провинциального **Справедливца**, ха-ха.

5

Из садика, в глубине которого располагался корейский ресторан, мы вышли на угол широкой улицы, там стоял зеленый «фольксваген». К кузову машины было ловко прикреплено полотнище — и машина, и полотнище удивительно сочетались с воинственным видом Ооно Сакурао, стоявшей рядом наподобие Нио — Стража ворот¹. **Добровольный арбитр** подвесил на тесемках небольшой плакат, точную копию лозунга, ха-ха. Не для того ли он затеял всю эту жалкую демонстрацию, чтобы сесть рядом с Ооно, управляющей машиной? Пока **Добровольный арбитр** не удостоверился, что мы со **Справедливцем** устроились сзади, он стоял с отрешенным видом, но, едва машина тронулась, превратился в рьяного помощника водителя.

— У сыщиков было вполне достаточно времени, чтобы раздобыть автомобиль. Я решил сразу прикрепить полотнище, чтобы они поняли, что мы поедем на машине! Так что теперь продолжать слежку за нами они тоже будут из машины — это ведь наша полиция!

— Куда мы сначала? К моим знакомым? Правда, они сторонятся меня... Насколько мне удалось выяснить у моих ребят, помощь **Могущественного господина А.** предназначалась для того, чтобы революционная группа собственными силами изготовила атомную бомбу! Они говорят, что, когда работа достигнет заключительной стадии, он начнет переговоры о предоставлении суммы, не идущей ни в какое сравнение с пожертвованиями, сделанными до этого. То же самое, видимо, предусматривалось в отношении контрреволюционной бандитской организации. Так в чем же заключались планы **Могущественного господина А.**, на что рассчитывали получившие эти деньги руководители обеих групп, и революционной, и контрреволюционной?.. Мой собственный опыт не позволяет мне поверить в такое сумасбродство, и поэтому я хочу по крайней мере выяснить, каковы их логические построения.

— Чтобы определить значение употребленного вами

¹ Нио — Страж ворот — одно из божеств буддийского Пантеона.

слова «сумасбродство», нужно уяснить, к чему вы его относите, к тому, что: а) революционная организация создает собственную атомную бомбу или б) расходы по ее изготовлению оплачивает **Могущественный** господин А.

— Что? Ваши неожиданные «а», «б» — для меня это слишком сложно. Я машину вести не могу... Да, конечно, «б».

— Подобных случаев можно привести сколько угодно! Для людей, которых называют могущественными, ничего невозможного не существует! Патрон дает деньги двум враждующим, готовым задушить друг друга группам, но ведь это же классический прием, хоть и совершенно идиотский!.. Слушая вас, я думал, что вы имеете в виду «а». Вы пригласили меня в Токио на митинг протеста против строительства атомных электростанций и отнеслись ко мне очень тепло. Но сумасбродство вашей молодежи как раз и состоит в том, что, выступая против строительства атомных электростанций, она в то же время собирается изготовлять собственную атомную бомбу. Молодежь убеждена, что создание атомной бомбы — дело правое, и всячески стремится к этому, но вместе с тем она ведет борьбу против строительства атомных электростанций. Разве это не сумасбродство?!

— Ваше возмущение вполне естественно, **Справедливец**... Действительно, есть и такая молодежь, но ведь она идет за своими лидерами. Значит, все-таки возможно создание атомной бомбы силами небольшой группы. А, отец Мори?

— Я уже говорил, что небольшой группе по силам создание атомной бомбы, если не учитывать проблему доставки.

— Но неужели кто-то из молодежи и впрямь работает над созданием атомной бомбы? Какие тут могут быть оправдывающие обстоятельства? Это же просто аморально!

— Почему аморально? — спросил **Добровольный арбитр**. — Если действительность такова, что сверхдержавы монополизировали ядерное оружие, то и слаборазвитые страны имеют право завладеть ядерным оружием, создать нестабильную обстановку. Далее, раз уж государство монополизировало ядерное оружие, превратив свой собственный народ в заложника, то приходится удивляться, что группы или отдельные люди сопротивляются этому и даже создают собственное ядерное оружие?.. Будем

говорить конкретно: представьте себе, что люди, принадлежащие ко второму или третьему поколению жертв атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, от имени своих погибших родных создадут ядерное оружие — найдется ли хоть кто-нибудь в нашем современном мире, кто осудит их?

— Вот вы о чем! Если такого рода релятивистская точка зрения бытует даже среди участников движения против строительства атомных электростанций, то тогда, может быть, все, о чем я недавно говорил, чистое безумие? Возмущаться можно сколько угодно, но атомная бомба-то создается?! Кто же из молодежи занимается этим, на каком подземном заводе?!

Добровольный арбитр молчал. Но спина молчащего человека лучше всего выдает его мысли. Я почувствовал, что Добровольный арбитр по роду своей деятельности имеет доступ к определенной информации. Но он считал, что, сообщив нам эту информацию, он потеряет свое лицо как Добровольный арбитр.

— Что касается молодых ребят, создающих или, во всяком случае, пытающихся создать атомную бомбу, то о них, Справедливец, лучше всего спросить у отца Мори. Ведь он — жертва нападения юнцов, стремившихся побыстрее заполучить атомную бомбу.

— Жертва?

— Жертва — это, пожалуй, слишком сильно сказано... Кроме того, не установлено, к какой группе они принадлежали. Но факт остается фактом — люди в жестяных доспехах пытались украсть ядерное сырье, когда его везли с обогатительной фабрики.

— Так это вы — тот самый специалист, который оказал решительное сопротивление ядерному ограблению? В то время я находился в Соединенных Штатах, но об этом сообщалось и в Бостоне, в газете «Крисчен сайенс монитор». Я был потрясен. Ваш поступок послужил моральным основанием для развертывания движения против строительства атомной электростанции на Сикону... Так это были вы?

— Да, это была душераздирающая история, — весьма холодно сказала будущая киносценаристка, что меня даже возмутило.

— Хотите поссориться?

— При чем тут ссора — просто любые действия могут критиковаться, разве не так? — вмешался в разговор

Добровольный арбитр, чтобы защитить Ооно. — Молодежь революционной группы пыталась экспроприировать ядерное сырье у монопольно владеющих им властей. Логически — я об этом уже говорил — их действия вполне можно оправдать, верно? Представляете — исследователь-специалист, которого нельзя даже назвать сторожевым псом властей, пренебрегая опасностью облучения, с риском для жизни охраняет ядерное сырье. Разве это не означает, что весь персонал атомной электростанции, включая самых мелких служащих, входит в ядерную систему, предусматривающую монополию властей? Если, разумеется, посмотреть на происшедшее глазами молодых ребят, совершивших нападение. К тому же этот исследователь-специалист отнюдь не был представителем властей. Нападавшим и в голову не приходило, что при похищении ядерного сырья им будет оказано сопротивление. Нападение окончилось неудачей, а исследователь-специалист подвергся облучению. Да, неутешительный итог. Если посмотреть на случившееся глазами революционной группы...

— Вы тоже участвовали в ядерном ограблении? — спросил я у **Добровольного арбитра** уже не в шутку.

— Ну что вы?! — с ходу отверг мое предположение **Добровольный арбитр**, но именно эта поспешность и зародила во мне подозрение, что он-то и был одним из тех *жестяных людей*, а его землистая кожа — результат облучения.

— В Токио есть одно местечко, где укрылась группа, обладающая изрядной политической фантазией, достаточной логикой и настоящей любовью к человечеству. — Так начала Ооно Сакурао — кто знает, не было ли это темой некоего иллюзорного фильма, которому так и не суждено быть завершенным, ха-ха. — Если в один прекрасный день она объявит, что создала атомную бомбу, то мгновенно изменится вся наша страна. Во всяком случае, городские жители, которые спокойно ходят по улицам, поглощают пищу, даже не помышляя о смерти, испытают колоссальный страх — это уж несомненно. Может быть, тогда даже **Справедливец** перестанет быть пессимистом...

— Полнейшая чепуха! Выискивать позитивные моменты в создании атомной бомбы, какой бы смысл в это ни вкладывался, — это полная моральная деградация, и ничего более!

— Подобные обобщения наивны, вам это не кажется?.. Моя позиция во время встречи и беседы с руководителями группы будет такова: если революционная группа, руководствуясь четкими принципами, собственными силами создаст атомную бомбу, у меня нет причин выступать против. Это одно. А другое — я буду выступать против субсидирования программы создания ядерного оружия **Могущественным господином А.** И хочу, чтобы они считались с моей позицией, как с данной мне свободой вероисповедания.

Краем глаза я заметил, что **Справедливец** сжал губы, напоминая листья хурмы, и широко раскрыл невидящие глаза, источавшие, однако, жгучую ненависть к окружающему миру. Я не мог не заговорить с ним.

— Папаша, вы утверждали, что от **Могущественного господина А.** протянулись нити к императорской семье. Но если некая группа в Токио, создав атомную бомбу, примется угрожать правительству и финансовым кругам, то разве не может она вплотную подобраться к императорской семье? Нельзя же предположить, что обе группы, субсидируемые **Патроном**, будут применять с таким трудом созданную ими атомную бомбу в интересах императорской семьи? Я этого понять не могу, папаша!

Тут **Справедливец**, отбросив ненависть к реальности, посмотрел на меня своими большими, чистыми глазами, снова превратившись в нестигаемого борца, горящего желанием до конца выполнить свою миссию.

— От таких людей, как **Могущественный господин А.**, всегда тянутся нити к императорской семье! Это необычайно важная деталь! Держа в руках эти нити, **Могущественный господин А.** старается внушить молодым революционерам идею самостоятельного создания атомной бомбы! Причем одновременно каждой из враждующих, сражающихся между собой групп! *Добрая душа, добрая душа!* Единственное, что необходимо **Могущественному господину А.**, — это заполучить в свои руки сверхмощную энергию, каковой и является атомная бомба, и делать с ней все, что он захочет, чтобы утвердить свою власть. Одна бомба — хорошо, две — еще лучше. Сверхнапряженность, которую создает существование этих бомб, повлияет на положение в стране. Поднимется невообразимый смерч, который вознесет императорскую семью в абсолютную высь! А молодые революционеры прямо из себя выходят, чтобы опередить **Могущественного господина А.**

Но это никуда не годится. Даже если обратиться к истории культуры...

— **Справедливец** такой опытный боец, почему же выводы его столь пессимистичны? — снова раскритиковал его **Добровольный арбитр**, но тот не стал с ним спорить.

— *Такие-то дела,* — подытожил **Справедливец**, вертя морщинистой шеей. — **Сверхнапряженность** — вот его цель. Но его противники не задумываясь поддержат любую сверхмощную энергию и сверхнапряженность, лишь бы они были направлены в противоположную сторону. И нужно искать таких людей!.. Может быть, ваше с **Мори превращение** и есть *необходимый для этого импульс?*

— Если это так, то **Мори**, совершив покушение на **Могущественного господина А.**, должен теперь быть предельно осторожен, — сказал **Добровольный арбитр**. — Я чувствую, что **Мори** — это человек, чьи действия управляются неким мощным источником излучения.

Тут мое молодое тело и молодой дух уловили тот самый крик: **ЛИ... ЛИ... ЛИ...**

ГЛАВА VIII

ВСЕСТОРОННЕЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАТРОНА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1

Когда наша машина на торговой улице Одзи попала в пробку и почти перестала двигаться, я от нечего делать придумал такую шутку: а что, если ребята из революционной группы, устроившие где-то здесь неподалеку свою базу, захотят провести под Токио, в горах Асукаяма, испытания сверхминиатюрной атомной бомбы? Но вслух ничего не произнес — атмосфера в машине становилась все более напряженной. А Справедливец, который, несомненно, дал бы отпор любой шутке, касающейся атомной бомбы, заснул. Лицо Справедливца, спавшего, склонив голову на грудь, было лицом утомленного, стоящего на пороге смерти пожилого человека. Ссохшаяся головка южноамериканского колдуна. Маленькая головка, маленькое личико, торчат только огромные уши и нос. Пока я не сообразил, что лицо его словно ссохлось из-за того, что он вынул изо рта вставную челюсть, смотреть на него мне было неприятно, ха-ха.

Наш «фольксваген» въехал в узкую, запруженную машинками улочку и стал с трудом пробираться вперед, но тут нам сделали знак двое полицейских, и мы остановились на более широкой части улицы, у отделения страховой компании. Один из полицейских всунул морду в маленькое окошко «фольксвагена». На мгновение я сжался от страха, не имея возможности удостовериться свою личность так, чтобы это удовлетворило полицейского. Проснувшийся Справедливец тоже заволновался, но,

вместо того чтобы сжаться, широко открыл глаза в кровавых прожилках и вставил в рот искусственную челюсть, отчего лицо его не перестало казаться ссохшимся. Он все еще пребывал в полусне — как-никак пожилой человек.

Но **Справедливцу** не пришлось выражать протест. Полицейский не успел и слова вымолвить, как Оно протянула ему водительские права, а к ним еще и удостоверение телевизионной компании. И сделала это с особым выражением лица и поворотом тела, выставляя себя напоказ, как и подобает телезвезде.

— За нами следует полицейская машина, вот у них вы сможете все узнать, — начал переговоры **Добровольный арбитр**, намекая на то, что мы действуем под надзором полиции. — С представителем средств массовой информации мы направляемся в одну из групп студенческого движения, чтобы кое-что предложить, — только и всего. Ни с какой партийной группировкой мы не связаны. Разумеется, никакого оружия мы с собой не везем!

Наверно, из следовавшей за нами машины и в самом деле поступил сигнал. Над низкой крышей «фольксвагена» полицейские обменялись несколькими словами; тем двоим, что остановили нас, что-то приказали, и на колени Оно полетели документы. В этой сцене проявился артистический дар Оно, подумал я. Действительно, она проявила талант постановщицы, ха-ха, — наш «фольксваген» снова двинулся вперед.

— Охраняющая штаб *антиполиция*, должно быть, засекла нашу машину. Я думаю, она уже донесла о необычном обхождении с нами полицейских. Они, наверно, уже поняли, что мы не контрреволюционная банда, вооруженная гранатами, которая собирается напасть на них.

— Было бы хорошо, если бы молодые активисты, охраняющие штаб, не поверили своей газете, будто враждебная им группировка блокируется с полицией. Ведь если они в это верят, то наше положение может стать просто угрожающим!

— Нет, их наблюдатели, увидев плакат, сразу поймут: это работа **Добровольного арбитра**, и не станут бросать бомбы в нашу машину, — сказал **Добровольный арбитр** со спокойной уверенностью.

— Значит, вы и раньше не раз появлялись здесь, прикрепив к машине плакат, чтобы произносить свои увещательные речи?.. Смелый вы человек.

— Я уже давно этим занимаюсь — привык, — засмущался Добровольный арбитр.

Наша машина медленно двигалась вперед, провожаемая враждебными взглядами прохожих, толпившихся перед лавками галантерейщиков и рыбных торговцев, лотки которых занимали полтротуара, и, сделав на перекрестке — чрезвычайно опасном, только и жди аварии, — поворот, а затем проехав еще метров пятьдесят, оказалась на незаасфальтированном участке, похожем на пустырь, где не было ни души. Ряд деревянных оштукатуренных домов, не разрушенных ни войной, ни послевоенными стихийными бедствиями, но все равно не пригодных для жилья, и посередине — трехэтажное здание, похожее на клинику; по торцу его поднималась металлическая лестница, но все входы на этажах были заколочены. На крыше виднелась надстройка, похожая на голубятню, откуда за нами обеспокоенно наблюдали юнцы в касках; лица у них были замотаны полотенцами.

— Немного вперед и останавливайтесь. Надо полагать, вы и бомбы с собой прихватили? Проедете дом — сразу останавливайтесь, — приказали нам.

— Я сойду здесь одна, а машина пусть остановится в конце пустыря. Оттуда будут наблюдать за мной, и, если заметят что-нибудь подозрительное, тогда уж не взыщите, придется связаться с полицейскими, которые следят за нами! — отозвалась Ооно.

С трудом извлеки свое чересчур крупное тело из маленького «фольксвагена», будущая киносценаристка, пиная носками туфель полы пальто и щеголяя столь неуместными здесь темными очками и лиловой сумочкой, направилась к зданию, где находится штаб. Добровольный арбитр тронулся с места. Причем на довольно большой скорости, будто за ним гнались. Справедливец сразу прильнул к заднему окошку и стал наблюдать, а я, глядя прямо перед собой, старался не вспоминать рассказ о страданиях, которые причинила Ооно одна из группировок в те времена, когда она была еще ученицей колледжа.

Однако Ооно с тех пор прошла огонь и воду и научилась прекрасно сражаться, ха-ха. Через некоторое время она, вызвав из дома, похожего на потрепанный военный корабль, подлатанный желтовато-серыми досками, одного из руководителей революционной группы, уже направлялась с ним к машине. Когда Справедливец, даже засопев

от радостного возбуждения, объявил об этом, я тоже обернулся и посмотрел назад — рядом с бодро вышагивающей Ооно семенил невысокий человек. Если бы не темные очки, его можно было бы принять за мелкого чиновника районной управы. Этот ничем не примечательный человек и шедшие сзади него на расстоянии пяти-шести шагов молодые парни в рабочей одежде, с касками на головах удивительно гармонировали друг с другом. С первого взгляда было ясно, что юнцы прячут под топорщившимися куртками железные трубы.

— Решили поговорить в закуской, где питается эта группа. Условие такое: с нашей стороны — я и еще один человек. Нужно, чтобы пошли вы, отец Мори. **Справедливек**, когда речь пойдет о ядерных делах, сделает разговор невозможным, а **Добровольному** арбитру я хочу поручить машину... Поезжайте и возвращайтесь через час.

— Что вы, что вы?! Через полчаса! — вскричал измененным голосом, хотя и удивительно дружелюбно, человек в темных очках. А я вдруг подумал, что мне и полчаса провести с обладателем такого голоса неприятно...

— Отец Мори, поторапливайтесь, — приказала Ооно, и нам с **Добровольным** арбитром и **Справедливцем** не оставалось ничего другого, как подчиниться.

Разговор между членом руководства и Ооно я записал в ее блокноте для режиссерских заметок и, ничего не изменив, передаю вам в виде вопросов и ответов. Поскольку член руководства является одним из лидеров революционной группы, обозначим его Ли — первыми буквами слова «лидер». Ли не снял свои темные очки и в закуской, может быть, для того, чтобы скрыть до смешного беспокойно бегающие глаза? Вытягивая верхнюю губу, он говорил быстро и невнятно. Ему было около тридцати; говорят, он жил на средства жены-фармацевта. На нем был хороший галстук и даже золотые запонки. Неужели одежда тоже одно из звеньев тактики саморекламы лидера революционной группы, необходимое для привлечения широких масс?

В закуской, расположенной так, что вход в нее просматривался с похожей на голубятню наблюдательной вышки, не было ни одного посетителя, даже официантки куда-то исчезли. Ли и будущая киносценаристка взяли себе кофе, а молодые парни, расположившиеся по обеим сторонам двери, — молоко; они принялись не спеша за-

пивать им сладкие булочки, которые достали из карманов топорщившихся курток. Я тоже решил взять молоко. Я ведь в таком возрасте, когда легко поддаются влиянию столь внушительно выглядящих людей, ха-ха.

О. Поступили сведения, что революционная группа получила денежную помощь от Могушественного господина А. Об этом сообщалось даже в телевизионных новостях. Утверждают, что аналогичную денежную помощь от Могушественного господина А. получала и контрреволюционная бандитская организация. Я не вхожу непосредственно в революционную группу, но действую в ее системе. Участники движения, которое я возглавляю, — ученики колледжей, абитуриенты, студенты, простые горожане — все потрясены. Если бы революционная группа действительно не получала денежной помощи, она бы сразу же опровергла клевету, вы согласны? Я прошу сообщить мне официальную точку зрения руководства, которую я могла бы передать членам моей группы. Я уже несколько раз звонила по этому поводу руководству, но со мной не пожелали разговаривать. Я считаю подобные методы фашистскими.

Ли. Называть нас фашистами — это уж чересчур. Что касается вас лично, то анализ нынешнего положения в вашем гражданском движении показывает, что вы всецело находитесь под влиянием именно нашей группы. Но содержание ваших личных выступлений по телевидению, как нам кажется, значительно расходится с нашим основным курсом. Хотя я сам телевизор вообще не смотрю. Не стоит ли вам при нашем содействии выступить разок с самокритикой?

Итак, сообщения средств массовой информации по своей сути безответственны и бессмысленны — вот почему выступать с протестом мы не считаем нужным. Мы действительно иногда используем средства массовой информации, но лишь в тактических целях.

Поскольку же мы не собираемся высказывать официальную точку зрения, касающуюся отношений с Могушественным господином А., то и разговор об этом может носить лишь гипотетический характер. Да, действительно, Могушественный господин А. всегда с готовностью поддерживает нашу деятельность. Что плохого в том, что мы используем эти деньги для революционной политической борьбы, основанной на научном анализе современного положения? Разумеется, Могушественный гос-

подин А.— подонок из правой международной террористической организации. Вообще-то говоря, он мелкая сошка (смех). Но деньги есть деньги. Каков бы ни был их источник, если они идут на поддержку политической деятельности революционной группы, которая основывается на революционных принципах и опирается на правильный анализ современной обстановки, значит, средства использованы правильно, и это как бы очищает их. Нападать на нас только потому, что наша прогнившая политическая система, основанная на власти капитала, осуждает предоставление нам средств **Могущественным господином А.**,— значит ставить все с ног на голову и с фактической, и с логической точки зрения.

Даже если **Могущественный господин А.** одновременно снабжает средствами контрреволюционную бандитскую группировку, нас это совершенно не интересует. Было бы too much¹ требовать от **Могущественного господина А.**, чтобы он не субсидировал ни одну партию или группу, помимо нашей. Действительно, разве **Могущественный господин А.** не главная фигура в этой прогнившей, основанной на власти капитала системе? Как я уже отмечал, он подонок из правой международной террористической организации. А можно ли ждать от такого человека революционной логики?

О. Я хотела бы знать, что думает руководство революционной группы о революционной логике.

Ли. Применять эту логику произвольно, по собственному желанию, нельзя. Но подобные разговоры, носящие гипотетический характер, представляют собой бесконечное повторение одного и того же, они иррациональны, поэтому оставим их и подведем итог: будь то **Могущественный господин А.**, будь то любой другой — если мы получаем от них средства, то используем их, основываясь на революционных принципах в полном соответствии с научным анализом современной обстановки.

О. После того как в печать просочились слухи о том, что контрреволюционная бандитская группировка получает денежную помощь от **Могущественного господина А.**, ее члены или просто сторонники совершили на него покушение. Что вы об этом думаете? Если бы действительно возникла необходимость расправиться с **Могущественным господином А.**, то революционная группа непременно

¹ Too much — слишком (англ.).

должна была опередить их — вот почему средства массовой информации и стали утверждать, что именно вы запятнали себя получением материальной помощи от Могушественного господина А.

Ли. По-моему, я вам уже доказал, что нам не было никакого резона совершать покушение на Могушественного господина А. Какой смысл вопреки логике без конца задавать одни и те же вопросы? Подонки из контрреволюционной террористической организации нашей страны совершили покушение на подонка из правой международной террористической организации, причем убить его не удалось и покушавшемуся пришлось бежать, бросив оружие. Оставим этот печальный фарс на совести террористов. Стоит лишь подумать о мотивах покушения. Контрреволюционная бандитская группировка перестала получать денежную помощь от Могушественного господина А., разочаровавшегося в ней, и от отчаяния решила на покушение. Наша революционная разведка подтвердила это. В печатном органе нашей группы мы поместили подробный комментарий.

Во время беседы будущую киносценаристку переполняли стыд за этого деятеля из руководства и злость на себя, оттого что она не могла побороть этот раздражавший ее стыд, поэтому злость ее все росла. Ее тридцатилетний собеседник наслаждался собственным красноречием, что вполне характеризовало его умственные способности, не замечая при этом, как изменилось отношение к нему Оно. А усердие, с которым я вел запись, только распаляло его красноречие. Смех! Но было видно, что его несколько стесняет присутствие двух молодых ребят, которые, аккуратно доев свои сладкие булочки, внимательно прислушивались, опустив головы, к рассуждениям одного из своих лидеров.

О. Поскольку я участвую в движении за возвращение ядерной энергии в руки народа, то отнюдь не выступаю против того, чтобы революционная группа создала атомную бомбу. Но то, что деньги на производство бомбы поступают от Могушественного господина А., а в обмен на это его информируют о ходе производства бомбы, беспокоит меня. Не получится ли, что в последний момент революционная группа, обладающая атомной бомбой, будет использована Могушественным господином А. в своих целях?

Ли. Я не уполномочен высказываться о нашей стратегии и тактике в вопросе о ядерном оружии. Могу лишь сказать, что на любом этапе нашей деятельности нас не сможет использовать подонки из правой международной террористической организации. Кто из нас — мы или он — исходит из революционных принципов и действует в соответствии с научным анализом современной обстановки? Разве это сразу не ясно?

О. Я хочу задать еще один вопрос. Что произойдет, если контрреволюционная бандитская группировка завершит создание атомной бомбы раньше, чем революционная группа?

Ли. Мы не фашисты и никогда никому не угрожаем, но должен вам заметить, что ваши сомнения оскорбительны. Я хочу рассказать вам правдивую историю, хотя она и может показаться выдумкой. Контрреволюционная бандитская группировка обычно не вырабатывает стратегии и тактики. Поэтому довести начатое дело до конца она не в состоянии. Лет десять назад эта группировка сколотила и вооружила ружьями так называемый Корпус лососей — довольно странное, я бы даже сказал — смешное формирование. В то время она уже получала материальную помощь от Могущественного господина А. Корпус лососей бродил по горам в районе Тохоку, именуя это Великим походом. Не дурацкая ли затея? Члены его начали погибать от случайных взрывов, дезертировать; тогда стали казнить тех, кто пытался бежать, а оставшиеся со временем постарели и уже непригодны как бойцы. Из-за большой влажности ружья тоже вышли из строя, и Корпус лососей распался, так ни разу и не завязав бой с властями. Такой бессмысленный окольный путь, избранный контрреволюционной группировкой, — не для нас. Мы, исходя из принципов, основывающихся на научном анализе обстановки, ни в коем случае не допустим промаха ни в стратегии, ни в тактике. Почему же мы уступим первенство?

Соблюдая договоренность будущей киносценаристики с противной стороной, я ни разу не вмешался в беседу, но, когда был упомянут Корпус лососей, так разозлился, что у меня даже в глазах потемнело (не различая букв, я все равно продолжал делать заметки, ха-ха).

— Корпус лососей долгое время не могли захватить ни полиция, ни силы самообороны, — сказал я. — Поэтому

я не верю, что он распался. Члены его, конечно, постарели, но они регулярно тренируются, преисполненные надежды, что когда-нибудь они перейдут к активным действиям. Да и постарели они самое большое на десять лет.

— Наше соглашение нарушено, и я прекращаю беседу. А ты, сопляк, чего разорался? — угрожающе повернулся ко мне лидер, но его вытаращенные глаза за темными стеклами очков не испугали меня.

Двое молодых ребят в рабочей одежде тут же встали справа и слева от своего лидера и, запустив руку за борт пиджака, в упор уставились на меня горящими злобой, но в то же время совершенно ледяными глазами. Сердце у меня сжалось, и я уже собрался было последовать за Ооно, которая, широко шагая, удалялась из закуской.

Но тут лидер в темных очках откинулся назад и, заложив ногу на ногу, сказал:

— Заплати-ка за всех! Гонорар за интервью — три тысячи иен!

Я не понял, серьезно ли он говорит или издевается, но положил на стол сдачу, полученную в корейском ресторане. После этого вышел на улицу, где уже сгустились сумерки. Открывшийся моим глазам пейзаж показался мне странным. Я заметил, что на улице, вдоль которой выстроились жилые дома, мастерские и та самая база, на улице, где не видно ни одной собаки, хотя вся она была загажена, сверкало множество глаз. Даже мостовая приняла совсем иной вид, казалось, мышцы вот-вот вздыбят кожу огромного осьминога и по ней пробежит цветная волна. Это могло произойти в любую минуту. Меня охватило чувство, будто мое внутреннее *превращение* стремительно прогрессирует: страх, что прямо сейчас, на этой улице я превращусь в ребенка, был осязаемым — ведь, случись такое, это было бы моим концом. По мягкой, вздыбившейся мостовой, чуть наклонившись вперед, шла Ооно. И не широким шагом, с обычным для нее гордым видом, а понуро, точно девушка с разбитым сердцем. Я наблюдал за этой женщиной, физически и духовно вернувшейся к тем временам, когда ее, ученицу колледжа, подвергли унижительной пытке.

Добровольный арбитр доложил, что они со Справедливцем обнаружили следовавшую за нами нашу полицию, но будущая киносценаристка пропустила его слова мимо ушей. Она настолько была похожа на девушку с разбитым сердцем, что даже Справедливец, крайне интересовавшийся позицией руководства в отношении ядерных дел, сморщив свои толстые губы, лишь молча смотрел на профиль Ооно, ни о чем не расспрашивая ее. Наблюдая за выражением их лиц, я задавал себе вопрос, через какие же испытания должен был пройти этот начинающий стареть математик, чтобы проникнуться таким состраданием.

Однако Ооно потребовалась совсем недолгая передышка, и вскоре она пришла в себя. Первым делом она вывела машину на скоростную автостраду, чтобы перейти к следующему этапу намеченного ею плана, и только после этого заговорила о состоявшейся беседе. Через какое множество испытаний пришлось пройти и этой женщине, чтобы проникнуться духом беззаветного гражданского служения?

— ...Неужели этот тип принадлежит к высшему руководству революционной группы? А может, и нет? Я был лучшего мнения о студентах и лидерах, вышедших из студенческой среды. Мне приходилось встречаться с молодыми руководителями, людьми действительно достойными.

— Разумеется, он не принадлежит к высшему руководству. Хотя и входит в секретариат. Я его видела лишь однажды, когда он принимал участие в съезде профсоюза киноработников и выступал там от имени деятелей культуры. Насколько мне известно, настоящие руководители совсем не такие, как он. Они деятели с размахом, надежные, с острым умом. Они естественно влились в революционное движение и так же естественно ведут его — вот что их отличает, вот чем они замечательны. И эти молодые люди, сражаясь с контрреволюционными бандитскими группировками и властями, погибают, превращаются в калек.

Ооно замолчала, будто испытывая невыразимую горечь и печаль. У нее был такой вид, точно она, вспоминая недавнюю, столь безуспешную беседу, обдумывает новый план действий. «Фольксваген», казалось непосредственно

связанный зубчатой передачей с движением ее мысли, то стремительно рвался вперед, то резко тормозил — внутри у нас все холодело. Следовавшей за нами машине тоже приходилось нелегко. Но все-таки ей удавалось не отставать от нас, что говорило о высоком водительском мастерстве нашей полиции, ха-ха.

Мы молчали, машина мчалась вперед, и вдруг **Добровольный арбитр** приснул:

— Пс-с...— При этом даже шея у него побагровела.

Мы со **Справедливцем** удивленно уставились на него. Оно с невозмутимым видом смотрела прямо перед собой. Вращая глазами, спрятанными за толстыми стеклами, на которых проступали расходящиеся, как в водовороте, круги, **Добровольный арбитр** пытался унять приступ смеха, и это, видимо, доставляло ему невыносимые страдания — опустив голову, он тыльной стороной ладони утирал слезы, бежавшие по обеим сторонам его крупного носа, и слюну.

— Устал, наверно!— заступился за него **Справедливец**, обращаясь к Оно, сидевшей с ледяным выражением лица.

Когда мы, приближаясь к месту назначения, съехали со скоростной автостреды, Оно, что-то молча обдумывавшая, предложила изменить тактику.

— Я вынуждена была слушать софистику этого бюрократишки, лишенную элементарной логики... Но все-таки я хочу еще кое-что разузнать — может быть, стоит поехать на одно из собраний руководства враждебной группы? Собрания, на которых будет сообщено о покушении на **Могущественного господина А.**, должны состояться и в университетах, где влияние этой группы велико, — даже афиши уже расклеены. Поехали туда. Если мы им скажем, покушение на **Могущественного господина А.**, от разговора с нами им не отвертеться.

— Я согласен, у нас появится шанс взять реванш за то безобразие на митинге, — с воодушевлением сказал **Добровольный арбитр**. Но поскольку и он тоже был практиком, то, разумеется, призвал удвоить внимание. — Я хочу напомнить, что надеяться на следующую за нами нашу полицию, когда мы проникнем на территорию университета, не приходится... Не исключено, что участники недавнего побоища, увидев Оно-сан и **Справедливца**, обойдутся с нами как со шпионами.

— Они вполне могут нас избить — в отместку за то, что тогда получили. — Говоря это, Справедливец взглянул на меня и Ооно — может быть, он опасался, что его необычный способ ведения боевых действий не остался незамеченным, ха-ха.

— Я войду первым на территорию университета и установлю контакт с комитетом по проведению собрания. На митингах и собраниях, проводимых любой из групп, я всегда появляюсь в качестве Добровольного арбитра, поэтому меня они не выгонят. В худшем случае обойдутся со мной как в прошлый раз. А если ко мне выйдут те, кто знает, что Мори действительно находится в фехтовальном зале «Реабилитация», вы сможете беспрепятственно въехать на территорию университета и все будет в порядке.

— В таком случае, поехали в университет Отя-но-мидзу.

— Нужно как можно быстрее въехать на территорию университета, чтобы преследователи не успели нас задержать. Если мы проникнем туда на машине, наша полиция последовать за нами не сможет. Но, если она догадается, что мы хотим оторваться от нее, она, возможно, перейдет к насильственным действиям.

На перекрестке Суругадай наша машина замигала сигналом поворота, собираясь направиться к станции Отя-но-мидзу, и в ту же секунду нас вдруг стала обгонять, откровенно игнорируя правила уличного движения, грязная малолитражка! Это на ней утром приезжали ко мне домой двое полицейских, демонстрировавших две тактики — мягкость и твердость, — машину ловко вел Умиротворитель. На заднем сиденье устроилась моя жена, бывшая жена, которая смотрела на меня во все глаза!

Что я увидел? Лишь то, что моя жена, бывшая жена, с таким видом, будто сомневается, действительно ли это ее муж, что-то упорно втолковывает своим спутникам. Когда Ооно резко свернула в сторону, чтобы избежать столкновения с обгонявшей нас машиной, и нажала на тормоз, нас стукнуло сразу несколько машин.

— Не нужно поворачивать, едем прямо, может, удастся ускользнуть?! — закричал я, но на забитом машинами перекрестке под трель полицейского свистка изменить направление было уже невозможно.

— Тут повсюду моторизованная полиция, вон стоят три полицейские машины. Разве у них под носом нарушишь правила? — крикнула в ответ Ооно. Неужели она

думает, что моторизованная полиция обратит внимание на нарушение правил уличного движения, если нашу машину занесло?

— Собрания, на которых предполагается сообщить о покушении на **Могущественного господина А.**, видимо, будут проводиться очень широко, — сказал **Добровольный арбитр**, а я тут же сообщил:

— В той машине ехала моя жена вместе с преследующими нас полицейскими.

Через некоторое время Оно, слушавшая меня с рассеянным видом, вдруг усмотрела в моих словах особый смысл. По ее мнению, после тех угроз жены, бывшей жены, которые последовали несколько дней назад, события приняли неблагоприятный оборот.

— Что же она теперь собирается делать?

— Жена вне себя от нашего *превращения* и будет как безумная убеждать всех, что я есть я; тогда меня заберет полиция. А в присутствии жены говорить то, что я сказал полицейским у себя дома — будто я студент, ее родственник, — бессмысленно. Сейчас я действительно выгляжу восемнадцатилетним юнцом, но жена, мне кажется, все равно будет истошно вопить, мол, это я, и никто другой. Она решит, что я просто загримировался, и попытается содрать грим с моего лица!..

Не успел я договорить, как мы увидели слева от себя цепь полицейских, полукругом растянувшихся на некотором отдалении от университетских ворот. Прижавшись к самому тротуару, наша машина медленно двигалась вперед; полицейские были уже совсем близко.

— Даже если мы прорвем цепь у моста, нас все равно задержат. — Будущая киносценаристка отказалась от мысли проникнуть в университет на машине.

Тогда **Справедливец**, который сидел затаив дыхание, вдруг предложил:

— Остановим машину у самых ворот, и я выступлю с протестом перед студентами, распространяющими листовки! Они сорвали митинг против строительства атомных электростанций и мой протест сочтут противозаконным! Начнется свалка, и тут подоспеет моторизованная полиция. А вы воспользуетесь этим и проникните в университет...

— Мы сделаем это вместе! Одному **Справедливцу** устроить потасовку не под силу.

— Нет-нет, я пойду один. У меня есть основания

заявить протест в связи со срывом митинга. Что же получится, если такой человек, как вы, выступающий в качестве арбитра, ратующего за ненасильственные действия, без всяких оснований применит насилие? Как можете вы, **Добровольный арбитр**, всерьез предлагать такое?!

Я безмолвно наблюдал за **Справедливцем** — он вынул изо рта вставную челюсть и спрятал в карман куртки; машина остановилась, и, пока **Добровольный арбитр** выходил из нее и опускал спинку сиденья, **Справедливец**, шамкая морщинистым ртом, смотрел на меня каким-то далеким взглядом, идущим, казалось, из глубины черепной коробки. Потом повернулся к Ооно и улыбнулся ей — не то наивно, не то смущенно. Затем **Справедливец** присел, нагнул голову и выскочил из машины. Я, не двигаясь, смотрел ему вслед, и **Добровольный арбитр** поторопился меня:

— Хотите, чтобы супруга схватила вас?

Я понял, что мешкать нельзя, и, весь напрягшись, тоже выскочил из машины. За воротами шириной метров в десять, в глубине двора, наискосок направо находилось здание. Двери были широко распахнуты. Там расположились юнцы в касках, нижняя часть лица у них была замотана полотенцем. Они разом обернулись в нашу сторону — видимо, **Справедливец** уже что-то крикнул и, продолжая кричать, остановился напротив них, а потом стал прыгать, размахивая руками. Первым побежал **Добровольный арбитр**. Я — за ним. Подбежав к воротам, мы ухватились за столб и, развернувшись, понеслись к левой арке. Следившие за нами двое полицейских и жена, бывшая жена, привлеченные криками **Справедливца**, направились в его сторону и подошли вплотную к нему. А мы влетели на территорию университета. При этом у нас было такое чувство, будто, убегая и бросив на произвол судьбы **Справедливца**, мы совершаем непростительное предательство. Ведь он подпрыгивал потому, что разгадавшие его замысел студенты, которые охраняли вход в университет, тут же подлетели к нему и стали тыкать ему в бока железными трубами! Но я бежал изо всех сил, не отставая от **Добровольного арбитра**. Меня гнало вперед выражение глаз жены, бывшей жены, которые будто говорили, что во мне она видит нечто удивительное, отвратительное и вместе с тем комичное; жены, которая вместе с «твердым» и «мягким» полицейскими пыталась преградить мне путь. Весь ее облик был каким-то дикова-

тым: на ней была черная кофта и яркая юбка; она недвусмысленно давала понять, что решила начать новую жизнь, ха-ха.

Я вбежал во внутренний двор и намеревался миновать безучастно, казалось, наблюдавших за мной студентов, но тут меня схватили, я упал и завопил от боли. Мой вопль был воплем от удара, в котором материализовался взгляд моей жены, б ы в ш е й жены, ха-ха. Добровольный арбитр тоже получил жестокий удар и рухнул рядом со мной на выложенную камнем дорожку — его лицо, которое он, лежа, повернул ко мне, выражало лишь удивление — почему я кричу? Но я мог наблюдать за ним лишь мгновение — верзила, поваливший меня, начал бить меня ногами по голове, животу, даже в пах попытался пнуть. К нему присоединились его приятели, студенты в шлемах, с замотанными полотенцами лицами; они стали методично истязать меня, а я вопил изо всех сил, призывая на помощь жену, б ы в ш у ю жену, — единственного человека, кто мог спасти меня, ха-ха.

3

Попав в плен, мы с Добровольным арбитром были препровождены в комнату, которую, законно или незаконно, занимал факультетский комитет самоуправления. Мои глаза, кажется, не пострадали, и, хотя в них все еще мелькали темные и светлые пятна, мне открылась удивительная картина: не только все четыре стены, но даже пол и потолок комнаты были исписаны иероглифами. Прежде чем продолжать свой рассказ, я хочу по порядку изложить, что я испытал, когда меня брали в плен.

1. Я лежал, скрючившись на вымощенной каменной дорожке во внутреннем дворе, и меня пинали ногами, причем спортивные ботинки с твердыми носками целились мне в висок, под ложечку, в пах — то есть именно в такие места, куда старались не попасть в драках даже самые отъявленные хулиганы в пору моей первой молодости. Я вынужден был отчаянно защищаться, но все равно отчетливо помню, как жестоко они меня избивали. Когда я вновь вспоминаю об этом, мне кажется, что это было повторение кадров документального фильма о войне во Вьетнаме. Есть ученые, которые бесстрастно оценивали физическое насилие как средство передачи информации, но, даже если серьезно утверждать такую чепуху, все равно, естест-

венно ли — пусть даже и в наш век массовой информации — появление таких модных видов насилия? Это были кадры о том, как солдаты войск южновьетнамского правительства пинали тяжелыми военными башмаками схваченных солдат Фронта освобождения и сидевшие на полу пленные, со связанными за спиной руками, скрестив ноги, пытались коленями защитить живот и бока, но их колени старательно отводили в сторону и били ногами именно эти места. Крупным планом показывались лица истязуемых, понимающих, что негодовать и ругаться бессмысленно, не имеющих сил молить о пощаде; единственное, что было написано на этих лицах, — отвращение к страданиям, которым их подвергают. Я думаю, что у меня было такое же выражение лица, когда, валяясь на вымощенной камнем дорожке, я пытался защититься от ударов. Если тот, кто совершает насилие, оказался жертвой моды нашего века — моды на жестокость, то, наверно, и тот, кто подвергается этому насилию, тоже жертва моды? Я подумал об этом, потому что, когда лежал лицом в пыли на вымощенной камнем дорожке, в мое поле зрения попал **Добровольный арбитр**, которого окружили несколько человек и пинали ногами, — у него было точно такое же выражение, хотя ему бы уже следовало более или менее привыкнуть к подобным передрягам.

2. Пока нас с **Добровольным арбитром** вели, после того как, повалив на вымощенную камнем дорожку, основательно избили, я постепенно успокоился, словно происходящее было всего лишь дурным сном — такое ощущение возникло у меня при виде студентов, безучастно наблюдавших за нами. Они сновали у входа в здание, окружавшее внутренний двор, останавливались порой, чтобы переброситься несколькими словами, и не проявляли ни малейшего интереса к тому, что делали со мной и **Добровольным арбитром**. Все это зафиксировалось в моей зрительной памяти. Может быть, потому, что, когда я валялся на вымощенной камнем дорожке, активно владеть я мог только зрением и мое сознание следовало за ним. Все это вспоминается сейчас, как кадр из фильма Кокто. Или, возможно, из другого фильма, сценарий к которому написал Сартр? Во всяком случае, фильма того времени. Точно умершего мчат на адском мотоцикле. И во всем этом не было даже намека на нравственность. Если уж говорить о нравственности, то эта раскрашенная во все цвета радуги нравственность студентов, безучастно на-

блюдавших за происходящим, должна восприниматься как нечто прекрасное. Потому что в сравнении с этим многоцветным миром мой мир и мир нападавших на меня монохромны. Мне стало страшно: ведь с точки зрения тех, кто обитает в этом многоцветном мире, мы — *люди-невидимки*, и, уверенные в том, что нас увидеть все равно невозможно, они сохраняли спокойствие, даже когда буквально на их глазах зверствовали негодяи, пинавшие беззащитных людей ногами в пах.

Итак, нас с Добровольным арбитром привели в комнату, сплошь исписанную иероглифами. Хорошо еще, что мне, восемнадцатилетнему, не отбили внутренности, ха-ха. В комнате, где шпингалеты на окнах были закручены проволокой, стекла прикрыты досками и щели заделаны клейкой упаковочной лентой, в глубине, напротив двери, стояло два деревянных стула, на которые нас и усадили. Когда им удалось устроить такую почти что тюремную камеру? Если эта комната предназначена для повседневных допросов, то есть от чего прийти в уныние. Сопя распухшими носами, мы уселись рядом, а студенты, пришедшие поглазеть на пленных, расположились у нас за спиной. Неожиданно штук двадцать-тридцать железных труб, прислоненных к стене, упало на пол. Я услышал, как мы с Добровольным арбитром одновременно вскрикнули: «Ой!» Я услышал это собственными ушами, из которых сочилась кровь. В Италии эпохи Возрождения существовала *пытка, когда жертву мучили тем, что демонстрировали ей орудия экзекуции*. Неужели металлические трубы служили той же цели? Я пытался сдержать возглас «ой!», но у меня не хватило на это душевных сил.

Фактически после того, как нас взяли в плен, с нами обращались не так грубо. Во всяком случае, к нам не применили излюбленной пытки, когда железными трубами наносят множество коротких ударов, отбивая внутренности, но не повреждая при этом кожу. Дело в том, что мы превратились из обычных пленных в весьма необычные личности. Это произошло благодаря словам Добровольного арбитра, который, сохраняя железное самообладание, произнес их в тот момент, когда его, повалив на землю, начали избивать ногами. Все-таки он молодец — его бьют ногами в живот, в пах, а может быть, и в висок, а он улучил момент и сообщил, что я родственник того, кто совершил покушение на Могуущественного господина А., а самого героя прячет он, Добровольный

арбитр. Вот почему, хотя студенты, ждавшие, что произойдет дальше, и рассматривали нас с Добровольным арбитром как пленных, мы в то же время были для них и потенциальными гостями на торжественном собрании, посвященном полугибели Могушественного господина А.

Молча наблюдавшие за нами студенты были похожи не на активистов революционной группы, а на обыкновенных детей, пассивно ожидающих развития событий. Когда перед тобой тридцать детишек, разве отличишь одного от другого? Если эти детишки не наши дети, ха-ха. Вот так было и теперь. Тем более что все они в одинаковых касках, а лица замотаны полотенцами, так что видны лишь глаза и нос,— как я мог узнать тех, кто бил меня ногами? Хотя все то время, пока меня швыряли и избивали, пока я увертывался от ударов, я все время думал о мести. Я испытывал жгучую ненависть — пусть то, что делал каждый из них, он делал как член организации, но насилие-то реализовывалось именно индивидом, и к этому индивиду я должен был вернуть насилие, но не представлял себе, когда и как мне удастся это сделать. К тупой боли, которая пронизывала все мое тело, теперь примешивалась и ненависть.

Сообщив то, что он хотел сообщить, Добровольный арбитр умолк, всем своим видом показывая, то от него не добьются ни слова до тех пор, пока сказанное им не будет передано руководству и оно даст ответ. Словом, как ни били его ногами, то, что он должен был сказать, он сказал, и все. Я взглянул на Добровольного арбитра новыми глазами. Губы у меня были разбиты и опухли, и мне тоже не хотелось говорить. Молчали и наблюдавшие за нами студенты, но все они, начиная с тех, которые считали нас шпионами и стояли за продолжение самосуда, и кончая теми, которые хотели приветствовать нас как людей, имеющих отношение к храбrecу,— все ждали грандиозного шоу. Они молчали, по-детски разглядывая нас, но внутренне были удовлетворены.

Разумеется, я не могу сказать, что они вовсе не направляли нам своих посланий. Направляли непроизвольно, своей волею, ха-ха. Страшной волею, которая плыла поздним вечером в холодном предвесеннем воздухе огромного здания. Беспрерывно и горячо к чему-то стремясь, они постоянно спешат и даже не имеют времени помыслить свое дурно пахнущее тело, восхищаясь им.

Член руководства, который вошел в комнату, растолкав своих товарищей, явно спасовал перед повисшей в воздухе вонью, что он и продемонстрировал с завидной прямоотой. Это был толстоватый, среднего роста человек в скромном пиджаке, конечно, без шлема и без повязки на лице — точная копия того партийного бюрократишки. Расположившись передо мной и Добровольным арбитром, он снял очки и стал протирать их, с задумчивым видом насупив брови. Потом медленно повернулся к Добровольному арбитру и сказал ему низким хриплым голосом:

— Я вас знаю. А вот молодой человек, кто он вам — ученик?.. Может, прямо у него и спросить?.. Что ты за человек? Ты кто? Кем ты приходишься нашему боюцу?

Юнцы, до сих пор молча стоявшие у нас за спиной (даже когда они пинали нас ногами, ни один из них не издал ни звука), завопили: Ну? — в их голосах был затаен замысловатый юмор. Воспользовавшись их дурацким, неуместным смехом, я определил линию поведения. Я решил убедить их, что являюсь отцом Мори, превратившийся Мори — мой единомышленник, а я, как человек, тоже переживший превращение, сотрудничаю с ним в начатом им деле. Я опасался, что если не смогу доказать даже этому бюрократишке, что наше превращение — факт, и попытаюсь спасти свою репутацию, назвавшись двоюродным братом Мори, то мы не сможем выполнить миссию, возложенную на нас, двоих превратившихся. Мне было невыгодно, чтобы превратившегося Мори они называли нашим боец.

— Я считаю несправедливым, что вы называете его нашим боец. Неужели вы не знаете даже имени того, кто совершил нападение на Могуущественного господина А.? Его зовут Мори. Теперь я могу назвать и себя — отец Мори. Я полностью полагаюсь на него, и я действительно отец Мори.

— То, что он назвал себя отцом, понимаете в переносном смысле, — вмешался сидевший рядом со мной Добровольный арбитр; он говорил, неловко шлепая вспухшими губами. Ну что за человек — действительно прибранный посредник.

— Никакого переносного смысла в моих словах не содержится, — нелюбезно обрезал я его. — На нынешнем этапе нашей с Мори жизни мы не можем позволить себе употреблять слова, имеющие переносный смысл. Мы находимся

на этапе после *превращения!* Это новое слово *превращение* понимайте как слово, пророчащее будущее человечества, оно вскоре покроет весь земной шар! Если вы люди, способные думать о революции, то обратите внимание на это слово... Известно ли вам, что человеку, совершившему покушение на **Могущественного** господина А., двадцать восемь лет?

— Что за чушь он несет, — растерялся допрашивавший меня бюрократишка и, позволив юнцам, стоявшим за моей спиной, снова прокричать издевательское **Ну!**, продолжал: — Сразу же после удачного покушения на **Могущественного** господина А. мы получили донесение об успехе операции.

— В таком случае вам, наверно, должно быть также известно, что ему двадцать восемь лет? Это Мори. А я, восемнадцатилетний, отец Мори! Конструктивная беседа между нами возможна только после того, как вы осознаете факт *превращения!*

— Конструктивная беседа — это ладно. Я спрашиваю о другом — кто ты?! Кто ты? Я могу спросить и иным способом, но, по-моему, тебя уже достаточно били ногами, а? Поступай ризонабли¹. Кто ты?

Этот чертов бюрократишка не столько спрашивал меня, сколько подстрекал солдат у меня за спиной. Послушных солдат, насмешливо кричавших **Ну!** каждый раз, когда он замолкал.

— Я вам уже сказал — отец Мори. А тот, кто вместе со студенткой — кажется, она из вашей группы — совершил покушение на **Могущественного** господина А., — мой сын Мори. Мне кажется, я с самого начала пытался поступать ризонабли.

— Я туповат и поэтому хочу уточнить основные цифры. Вам восемнадцать лет, а вашему сыну двадцать восемь? Следовательно, вы родились, когда ему было десять лет, каким же образом вам удалось родиться? Из грывжи, которую вырезали сыну?

В этой мысли я неожиданно уловил нечто позволяющее мне счастливо использовать его непонимание. Поняв, что допрашивающий меня толстоватый, среднего роста бюрократишка не так зауряден и туп, каким пытался казаться, я ждал, пока утихомятся его солдаты, неистово вопившие **Ну!**

¹ Reasonably — благоразумно (англ.).

— Раньше мне было тридцать восемь лет, и я был отцом восьмилетнего Мори. Если вы хотите уточнить основные цифры, исходите из этого. Потом произошло мое и Мори *превращение*, я помолодел на двадцать лет, а Мори на двадцать лет повзрослел. Простая арифметика.

— Революционеры выступают против любой дискриминации, потому и только что употребленное вами слово я не стану использовать против вас. Вы сказали «эпилепсия»? ¹ Это из-за нее у вас с головой не все в порядке? Мы, революционеры, не дискриминируем даже душевнобольных...

— Ты спутал эти слова вполне сознательно, так что твои действия и есть дискриминация. У меня тоже достаточно опыта по этой части. То, что я объясняю, — предельно просто. Если есть желание меня понять! Мори пошел выполнять задуманное дело вместе со студенткой из вашей группы. Но дело это совершалось лишь во имя осуществления миссии, возложенной на него *превращением*, а вовсе не для того, чтобы показать разницу между вашей группой и враждебной вам группировкой. Мори не ваш боец!.. Вы, кажется, уже пытались разобраться, что представляет собой **Могуущественный господин А.**? Вы даже устраиваете собрание в честь человека, совершившего на него покушение, но даже это ничего не изменило — ваши представления о **Могуущественном господине А.** остались весьма туманными, верно? Кем является для вас **Могуущественный господин А.**? Почему на него нужно было совершать покушение? Если такая необходимость существовала, почему вы *не сделали* этого до Мори?

Говоря это, я смотрел в глаза допрашивающего меня бюрократишки — не зря говорят, если хочешь силой духа удержать собаку от нападения, не отводи от нее глаза, ха-ха. Вокруг его толстого носика появились красные пятна, темные очки как бы зеркально отражали мой взгляд, на лице разлилось холодное безразличие. Безразличие к тем мукам, которые я вскоре должен был испытать. А тут стоявшие у него за спиной юнцы, обессилившие уже от смеха, теперь прониклись ко мне еще большей враждебностью, беззастенчиво источая ужасную вонь. В любую минуту они могли подскочить к своим металлическим тру-

¹ По-японски «превращение» и «эпилепсия» звучат одинаково, но пишутся разными иероглифами.

бам и устроить мне сотню внутренних кровоизлияний. И тут Добровольный арбитр ловко взялся за свое ремесло.

— Не провоцируйте отца Мори, перестаньте подстрекать молодых ребят. Отец Мори действительно родственник покушавшегося на **Могущественного** господина А. Если он вбил себе что-то в голову — пускай себе. Раз он с такой начинкой в голове полезен для движения... Отец Мори полезен. Предположим, вам удастся, обманув бдительность властей, доставить в университет Мори; тогда заявление, которое он сделает на собрании, будет переводить отца Мори. Он единственный человек, который может это сделать!

— Боец Мори уже прибыл в университет, — как о чем-то ничего не значащем сказал допрашивающий меня бюрократишка. — Из-за раны на голове говорить ему действительно трудно, и во время выступления он нуждается в помощнике... Боец Мори, преодолев все трудности, выполнил свой долг, но он и в самом деле неразговорчив.

— **Согласны!** — завопил безумный хор, и доски, которыми были забиты окна, задребезжали! Юнцы, оравшие все это время грубыми, хриплыми голосами и утомившиеся, стояли теперь с растерянными лицами, они показались мне отвратительными подонками! Потом... безрассудство восемнадцатилетнего... Не сдерживая яростного возмущения бюрократишкой, который пытался, используя Мори, привлечь на свою сторону молодежь, я очертя голову бросился на него с кулаками! И при этом кричал, пронзительным голосом:

— **Верните моего Мори! Не смейте называть Мори на ш б о е ц ! Верните Мори!**

Но успел ли я все это прокричать? Голова, в которую целились мои кулаки, неожиданно нырнула вниз, вместо нее возникли две совершенно одинаковые заводные куклы, которые отбросили меня назад! Я стукнулся затылком о доски, которыми были забиты окна, и упал на пол, подтвердив этим эффективность удара. Сознание я не потерял, но боль ощутил сполна и сделал вид, что лишился чувств. Источником энергии, питавшим насилие этих солдат, было нечто огромное, не поддающееся измерению, как в том фильме о боях в дельте Меконга, оно выплескивалось наружу в отвратительном выражении их искаженных ненавистью лиц, и это нечто полностью исключало всякое сопротивление.

Некоторое время я притворялся, что нахожусь без памяти... Для других это выглядело так, если бы я действительно лишился чувств, ха-ха. Меня постарались привести в себя, но такими методами, перед которыми бледнеют слова «жестокый» или «принудительный», и заставили снова, уже по-настоящему, лишиться чувств. В конце концов мне удалось избежать смерти от побоев только благодаря изворотливости **Добровольного арбитра**. Он оценил обстановку и начал действовать. Прежде всего он добился того, что меня оставили лежать на полу. Далее, как человек, прятавший бойца Мори, он настоял на своем праве увидеться с героем. Наконец все покинули камеру, оставив одного охранника.

Я лежал на полу, налипшая на ней давнишняя и свежая грязь пропиталась кровью, которая струилась из носа и ушей. Я лежал на мятых, перепачканных листовках, пахнувших типографской краской. Усугубляя жестокую физическую боль, меня мучило и нечто иное — страшное предчувствие. В ушах звучала строка из Библии, правда несколько измененная: «Прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от себя, *превратившегося*». Причем «ты» относилось не ко мне, а к Мори. Мной овладел ужас — а вдруг Мори забыл о миссии, ради которой произошло наше *превращение*, переметнувшись в лагерь тех, кто называет его *наш боец*?!

Я полагал, что покушение на **Патрона**, совершенное Мори, было первым шагом в выполнении возложенной на нас миссии, и решил действовать, чтобы выполнить ее до конца, и вот, избитый до полусмерти, валяюсь теперь здесь. А вдруг это просто театр одного актера и этот актер — я? Может быть, все гораздо проще: в студентке Мори нашел прекрасного партнера для чувственных наслаждений и в благодарность за это, выполняя ее приказ, совершил покушение на **Патрона**? Это прекрасно сочетается с тем фактом, что после покушения именно студентка доложила о случившемся.

Но тогда его действия противоречат задачам нашего *превращения*, вот и вышло так, что Мори ранен, а по его следу гонится полиция; я же мечусь, как слепой кутенок. Как знать, не погибнут ли двое *превратившихся*, так и не выполнив миссию, возложенную на них космической волей?

От чудовищной безысходности меня охватил леденящий страх и я стал медленно терять сознание... Однажды такое уже случилось со мной, на следующий год после рождения Мори. Был нестерпимо жаркий летний день. Помню, я лежал ничком на застеленной кровати, когда жена, бывшая жена, сообщила мне, что сказал ей врач о будущем нашего ребенка. Выслушав, я так же, как и сейчас, начал медленно терять сознание. Заметив неладное, жена, бывшая жена, принялась тормошить меня, но я, весь в поту, не мог пошевелить ни рукой ни ногой и, уж конечно, не мог повернуться к жене, бывшей жене, лицом. Я погружался тогда в состояние, подобное смерти, превращаясь в нечто еще более безжизненное, чем труп. И на этот раз нависший во тьме над моей головой страх, рожденный всепоглощающей безысходностью, умертвил меня, и я снова превратился в нечто еще более безжизненное, чем труп.

Когда я, лежавший как мертвый, собрался с силами и открыл наконец глаза, то увидел склонившуюся над моим лицом — теперь я лежал на спине — забинтованную голову Мори, заплаканного Мори... Из перегревшегося компьютера моего мозга, делавшего отчаянные усилия, чтобы прояснить сознание, поползла сверкающая фиолетовая лента, на которой проступали иероглифы: «Когда я воспринял твою мысль: «Прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от себя, *превратившегося*», я вышел на улицу и горько заплакал». Неужели этот горький плач Мори означает, что он действительно трижды отрекся от себя, *превратившегося*? Прежде чем пропел петух?!

Но вот мое тело и дух сбросили с себя оцепенение смерти: заблокированные нервные каналы, подобно телефонным проводам, снова начали функционировать, и тогда я увидел, как на моем залитом слезами, измученном лице стало появляться нечто очень важное, главное. Оно рассеяло владевшие мною подозрения, растворило неприятный осадок, оставшийся после них в душе. Тело и дух *превратившегося* Мори, привыкнув к новым условиям, обрели покой. Я ощутил всепоглощающее умиротворение, печаль и милосердие — все это воспринималось как призыв к успокоению. Мною овладело такое чувство, будто я еще совсем ребенок, который долго шел по страшной ночной дороге, добрался наконец до дому, и теперь ему хочется прижаться к коленям отца и выплакаться. Я глубоко

вздохнул, и первое рыдание вырвалось у меня из груди.

Когда я пришел в себя настолько, что мог наблюдать за происходящим, то осознал, что лежу на столе, а студентка, печально глядя на меня, стирает с моего тела кровь и грязь. Из-за плеча внимательно смотревшего на меня Мори высунул голову Добровольный арбитр, всем своим поведением давая понять, что мы уже не пленные.

— Справедливец мертв! Убит или погиб в результате несчастного случая, но так или иначе Справедливец мертв!— хриплым голосом сообщил он мне...

— Убит или погиб в результате несчастного случая? Это же совсем разные вещи!— закричал я в ответ, но горло мое еще не слушалось меня, ибо недавно я был мертв, превратившись в нечто еще более безжизненное, чем труп, и потому я смог издать лишь писк шестилетнего ребенка.

— Но... Как сказать иначе?.. Он сказал, что хочет в туалет, и его вывели в коридор, а он вдруг побежал. Справедливец был настоящим смельчаком; хотя годы, проведенные в тюрьме, и подорвали его здоровье, ежегодно он сотни раз организовывал демонстрации против строительства атомных электростанций, и студенты, которые преследовали Справедливца, никак не могли нагнать его. Тут Справедливцу удалось взобраться на бетонную ограду в дальнем конце университетского двора. Яркий луч прожектора высветил его фигуру, и преследователи, которых к этому времени собралось человек пятьдесят, в один голос закричали Ах!. Ведь за оградой был обрыв высотой метров в восемьдесят, и внизу проходила электричка. Однако Справедливец, которого это Ах! только подстегнуло, оглянувшись назад, перешагнул через колючую проволоку, натянутую над оградой и, теперь уже сам вскрикнув Ах!, исчез...

Добровольный арбитр замолчал и сощурил глаза, скрытые за толстыми стеклами очков, и, сморщив свой торчащий нос, рыдал, издавая похожие на кашель звуки. Тут я понял, что и слезы Мори вызваны смертью Справедливца.

— Все рухнуло!— отчаянно завопил я.— Как воспримут его земляки, что их руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку унал с ограды в дальнем конце университетского двора и погиб! И все, к чему он стремился, рухнуло! Все рухнуло, все рухнуло!— Я всхлипнул еще раз-другой, а потом зарыдал

уже по-настоящему, издавая какое-то странное кваканье из-за того, что у меня перехватило горло.

— Хватит рыдать! Мы, живые, должны продолжить то, что оставил нам покойный, мы должны собрать воедино все осколки, — с показной бодростью заявила студентка, пытаясь скрыть, что она и сама потрясена смертью Справедливца.

В ответ в моей душе прозвучали невысказанные слова Мори, переданные мне с помощью пальцев правой руки, которыми он дотрагивался до моего бока, когда я лежал с закрытыми глазами. И раньше, до превращения, когда Мори мычал что-то нечленораздельное, его пухлые пальчики всегда бегали по моему телу и исходившие от них магнитные волны позволяли мне понимать его мычание. *Совершенно верно, если все рухнуло — это плохо. Почему плохо? Потому, что мы, оставшиеся в живых, охвачены леденящими душу печалью и страхом. А эти леденящие душу печаль и страх несет ветер, который вырывается из преисподней. В одной синтоистской молитве говорится: «Тот, кто пришел к границам Страны мрака, оставив жить в стране Высокого неба ребенка со злым сердцем, тот вернется к леденящим душу печали и страху».*

Думая о людях далеких времен, придумавших эту молитву, понимаешь, что и в ту эпоху, и в том мире были леденящие душу печаль и страх. А ведь мы уже не в той эпохе и не в том мире, когда еще существовало единство нации. Мы ведь живем в такую эпоху и в таком мире, где все аморфно, все рушится. И самое главное сейчас — осознать, что это плохо, когда все рушится. Мы должны стать теми, кто восстановит рухнувшее, воскресит его.

— Отец Мори, вы долго еще будете притворяться мертвым? — сказала студентка, положив на меня вычищенный пиджак. — Контакт с мертвецом невозможен, даже если Мори и дотрагивается до вас.

Она утверждала это, хотя между мной и Мори, прикасавшимся рукой к моему живому телу, только что установилась связь. Приподнявшись и слезая с рабочего стола, я почувствовал тупую боль в затылке, но боль в суставах почти сразу же прошла — вот что значит тело восемнадцатилетнего, ха-ха. Я надел пиджак и вышел в открытую дверь — у стены полутемного коридора, освещенного слабой лампочкой без абажура, жались солдаты. Они казались приклеенными к ней бумажными фигурками. Я удивленно заморгал и только тогда понял, в чем

дело. Левое веко вспухло, и я мог видеть только правым глазом, отчего объемность исчезла.

— Ну так что же нам делать? Чего вы от меня хотите?.. Или, может быть, я просто пленный и ничего делать не должен?

— Мори собирается доложить о покушении на **Могущественного** господина А. и хочет, чтобы вы передавали его мысли!

— Чтобы я взобрался на трибуну и ради этих подонков, которые били и пинали меня, стал выполнять роль посредника, передающего слова Мори? Ничего себе работенка, а?! Ну что ж, я соглашусь на нее, но только при двух условиях. Во-первых, если вы проследите за тем, чтобы моя жена, бывшая жена, не проникла в зал. Если ее не выставят за дверь, в зале начнется невообразимая свалка. Эта женщина будет выделяться среди вашей аудитории, так что заметить ее нетрудно.

— Это та самая, которая под охраной полиции черт знает что вытворяла у ворот университета? Немедленно свяжусь с организаторами собрания, — сказала студентка и вышла в коридор, давая тем самым понять, что она единственная среди нас, кому разрешено свободно покидать комнату.

— Второе условие? — напомнил **Добровольный** арбитр.

— Оно касается не передачи мыслей Мори, а моих собственных мыслей. Прежде всего я хочу рассказать о том, каким человеком был убитый вашими молодчиками **Справедливец** — ученый и общественный деятель.

Мои слова вызвали протест **Добровольного** арбитра, хотя смерть **Справедливца** глубоко опечалила его.

— Если начать с этого, то рассказа Мори уже никто слушать не будет. Вместо этого над нами, как я думаю, учинят самосуд... Да и вообще, есть ли необходимость в том, чтобы рассказывать здесь о **Справедливце**? Сможете ли вы убедить этих людей, что он был прекрасным человеком и его не следовало убивать? Да еще на собрании группы, члены которой убили его?.. До сих пор я изо всех сил пытался доказать, что гибель любого общественного деятеля непоправима, и сейчас я признаю, что потерпел в этом полное фиаско...

Мог ли неопытный восемнадцатилетний мальчишка сопротивляться? И я поклялся, что последую совету **Добровольного** арбитра. Но рыдания, вызванные моими чувствами к **Справедливцу**, не прекращались. Погибнув, раз

бывшись насмерть, Справедливец взмыл ввысь огромным призрачным змеем! Его идея о нитях — где они находятся, он точно не знал, — тянувшихся к императорской семье, идея, на которой он наставлял при жизни, после его превращения в призрачного змея стала предельно ясной. Во имя своей удивительной идеи он отдал жизнь. От этого призрачного змея мне уже никогда не освободиться — я усмотрел в этом еще один знак, наполняющий особым смыслом мое *превращение*, и меня охватила жажда борьбы. Может быть, потому, что гибель Справедливца означала, что все рухнуло, все разбито вдребезги.

ГЛАВА IX

ДВОЕ ПРЕВРАТИВШИХСЯ АНАЛИЗИРУЮТ БУДУЩЕЕ

1

Мое тело, использованное как динамик, усиливало и воспроизводило электромагнитные волны, излучаемые мозгом Мори,— так проходило его выступление в тот вечер. На нас с Мори обрушивался, тяжело надвигаясь, как подземный гул, могучий хор голосов: согласны, вздор. Всеми силами противясь ему, Мори беззвучно посылал мне еле ощутимые электромагнитные волны, но все равно настоящим докладчиком, выступление которого следовало зафиксировать, был Мори, а записали его вы, оставшийся в тени писатель-невидимка. Один я, терзаясь мучительной болью в суставах, до хрипоты кричал весь тот вечер, совершенно надорвав свои голосовые связки.

Ну ладно, хватит об этом, ведь функции писателя-невидимки изобрел я. Что же касается выступления в тот вечер, то мне захотелось вновь заставить звучать свой голос из жажды самовыражения, свойственного восемнадцатилетнему. Тогда я записал на магнитофоне выступление Мори и теперь посылаю вам кассету. Вы должны воспроизвести ее так же, как делали это раньше.

Писатель-невидимка без всяких изменений записывает прослушанную кассету, которую прислал ему отец Мори. Он лишь выбрасывает неясные по смыслу междометия, повторы, вызванные смущением человека, говорящего в микрофон, исправляет ошибки и оговорки. Во всем этом, возможно, сказывалось

влияние стилистики писателя-невидимки. И если отцу Мори, стремящемуся до малейших нюансов передать характер выступления, сказать, что требовать идентичности общего стиля записок и выступления, записанного на магнитофон, нельзя, то ответ будет таким: отец Мори до сих пор получал копии записок каждой главы, сделанных писателем-невидимкой, читал их, обсуждал их и, естественно, оказался под влиянием стиля писателя-невидимки. И коль скоро это влияние существовало, оно должно было проявиться и в его собственном выступлении. И обратное: я сам, записывая слова отца Мори, испытал на себе его духовное и физическое влияние.

Воспроизведенный магнитофоном голос действительно принадлежит отцу Мори после превращения, это почти что по-детски писклявый голос юнца. Кажется даже, что голос помолодел гораздо заметнее, чем само тело. Но, возможно, это объясняется неисправностями магнитофона. Однако мог ли такой специалист, как отец Мори, допустить небрежность? А может быть, в его планы входило поразить писателя-невидимку своим писклявым голосом? К тому же этот писклявый голос в записанном на пленку выступлении в разных местах звучит совершенно по-разному.

Мы приветствуем всех самоотверженно сражающихся членов революционной группы. За исключением тех, кто самоотверженно сражается, все человечество, по космическим меркам, не более чем пустая оболочка цикады. Можно ли приветствовать эту мертвую, пустую оболочку? У нас нет желания приветствовать ничто. Мы можем по-настоящему приветствовать только живые существа. Вполне естественно, что воля, обитающая в самых далеких уголках космоса, пожелав послать приветствие, сосредоточилась на вашей планете. Потому что здесь обитают сражающиеся живые существа. Но мы не можем послать свое приветствие в космос. Потому, что мы не можем осознать, что приветствия из космоса исходят от сражающихся живых существ. Как грустно, когда на истинное приветствие не можешь ответить таким же истинным приветствием!

Мы приветствуем также и всех самоотверженно сражающихся членов враждебной вам группы. *Salute!*

Основания для этого приветствия те же самые.

Вздор? Почему? Если приветствие в адрес вашей группы не вздор, то почему же вы считаете вздором приветствие противостоящей вам группе? Логика, лежащая в основе этого, тождественна. Если приветствие в ваш адрес — вздор, зачем же тогда так болезненно относиться к приветствию в адрес противостоящей вам группировки, ведь оно тоже тогда явилось бы вздором? Тем самым вздором, который вы столь бессмысленно сейчас скандируете! **Миротворческий вздор Добровольного арбитра?** С критикой политики умиротворения мы согласны. Единственный путь развертывания борьбы — ее обострение! Но в стремлении Добровольного арбитра к умиротворению есть и ценные моменты. И эти моменты вы должны изучать.

Боритесь! Убивайте друг друга! С помощью самого гуманного, с космической точки зрения, оружия — дубинками, железными трубами, ломami! Междоусобная борьба между вами и противостоящей вам группировкой — вот действия, символизирующие истинную революцию. По мере приближения к истинной революции вы будете все решительнее убивать друг друга! Когда будут уничтожены родители, принимайтесь за братьев! Но, может, эффективнее было бы изменить порядок и, прежде чем убивать родителей, уничтожить братьев? С космической точки зрения эффективность такого порядка очевидна. После того как братья уничтожат братьев, у тех, кто останется в живых, должно хватить сил на то, чтобы пойти убивать родителей. Какая же это будет революция, если не вы убьете родителей, а родители убьют вас? Если же братья примутся убивать братьев, убитые передадут оставшимся в живых свою революционную волю! Революция — это долг оставшихся в живых перед убитыми!

Чем отличается братоубийство от истребления контрреволюционных бандитов? Чем братоубийство отличается от убийства врагов? Чем отличается? Я не имею в виду жалкое бюрократическое насилие и убийства, которые еще принято называть допросами или линчеваниями, нередкие и сейчас в ваших группах. Морн говорит об анализе символической модели, определившей из космоса жизнь человечества. Братья, казалось бы, должны, направляясь в будущее человечества, всегда идти почти одним и тем же путем. Но, поскольку два брата — это два различных человека, для них бессмысленно

избирать абсолютно одинаковый жизненный путь. И, если может существовать их единство во имя улучшения модели, оно достижимо только путем разделения на две половины их тела и последующего их комбинирования. Пусть врачи и биологи, преодолев реакцию отторжения, успешно проведут такую операцию. Тогда будут жить — каждый сам по себе — брат, состоящий из левой половины первого и правой — второго, и брат, состоящий из правой половины первого и левой — второго. А вдруг они опять захотят вести самостоятельную жизнь — тогда снова начнется братоубийство новообразованных братьев? Иного выхода, видимо, нет. Если они вообще способны выдержать подобную операцию во имя последней революции человечества. Подобные символические действия, прокладывающие человечеству путь в будущее, даже столь наглядные, как братоубийство, увидеть из космоса в большинстве случаев невозможно. Разумеется, если это действия символические, аналогичные модели должны были существовать и в древности. И действительно, вспомните о двух братьях, сражавшихся, как настоящие революционеры: божестве рыбного промысла — Умисатибико и божестве охоты — Ямасатибико. Почему они ненавидели умиротворение, почему портили снасти друг друга? Почему один из них, потеряв в море крючок, был вынужден отправиться во дворец морского царя? Почему морской царь даровал младшему брату силу космического масштаба? Почему старший брат, побежденный силой младшего, обеднев и ожесточившись, попытался напасть на него, но утонул? И потомки этого брата, живущие на юге Кюсю, по сей день исполняют ритуальные танцы, изображая его гибель, — это символические действия, связывающие древность с современностью и будущим!

Для того чтобы революция, справедливо определенная как братоубийство, стала последней революцией человечества, то есть для того, чтобы революционеры, убившие своих братьев и сумевшие убить в конце концов своих отцов, не оказались в положении убитых, необходимо проанализировать положение во всем космосе. Для нас, землян, время, отведенное на осуществление революции, как и вечное движение, не является бесконечным! У нас не будет времени на новую революцию, которая бы исправила старые ошибки! Прежде развитие шло столь медленно, что можно было ждать, пока ошибки будут

исправлены, и уже тогда поднимать революцию на новый этап. Но у вас после вашей революции не будет времени даже на культурную революцию. Для победы революции, которая бы в кратчайший срок могла решить все задачи, ваши идеи должны перерасти в идею всемирной революции. Вы должны обратить взор к идее всекосмической революции!

Вдумайтесь, вам никогда не приходилось сталкиваться с явлением, способным подтолкнуть ваши тело и душу в сторону космоса? Например, когда американцы с космического корабля спустились на поверхность Луны? Не посетило ли вас безумное предчувствие, когда Никсон, столь бессильно и комично покинувший впоследствии пост президента, разглагольствуя о мире и покое на Земле, заявил, что со дня сотворения мира это были грандиознейшие в истории человечества дни? Если бы космонавты поставили на поверхности Луны пластиковый купол, наполнили его кислородом и разожгли костер... то, когда бы он разгорелся, там и сям в кратерах появились бы, наверно, маленькие огоньки. Крохотные огоньки — «ответный подарок». Чтобы зажечь их, лунные живые существа величиной с вирус использовали бы все свои технологические возможности. Благодаря этому обмену приветствиями между огромным и крохотными кострами человечество могло бы, видимо, познать все, что происходит в космосе. Разве земляне не послали космический корабль к Луне, стремясь изыскать благоприятную возможность для окончательной революции, которая бы распространилась и на порядок в космосе? Не испытали ли вы этого предчувствия в тот день, когда произошло прилунение, оказавшееся в конце концов совершенно бескорыстным? Ведь вы так чутки к истинной революции! Лунный...

Хватит о Луне? Эти ваши вздор, согласны, от которых земля дрожит, пусть и привычный для вас способ обмена мнениями — нам он ничего не говорит. Только последний писклявый выкрик кого-то из вас был первой серьезной реакцией с того момента, как началось выступление. Хватит о Луне! В этом выкрике было заложено содержание, заложена мысль! Ведь Мори и завел разговор о Луне, чтобы спровоцировать такой выкрик. Пока ваши тела и души ползают по поверхности Земли и вы вопите свое вздор, согласны, слова Мори не проникнут в ваше сознание — вот в чем дело! Но если ваши тела и души,

пусть от страха, откроются космосу, то нечто космическое, присутствующее в каждом из вас — космических живых существах, — всплывет на поверхность, как вырастают из влажной земли ледяные иглы. Ведь планета по имени Земля — тоже частица космоса, вы забыли об этом? Взгляните вверх! Обратите взоры к небу! Хватит о Луне! — не было ли это выкриком человека, который наконец посмотрел вверх, снедаемый беспокойством? Пусть хотя бы один или двое еще раз крикнут: Хватит о Луне! Без заключенных в этом крике ростков космического взаимопонимания не удастся перебросить мостик к пониманию смысла слов Мори. Сколько бы я ни бился как посредник — все равно ничего не получится. Хватит о Луне! Ты крикнул это веселым голосом, не отдавая себе отчета, что в твоих беззаботно смеющихся глазах в то же время был и страх перед космосом.

Что означало покушение на Могуущественного господина А.? Это покушение было первым этапом наших действий и лишь указало на существование проблемы Могуущественного господина А. Действия первого этапа заключались в том, чтобы поставить эту проблему, нанеся Могуущественному господину А. удар, который заставил бы его осознать надвигающуюся смерть. Избежав смерти, он, видимо, захочет побыстрее разрешить свою проблему Могуущественного господина А., которой он отдал всю жизнь. Тогда мы перейдем ко второму этапу, и, если сумеем сражаться как следует, эта проблема будет ликвидирована. Что она представляет собой? Это проблема, поставленная перед всем человечеством теми, кто стремится господствовать над миром. Проблема Могуущественного господина А. в любом ее проявлении должна быть ликвидирована!

Какой смысл распространяться о таких простых вещах, говорите? Значит, вы считаете, что заумные слова лучше, чем простые, лишь потому, что они заумные? Даже вы, революционеры, так считаете?! Сила простых слов именно в их простоте. Есть ли в мире, населенном людьми, более важная проблема, чем проблема господства одних людей над другими? Разве революция не призвана уничтожить строй, при котором один человек господствует над другим человеком? Разве можно преодолеть неуверенность, вкладывая заумный смысл в слово «революция»? Может быть, слово «революция», слово совершенно простое, вселяет в вас страх? Мори изъясняется

по-настоящему простыми словами, лишенными всякой зауми. Откровенный смысл его простых слов есть одно из проявлений воздействия космической воли!

Каковы конкретные методы, при помощи которых Могуущественный господин А. стремится установить господство над людьми? Атомная бомба. Две атомные бомбы, созданные двумя небольшими группами для Могуущественного господина А. Обязанность, возложенная на вашу группу Могуущественным господином А., состояла в том, чтобы изготовить одну из бомб. И междоусобная борьба, в которой погрязли обе ваши группы на этапе изготовления атомной бомбы, тоже запланирована Могуущественным господином А.

Это не междоусобная борьба? Действительно, роль, которую вы выполняли, согласно программе Могуущественного господина А., и в изготовлении атомной бомбы, и в уничтожении противной группировки, выходила за рамки обычной междоусобной борьбы. Тайные отряды ваших групп, придумавшие себе устрашающие названия, сами определяют цели своей деятельности и, используя собственную разведывательную сеть, разыскивают, преследуют и в конце концов, настигнув, убивают того, кого намерено уничтожить. Уже убито несколько десятков человек. Искалечены сотни. Поскольку эти действия соответствуют революционным принципам братоубийства, я не собираюсь критиковать их как таковые, так что оттачивайте технику убийства! К тому же вы, да и враждебная вам группировка, совершая многочисленные убийства, не только не скрываете этого, но, наоборот, всячески афишируете свои действия. А средства массовой информации тут же подхватывают и распространяют ваши сообщения. Вы трубите о справедливом возмездии и решительных действиях, а враждебная вам группировка называет это «трагическими и бесчеловечными убийствами». *Vice versa!*¹ Какая бы группа ни совершила нападение, сообщается об этом всегда одинаково. Причем простые люди видят в нем только одну сторону — ужас и бесчеловечность! В нашем обществе такое восприятие почти достигло стадии массовой истерии. Я не знаю, как далеко вы продвинулись в изготовлении атомной бомбы, но, во всяком случае, и вашей, и враждебной вам группе удалось обучить общество страху

¹ И наоборот (лат.).

Лучше всего оценил достигнутое вами **Могущественный господин А.!** Предположим, где-то в Токио группа людей в ближайшем будущем изготовит одну, а может быть, и две атомные бомбы. Вокруг этого мгновенно поднимется пропагандистская шумиха. Начнется запугивание простых людей атомной бомбой. Стратегия и тактика группы, первой завладевшей ядерным оружием, будь то ваша группа, будь то враждебная, будь то обе группы одновременно, станут одинаковыми: та группа, которая объявит, что обладает ядерным оружием, прежде всего потребует от населения покинуть Токио и его окрестности. Это требование будет подкреплено страхом, в котором вы уже успели воспитать людей благодаря преподанным вами урокам зла и бесчеловечности, то есть благодаря уже существующему мнению, что ваша группа способна на любые жестокости. Жители указанного вами района сразу же начнут массовую эвакуацию, точно подхваченные катящимся снежным комом заранее подготовленной массовой истерии. Это произойдет благодаря тщательно продуманной предварительной пропаганде. Разумеется, нельзя допустить, чтобы к тому моменту, как наступит последний этап, когда ядерный взрыв станет неизбежным, город покинули все жители поголовно. В первую очередь необходимо оставить пожарных. Дело в том, что, поскольку в городе останутся нетранспортабельные тяжелобольные, полностью прекратить подачу электроэнергии невозможно и любое короткое замыкание в опустевших жилых домах может вызвать пожар. Нужно, конечно, оставить полицию. Ведь, когда начнется массовая эвакуация, пустые дома, естественно, подвергнутся грабежу. Полицейские должны будут патрулировать улицы столицы после эвакуации. Какого рода полицию и в каком количестве следует оставить? Этот вопрос должны будут обсудить между собой оперативный штаб группы, захватившей город под угрозой ядерного взрыва, и правительственный штаб контрмер. Я думаю, для этого вполне подойдет моторизованная полиция, которая до сих пор не допускала того, чтобы ваши демонстрации выходили за определенные рамки. Однако если среди полицейских моторизованного отряда найдутся люди, которые откажутся выполнять свой долг лишь на том основании, что им неприятно оставаться в городе, где находится кустарно изготовленная неопытными людьми бомба, которая может взорваться в любую минуту, и не захотят поддерживать

порядок, подчинившись захватчикам, прибегшим к ядерной угрозе, то создастся весьма серьезное положение. Правительственный штаб контрмер, воспользовавшись этим, предложит, возможно, ввести в действие силы самообороны. Переговоры, призванные не допустить этого, окажутся первым серьезным испытанием для штаба ядерной стратегии и тактики. И ради этого я также предлагаю вам оттачивать словесное мастерство.

Итак, будем исходить из того, что тем, кто прибег к ядерной угрозе, удалось убедить правительственный штаб контрмер и в столице все-таки останется небольшое количество людей — пожарные, предельно ограниченное число полицейских, санитары и водители транспортных средств, приданных больницам. Однако в этом случае в столицу могут просочиться уголовные элементы, прежде всего из правых организаций, да и просто многочисленные банды головорезов и хулиганов, которыми движут самые различные цели. Вплоть до «адских водителей», совершенно не связанных с политикой. Проникнут туда, наверно, и ударные отряды сил самообороны, чьей задачей будет спровоцировать нарушение соглашения между теми, кто прибег к ядерной угрозе, и правительством. Даже если официальная полиция в конце концов и примет меры по отношению к этим нарушителям соглашения, все равно прежде всего решить, как реагировать на это, должны вы. Тогда-то и пригодится та широкая известность, которую приобрели ваши боевые отряды в процессе своей кровавой практической деятельности!

Хладнокровные, знаменитые боевые отряды революционной группы, применившей ядерную угрозу, будут патрулировать столицу на реквизированных автомобилях, водрузив на них знамя революционной группы и привинтив номерные знаки, изготовленные штабом стратегии и тактики. Если они натолкнутся на пожарные, полицейские машины или машины с красным крестом, предусмотренные условиями соглашения, ничего не произойдет. Но, встретившись с нарушающими соглашение нелегальными бандами головорезов, они сразу же завяжут уличный бой. Мрачная известность, приобретенная вашими боевыми отрядами, подорвет во время сражения боевой дух противника. Среди всех народных боевых отрядов, существовавших со времен Мэйдзи¹, пожалуй, только

¹ Эпоха Мэйдзи — 1867—1912 гг

ваши боевые отряды и боевые отряды враждебной вам группы внушают такой почтительный страх! Террористические банды, гангстерские организации — смешно даже говорить о них.

Через три недели после фактического захвата столицы главной проблемой будут выброшенные на улицу при эвакуации собаки и обезьяны, а также мыши, оставшиеся без отбросов. Страшный голод и инстинктивная агрессивность этих животных заставит их атаковать любого, кто не успел покинуть столицу. Ваши боевые отряды или боевые отряды враждебной группы должны будут контратаковать этих мелких животных. Ваши боевые отряды и боевые отряды враждебной группы издавна не только дают клички своим противникам, с которыми они беспощадно расправляются, по названиям таких мелких животных, но и мучают и убивают их, словно этих бессловесных тварей. Этот опыт, видимо, окажется весьма эффективным в операциях по истреблению настоящих мелких животных! Все это четко зафиксировано в программе Могуущественного господина А.

2

Почему мы боремся с выработанной Могущественным господином А. программой господства над людьми? Поскольку тела и души двух превратившихся нацелены на свержение Могущественного господина А., наше превращение неизбежно должно прийти в столкновение с его программой. Он хочет господствовать над всеми людьми, включая и нас, — так чего же нам избегать этого столкновения? Если в результате столкновения нам суждено погибнуть, то, как люди превратившиеся, согласно космической воле, мы все равно должны быть первыми, кто возьмет на себя уничтожение программы и господства над людьми Могущественного господина А. Да, мы и уничтожим ее!

Ёросии? (хорошо?), а мне показалось, что вы закричали «юродивый». Значит, в сегодняшнем вашем хоре я уже дважды услышал имеющее смысл сообщение! Слово «юродивый», снабженное пояснением «святой безумец», можно встретить в переводных русских романах. Мне почудилось, что вы назвали меня и Мори юродивыми, и я полностью прозрел. Хотя и не могу сказать, что до сих пор был в полусне. Просто сегодня меня слишком много

били, пинали ногами, и поэтому сейчас, когда я передаю слова Мори, в моем теле и душе словно еще зияют дыры сна!

Сейчас мне послышалось слово «юродивый», и я полностью прозрел, правда, я тут же понял, что ошибся. Но в тот самый миг, когда я ослышался, до меня дошел сигнал космической воли. Психологи и тяжелобольные стараются в оговорках собеседника выискать истинный смысл высказывания. Для меня тоже отношения между нами, двумя *превратившимися*, и остальными людьми озарились космическим светом. Наша жизнь с Мори после *превращения*, воплощающая активную, полную энтузиазма деятельность, сливается с вашей революционной волей, подобно тому как сливаются в одну две дороги. Вы не верите в нашу чистосердечность. Хорошо, но, если вы будете отвергать и наш пыл, ваше революционное будущее окажется весьма проблематичным! Нынешняя роль двух *превратившихся* сродни роли не ищущих легкой жизни юродивых, которых жители описанных Достоевским провинциальных городов России безжалостно мучали. Когда вам придет в голову мысль стащить нас с Мори с трибуны и избить железными трубами, вспомните о юродивых и попытайтесь сдержать себя, ха-ха! Передавая мысли Мори, я, разумеется, не сомневаюсь в вашем добросердечии. Я говорю о нас двоих, неизменно прислушиваясь к вам!

Могущественный господин А. в свою программу господства над людьми ввел атомную бомбу в качестве оружия, которое, будучи спрятано в одном из районов Токио, должно служить угрозой для правительства; совершенно естественно, что его самые честолюбивые в истории человечества замыслы потребовали и самого мощного оружия. Почему Могущественный господин А. избрал вашу и враждебную вам группу? Думали ли вы об этом, обсуждали ли это в своей группе, изготавливающей атомную бомбу? Почему Могущественный господин А., всегда с предельной направленностью использующий денежные средства, выделил вашей и враждебной вам группе ассигнования для производства атомной бомбы и обещал предоставить вам еще большие суммы? Прежде всего нужно сказать о том, что им были соответствующим образом оценены ваши научные возможности. Но эта сторона дела имеет второстепенное значение. Ведь речь идет не о разработке первой в мире атомной бомбы,

и к тому же в качестве ядерного материала вы используете уже обогащенное сырье. Кроме того, вам не нужно, чтобы атомная бомба была компактной. Так что ваш подземный завод изготовит всего-навсего одну атомную бомбу, и этого вполне достаточно. Бывшим студентам физического факультета, которым после беспорядков пришлось, не доучившись, оставить университет, я думаю, хватит и научных, и технических знаний. Далее, таких студентов можно найти не только среди членов вашей революционной группы, причем сделать это нетрудно, если учесть финансовые возможности Могущественного господина А. Следовательно, причина того, что выбор пал на вашу и враждебную вам группировки, как уже говорил Мори, заключалась в том, чтобы с помощью средств массовой информации создать у населения мнение, будто обе ваши группы готовы на все, вплоть до взрыва атомной бомбы в Токио. Убедить людей в этом помогут бесчисленные акты насилия, приводящие к многочисленным жертвам. Теперь давайте еще раз поговорим об угрозе правительству и жителям крупнейшего города. Итак, первое затруднение, которое может возникнуть при реализации угрозы. Население, которому угрожают, сомневается в том, действительно ли те, кто им угрожает, решатся взорвать атомную бомбу и вместе с огромным городом взорвать самих себя. Второе: население игнорирует ядерную угрозу, поскольку окажется не способным представить себе, что произойдет, если атомная бомба действительно будет взорвана. И отсюда — противодействие правительственному штабу контрмер, уступившему угрозе. Если два этих фактора способствуют сопротивлению, организовать массовую эвакуацию населения огромного города не удастся. Массовая эвакуация возможна только при условии, если внутренняя сила, существующая в народе, подавляемая общей истерией, вызовет эффект снежной лавины. В противном случае создать неустойчивое положение, воспользовавшись ядерной угрозой, будет невозможно. В подобных условиях правительство, справившись с замешательством, использует это как рычаг в переговорах.

Однако обе группы, избранные Могущественным господином А. для реализации ядерной угрозы, уже многие годы ведут войну не на жизнь, а на смерть. Это и поможет разрешить проблему. Ваша и противоборствующая группы способны на любое кровавое дело, даже на то, чтобы взорвать себя ядерной бомбой! Такое сообщение

вернее всего проникает в сознание инертных обывателей, чье воображение трудно чем-либо потрясти! С точки зрения Могуущественного господина А., для того, чтобы подготовительный этап программы его господства над людьми прошел успешно, вы и враждебная вам группа должны денно и ночно пылать отвагой и страхом, ревностно калечить и убивать людей и сами терять своих товарищей — убитыми и ранеными.

Разве можно городить такое? Совершенно естественно — молодые, мужественно отдавшие свои жизни члены вашей и враждебной вам группы! Можем ли мы, двое превратившихся, шутить над тем, что вы убиваете своих товарищей? Мы и не возлагаем на вас ответственности за убийство товарищей, с глубокой скорбью признавая, что в конечном итоге их убийство составляет одно из звеньев программы Могущественного господина А.

Как будет выполняться разработанная Могущественным господином А. программа господства над людьми после того, как одной или двум группам удастся создать атомную бомбу? Допустим, первый этап реализации ядерной угрозы пройдет успешно и столица окажется под властью одной или двух групп. Первый сценарий Могущественного господина А. Предположим, в столице удалось создать одну или две атомные бомбы, но представим себе, что в результате катастрофы они взорвутся или неудача политических переговоров приведет к ядерному взрыву, при котором погибнут и сами угрожающие, — можно ли в подобном случае считать, что деньги в свою программу Могущественный господин А. вкладывал напрасно? Нет. Нестабильная социальная обстановка, которую вызовет огромная энергия ядерного взрыва, окажется невыгодной для Могущественного господина А. Он не забыл, что поражение нашей страны в прошлой мировой войне создало для него благоприятные условия! С того времени, как будет объявлено, что группа завладела атомной бомбой, и до момента взрыва возникнет пауза, разумеется если взрыв не произойдет слишком рано. Смогут ли оказавшиеся в полной растерянности жители столицы и руководители правительства, неожиданно столкнувшись с таким экстремальным положением, эффективно использовать время до взрыва? Вряд ли.

А вот Могущественный господин А., располагая необходимой информацией, окажется способным быстро

и правильно реагировать на события. Прежде всего он лично сообщит высшим правительственным чиновникам о том, что заявление об обладании ядерным оружием соответствует действительности, а также о мощности бомбы. Потом предложит осуществление неотложных мер по предотвращению бедствия. Обеспечение функционирования правительства после эвакуации, место временного размещения жителей столицы — как решить эти проблемы? Поскольку к этому времени предложенная им программа стараниями репортеров станет всеобщим достоянием, Могушественный господин А. превратится во влиятельного советника правительства. Далее, отъезд императорской семьи. Императорская семья эвакуируется, что сопровождается грандиозным пропагандистским спектаклем — императорская семья ищет спасения от бедствия вместе с жителями столицы. Тут происходит ядерный взрыв. Смута, которая начнется после третьего атомного взрыва, переживаемого японцами, будет подобна смуте после поражения во второй мировой войне, а на новых визитных карточках Могушественного господина А. появится строчка: истинный защитник императорской семьи.

Если я скажу про себя: «В течение многих лет», вам, возможно, это покажется странным — ведь это говорит мальчишка моложе вас, но я, будучи до превращения человеком средних лет, действительно в течение многих лет поддерживал отношения с Могушественным господином А. Однако на существование связей между Могушественным господином А. и императорской семьей открыл мне глаза убитый вами математик, руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку. Видимо, когда перед вами находится человек, которого вы жаждете убить, вы рисуете в своем воображении то, что должно, по вашему мнению, рисоваться ему, и его глазами пытаетесь взглянуть на реальный мир и на себя, нападающих. Вздор? Вот как? Не канючь? Ладно, но именно мои слова выражают то, что вы действительно хотели бы выразить. Заткнись? Нет, так не пойдет! Я ведь передаю послание Мори. Разве вы собрались здесь не для того, чтобы выслушать выступление Мори? Нам не нужны твои слова? Это действительно верно, вам необходимы слова Мори — потому-то я и нахожусь здесь в качестве посредника!

Второй сценарий. Какова будет программа Могушественного господина А. в случае, если обстановка

сложится иначе и начнутся политические переговоры, между теми, кто применил ядерную угрозу, и правительством? Давайте рассмотрим два возможных варианта: изготовлена одна атомная бомба и изготовлено одновременно две атомные бомбы — по одной у каждой из групп. Однако в реальной обстановке различие между этими двумя вариантами проявится лишь на начальном этапе, в дальнейшем же ситуация будет развиваться идентично. Две враждующие группы, одновременно объявив об обладании ядерным оружием, начнут операцию угрозы. Затем обе группы, захватившие город, не используя пока атомные бомбы, начнут уничтожать друг друга с помощью всех видов обычного оружия. Последний бой революции и контрреволюции — как ни взгляни на это — выльется в невиданное до сих пор сражение, оно закончится лишь после того, как одна из групп будет полностью уничтожена!

Если же атомную бомбу удалось создать лишь одной группе, то, как только она сообщит о том, что обладает ядерным оружием, остальные группировки немедленно заявят, что и они тоже владеют ядерным оружием, значит, и в этом случае дело кончится уличными сражениями между силами революции и контрреволюции. Далее, какая бы группа ни победила в уличных сражениях, она, используя собственную, или захваченную атомную бомбу, или, может быть, сразу обе бомбы — собственную и захваченную, — перейдет к реализации ядерной угрозы. Ситуацию, которая может возникнуть в том случае, если одна из групп, оказавшись в безвыходном положении в ходе уличных сражений, решит, что, чем капитулировать и отдавать будущее контрреволюционной группировке, лучше погибнуть всем вместе, можно включить в уже рассмотренный нами первый сценарий. Конкретное вмешательство Могушественного господина А. в происходящие события начнется лишь после того, как, согласно второму сценарию, атомная бомба будет контролироваться одной группой, уничтожившей другую группу, и ядерная угроза вступит в следующую фазу.

Революционная война с применением ядерного оружия, которую начнете вы или враждебная вам группировка, будет не просто войной с губернатором столичной префектуры или даже с японским правительством. Это будет сражение, в котором вашими противниками будут также Соединенные Штаты и Южная Корея, заклю-

жившие военный союз с Японией. Вполне естественно, что партнером в переговорах вы избрали японское правительство, но для тех, кто прибег к тактике ядерной угрозы, несомненно, чрезвычайно выгодно разрешить Могуущественному господину А. как закулисному политическому деятелю, имеющему большой вес в Соединенных Штатах и Южной Корее, выступить в качестве посредника. Во всяком случае, все будут с нетерпением ждать появления на сцене Могущественного господина А. Так будет разворачиваться революционная война, основывающаяся на ядерной угрозе, нужно только ясно сознавать опасность, что в любую секунду благодаря стараниям Могущественного господина А. наступающие и обороняющиеся могут поменяться местами, а также что не только энергия ядерного взрыва, но и энергия всего вашего движения сконцентрируется в руках Могущественного господина А. И, воспользовавшись этим, в момент наивысшего подъема революционных сил Могущественный господин А. свяжется с императорской семьей! Вы даже не представляете себе, насколько легче во всеяпонском масштабе выстроить сюжет, где развязкой окажется не революционное, а контрреволюционное сражение, основой которого будет все то же ядерное оружие, война за возрождение абсолютной, реакционной монархии! Вы можете начать революционную войну только после того, как осознаете связь, существующую между нашим народом и императорской семьей!

Мятеж, народное восстание? Вы вызываете к этому в простодушной надежде, но на этапе политики террора в отношении враждебной группировки не только поредели ваши ряды, вы еще и отвратили от себя все другие организации, стремившиеся к совместной борьбе. Не говоря уж о прочих левых группировках, с вами не станут вести совместную борьбу даже профсоюзы: они не смогут достичь с вами взаимопонимания. Хотя некоторые из профсоюзных организаций находятся под вашим влиянием и, случается, даже организуют самочинные забастовки вопреки решениям вышестоящей организации, после того как вспыхнет революционная ядерная война, продажная верхушка профсоюзов будет изо всех сил отбиваться от посторонних, в результате чего мелкие самостоятельные группировки не смогут примкнуть к общей борьбе. Можно ли в таком случае говорить о стихийном мятеже неорганизованных народных масс?

Более пятнадцати миллионов человек будут жить в постоянном страхе, что в любой момент их уничтожит атомная бомба, они люто ее ненавидят, эту бомбу. Все свое имущество они бросили, и оно вот-вот превратится в радиоактивный пепел. Принять необходимые меры для обеспечения жильем и едой пятнадцати миллионов человек, сделавшихся бродягами, не удастся, какими бы действенными ни были советы Могуущественного господина А. Да и мыслим ли такой огромный лагерь беженцев? Мятеж, народное восстание? Вы, разумеется, питаете надежды именно на это.

Но сможет ли мятеж принять тот же революционный характер, что и ваша война?

Пусть народный мятеж — стихийное восстание — распространится за пределы столицы, создав и там нестабильную обстановку. И когда восстание обретет мощь, оно сформирует внутри себя руководящее ядро. Не исключено, что это руководящее ядро сможет взять под свое командование большую часть сил самообороны. Руководители народного мятежа и лидеры мятежных соединений сил самообороны, объединившись, станут той силой, которая, минуя правительство, сможет вынудить оперативный штаб ядерной угрозы сесть за стол переговоров. Но как только они начнут переговоры, руководству тех, кто использовал ядерную угрозу, сразу же станет ясна одна деталь: все партнеры в переговорах — это марионетки Могущественного господина А.! Программа его господства получила конкретное воплощение.

3

Однако до самого последнего момента Могущественный господин А., видимо, не появится на переговорах, они так и будут вестись на уровне марионеток, заседание будет следовать за заседанием. Когда удастся достигнуть соглашения (поскольку Могущественным господином А. почва была тщательно подготовлена, рано или поздно соглашение подпишут), в столице будет образовано временное революционное правительство. В соответствии с требованием оперативного штаба ядерной угрозы представители народа, поднявшего мятеж, дадут указание жителям столицы немедленно возвращаться в город. На этом этапе, разумеется, атомную бомбу не станут вывозить из города. Однако будет достигнута догово-

воренность, что, пока жители столицы не получают приказа вторично эвакуироваться, атомная бомба не будет взорвана и обращаться с ней будут предельно осторожно!

Добровольное возвращение в столицу ее жителей после демонстрации мощи ядерного оружия действительно явится огромной победой тех, кто применил ядерную угрозу. Они смогут доказать всем в стране и за рубежом, что в их руках находится пятнадцать миллионов заложников. Благодаря такому развитию событий происходящая революция получит право гражданства не только в рамках страны, но и в международном масштабе.

Права гражданства революции в международном масштабе? Разве это не само собой разумеется? — говорят вы. Однако право гражданства революции в международном масштабе, о котором сказал Мори, совершенно необходимо. Что будет представлять собой Токио с точки зрения международной политической географии на том этапе, когда столица, покинутая жителями, окажется в руках группы, обладающей ядерным оружием? На чем будет настаивать представитель Южной Кореи на конференции, созванной оборонительным союзом Японии, Соединенных Штатов и Южной Кореи, где будет обсуждаться создавшаяся обстановка? Если те, кто применил ядерную угрозу, совершат революцию в Токио, Южной Кореи тогда будет угрожать нападение и с Севера, и с Юга. Почему же представителю Южной Кореи, стоящей перед такой угрозой, не настаивать на том, чтобы применить в Токио тактическое ядерное оружие? Ведь к тому времени плотность населения там будет меньше, чем в пустыне, это будет огромный призрачный город, а на Корейский же полуостров ядерный пожар не распространится, если атомную бомбу тех, кто применил, ядерную угрозу, уничтожат другой атомной бомбой.

Если вдуматься, именно в этом кроется самая большая опасность для дела, задуманного теми, кто применит ядерную угрозу. Однако в случае, если оборонительный союз Японии, Соединенных Штатов и Южной Кореи изберет такой путь действий, возможен третий сценарий. Могущественный господин А. сообщает войскам самообороны, оставшимся на стороне правительства, место, где спрятана атомная бомба — ведь оно ему хорошо известно, — и необходимость использования тактического

ядерного оружия отпадет. Тогда и одной обычной ракеты будет достаточно, чтобы уничтожить атомный завод. Таким образом, **Могущественный господин А.** станет спасителем Токио!

Итак, как будет действовать **Могущественный господин А.** в случае, если переговоры, в которых примут участие те, кто применил ядерную угрозу, и руководящее ядро народного мятежа, в том числе и мятежные соединения войск сил самообороны, помогут вернуть в столицу пятнадцать миллионов ее жителей? Именно тогда **Могущественный господин А.** сможет протянуть нить к императорской семье. Он и тут останется в тени, лишь тщательно подготовив благоприятную почву для сложных политических интриг. Чего достигнет этим **Могущественный господин А.**? Разумеется, даже самая тщательная подготовка не позволит точно определить последующее развитие событий; главное, чего достигнет **Могущественный господин А.**, — это то, что само развитие событий будет выглядеть со стороны совершенно стихийным. Когда все это произойдет, нестабильность, порожденная атомной бомбой, будет служить уже не делу революции, а осуществлению программы господства над людьми, разработанной **Могущественным** господином **А.**

Вздор? Вы собираетесь единодушно отвергнуть сказанное Мори до того, как он расскажет о конкретной причине, заставившей его прийти к такому выводу?! Я не могу безропотно согласиться с этим. Вы серьезно проанализировали программу революции, программу, которая получит новый импульс после того, как вам удастся изготовить атомную бомбу? Неужели вы решились, не обдумав все как следует, не осознав, какой станет революция после того, как вы завладеете ядерным оружием, положиться во всем на своих руководителей, а самим остаться бессловесными послушными бойцами? А бывают ли вообще такие руководители, которые имели бы конкретный план действий и на которых можно было бы переложить всю ответственность? В настоящую минуту работа над атомной бомбой в вашей группе, видимо, близка к завершению? Может быть, мой вопрос наивен, но неужели вы так и не собираетесь выяснять у своих руководителей, каким курсом они поведут вас завтра, завладев атомной бомбой? Мне хочется теперь крикнуть вам то же, что вы только что кричали мне. Однако **вздор**, эту вашу реплику,

над которой даже не посмеешь — мол, хоть и горькое, но лекарство, — я тоже не приемлю.

И последнее, что сделает Могуущественный господин А. На этапе, когда те, кто применит ядерную угрозу, и руководящее ядро народного восстания сформируют временное правительство, императорская семья будет немедленно возвращена из эвакуации. Независимо от того, будет после этого использоваться атомное убежище в Оутияма или нет, решение вернуть императорскую семью в ее резиденцию вместе с возвращающимися в Токио беженцами окажется самой крупной ставкой в игре Могуущественного господина А. Сколько сражений пришлось ему выиграть, чтобы как следует подготовить почву! Тем более что такую подготовку нужно было вести во всемирном масштабе. Ведь правительство и различные консервативные силы планировали отправить императорскую семью на Кюсю, Сикоку, а может быть, даже в Соединенные Штаты. Добившись реализации своего замысла — поселить пятнадцать миллионов беженцев и императорскую семью в городе, где находится атомная бомба, — Могуущественный господин А. воспользуется четвертым сценарием!

Нестабильность, в которой оказались пятнадцать миллионов человек, начиная с того момента, как было сообщено об атомной бомбе, и вплоть до массовой эвакуации и последующего возвращения в столицу, будет ликвидирована. Однако это не будет осуществлением лелеяемой вами мечты о революции, а сведется к еще большему укреплению связей с императорской семьей! Тогда впервые Могуущественный господин А. открыто появится на сцене как человек, который спланировал и осуществил все, начиная от ядерной угрозы и кончая массовой эвакуацией и массовым возвращением и последующим переворотом, произведенным восставшими войсками сил самообороны. Стоя на руинах мечты о революционном движении и ее практического воплощения, он, использовавший юнцов, поднявших народный мятеж и восстание, и сумевший взять под свой контроль даже собственноручно изготовленную ими атомную бомбу, устроит смотр войск самообороны — тех, что совершили переворот. И вот тогда он отдаст команду «На караул перед императорской семьей!» — и зазвучат десятки тысяч фанфар...

Идиотство? Таков единодушно подведенный вами итог откровениям Морин? Идиотство?!

Записанные на магнитофонную ленту выступления двух *превратившихся* окончились этим выкриком отца Мори, который как эхо прозвучал в ответ на прокатившийся по залу крик сотни человек, отозвавшихся на слова Мори. Сказанное Мори и отцом Мори и так нельзя было назвать точно сформулированным, реакция же зала, выразившаяся в слове *Идиотство*, привела к тому, что двое *превратившихся* и вовсе потеряли охоту продолжать выступление. Или, может быть, существовала какая-то иная причина?

Началась свалка: Мори и меня больно кольнул выкрик *Идиотство!*, вынудивший нас замолчать, мы чуть не заплакали, ха-ха, но я не утверждаю, что побоище вспыхнуло именно из-за этого. Если уж говорить о потасовке, то она началась с той минуты, как двое *превратившихся* начали говорить. Более того, наше выступление все время шло под аккомпанемент потасовки, но мы не поддавались. Мы даже не имели возможности выступить, оставаясь все время на трибуне. Нас то и дело стаскивали вниз, в гущу слушателей. Толкали, тянули из стороны в сторону, давали подзатыльники, а мы упорно продолжали говорить.

Однако фарс — выступление в кольце жарко дышавшей толпы в сопровождении выкриков хором — превратился в жестокое побоище именно в тот момент, когда в ответ я бросил им их же *Идиотство!*. И даже те, что, единодушно вопя вместе со всеми, все же прислушивались к нам, тут же замкнулись в скорлупе. Все собравшиеся в зале члены группы словно превратились в неприступную стену вражды — пожалуй, это можно было бы назвать материализовавшейся жестокостью. Дза-дза, дза, дза, дза, ган! — мне показалось, что я слышу овеществленный звук, хотя окружающая нас стена безмолвствовала.

...В следующее мгновение среди юнцов, превратившихся в орудие убийства, неожиданно появилось шесть человек средних лет. Одинакового телосложения, они, заслонив нас спинами и образовав оборонительное кольцо, напустились на пышущих злобой мальчишек.

— Вы уже убили одного сегодня! У вас на уме что — только убивать?!

Заметив, как конвульсивно дергается рот у одного из этих шестерых мужчин с загорелой, но дряблой кожей,

я поймал его мысль: а ведь это я сегодня убил человека. И я понял, что та же мысль владеет всеми ими. Они, из последних сил сдерживая возбужденно вопивших студентов, с огромным трудом вывели нас из зала. В какой-то момент к ним присоединился и Добровольный арбитр и, защищая нас с Мори, стал пробиваться с нами сквозь толпу. Вместо того чтобы поблагодарить наших спасителей, я сказал, обращаясь к Мори:

— То, что нам чудом удалось спастись от верной смерти, доказывает, что *превратившая* нас космическая воля внимательно наблюдает за нашими действиями.

Продолжая бежать с задумчивым лицом, Мори лишь покосился на меня, но по движению его губ я, как и во время выступления, воспринял еле уловимые электромагнитные волны.

— Разумеется, за нами постоянно наблюдают! Именно поэтому, чтобы спасти нас, и прислали *Корпус лососей!*

ГЛАВА X ОДИССЕЯ КОРПУСА ЛОСОСЕЙ

1

Я не хочу сказать, что он постоянно волновал меня, но стоило мне вспомнить о нем, и, подобно мыслям о смерти, он мгновенно всплывал из глубин подсознания — призрачный *Корпус лососей*.

По мере того как развивалась предпринятая *Корпусом лососей* операция по спасению нас с Мори, меня все сильнее обжигал страх перед оставшимися теперь у нас за спиной членами группы. Я думаю, те же чувства испытывали Мори и Добровольный арбитр. Да и сами шестеро из *Корпуса лососей*! Они дышали тяжело, как могут дышать скованные страхом, начинающие уже стареть люди, — видимо, их страх и передался нам. Я говорю «начинающие стареть», хотя с виду им было всего лет по сорок пять, но стоило их тяжелому, прерывистому дыханию пахнуть нам в лицо, как мы ощущали запах смерти. Может быть, они страшно одряхлели от тягот *Великого похода*.

Судорожно глотая воздух, мы, пробежав между зданиями, через низкую арку проникли в одну из дверей и прошли по узкому коридору, который оказался подземным переходом, заканчивавшимся ступеньками; мы поднялись по ним и вышли наружу, в ночь. Это был дальний конец университетской территории, через железные ворота виднелась городская улица. Обессиленные бойцы *Корпуса лососей* присели на корточки, чтобы отдохнуть, то же самое сделали я, Мори и Добровольный арбитр.

Я, превратившийся восемнадцатилетний, раньше остальных справился с одышкой, и беспокойный дух восемнадцатилетнего погнал меня к запертым воротам. Сквозь металлические прутья, увитые диким виноградом,

я взглянул на дорогу. Может быть, за нами наблюдают полицейские, заранее прибывшие сюда, чтобы арестовать нас, или участники собрания, а может быть, и члены враждебной группировки?

Неожиданно по пустой улице у самого моего носа пронесся «ситроен» на такой скорости, что, казалось, он вот-вот развалится, превратившись в груды железа, которая рассыплется по мостовой. В машине, глядя прямо перед собой, сидела жена, бывшая жена, в черной каске! За рулем был великан — агент рекламного бюро. Выслеживающие нас полицейские, члены революционной группы и контрреволюционной группировки давно вернулись домой, и только моя жена, бывшая жена, командуя братом, понукая его, бдительно патрулирует университет, беспрерывно кружась вокруг него. В это мгновение я почувствовал жалость к жене, бывшей жене, которая, из пустой вражды ко мне, в страшной ярости от того, что я существую на свете, носится весь вечер в машине, и мне впервые удалось до конца постичь истинный характер запутанных отношений, существовавших между мной, женой и Мори, хотя теперь, после *превращения*, это уже мне было ни к чему. Последние несколько лет, когда в темноте я пытался приласкать жену, она вдруг спрашивала, словно ее это страшно заботило: *а как там он? Как чувствует себя наш ребенок?* А я, злясь, точно маленький, отвечал: *с ребенком все в порядке, если хочешь, пойдём посмотрим*, ха-ха. Вот тут-то и выявляется смысл запутанности наших отношений — жена, бывшая жена, хотела, чтобы вместо меня около нее был Мори, а я хотел превратить Мори в себя, чтобы с женой был близок Мори-я!

Прежде чем «ситроен» жены, бывшей жены, развернувшись на противоположной стороне университетской территории, промчался назад, мы, убедившись, что улица пуста, быстро перелезли через ворота. Распростившись с четырьмя бойцами из *Корпуса лососей*, мы пересекли дорогу и торопливо направились в спускавшуюся вниз боковую улочку. Оставшиеся с нами двое из *Корпуса лососей* были ужасно худыми, даже изможденными, но после короткой передышки ворота одолели ловко и сейчас шли проворно — чувствовалась многолетняя тренировка.

Тот, что выше, круглоголовый, с большими залысинами, смотрелся щеголем — на нем была поразительно чи

стая альпинистская куртка. Он прямо и высоко держал голову — ни дать ни взять чиновник, совершающий инспекционную поездку, в общем — **Способный чиновник**. Другой был в старом плаще, из-под которого выглядывала рубаха без галстука, — он знал, что такой вид для него самый подходящий. Сухие волосы, сухая бледная кожа, большой рот, что-то собачье в чертах лица — **Собачья морда**.

— Чего мы так суетимся, ищем кого-нибудь, что ли? — обратился я к ним.

— Что? — повернулся **Собачья морда**, но ответил мне **Способный чиновник**, тревожно хмуря брови, резко выделявшиеся на выпуклом лбу, и в то же время равнодушно глядя поверх моей головы:

— Мы никого не ищем. Суетимся, чтобы нас нашли!

Услышав такой ответ, **Собачья морда** улыбнулся, словно испытывая гордость за своего товарища, лишний раз продемонстрировавшего свои способности.

— Они надеются, что так легче будет нас найти их приятелям, которые накормят и приютят нас, — объяснил **Добровольный арбитр**.

— А не найдут ли нас приспешники **Могущественного** господина А. раньше, чем их приятели?

— Похоже, вы боитесь этого **Могущественного** господина А., как черта из дурного сна, — сказал **Собачья морда**.

— Из сна?! — закричал я. — Черт из дурного сна?..

Тут я подумал: мы, двое *превратившихся*, только что обратили их внимание на угрозу, исходящую от **Могущественного** господина А., а они говорят о каком-то черте из дурного сна. Меня колотила дрожь, я даже растерялся: если так несерьезно относятся к нему сами люди из *Корпуса лососей*, то кто же в состоянии оказать сверхнасилию **Патрона** настоящее сопротивление?

В это время Мори, в свете уличных фонарей казавшийся бронзовым, повернул ко мне лицо с блестящими скулами и послал мне сообщение. *Именно поэтому было необходимо наше превращение. Если двое превратившихся не расскажут, что представляет собой Могущественный* господин А., *всем людям на Земле он будет представляться всего лишь чертом из сна, а когда они увидят его истинный облик, окажется, что уже слишком поздно, и этот черт из сна сожрет их. Именно поэтому мы и превратились. И, превратившись, обязаны отдать все силы борьбе!*

— О, машина подошла! — закричал Добровольный арбитр радостным голосом.

Мы вскочили на ходу в подъехавший сзади и продолжавший медленно двигаться за нами микроавтобус. Он тут же набрал скорость и помчался вниз, к широкой улице — им искусно, но несколько театрально управляла будущая киносценаристка! А рядом с ней, на круглом сиденье для гида, примостилась Саёко.

— Держитесь крепче! Нам нужно оторваться от машины матери Мори!

Времени усесться как следует у нас уже не было, мы кое-как втиснулись в проход и, толкая друг друга, ухватились за поручни и спинки сидений.

— Наверно, догоняя нас, они поехали по противоположной стороне? Машина у них мощная! Посмотри-ка, они не поворачивают обратно?

— ...Едут впереди. «Ситроен» может хорошую скорость развивать, прямо летит! — доложила студентка, сохраняющая хладнокровие в самых критических ситуациях.

Оно снизила скорость, и мы, до сих пор падавшие друг на друга в проходе, смогли ползком добраться до сидений, ха-ха.

— Куда теперь?

— Куда угодно!

— О'кей, — согласилась будущая киносценаристка.

2

Наш микроавтобус проехал приморский промышленный район и поднялся на скоростную автостраду. И, уже мчась по ней в потоке грузовиков, совершающих междугородные рейсы, всякий раз, когда мы догоняли, а потом и обгоняли идущую впереди машину, я втягивал голову в плечи, вспоминая черную каску жены, бышей жены. О возможностях нашего микроавтобуса Добровольный арбитр говорил с неподдельным восхищением. Принимая это как должное, Оно пояснила, что этот автобус использовался для натурных съемок в Африке и у него усиленный двигатель, так что, сказала она, ни одна легковая машина с нами тягаться не сможет. Я снова удостоверился в тесных связях Оно с кинематографистами — да, она мастер доставать все необходимое.

Может быть, и не стоило бы об этом говорить, но бесконечный, невыносимо тяжелый день, выпавший на

мою долю, не способствовал возбуждению аппетита, хотя у меня с утра крошки во рту не было. Лишь тряска автобуса успокаивала мои измученные тело и душу. Так же чувствовал себя, я думаю, и Мори. Не менее обесилевшим казался и *Добровольный арбитр*, не отрывавший от Ооно глаз. Двое из *Корпуса лососей* устроились на заднем сиденье и настороженно молчали, подавленные сознанием того, что едут вместе со столь выдающейся деятельницей, принадлежащей к враждебной группе.

Я тоже молча разглядывал темное небо, куда пристально смотрела управлявшая машиной будущая кино-сценаристка, и увидел, как прямо передо мной черные как деготь тучи вдруг разорвались и оттуда выглянула луна, осветившая причудливые, похожие на пагоду облака. Разрыв в тучах тут же сомкнулся... но я подумал: одно то, что я на мгновение увидел разрыв между тучами, есть знак — за нами постоянно нблюдает, как говорил Мори, *превратившая* нас космическая воля. Я повернулся, чтобы удостовериться, что и Мори это увидел, но тут заговорила смотревшая прямо перед собой Ооно:

— Если вы не спите, отец Мори, то послушайте, что я вам скажу... О-о, вы уже, наверно, знаете, что *Справедливец убит?*.. Зачем нужно было убивать такого чудесного, прямодушного, такого старательного человека? *Фашистская сволочь!* Им никогда не смыть с себя позора убийства *Справедливца*. Даже если им удастся смыть с себя позор убийства сотен тысяч!

— То, что убит человек, конечно, печально, но правильно ли будет так упрощать создавшуюся политическую обстановку? Стоит ли, превознося одного человека, противоборствующую группировку называть фашистской?

— *Замолчи, девчонка! Хватит трепаться!*

— Вам не кажется, что кричать как раз и означает вести себя *по-фашистски?* Если вы не измените своего поведения, я начну с вами борьбу! Посмотрите, кто в машине — Мори, мой друг. *Корпус лососей* — боевой отряд моей группы. *Добровольный арбитр*, как обычно, должен сохранять нейтралитет... Вам придется сражаться вдвоем с этим чокнутым мальчишкой! — парировала Саёко.

— *Заткнись, дрянь! Хватит трепаться!* Если вы все друзья фашистов, я выведу машину на ту сторону, где идет встречный поток, и мы погибнем смертью героев. На чьей стороне будут большие потери? Подсчитай в своей дурацкой башке! Ну как, хочешь разбиться? *Тварь!*

Студентка, которая до этого кричала, вцепившись в спинку водительского сиденья, притихла. Потом заговорила как ни в чем не бывало:

— Только и можете ругаться: *фашисты*. Конечно, на вас все это плохо подействовало — и машину вон как ведете, и кричите. Убили Справедливца, вот вы и обезумели от горя.

— ...Я-то знаю о Справедливце... Но откуда ты могла узнать, что он умер? Ведь тебя задержала полиция, и ты была отрезана от всех источников информации, — сказал я.

Будущая киносценаристка, не отвечая прямо на мой вопрос, на миг обернулась к сидевшим в микроавтобусе и стала рассказывать о том, что произошло. Словно опьянев от глубокой тоски и печали, она говорила уже совсем другим голосом, не имевшим ничего общего с недавним бешеным криком, — так она обычно говорила на митингах и по телевидению.

— Сразу же после того, как отец Мори и Добровольный арбитр вбежали на территорию университета, я подала машину вперед, но мотора не заглушила! Я решила подъехать поближе к цепи полицейских, топавших в бешенстве ногами от того, что упустили Справедливца и его товарищей, — поближе к полицейскому, вышедшему вперед, чтобы остановить мою машину, будто послушавшись его знака остановиться! Мое поведение произвело на них благоприятное впечатление. Бежать уже было невозможно, и мне пришлось заглушить мотор и, не говоря ни слова, открыть дверцу. Вдруг из-за спины полицейских с криком: *Поймала наконец эту гадину!* — подлетает ко мне мать Мори — кожа на лице задубела, и оно стало похоже на маску. Стараясь защититься, я захлопнула дверцу. Но она ударилась головой об ее острый угол и потеряла сознание. Мать Мори, которую подхватил полицейский, чтобы она не упала — все это было ужасно, — взял на руки какой-то верзила, злобно смотревший на меня совершенно такими же, как у матери Мори, глазами, и отнес к полицейской машине. Этим окончилась моя очная ставка с матерью Мори. Не понимаю, почему тогда на ней не было черной каски? Молодые полицейские стояли в растерянности, не зная, можно ли смеяться над этим представлением, а я, вылезая из машины, рассмеялась! Полицейские вздохнули с облегчением. Затем я притворилась, что ничего не понимаю, и спросила, что произошло, а когда мне задали встречный вопрос, кто эти люди, что вбежа-

ли на территорию университета, сказала все как есть. Справедливец хочет с помощью ненасильственных действий выразить протест по поводу того, что его избили во время митинга против строительства атомных электростанций, а Добровольный арбитр и восемнадцатилетний мальчишка помогают ему в этом. Только, мол, я не знаю, откуда взялся этот мальчишка. У меня собираются самые разные молодые ребята, и я им поручаю ту или иную работу, не уточняя даже имени и университета, где они учатся. После этого я достала свою визитную карточку и протянула полицейскому. Самому на вид простодушному из всех, что меня окружали. У вас, разумеется, знают, кто такие Справедливец и Добровольный арбитр, сказала я. Неопознанным остается лишь мальчишка, симпатизирующий левым,— на том мы и поладили. Почему? Потому, видимо, что они гонялись за третьим — человеком среднего возраста, отцом Мори. А мальчишка им был ни к чему. И в самом деле, увидев бегущего мальчишку, они и представить себе не могли, что это человек среднего возраста, а мать Мори, утверждавшая, что он как раз и есть отец Мори, вырядившийся молодым, была без чувств и возразить мне не могла. В это время из университета прибыл шпион и сообщил, что Справедливец и двое других схвачены студентами и им здорово достается. Таким образом, уже полностью отпали все еще существовавшие у полиции подозрения, что Справедливец и его товарищи намерены выступить перед собранием актива с докладом о покушении на Могуущественного господина А. Атмосфера стала доброжелательной, и, возможно решив выудить у меня какие-то дополнительные сведения, они даже предложили мне пойти выпить чаю. С вашими товарищами такое стряслось, вы, наверно, обеспокоены? — сочувствовали они. Полицейские сопровождали меня, но никакого серьезного разговора не заводили. Лишь молодой полицейский, получивший от меня визитную карточку, сказал, что ему нравятся мои выступления по телевидению. Когда мы пили чай, мне показали фотографию, незадолго до этого сделанную с помощью телеобъектива, — на ней был бегущий мальчишка, а вовсе не мужчина среднего возраста. Полицейские были настолько любезны, что постарались предотвратить мою встречу с матерью Мори, подогнав мою машину к кафе, и отпустили на все четыре стороны.

— Члены нашей группы не вступают с властями ни

в какие переговоры, и поэтому их так легко не освобождают.

— *Прекрати! Девчонка, хватит трепаться!*

Мчась рядом с неотесанными водителями тяжелых грузовиков, Оно время от времени вспыхивала, вскидывала голову и начинала ругаться с выразительностью, которую она усвоила, изучая режиссуру в Европе. Добровольный арбитр придумывал способ избежать смертельной опасности, которая грозила нам при малейшей ее оплошности. Он заговорил, вежливо обращаясь к студентке:

— Пойди, пожалуйста, сядь с Мори и позаботься о нем. Он ведь ранен в голову, а ему пришлось преодолеть столько непосильных трудностей.

— Я отказалась от личных чувств и действую как член коллектива, а теперь вдруг одна должна идти к Мори — разве это справедливо?

— *Прекрати, дрянь! Опять начала трепаться?!*

Оно так гаркнула на студентку, что та послушно поднялась со своего места и пошла к Мори. Вид напряженных ляжек девушки, выглядывавших из-под джинсовых шорт, когда она проходила мимо меня, приседая, чтобы удержаться на ногах при резких поворотах машины, запах ее тела привели меня в трепет... но дело здесь не в эротике, это был тот самый ужасный запах, который я вдыхал, пока был пленником.

— Ну, так каким же образом дошло до тебя сообщение, что Справедливец убит? Неужели, схватив нас, члены группы устроили пресс-конференцию по случаю зверского убийства?

— Никакой пресс-конференции мы не проводили! — громко заявил сидевший сзади Способный чиновник из Корпуса лососей. В отличие от меня и Добровольного арбитра он совсем не выглядел усталым и мог говорить громким голосом. — Это был несчастный случай, достойный сожаления несчастный случай, и никто не рассматривает его как военную победу. Кроме того, виновные в этом несчастном случае должны быть привлечены к ответственности в рамках студенческой организации группы. Это произошло в результате тактического промаха. Когда виновных привлекут к ответственности, можно будет провести и пресс-конференцию.

— Даже если кого-то и привлекут к ответственности, покойного к жизни, разумеется, не вернешь?! А потом, разве вы когда-нибудь признаете, что в вашем движении

могут быть несчастные случаи, вызванные тактическим промахом?

— *Что?!* — Оба из *Корпуса лососей* на мгновение умолкли, а потом *Способный чиновник*, выражая точку зрения своего товарища, продолжил: Наоборот, мы всегда признаем факты несчастных случаев, возникших в результате тактических промахов, и выступаем с самокритикой. Привлечение к ответственности за несчастные случаи, вызванные тактическими промахами, было необходимым и неизбежным особенно в то время, когда наша боевая группа делала свои первые шаги и немало ее организаторов погибло из-за несчастных случаев, вызванных грубейшими оплошностями...

— Говоря «наша группа», вы, наверно, имеете в виду *Корпус лососей*? И поскольку речь идет о *Корпусе лососей*, я вам верю. Но я не убежден, что революционная группа студентов тоже признает свои промахи.

Говоря это, я повернулся к ним, чтобы посмотреть, какое впечатление произведут на них мои слова: *Корпус лососей*. Но я увидел лишь, как студентка любовно и серьезно дотрагивалась пальцами до головы Мори, который смотрел прямо перед собой, глубоко утопая в сиденье, и я поспешно отвернулся.

— ...Совершенно верно, речь идет о *Корпусе лососей*, — честно подтвердил *Способный чиновник* после минутного колебания. — При несчастных случаях, нередких в начале нашей деятельности, виновные всегда привлекались к ответственности... Конечно, разбирательство проводится внутри нашей революционной группы, объединенной общим курсом и целями, и полностью распространить наш «стиль» и на студенческие организации весьма нелегко... Исходя из существующего опыта, я могу сказать, что это практически невозможно.

— Вы говорите о случившемся так невозмутимо, словно о чем-то абстрактном. И это когда речь идет о только что убитом *Справедливце*?! Все, о чем вы говорили, невозможно не только практически, это совершенно невозможно даже теоретически! Почему серьезные, думающие ребята *абсолютно все становятся фашистами*? — раздраженно заговорила Ооно. И я снова понял, что необычная для нее грубость, с какой она кричала на Саёко, вызвана терзающей ее душу безысходной тоской. — ...Вечером мне позвонил полицейский — тот, которому я вручила свою визитную карточку. Он сказал мне, что *Справедливец*

упал с ограды в дальнем конце университетской территории, попал под электричку и умер страшной смертью. Нужно пойти опознать его, сказал полицейский. У меня сердце обливалось кровью — я тут же позвонила своим ребятам, поехавшим на мою дачу в горах, и рассказала, что фашисты убили Справедливца. И вот какой была их первая реакция: ни в коем случае не ходить в полицию, во всяком случае одной, сказали они мне. Пока руководство не проанализирует нынешнее положение в группе и не даст оценки случившемуся, такой эмоциональный и импульсивный человек, как я, пойдя в полицию, выскажет там недостаточно продуманную мысль, и это может привести к серьезным осложнениям. Особенно остерегайся буржуазной прессы, сказали они. Они даже ничего не сказали толком о случившемся... *Почему абсолютно все становятся фашистами? Абсолютно все молодые ребята нашей страны?!* Они по очереди подходили к телефону, стараясь уговорить меня, но я, не послушав их уговоров, все же пошла опознавать труп. Однако увидела только руки — единственное, что осталось от превратившегося в кровавое месиво Справедливца. Они были отрезаны чуть выше локтя, и пальцы крепко сцеплены. Так, сцепив руки над головой, отвечает на приветственные крики зрителей победивший атлет. Именно так. Увидев эти крепко переплетенные пальцы, я убедилась, что это Справедливец, и никто иной. Незадолго до этого, перед началом митинга, Справедливец нашел в своем блокноте, заполненном расписанием демонстраций и митингов, чистый листок и подсчитал для меня, сколько горячей воды будет выбрасывать в день атомная электростанция мощностью в десять миллионов киловатт. Я хорошо запомнила формулу его напряженных пальцев, крепко зажавших короткий карандаш...

Рассказывая об этом плачущим голосом, Оно резко скидывала голову, чтобы смахнуть слезы. Но это ей никак не удавалось, и пришлось подъехать к обочине. Остановив машину, будущая киносценаристка, не в силах сдержать скорбь, охватившую ее, когда она своим рассказом о смерти Справедливца воскресила пережитое, оперлась о руль и разрыдалась. Мы не знали, что делать. Нас спас отличающийся практичностью Способный чиновник — обняв плачущую женщину за плечи, он отвел ее на заднее сиденье, а сам сел за руль и направил машину к круглосуточно работающей закусочной для водителей

грузовиков, светившуюся неоновой вывеской. Оно оставалась в микроавтобусе, поставленном на огражденной стоянке, а мы, чтобы не умереть с голода, пошли перекусить.

Вид у нас был весьма странный, особенно странно выглядели я, **Добровольный арбитр** и Мори, голова которого была забинтована, — тем не менее мы пошли в закусочную. Ничего другого нам просто не оставалось. Опасение, что, увидев такую странную компанию, хозяин тут же сообщит в полицию, отметалось не признающим логики пустым желудком — сейчас главное поесть, а там будь что будет! Когда мы открыли дверь, нас буквально отбросил назад слепящий свет и оглушительный шум — мы замерли у порога под устремленными на нас взглядами посетителей. Однако девушка у кассы и глазом не моргнула, будто в нашем необычном виде не находила ничего особенного.

— Потерпели аварию? В туалете есть аптечка! Как это ужасно!

— Аварию? Да, аварию! Действительно ужасно! — **Добровольный арбитр** мгновенно оценил обстановку; говорил он глухим голосом, насупившись, показывая этим, какие ужасные страдания мы испытываем. — В ночных ночостях о дорожных катастрофах нас здорово ругали. В машине, которая столкнулась с нами, один человек погиб!

Добровольный арбитр проявил себя как человек находчивый и решительный! Люди, занятые, как он, практической деятельностью, даже если практическая деятельность сводится к тому, что во время бесполезного выступления их бьют и валят с ног, ха-ха, прошли в своей жизни огонь, воду и медные трубы. Благодаря разглагольствованиям **Добровольного арбитра**, наша компания именно из-за своего необычного вида превратилась в самых дорогих гостей закусочной у скоростной автострады. Сидевшие там водители грузовиков ни словом не обмолвились в наш адрес, когда мы уселись в дальнем конце. Взглянув на наши раны, они почтительно и в то же время удивленно уставились на слабаков, ставших жертвой насилия. Все они были молодыми ребятами, и щеки их пылали, хотя они и не выпили ни капли вина, а часы, висевшие рядом с кошкой, приносящей счастье, и талисманом Бога огня из храма в Нарита, показывали уже десять минут четвертого...

Итак, наконец мы в таком месте, где вдоволь еды. Я раскрыл меню с ощущением, будто ничего не ел

целую тысячу лет, но разбитые пальцы заledenели, точно шершавый листок меню был холодным снежным комом.

— Давайте возьмем комплексный обед из китайских блюд! В таком месте это, пожалуй, самое безопасное, — энергично предложил **Способный чиновник**.

— Я бы съел еще и колобков из крабов, — с не меньшей горячностью сказал **Собачья морда**, и студентка, соблазнившись, с готовностью поддержала его:

— Я тоже хочу колобков!

Заказав еду, мы, сидя за круглым столиком, ждали, пока нам ее принесут; **Способный чиновник** спохватился и налил всем чаю; после нервной вспышки Оноо разговор у нас не клеился. По радио прозвучали слова: Свет Луны коснулся твоего затылка! — и **Способный чиновник**, подняв к потолку глаза, заявил:

— Стремление к двусмысленности.

— Да, обскурантизм, — с завидной серьезностью поддержал его **Собачья морда**. Неужели они готовы были без конца критиковать песню и манеру исполнителя? Ха-ха.

Тут **Способный чиновник** перевел на меня свои мигающие глаза.

— Откуда ты узнал о существовании *Корпуса лососей*? — задал он, видимо, давно мучивший его вопрос.

— Когда *Корпус лососей* на реке Кумагава в префектуре Гумма реквизирует охотничьи ружья, я как раз был поблизости — ловил лососей. Я тогда чисто случайно не встретился с *Корпусом лососей*.

— Мы их реквизировали у директоров охотничьих союзов. — **Способный чиновник** собрал в мелкие морщинки лоб с большими залысинами и обменялся взглядами с **Собачьей мордой** — они понимающе ухмыльнулись друг другу.

Издав простодушный смешок, совсем не свойственный людям, которым уже за сорок, они снова посерьезнели.

— Ружья, которые мы тогда реквизировали, были хорошего качества, но разных образцов — и старых, и самых новейших. Из-за этого и возникли проблемы. Только освоишь ружье одной марки, как тебе дают другое — опять все начинай сначала. Это все время приводило к многочисленным жертвам. Жертвам несчастных случаев в результате тактических ошибок. Это был для нас самый тяжелый период.

— Лучше бы мы добыли одни старые ружья — тогда

все были бы вооружены одинаково. Для дела это гораздо лучше, а то, как получишь оружие поновее, сохранить хладнокровие бывает трудно.

— Я иногда размышляла о том, какой смысл заключен в названии *Корпус лососей*; наверно, речь идет совсем не о тех лососях, которых ловил отец Мори? — осторожно спросила студентка. — Если это самое обычное слово, известное каждому революционеру и бойцу вашего корпуса, то так и скажите, только не смейтесь надо мной.

— Лосось — пресноводная рыба, принадлежащая к семейству кетовых. Рыбаки ловят лососей, все время двигаясь вдоль горной реки, мы тоже все время передвигаемся, за это одна из газет префектуры Иватэ прозвала нас *Корпусом лососей*... Однако, поскольку это прозвище звучало как-то легкомысленно, власти не придали нам никакого значения. Если бы они всерьез восприняли сообщение газеты и устроили облаву на горных реках, нам бы пришлось туго...

— Ведь карта районов деятельности *Корпуса лососей* взята из книги «Места лова на горных реках», которая продается где угодно. Попади она в руки властей, они бы своего шанса не упустили. Вот тогда нам было бы худо, то уж наверняка.

Собачья морда, быстро прикончив принесенный комп-ексный обед, пододвинул к себе тарелку с колобками з крабов, и я подумал, что вот таким по-студенчески жадным заглатыванием еды он и испортил себе желудок — отсюда и серый цвет лица, и болезненный взгляд.

— Кое-кто действительно обнаружил взаимосвязь между маршрутом нашего похода и названием *Корпус лососей*, например Могуущественный господин А. Через продуктовую лавку в городке, известном как центр ловли рыбы в горных реках, он уже давным-давно установил с нами связь.

Опять этот Могуущественный господин А.!

— Я уж думаю, не я ли первым рассказал ему о *Корпусе лососей*... Но с какой целью решил он установить с вами связь?

— Могуущественный господин А. использует все! Хочет господствовать над всеми! — сказал Собачья морда, подняв лицо с налипшими вокруг губ кусочками колобков.

— Но если *Корпус лососей* совершал свой поход в глу-хих районах на северо-востоке, для чего он мог использо-вать вас, даже установив с вами связь?

— Местом действий *Корпуса лососей* действительно были горные реки, но, поскольку это — современное партизанское формирование, он мог растворяться и среди жителей городов, — разоткровенничался *Собачья морда*. — Способность хорошо вооруженного *Корпуса лососей* активно смешаться с населением, оставаясь недостижимым для властей, доставляла полиции немало хлопот. Однако *Великий поход* китайской революции и наш *Великий поход*, естественно, отличались друг от друга. Наш поход носил, скорее, ритуальный характер. Поскольку он являлся определенным символом, ритуалом, не все солдаты *Корпуса лососей* должны были участвовать в нем. Число участников похода *Корпуса лососей* было сравнительно невелико. Но они беспрерывно выполняли этот ритуал. Вот почему каждый наш солдат отождествлял себя с коллективом: Солдаты в любое время спускались с гор и проникали в города, а потом снова возвращались в отряд, в место сбора, которое сообщалось им совершенно секретно. Избегать любопытных глаз было сравнительно нетрудно — кто удивится, если на рассвете или вечером увидит поднимающегося в горы человека, снаряженного для рыбной ловли в горной реке? Обеспечен был *Корпус лососей* и материально благодаря тому, что солдаты, спускаясь с гор, работали и, добыв необходимые средства, возвращались обратно. В общем, *Корпус лососей* — это, так сказать, о т к р ы т ы й партизанский отряд, не имеющий ничего общего с закрытыми формированиями, страдающими болезненным стремлением никуда не выпускать своих членов.

— В таком случае почему революционная группа не использует методов *Корпуса лососей*? — не удержавшись, сказала студентка, но *Собачья морда* игнорировал ее вопрос, и вместо него ей ответил *Добровольный арбитр*.

— Обычно, когда одного из членов партизанского отряда, укрывшегося в горах, посылают вниз, у всех остальных возникает подозрение, что он может предать их. Такое подозрение, сочетаясь с непреодолимым желанием дезертировать, которое испытывают они сами, разъедает ядом их души. Именно ради освобождения их от этого яда я и веду движение, направленное на то, чтобы между всеми группами было достигнуто взаимопонимание на основе самокритичного анализа деятельности каждой из них. Партизаны должны, растворившись в народе и апеллируя к нему, освободить самих партизан.

— Апеллируя к народу, освободить самих партизан — что это еще за партизанские стратегия и тактика? — обратился Собачья морда к Способному чиновнику, тем самым нелюбезно выражая Добровольному арбитру полное несогласие с ним. — Плавание партизан в народном море, а не растворение в нем, подобно мылу. В противном случае партизаны вообще исчезнут!.. Другими словами, поскольку центростремительная сила концентрирует партизан вокруг ядра отряда и члены его осознают существование такой силы, нет никакой нужды убеждаться в их преданности, да и предательств не происходит. Именно в этом, мне кажется, и состоит особенность партизанского движения. Что касается *Корпуса лососей*, то центростремительная сила сохранилась благодаря непрерывно продолжавшемуся походу, хотя число его участников было не так уж велико.

— Но разве *Корпус лососей* в конце концов не рассеялся подобно туману? — спросил в ответ разозлившийся Добровольный арбитр.

Услышав это, двое из *Корпуса лососей*, вытянув погусиному шеи, презрительно посмотрели на вопрошающего и переглянулись — удовлетворенная улыбка появилась на их лицах. Они начали громко хохотать, прерывисто дыша, точно задохнулись от быстрого бега! Их вызывающее поведение привлекло внимание водителей грузовиков, которые, казалось, вовсе забыли о нашем существовании, — атмосфера начала накаляться.

Способный чиновник откашлялся и, точно отменяя устремленные на нас взгляды водителей, резко выпрямился на стуле. Не стирая с лица улыбки, он перевел на Добровольного арбитра свои круглые птичьи глаза и ответил ему так:

— *Корпус лососей* не рассеялся подобно туману. Именно поэтому я не могу подробно рассказать о его нынешнем походе... Однако мы привлекли внимание этих людей, давайте лучше уйдем отсюда. Материальное положение *Корпуса лососей*, я уже сказал, великолепно, так что заплатим мы.

— В этом, по-моему, нет необходимости, — заметил его товарищ.

У кассы стояла Ооно Сакурао и величественно расплачивалась.

Справившись со своим горем, вызванным смертью Справедливца, она вспомнила, что должна заплатить за

нас, и, как руководитель нашей группы, покинула машину и пожаловала сюда.

3

Мы поднялись и пошли к выходу, а Способный чиновник, самый находчивый из нас, поблагодарил будущую киносценаристку, но она, как и в прошлый раз, игнорировала его и предложила нам с Добровольным арбитром зайти в туалет и привести себя в порядок. «У нас здесь не столько едят, сколько пользуются этим заведением», — зло бросила девушка у кассы. Выражая простодушное восхищение заботливостью Ооно, Добровольный арбитр, глядя на свое отражение в зеркале туалета, сказал, обращаясь к самому себе: она даже полотенце для нас приготовила. Слова его не имели ко мне никакого отношения. Я в это время сидел на унитазе и услышал его голос за дверью. Правда, его отражавшееся в зеркале лицо, как и мое, выглядело ужасно, и радостного выражения на нем не появилось.

Студентка выбрала место, с которого хорошо было видно всех, — усевшись на подлокотник и опершись руками о сиденье, она принялась провоцировать нас на спор.

— Куда мы поедем теперь? Кто-то знает, куда мы направляемся, а другие должны молча подчиняться — это недемократично! Я до сих пор работала связной, а теперь меня никто не посвящает в наши планы. Это не только недемократично, но еще и проявление мужского шовинизма! Вас двоих, наверно, направило сюда командование Корпуса лососей для наблюдения за Мори, этим мальчишкой и Добровольным арбитром? Но в таком случае не смейте обращаться со мной как с объектом наблюдения! Я тоже член революционной группы! Если вы решили отстранить меня, будто я не имею никакого отношения к нашему движению, это уже совсем нечестно, бюрократизм какой-то!

Студентке доброжелательно, но с некоторым недоумением ответил Способный чиновник — ее обвинения были для него совершенно неожиданными.

— Разве мы относимся к тебе бюрократически? Это не в наших правилах. Если думать о перспективах революции, важно не то, как развивалось движение до сих пор, а то, как оно будет развиваться в дальней-

ше м. Особенно это важно знать молодым членам группы. Мы относимся к тебе с уважением и ни в коем случае не намерены тебя отстранять... Мы составляем здесь меньшинство и не собираемся вести за вами наблюдение. Мы добровольцы, присоединившиеся к вам для обеспечения дальнейших действий двух *превратившихся* — Мори и отца Мори. Мы обязаны сосредоточить все свое внимание на Мори. Почему же тебе кажется, что ты, участвующая в борьбе вместе с Мори с самого покушения, будешь отстранена?

После этих слов **Способного чиновника** студентка, ища поддержку, перевела взгляд на Мори. Следуя за ее взглядом, я тоже взглянул в ту сторону. Мори, свернувшись на сиденье, спал. Руками он старательно прикрывал раненую голову, как и до *превращения*, когда у него там был вставлен кусочек пластинка. Глядя на Мори, я подумал: все же ему необходимо объяснить, что я, *превратившись*, стал моложе его, но все равно остаюсь его отцом. И я спросил, обращаясь главным образом к тем двоим из *Корпуса лососей*:

— Почему вы все-таки вызвались охранять Мори? Ведь в вашем возрасте уже трудно поверить рассказу о *превращении*.

— Да ясно почему! На нас произвело огромное впечатление ваше недавнее выступление. Оставим в стороне вопрос о том, верим мы в *превращение* или не верим. Все шестеро из *Корпуса лососей*, находившиеся тогда в зале, были потрясены вашей речью, которую вы буквально прокричали, словно слившись с Мори. Мы согласились с вами и решили сотрудничать.

Веря ему только наполовину, я решил пока воздержаться от окончательных выводов, но тут **Собачья морда**, стараясь, чтобы я понял истинный смысл сказанного **Способным чиновником**, глядя мне прямо в глаза, принялся убеждать меня:

— Что удивительного в том, что именно на нас, находившихся среди этих юнцов, вернее даже, только на нас, ваши слова произвели огромное впечатление? Откровенно говоря, больше всего нам понравились ваши мысли о программе господства над людьми **Могущественного господина А.** У нас ведь есть опыт, который даже не снился этим *молокососам*. Перед самой капитуляцией Японии **Могущественный господин А.** на военном самолете вывез из Шанхая в Хиросиму золото, серебро, бриллианты, а тут

атомная бомбардировка. Все его приятели погибли, уцелели лишь сокровища и сам **Могущественный** господин А. — он принадлежит к тем людям, кому удалось извлечь выгоду из самого мрачного, самого ужасного, что только может создать человечество. Видимо, поэтому он и решил теперь сам вызвать к жизни сверхмощную силу, которая однажды уже столкнула его лицом к лицу с мраком. Вот почему эта программа господства над людьми ужасна. Мы вовсе не считаем ваши мысли о **Могущественном** господине А. химерой.

Собачья морда говорил о пережитой **Могущественным** господином А. атомной бомбардировке так, будто повторял заученный урок. Такую тактику обычно применяли дружки **Саёко** — повторяя хорошо известные собеседнику вещи, они старались сблизить позиции, но я, честно говоря, раньше над тем, что сообщил **Собачья морда**, не задумывался и поэтому пришел в смятение. Воспользовавшись моим молчанием, в разговор вмешалась **Саёко**, задав весьма существенный вопрос:

— Почему **Могущественный** господин А., бывший в Хиросиме очевидцем колоссального зла, не придумал равносильного этому злу добра?

— По формальной логике так и должно было случиться, — ответил **Способный чиновник**. — Возможно, наступит время, когда совершенное **Могущественным** господином А. будет оцениваться как величайшее благо. Сценарии **Могущественного** господина А., о которых говорилось в выступлении, если только они будут претворены в жизнь, вполне можно рассматривать как колоссальное добро. Буквально все аспекты сценариев. Они вполне достойны Нобелевской премии мира. Лишь когда это добро воплотится в реальность, господство **Могущественного** господина А. над людьми вступит в завершающую фазу.

— Однако! — подхватил **Собачья морда**. — Вот почему нельзя утверждать, что **Могущественный** господин А. с самого начала стремился к колоссальному добру. Видимо, возвращаясь к опыту пережитой атомной бомбардировки, **Могущественный** господин А. не рассматривает порожденную ею нестабильность обстановки как з. л. о. Разумеется, он не настолько наивен, чтобы считать происшедшее благом. Атомная бомбардировка указала **Могущественному** господину А. на безграничное расширение масштабов того, что может свершить человек. Если другие

способны на столь грандиозные дела, то и он в силах совершить то же — ведь все это сделали такие же, как и он, люди; в общем, у него открылись глаза. Человек, который так реагировал на атомную бомбардировку, способен придумать что угодно. Ядерный взрыв по своей грандиозности равноценен всему, чего достигло на сегодняшний день человечество. А все прочее уже выходило бы за земные рамки. Но **Могуущественный** господин А. в своих честолюбивых помыслах не стремился к космическим масштабам. Он только хотел господствовать над людьми на Земле.

Слушая **Собачью морду**, я заметил, что спящий Мори корчится в мучительных судорогах. Я понял, что судорога — признак острой потребности в самовыражении. Это пришли в движение кровь, мышцы, суставы, кости — весь организм Мори, пытающийся передать голос его духа. Я услышал в себе свой собственный голос, резонирующий с его беззвучным криком. *Вот как? Поскольку наше превращение произошло благодаря воле — силе на космическом уровне, мы обладаем мощью колоссального масштаба, превосходящей мощь честолюбивых помыслов Могуущественного господина А.*

Осознав этот прозвучавший во мне крик, я понял смысл действий Мори, сразу же после *превращения* напавшего на **Патрона**, — ну что ж, в таком случае я снова его преданный товарищ. Поддерживаемый этой уверенностью, я утратил последние сомнения в том, что ветераны славного *Корпуса лососей* по собственной воле решили охранять двух *превратившихся*. И тут я понял, что именно эти двое — наши первые товарищи — откроют всему человечеству суть *превращения*, которое до сих пор было скрыто, ограниченное лишь Мори и мной. Я не колеблясь завел с ними дружеский, откровенный разговор о стратегии и тактике.

— Для **Патрона** я делал главным образом резюме статей о ядерной ситуации за рубежом, но порой передавал ему и данные, связанные с Хиросимой и Нагасаки. Однако он ни разу и словом не обмолвился, что пережил атомную бомбардировку. В чем тут дело? Может быть, этот факт будет иметь определенное значение для стратегии предстоящей борьбы?

— Со мной **Могуущественный** господин А. ни разу не заводил разговора об атомной бомбардировке, — ответил **Собачья морда**. — Я только слышал от людей, что после

поражения, в период оккупации, он рассказывал, будто пережил атомную бомбардировку. Во всяком случае американцы, с которыми мне приходилось частенько встречаться, вспоминали об этом. В тот период еще существовал контроль над сообщениями о Хиросиме и Нагасаки, и американец рассказывал мне все это только для того, чтобы показать, как человек, переживший атомную бомбардировку, опередил всех в гонке за прибылями в международном масштабе. Тогда уже было совершенно ясно, что движущей силой замыслов **Могущественного** господина **А.** станет именно тот факт, что он пережил атомную бомбардировку. Я узнал об этом от одного американца, когда работал переводчиком на торговых переговорах о монопольных прибылях, которые хотел получить **Могущественный** господин **А.**; в свое время этот американец уже вел с ним подобные переговоры.

— Мой товарищ считается в Японии выдающимся специалистом в области английского языка и поэтому много раз ездил в Америку в качестве переводчика **Могущественного** господина **А.**, — пояснил **Способный** чиновник, переглянувшись с **Собачьей мордой**, они дружески улыбнулись друг другу. — Даже во времена боевого похода по горным рекам он, будучи солдатом *Корпуса лососей*, ездил переводчиком за границу, вот какие у нас есть люди. **Могущественный** господин **А.**, разумеется, знал, что ты принадлежишь к *Корпусу лососей*? Ведь когда ты поехал с ним в Атланту, он установил связь с «Черными пантерами» через тебя, правильно?

— Связь с ними оказалась на поверку бесполезной — пороку у них не хватает... Насколько я понимаю, план **Могущественного** господина **А.** в период подписания мирного договора с Америкой состоял в том, чтобы превратить Хиросиму и Нагасаки в открытые города и сконцентрировать в них банки всего мира на манер швейцарских. Он считал, что, поскольку два этих города уже подвергались атомной бомбардировке, вряд ли они станут объектами новой ядерной атаки. Следовательно, вкладывать деньги в банки Хиросимы и Нагасаки безопаснее, чем в швейцарские. Во время предварительных переговоров по этому вопросу он даже предложил вариант демонстрации ядерной угрозы — пусть, мол, самолет без опознавательных знаков совершит ядерное нападение на Швейцарию. Американец задал встречный вопрос — подобает ли говорить о новой атомной бомбардировке человеку, кото-

рый сам пережил ее, на что **Могущественный** господин А. ответил: именно поэтому я ее и предлагаю!

— Сам план провалился, но определенное воздействие он оказал, свидетельством чему может служить колоссальная система противоядерной защиты швейцарских банков, — сказал **Способный** чиновник. — Со стороны может показаться, что все замыслы **Могущественного** господина А. гибнут на полпути. Но это лишь видимость — за кулисами тайно достигается выгоднейшая сделка.

— Интересно, что за переговоры вел с американцем **Патрон**, при котором вы были переводчиком?

— Переговоры, казалось закончившиеся неудачей, служили лишь камуфляжем для тайной сделки, например поставки в Японию заводов, производящих индивидуальные атомные убежища, которые можно использовать как жилые дома.

— Возможно, в таком случае это имело прямую связь с той информацией, которую я поставлял **Патрону**.

— Совершенно верно. К тому же **Могущественный** господин А. делал все для того, чтобы мы не встретились. Трудно теперь оценить, что сделали сообща все люди, которые независимо друг от друга работали на **Могущественного** господина А.

— Мой университетский товарищ был агентом-связным **Патрона** в Европе — сразу же после кубинского кризиса он покончил с собой. Он был моим старинным приятелем, но даже я не знал точно, какую именно работу он делал для **Патрона**...

— Нам тоже известно о нем! Он подготавливал базы в Европе для *Корпуса лососей*.

Мы вновь почувствовали, как на нас надвигается угрожающая тень **Патрона**. Все замолчали, обдумывая то новое, что слышали друг от друга.

Будущая киносценаристка, которая, продолжая вести машину, видимо, прислушивалась к нашему разговору, сказала:

— Отец Мори, чтобы сохранить силы для совместных с Мори действий, вам бы тоже следовало вздремнуть, пока он спит... До сих пор вы делали все, чтобы защитить Мори от *Корпуса лососей*, но, поскольку теперь вы поняли, что и они будут бороться вместе с вами, охраняя Мори, можете спокойно поспать.

— Верно. Всем спать! Но где? Может быть, мы могли бы заехать на автобусе в мотель? — сказал **Добровольный**

арбитр, видимо совсем отупевший от постоянного недосыпания.

— А почему нельзя поспать в самом автобусе? Как сейчас спит Мори? Можно укрыться одеялами, которые лежат на багажных полках. Осторожно опустите спинку, чтобы не разбудить Мори, и накройте его одеялом. Я буду тихонько вести машину, и в ней будет тепло, а уж если начну клевать носом и ехать станет совсем опасно, тогда придется остановиться. Отопление, правда, работать не будет.

Мы начали укладываться спать, студентка укрыла Мори одеялом и вернулась на сиденье рядом с водителем. Она, наверно, решила помогать Оно вести машину и заменить ее, если та начнет засыпать! Меня тронуло это. Девушка обладала всеми качествами, которые так необходимы практическому деятелю. Засыпая под мягкое покачивание машины, я подумал с беспокойством, а был ли я когда-нибудь, подобно ей, солью земли и вообще смог ли когда-нибудь стать таким же, как она...

4

Я видел сон. Сон? Вы можете даже усомниться, мол, как по заказу, но я действительно видел сон. Мне кажется, в нем метафорически выражались отношения между реальным миром, в котором жили мы с Мори после *превращения*, и космической волей. Должен ли я скрывать этот вещий сон? Ведь я все это время вел рассказ о снах или о том, что весьма походило на сон, ха-ха! Надеюсь, вы не истолкуете мой смех превратно и не подумаете, что я собираюсь говорить о смешных вещах? Я смеюсь над своим нетерпением поскорее поведать о сне, еще более отчаянном, чем самое отчаянное время в моей двойной жизни, порожденной *превращением*. То, что я собираюсь рассказать, — это сон о зловещих призраках, но я надеюсь, что вы воспримете его с полной серьезностью.

Вначале во сне очертания реального мира, в котором пребывали мы с Мори, были совершенно четкими и можно было точно уловить истинную сущность нашей жизни. Мы с Мори были солдатами *Корпуса лососей*. Причем мы как раз совершали *Великий поход* по горным рекам. Все солдаты были в маскировочной военной форме и в серебристых очках для подводного плавания. Камуфляжная раскраска служила не столько для того, чтобы затерять-

ся среди зелени, сколько для того, чтобы резко выдвигаться в повседневной жизни. На темно-сером фоне, словно подернутом молочной пеленой, расплывчато проступали какие-то розовые разводы; хотя и затуманенные молочной белизной, они явно напоминали узоры вытасченного на мелководье из чистой, хотя и чуть замутненной воды лосося, — такой была наша боевая форма. Осмотревшись, я увидел весь наш огромный корпус в одинаковой одежде и вспомнил лосося, своей окраской напоминавшего только что распустившуюся вишню, однажды я видел такой сделанный под водой снимок.

Одетые в маскировочную форму солдаты совершают поход, широко растянувшись по берегам горной реки — до самого редколесья на склонах холмов. Двигутся они поровно, но размеренно. Они идут, напевая высокими головами, еще более чистыми, чем журчание реки: ЛИ... ЛИ... ЛИ... Эти ЛИ... ЛИ... ЛИ... должны взбодрить товарищей, удовлетворить собственную тайную гордость. Эти ЛИ... ЛИ... ЛИ... отличались от тех криков, которые настигали меня, когда я, помешанный на бейсболе мальчишка, замирал на базе, привлекая к себе всеобщее внимание! Благодаря одному этому новому хору ЛИ... ЛИ... ЛИ... мы с Мори, только что влившиеся в *Корпус лососей*, ясно осознали, каких идеальных людей собрал он в своих рядах. И мы тоже шли, радостно выкрикивая ЛИ... ЛИ... ЛИ... В боях, шагавших бок о бок с нами, мы беспрерывно узнавали самых разных людей, с которыми сталкивались в жизни. А, и ты тоже здесь! — исподдельно удивлялись мы и восклицали:

— Значит, ты и в самом деле боец *Корпуса лососей!*

Колонна двигалась, будто просцируясь на стереозэкран, поэтому мы с Мори беспрерывно обнаруживали среди солдат наших старых знакомых.

Образы этих дорогих мне людей переполняли мою погруженную в сон душу, успокаивали ее, символизировали мое полное освобождение. Осколки моего прошлого, нашедшие приют в их существовании, словно говорили мне: *Нет, твоя жизнь до сих пор не была так уж безнадежно плохой.* Разумеется, это чувство разделял со мной Мори. Мы мужественно шли с ним вперед. Мне казалось, что, взглянув за стереозэкран, я увижу в колонне, напоминавшей косяк лососей цвета распустившейся вишни, и нас — себя и Мори, — смело идущих вперед.

Вдруг на стереозэкране показался повесившийся в Па-

риже товарищ с обмотанной бинтом шеей. Он шагал опустив голову, по мелководью, заросшему водорослями, глаза его метали фиолетовые искры. За ним следовала похожая на сестру милосердия его жена-француженка. Она уже знала о его смерти, но, как ни странно, держалась так, будто совершенно не ощущает этого...

Участвовал в походе и **Справедливец**. Из-за неумения врача, собиравшего по кускам его растерзанное тело, он двигался, как кукла, скрепленная в суставах гвоздями, руки его были сцеплены на груди. Весь его облик, казалось, говорил о том, что, совершая *Великий поход*, он решает новую математическую проблему. Делая вид, что не замечает фиолетовых искр, сверкавших и в глазах **Справедливца**, за ним покорно следовала Ооно Сакурао. Без ее помощи двигавшаяся вперед пожилая кукла-солдат упала бы навзничь. Как только объявлялся привал, **Справедливец** прятался с Ооно в зарослях ивы, и они не спеша, как и подобает в их возрасте, предавались любви, ха-ха.

Я заглянул в прошлое с пронизательностью ясновидца — потасовка на митинге, выхваченная из мрака яркой вспышкой и выглядевшая фарсом, обернулась огромным беспорядочным сражением *Корпуса лососей*, стремящегося разрушить принимающий все большие масштабы, охватывающий все новые области замысел **Патрона** господствовать над людьми. Вспомните мужество **Справедливца**, сражавшегося своими вставными челюстями, которыми он манипулировал точно кастаньятами!

Однако теперь это было уже не то символическое сражение, а подлинная наступательная операция *Корпуса лососей*. И все солдаты воинственно кричали ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... призывая свергнуть самого могущественного и самого отвратительного врага — **Патрона**.

Тут, вскрикнув, я проснулся. Это было мучительное пробуждение — сон, знаменовавший наше с *Мори* духовное освобождение, неожиданно наткнувшись на глухую стену, рассыпался. Острые шипы кошмара, проникнув из сна в действительность, оставили в моем пробудившемся теле и духе страшные раны. *Не вселилась ли космическая воля, сотворившая наше с Мори превращение, и в самого Патрона, по прихоти которого Корпус лососей совершал свой Великий поход? Что же будет с нами, если он в самом деле есть та самая космическая воля, предопределившая наше с Мори превращение?*

От холода и ужаса пронзившей меня мысли я дрожал, плотно закрыв глаза, но тут почувствовал прикосновение к щеке намокшей от стекавших по стеклу капелек воды занавески и понял, что нахожусь не у врат космического ада, а в микроавтобусе, вместе с Мори. Отогнув край занавески, я выглянул наружу — внизу вдалеке виднелся порт Иокогама, а наш автобус стоял у сломанной ограды, окружавшей жилой массив на холме. Предраассветное небо было темно-серым, подернутым молочной пеленой, а высоко над портом пелена эта уже слегка розовела. Из-за холма доносился грохот, напоминавший землетрясение, — там, наверно, проходила автострада. Из моего сознания еще не исчезла машина жены, бывшей женой, и ее брата-великана, обгонявшая тяжелые грузовики. Плотнo прикрыв занавеску, я вернулся в холодную тьму и некоторое время прислушивался к сонному дыханию Мори, к сонному дыханию спящих в микроавтобусе товарищей... Да, забыл сказать, в моем сне в *Великом походе Корнуса лососей* участвовали и вы, писатель-невидимка, и ваш сын, ха-ха.

ГЛАВА XI

В ТОКИО ПРИБЫВАЮТ РЯЖЕННЫЕ

1

Наверно, я должен продолжать свой рассказ, стараясь не погрязнуть в мельчайших деталях. Но все эти мелочи представляются мне чрезвычайно важными — ведь в то время, пока я рассказываю о них, а вы записываете, Мори и я, *превратившись*, живем полной жизнью, и, если я вдруг умолкну, вам, мне кажется, тоже станет неуютно.

К тому же я не убежден, что буквально все сказанное мной записывается без малейшего пропуска. Неухоженный лес моих слов вы вырубаете по своему усмотрению и превращаете его в стилистически обработанный, где легко дышится. Я так и предполагал, что в этом и проявится связь моих слов и ваших записок. Именно поэтому я и говорил обо всем так подробно, опасаясь, как бы вы в своих записках не опустили те места, которые позволят понять, что та или иная мелочь имеет глубокий смысл. Однако я надеюсь, вы записали то, о чем я веду рассказ, не выбирая, что оставить в нем, а что из него выбросить.

Таким образом, вам, возможно, потребуется еще несколько десятков тысяч иероглифов, пока мы дойдем до действий, которые проявят космический смысл нашего с Мори *превращения*. И не окажется ли так, что, пока я говорю, а вы записываете, завершающие действия, к которым мы должны перейти, окончатся провалом? Ведь реальное существование двоих *превратившихся*, меня и Мори, обеспечивается только вашими записками.

Я уже однажды отмечал, что как писатель-невидимка, записывая слова ведущего рассказ отца Мори, я испытываю на себе его влияние. Но, я думаю, и отец Мори все глубже ощущает влияние этих записок. Например, интерес к слову, который он обнаруживает. Его интерес сродни тому, который возникает благодаря опыту лишь у тех, для кого обращение к слову — профессия.

Во всяком случае, повторное упоминание о наших отношениях, состоящих в том, что мы совместно несем бремя написанных слов, несомненно, полезно. Писатель-невидимка не прервет своих записок до тех пор, пока отец Мори не скажет, что ему наконец удалось выявить истинный смысл своего и Мори *превращения*. Писатель-невидимка требует, чтобы отец Мори не прекращал рассказа до того момента, пока не скажет, что истинный смысл их *превращения* выявлен. Если же, несмотря на это, отец Мори односторонне прекратит связь со мной, новой обязанностью писателя-невидимки будет найти его — хоть из-под земли вытащить — и заставить сказать, какая была миссия, возложенная *превращением* на него и Мори.

Я это обещаю. Но я придумал встречный план, на случай, если окажусь не в состоянии произносить слова. Поскольку мы совместно несем бремя слов, написанных вами самопроизвольно, то, если я окажусь не в состоянии произносить их, вы должны будете прислушиваться к словам, продолжающим самопроизвольно возникать в вас, и записывать их. И должны будете выявить в своих записках истинный смысл *превращения* моего и Мори. Если в ближайшее время я окажусь не в состоянии произносить слова, будучи арестован или убит, причиной явятся реальные действия, к которым мы с Мори приступим. О наших действиях в самом общем виде сообщит пресса, поэтому вам будет нетрудно произнести слова вместо меня, а потом записать их. Опыт у вас в этом немалый, ха-ха.

Итак, когда я вновь открыл глаза, снаружи раздавался невообразимый грохот: бум, бум, гр-р-р-гр-р-р-р.

Внезапно проснувшись, я даже растерялся от этого грохота. Рядом с нашим микроавтобусом был установлен

компрессор, и рабочие отбойным молотком долбили бетонное полотно дороги.

И все же непосредственной причиной, вызвавшей мое пробуждение, был не грохот. У меня, полусонного, перехватило дыхание от другого звука, возникшего в микроавтобусе. Это был печальный голос самозабвенно молившегося **Добровольного арбитра**. Но мое молодое тело *превратившегося*, не просыпалось, видимо, дольше других. Все проснулись раньше меня, но старались не шелохнуться, пока **Добровольный арбитр** молится.

Я тоже, открыв глаза, стал прислушиваться к молитве, пытаюсь вникнуть в ее смысл, хотя грохот бум, бум, гр-р-р-гр-р-р мешал мне — мое помолодевшее после *превращения* сердце трепетало при мысли, что своей молитвой **Добровольный арбитр** пытается скрыть охватившую его тревогу. И это тот самый человек, который не терял присутствия духа, когда его избивали и пинали ногами, не терял присутствия духа, корчась от боли. Пожалуй, то, что я слышал, была не молитва, а, скорее, жалоба. Казалось, он от всего сердца говорит председателю космического трибунала: будь внимателен при выборе свидетелей на суде человечества. И требует: приближается день, когда деталь-Земля будет направлена на свое место в окончательной конструкции, продли же существование человечества хотя бы на четыре-пять тысяч лет! Кажется, уже назначено заседание апелляционного суда, и те, кто прибудет на него из космических далей, выступят в качестве судей и вызовут одного-единственного свидетеля с Земли. Кто бы при таких обстоятельствах не стал молиться, тем более **Добровольный арбитр!** — *Не ошибись в выборе!* Не ошибись в выборе представителя хомо сапиенс, который будет выступать в качестве свидетеля на космическом трибунале! *Не ошибись в выборе* — не возьми на эту роль ту, что ведет телепередачи для женщин!

— **Фу-у!** — выдохнула Оно, и микроавтобус освободился от молитвенного заклятия... — Я полностью согласна с главным в вашей молитве. Только вот вы говорите, что нельзя ошибиться в выборе, а сами, называя представителя человечества, ошибаетесь. **Фу-у!** Простите, но я действительно выступаю в телевизионных программах для женщин и в самом деле знаю множество людей, выбор которых в качестве представителей человечества был бы ошибкой! **Фу-у, хха-ха-ха-ха!**

— ...Снаружи такой страшный шум — я думал, меня

никто не услышит,— смутился **Добровольный арбитр**.

— Во всяком случае, простите мне мой нелепый смех!.. Ну что ж, давайте подниматься! В утренних газетах уже, несомненно, появились самые диковинные статьи о **Могушественном господине А**.

— Только занавески не отдергивайте!— поспешно воскликнула Саёко, сидевшая рядом с водителем.— Пока мы отсюда не уедем...

Не знаю почему, но все мы, потягиваясь после сна, послушно последовали предостережению Саёко, показавшемуся нам уместным. В полной тьме заработал двигатель автобуса, предусмотрительная в практической деятельности будущая киносценаристка, прогрев как следует мотор, попросила студентку быстро отдернуть штору на ветровом стекле, и машина сразу же тронулась. Автобус сильно качало, отчего мой сектор обзора все время смещался вверх и в стороны — я увидел светлеющее небо и величественную, точно на открытке, Фудзи. Эта впечатляющая картина и непрерывный грохот — **бум, бум, гр-р-р-гр-р-р-р** — вызвали у меня бессмысленный смешок — хм!— точно выдохнул воздух. Когда микроавтобус проворно преодолевал ремонтировавшийся участок, чтобы выехать на шоссе с того места, откуда раздавалось **бум, бум, гр-р-р-гр-р-р-р**, за ним, перескакивая через развороченные куски бетона, погнались рабочие.

Точно рулевой, ведущий корабль в шторм, Оноо расправила плечи и, когда автобус выбрался на шоссе, сразу же прибавила скорость. Ловко управляя машиной, она через плечо посмотрела на нас с победоносным видом.

— Эти типы сегодня с раннего утра начали ремонтные работы, чтобы выманить из-за ограды наш автобус — в общем, прибегли к маленькой хитрости!— воскликнула она.— Артисточки в автобусе отдыхают, решили они, и удастся заснять сценку, как они голые скачут по кучам мусора! Им же нужно будет, решили они, воспользоваться находящейся рядом уборной и сходить за газетами, не будем им мешать, очень любезно с их стороны. Они и грохотали с таким усердием, чтобы поскорее разбудить актрис!

— Вон из бульдозера выскочило двое в касках с кинокамерами!— в тон будущей киносценаристке закричал **Добровольный арбитр**.

Однако студентка, до сих пор бывшая на стороне Оноо, поддакивать ей не собиралась! — она была де-вушкой принципиальной.

— Может, они и рассчитывали задержать за оградой наш автобус, но зачем утверждать, что они собирались фотографировать бегущих голых актрис? Высмеивать рабочих — мелкобуржуазный предрассудок, да и выдумывать каких-то голых женщин — значит подыгрывать мужскому шовинизму.

— В этом ты права. Просто настроение у меня было плохое, и мне захотелось немного улучшить его. — Оно была сегодня удивительно миролюбива.

— Ладно, хватит об этом... Вы сегодняшние газеты видели? В них и в самом деле помещены диковинные статьи!

Это заявили двое из *Корпуса лососей*, а студентка прошла по проходу и протянула Мори газету, как бы призывая остальных молчаливо согласиться с тем, что первым ее должен прочесть Мори.

Лицо Мори, уткнувшегося в газету, было небритым, но выглядело так, будто он специально отпустил бакенбарды и бородку, которые только придавали ему мужественность. Оно совсем не походило на лицо только что *превратившегося*. У него было обличье человека, в юности пережившего «кризис идентификации» и наконец впервые точно осознавшего, ради чего он рожден на этой земле, мягкое и печальное лицо человека, стремящегося выполнить возложенную на него миссию.

Через некоторое время Мори поднял глаза и посмотрел на меня в упор. Я весь сжался, когда он глянул на мое заспанное лицо восемнадцатилетнего, но в его взгляде я увидел сочувствие. Такие родные мне глаза Мори светились неподдельным азартом. С нами может произойти самое ужасное, говорили его глаза, но все равно, в каком бы критическом положении мы ни оказались, будем радоваться, хотя бы тому, что грядущие события обещают нам немало интересного. Точно так же горели глаза Мори до *превращения*, когда он однажды залез в слишком горячую ванну, в другой раз — когда его укусила огромная собака или когда он как-то свалился с дерева. Глядя в его глаза, я сказал себе: *Как и тогда, Мори, смирившись с грядущими невзгодами, надеется и на какую-то радость, более того, он бросает вызов, и я на этот раз готов пойти вместе с ним на любое, самое рискованное предприятие!*

Я протянул руку, взял у Мори газету и пересказал остальным содержание статьи.

— Патрон находится в клинике. С его родины в Токио прибыло человек пятьдесят крестьян. Приехали, разумеется, навестить Патрона. Они все вырядились кто во что горазд и расположились под окнами клиники. Автор статьи настроен весьма иронично, он насмехается над ними, мол, наряды одних уходят корнями в национальную традицию, другие — в костюмах актеров уличного театра, некоторые даже нарядились Чарли Чаплином и Санэмори¹, причем этих персонажей — сразу по двое. Но больше всего эти ряженые похожи на беженцев. Администрация клиники попыталась выгнать их, но заступился Патрон — таков, мол, их местный *обычай*, и им разрешили остаться. Судя по этому маленькому снимку, *обычай* довольно странный, ха-ха! — рассмеялся я, но тут призыв к действию, который я уловил во взгляде Мори, обрел для меня совершенно конкретные черты.

2

Когда газета, обойдя всех, снова вернулась к студентке, она, взглянув на снимок, воскликнула:

— Почему так низка сознательность японских крестьян, почему они так вульгарны? Жизнь у них печальная, нищенская, любой может обмануть их, как это ужасно! Как далеко им до революционного крестьянства.

— Хм?! — все остальные, кто был в автобусе, не решились безоговорочно согласиться с ней.

— Что? Я не права?! Зачем они устроили этот отвратительный маскарад, ведь случай для этого совсем неподходящий?

— Именно по этому случаю они и устроили маскарад, — принялся объяснять Способный чиновник с видом лектора подготовительной школы или женского колледжа. — Костюмы крестьян действительно выглядят вульгарно. Судя по снимку, все это и в самом деле весьма приискорбно. Но если ряженые начнут представление, они, я думаю, всех зевак вокруг рассмешат, да и сами будут от души смеяться. Это ведь ряженые из родных мест Могушественного господина А. В статье написано, что на его родине во время празднеств, молебнов, ритуалов изгнания злых ду-

¹ Санэмори — демон Ашур в одной из пьес Дзэами (1363—1413) для театра Но.

хов принято танцевать, вырядившись именно в такие одежды. Они и сейчас прибыли в Токио, чтобы изгнать злых духов.

— Но в статье почему-то написано, что они очень напоминают беженцев. А про то, что они, танцуя, изгоняют злых духов, не говорится ни слова. Если бы они действительно приехали для этого, хотя, разумеется, изгнание злых духов совершенно антинаучно, я бы, уж так и быть, согласилась, пусть рядятся на время церемоний. Но ведь они додумались в своих безумных нарядах приехать в Токио на экспрессе, ха-ха, пятьдесят человек сразу, представляете! Какая была в этом необходимость?

— Они его безумно боятся — вот в чем дело. Не вырядившись, они бы не посмели даже приблизиться к такому страшному человеку, как **Могущественный** господин А. Да уж одно то, что надо было добираться до Токио, да еще на экспрессе Синкансэн — уже это их пугало. И чтобы хоть как-то подбодрить себя, они вырядились, призвав на помощь силы потустороннего мира.

— Я сама из провинции, но не настолько глухой, чтобы там сохранились подобные обычаи.

— Глухая провинция или не глухая — определить это по одним внешним признакам невозможно, — хмыкнул, побавровев, **Способный чиновник**, повернувшись к **Собачьей морде**. — Помнишь, мы это называли «образом жизни гольца».

— Из книги «Места лова на горных реках», которую мы использовали в качестве карты похода *Корпуса лососей*, мы узнали о некоторых особенностях жизни гольца. У рыболова, написавшего эту книгу, был довольно своеобразный, хотя и несколько странный стиль, и мыслил он так же своеобразно. Он утверждал, что всем горным рекам сопутствуют подземные. Обе реки соединяются между собой протоками. Гольцы мечут икру в подземных реках, там вырастают и там же умирают. В реке, протекающей на поверхности, обитает лишь ограниченная популяция гольцов, которые поднимаются в нее из подземной реки. Доказательством может служить то, что даже после землетрясения, когда обвалы засыпают горные реки, как только вода снова пробьет себе новое русло, в ней сразу же можно ловить гольца. Значит, жившие в подземной реке гольцы выплыли на поверхность.

— В то время мы определяли *Корпус лососей* как пар-

тизанское формирование, которое под существующим обществом создает свое собственное, соединенное с ним потоками... Но революция возникает именно в существующем обществе, и партизаны должны выполнять роль детонатора. В этом смысле теория *Корпуса лососей*, действующего подобно гольцу, полностью себя оправдывает.

Если принять такую точку зрения, то и ряженные, думается мне, действуют так же. Разве под существующим в их местах микрообществом не создали они подобное подземным водам некое особое общество? А теперь, воспользовавшись ранением **Могущественного** господина А., вынырнули наружу. Если из каждого «подземного» протока вынырнут по двое — по трое, то наберется необходимое количество ряженных. Достаточно даже по одному человеку от поселка. Ведь и в наш век, когда существующее на поверхности общество, например токийское, погребено под слоем цивилизации и ряженным нет в нем места, в обществе, подобном подземным водам, еще есть такие места, где, словно гольцы, рождаются, растут и умирают ряженные. **Могущественный** господин А., зная это, может быть, сам вызвал этих людей. И даже денег дал им на дорогу, чтобы они все вместе могли приехать.

— Ради чего?! — раздраженно воскликнула студентка.

— Мы — я и Мори — думаем, что так оно и есть, *Корпус лососей* прав! — перебил я Саёко. — То, что Патрон вызвал ряженных, служит тайным призывом к нам с Мори, *превратившимся*, — вот что я думаю. Мори, ставший после *превращения* двадцативосьмилетним, и я — восемнадцатилетним, безусловно, отличаемся от людей, естественным образом достигших такого возраста. Более того, двое *превратившихся* — Мори и я — обязаны влиться в эту группу ряженных. И раз уж нас позвали, мы примкнем к ней, и таким образом нам представится возможность проникнуть к Патрону.

Почти незаметным движением Мори остановил студентку, которая была готова вцепиться в меня. Может быть, он хочет, чтобы я рассказал всем о рождающемся у меня в голове плане действий? Получив поддержку Мори, я начал разъяснять свой план:

— Патрон, безусловно, человек могущественный, администрация клиники делает все, что он только пожелает, и для нее не составляет никакого труда скрывать от прессы действительное состояние его здоровья. Об этом,

правда, нигде не говорилось, но, мне кажется, что после покушения Мори и Саёко он может умереть в любую минуту. Ему и самому это известно, и мне представляется, он решил сделать последнюю ставку — воспользоваться силой, влитой в меня и Мори *превращением*. Я не думаю, что такой испытанный боец, как Патрон, не почувствовал в нападавшем на него Мори сверхъестественной силы. А если учесть еще, что моя жена, бышая жена, с завидной энергией повсюду распространяет о нас самые невероятные слухи, у Патрона не могла не сработать интуиция. Он сообразил, что происшедшее со мной и Мори способно опрокинуть существующий в мире порядок. Та же интуиция подсказала ему, что наше с Мори фантастическое существование он, возможно, сумеет использовать. Вот почему, мне кажется, Патрон с нетерпением ждет нас.

— Возможно, он и в самом деле ждет вас, но ждет, расставив ловушку, чтобы арестовать обоих, — хладнокровно заметила будущая киносценаристка.

— Неужели вся эта комедия с ряжеными всего лишь хитрость, ловушка и Патрон хочет использовать их вместо полиции? Нет, я думаю, он не такой человек. Но даже если это и ловушка, чувствую, что воля, сотворившая наше *превращение*, заставляет нас войти в нее... Если же Патрон собирается использовать наше *превращение* для осуществления своей программы, мы обязаны воспользоваться этим в собственных целях и разрушить последний честолюбивый замысел Патрона установить господство над людьми. На нынешнем этапе, когда мы начинаем борьбу, лучше всех о *превращении* знаем именно мы, и это ставит нас в выгодное положение.

— Верно, — сказал Собачья морда, оскалившись, словно был готов вцепиться зубами в любого из нас. — Если противник попытается использовать в своих интересах силу вашего *превращения*, вы всегда сможете, взорвав себя, сами уничтожить свою силу! И легкая победа уплывет из рук Могушественного господина А.!

— ...Я уже думал обо всем этом, но ребята из революционных групп слишком твердолобы. И, всерьез поверив в *превращение* Мори и отца Мори, изо всех сил будут пытаться перетянуть их на свою сторону. Если же им это не удастся, они скорее уничтожат их, чем отдадут врагам, — сказал Добровольный арбитр. — Поэтому, я думаю, Мори и отцу Мори следует поскорее приступить к вы-

полнению миссии, возложенной на них *превращением*. Медлить нельзя. Я согласен, что вы должны влиться в группу ряженных и вступить в противоборство с *Могущественным господином А*.

Мори, охваченный воодушевлением, молчал и только широко улыбался — его улыбка говорила: *Значит, наши действия одобрены!*

— Но тогда прикрыть их мы не сможем, — грустно сказал *Способный чиновник* — не то что *Собачья морда*, предлагавший нам с Мори взорвать себя.

— Нет, почему же, если моя жена, бы в ш а я жена, в погоне за нами проберется в клинику, я бы хотел, чтобы ее, пусть даже силой, убрали оттуда; это будет самым существенным прикрытием, в котором мы нуждаемся. В своей черной каске она вполне может сойти за ряженую, и ей будет нетрудно смешаться с ними!

Все рассмеялись, кроме Мори. Я же сказал это, потому что испытывал острое беспокойство, а вовсе не для того, чтобы повеселить окружающих.

— Мори и отцу Мори не хватает выразительности, чтобы тоже стать похожими на комедиантов, вам необходимо вырядиться! Я поеду на телевизионную студию и привезу театральные костюмы... А вам, прежде чем проникнуть в клинику, необходимо подготовиться — поесть и отдохнуть как следует. Я уже продумала, как переодеть Мори и отца Мори — костюмы должны соответствовать *превращению* каждого из них, то есть нужно подчеркнуть, что один помолодел, а другой постарел.

3

Через три часа Мори и я, направляясь к клинике, где расположились ряженные, благодаря фантазии будущей киносценаристки были действительно облачены в великолепные наряды.

Мори был наряжен старцем, достигшим после *превращения* чуть ли не столетнего возраста. Грязновато-желтые седые космы висели почти до пят, того же цвета были борода и усы, вместо бровей — два заячьих хвоста. От всего прежнего его облика остались только весело свёркавшие темные глаза. На нем была длинная серого цвета шерстяная накидка, в руках — изогнутая и перекрученная, как корень индийской смоковницы, металлическая палка.

На ногах — парусиновые туфли, к которым были привязаны дощечки — точная имитация деревянных башмаков!

Что же касается меня, то я напоминал огромного детеныша кенгуру! В своем одеянии я походил на большущую тряпичную куклу, когда-то розовую, а теперь затасканную и ставшую грязно-мышинного цвета. На голове красовался розовый капор с оборочками — жаль только, что из него выглядывало лицо восемнадцатилетнего, ха-ха.

Ряженные, сидевшие рядом со зданием клиники, тоже приложили немало усилий, чтобы вырядиться почуднее, и теперь внимательно наблюдали за мной и Мори, когда мы на противоположной стороне улицы вылезли из автобуса и переходили через дорогу. Наверно, они отдали должное совершенству нашего наряда, ха-ха.

Достаточно было одного взгляда, чтобы заметить, как группа ряженных, подчиняясь какой-то мощной центростремительной силе, сжимается, спланивается. При нашем появлении двое ряженных — с виду охранники — приготовились выскочить нам навстречу. Они были в черных резиновых костюмах, в противогазах и вооружены чем-то вроде огнеметов. Наверно, стекла в их масках запотели, поэтому, чтобы лучше нас рассмотреть, они изо всех сил вытягивали шею, ха-ха.

Лавируя между машинами, мы с Мори дошли до середины мостовой и остановились, издали рассматривая ряженных. В псевдодеревянных башмаках старика идти было трудно, да и наряд, который был призван превратить взрослого человека в младенца, почти что исключал саму возможность передвижения, и, чтобы двигаться вперед, приходилось предпринимать неимоверные усилия, ха-ха. Была еще ранняя весна, на город опустилась вечерняя свежесть, но мы с Мори обливались потом и тяжело дышали, дожидаясь, пока схлынет поток автомобилей. Сидевшие в машинах удивленно смотрели на старца и огромного детеныша кенгуру. Сначала при виде таких странных калек на их лицах появлялась растерянность и негодование, а потом, присмотревшись, они начинали понимающе улыбаться, видимо решив, что это съемки телевизионной программы *Удивительное в Камере!*

Когда наконец у нас с Мори появилась возможность перейти дорогу и мы быстрым шагом направились к группе ряженных, вперед вышли те, кто был уполномочен

вести дипломатические переговоры, а двое в резиновых костюмах — как я догадался, в защитной одежде для разбрызгивания ядохимикатов — с еще большим рвением занялись охраной. Сначала «дипломаты» показались мне детьми с непропорционально огромными головами, но потом я увидел, что это пожилой мужчина с грустным лицом и толстенная женщина, которая беспрерывно жевала что-то, выуживая еду из пластмассовой посуды. Они не были выражены, но, наверно, их и так считали ряжеными — мужчина вполне мог играть роль карлика, женщина — страдающей нездоровой полнотой. Уже само по себе то, что они, с точки зрения обычных людей, были уродами, превращало их в шутов. Им не было нужды рядиться, не было нужды отпускать шутовские реплики, и, наверно, поэтому они могли, не выходя из образа ряженных, выполнять миссию дипломатов, уполномоченных вести переговоры.

— Эй, эй, приятели! — закричал карлик, с достоинством демонстрируя всем своим видом, что он глава делегации. Попятившись, он все же сохранял полное самообладание. — Эй, эй, приятели! Что это у вас за вид такой?

Я рассмеялся! Неожиданный приступ смеха напал на матерчатую куклу! Мори, тряся длинными волосами, скрывающими все его тело, точно бамбуковая штора, тоже смеялся, широко раскрывая спрятанный, как у выюна, под усами и бородой рот. До превращения мы с Мори частенько вот так от души хохотали...

Карлик в темно-коричневом пиджаке, поправляя толстыми пальчиками галстук и ничего не говоря, наблюдал, как мы смеемся, а потом вдруг сморщился и издал странный звук, будто чихнул. За этим последовал неудержимый, заливистый хохот! Мы были так потрясены, что утратили способность смеяться, а побагровевший от смеха карлик спрятался за спинами сидевших товарищей. Видно, что до него и самого дошла комичность собственных слов. Может быть, этот шут вовсе не так прост?!

Толстуха, оставаясь на месте, продолжала рыться пальцами в крепко прижатой к огромной, точно гора, груди посудине, время от времени что-то вылавливая там и отправляя в рот. Похоже, в банку концентрата она налила холодной воды из-под крана, лапша размякла, и теперь она поедала это месиво. Негодуя на нашу невежливость, своими выпученными, крокодильими глазами тол-

стуха продолжала испепелять нас с Мори даже после того, как мы перестали смеяться. Остальные ряженные, хранившие гробовое молчание, делали вид, будто не замечают нас, хотя не заметить нас было невозможно.

Тут толстуха вытерла перепачканные пальцы о плечо, закрыла банку крышкой и спрятала ее за пазуху. Потом прокричала нам:

— Ну что ж, присаживайтесь, — и подбородком, перерезанным тремя или четырьмя складками, надменно указала место, где нам надлежало сесть!

Так, без особого труда мы присоединились к ряженным. Мы с Мори пробрались в самую гущу толпы, расталкивая персонажей уличного театра, которым увлекалась демобилизованная молодежь в годы расцвета бейсбола после войны, расталкивая разбойников, злых чиновников и девишек из бара. Псевдодеревянные башмаки Мори прошлись по ногам одного из ряженных, обутого в соломенные сандалии, но он лишь покачал головой с выбритым на ней полумесяцем, раскрашенным краской. Ряженный сидел, тоскливо понурившись, но угрюмым выглядел не он один.

Устроившись на куске поролона, расстеленном на асфальте, — наверно, это постарался секретарь Патрона, подумав я, — мы с Мори очутились рядом с мужчиной и женщиной, у которых было забинтовано все тело. Из просветов между бинтами торчали обрывки шерстяных ниток. И тут я вспомнил. Один парень из нашей деревни, отбывавший трудовую повинность на верфях в Курэ, пострадал во время бомбежки и вернулся домой — все тело в ожогах было забинтовано с ног до головы. Мать размотала бинты, и посыпались жирные черви... Может быть, подобно тому парню из нашей деревни, эти мужчины и женщины в День поминовения усопших олицетворяли души всех погибших от атомной бомбардировки — новый лик бога чумы и зловещих микробов. Среди окружавших меня ряженных я узнал солдат, погибших в странах Южных морей, солдат отрядов смертников с повязками вокруг головы, моряков, нашедших смерть на дне океана, которые преспокойно сидели рядом с Чаплинами. Были там и души сгоревших во время воздушных налетов — кожа их была покрыта сажей, на головах, стриженных ежиком, половинки футбольных мячей... Я непроизвольно протянул руку, чтобы вытащить шерстяного червя, но замотанная бинтами спина слабо оттолкнула мою руку. Движение спины выдавало

мрачную злость, охватившую этого человека, и такое чувство испытывал не он один. Сидевшие молча люди были явно устали, раздражены, отвращение ко всему переполняло их. Но тем не менее дезертировать никто не собирался. Они сидели в напряженных позах, всем своим видом показывая, что не успокоятся до тех пор, пока не устроят праздничного веселья, и только после этого скинут свои наряды.

Настроение их мгновенно передалось и мне, один лишь Мори сохранял спокойствие; чтобы развеваемые ветром космы не мешали окружающим, он прижал их к груди, а лицо, выражение которого скрывали борода и усы, обратил к небу. Я чувствовал, на Мори вполне можно положиться, и верил, что, если только смогу научиться его выдержке, мы, двое *превратившихся*, без труда выполним все то, что, согласно возложенной на нас миссии, обязаны совершить!

Ряженные, включая теперь и нас, сидели у левой стеклянной стены главного корпуса клиники, а за стеклом, являя собой полный контраст нашей странной и неопрятной внешности, толпились чистенькие дети, ожидавшие приема у врача. Среди них происходило весьма характерное движение. Там крутились какие-то личности, скрываясь за толпой детей, они без конца фотографировали ряженных. Фотографировали огромным «поляроидом», нетерпеливо вытаскивая моментальные снимки! Это, несомненно, были секретари Патрона. Так же несомненно было и то, что их задача сводилась к одному — через определенные промежутки времени фотографировать ряженных и сравнивать свежие снимки со сделанными ранее. Как раз сейчас они обнаружат разительное отличие новых снимков. И красным карандашом с эмблемой фирмы Патрона обведут аккуратным кружочком нас обоих. Терпение, которое проявлял Мори, ни на минуту не терявший самообладания с того самого момента, как мы проникли в группу ряженных, было наконец вознаграждено!

4

Тем временем в группе ряженных произошли заметные перемены. Я почувствовал, что их мысли и чувства, до сих пор весьма пестрые, слились вдруг в единое целое и сосредоточились уже не на стеклянной стене клиники, а на

чем-то совершенно ином. Туда же обратил свое лицо с желтоватой бородой и бровями и Морн.

Там опять шел допрос очередных пришельцев, допрос, который так комично и быстро завершился при нашем появлении, но на этот раз пришельцы не были, подобно нам, чужаками, а просто, отлучившись куда-то, теперь возвратились обратно. Взгляды всех были прикованы к колеснице, которую с трудом волокли двое ряженных в масках чертей. На велосипедном прицепе — теперь его редко увидишь в Токио — был укреплен огромный, раза в два больше, чем сам прицеп, деревянный помост, а на нем — еще более огромная львиная голова с необыкновенно уродливой мордой — вот что это была за колесница. Оживленный спор с масками чертей, стоявшими по обеим сторонам колесницы, вели двое ряженных — пожарник и чиновник пожарной охраны. Я было подумал: как натурален их наряд, но оказалось, они и в самом деле из управления пожарной охраны, ха-ха. Карлик и толстуха, рядом с которыми стояли те самые охранники в черных резиновых костюмах, с интересом прислушивались к спору.

Снедаемый любопытством, свойственным восемнадцатилетнему, я, расталкивая ряженных, стал пробираться вперед, но куда смысла спора уловить не мог. Пытаясь проникнуть в его суть, я разглядывал колесницу. Голова льва, во всяком случае по размерам, выглядела вполне внушительно. Уродливой же морда казалась из-за того, что нижняя челюсть была сильно опущена вниз. Пасть льва — киноварь и золото, которыми она была выкрашена, облезли — была набита голыми куклами. Здесь были и Кинтаро¹, и самые разные соломенные куклы, и все они были голыми. Разумеется, пупсы тоже были голыми, ха-ха. И вот этими самыми разными голыми куклами — старинными, и самыми современными, вплоть до роботов, хотя уже и достаточно потрепанными и грязными, — была набита пасть льва, а иные просто свисали, зацепившись за клыки нижней челюсти. Вокруг головы льва торчали пятицветные бумажные флаги, точь-в-точь такие, которые висят на храмах Дзидзо — божества-покровителя детей и путников, — были свалены в кучу кукольная одежда и маленькие одеяльца.

¹ Кинтаро — персонаж японских сказок.

Спорившие, видно, никак не могли договориться и распялись все сильнее, наконец двое в вырезанных из дерева масках чертей откинули их назад, обнажив потные крестьянские лица. От этого речь их стала более разборчивой, но смысл по-прежнему оставался весьма туманным.

— Это мошенничество в государственном масштабе, нам нужно обратиться к сэнсэю¹! Почему вы говорите, что по таким пустякам не нужно беспокоить тяжелобольного сэнсэя?!

— Дурачье! Повторяете все время «сэнсэй, сэнсэй», не можете, что ли, назвать больного по имени?

— Разве это пустяки? Почему с нами здесь обращаются как с шантрапой? С нами, законно избранными членами муниципалитета?

— Брось болтать! В таком виде в Токно приехали, какие вы еще там члены муниципалитета? Дурачье! Хватит языком трепать! Не увильвайте от ответа!

— У нас ее сжигали испокон веку со времен наших предков, понятно? Она сама тихонько сгорает, и все в порядке. Нам любезно сказали, чтобы мы приехали за разрешением в пожарную управу, мол, обязательно получите, вот мы и притащили колесницу, а тут на тебе — запрет. Это, по-вашему, пустяк? Зачем было обещать, мол, за разрешением дело не станет? Мы приехали, а вы нам запрещаете?

— Вот и видно, дурачье вы и есть! И правильно, что запрещают. Если все разрешать и ничего не запрещать, какой тогда толк ехать за разрешением? Тащились в такую даль, ни стыда ни совести!

— Ну что, теперь тебе понятно? — подошел к черту, казавшемуся благоразумнее своего товарища, чиновник пожарной охраны.

— Вон оно что! Запрещение запрещением, а мы, значит, можем свободно сжечь колесницу. Вот здорово! — неожиданно воскликнул черт.

— Что ты мелешь? Ты тоже ничего не понял! — снова возмутился чиновник пожарной охраны. Ха-ха.

— Если рассмотреть этот вопрос с нашей точки зрения, — вмешался карлик, — то ничего не поняли как раз вы! Вы понимаете сами, что говорите?

— Мы, — добавила толстуха, — все на том стоим.

¹ Сэнсэй — вежливое обращение к старшему, уважаемому человеку.

— Но в Токио живет десять миллионов человек, которые придерживаются противоположной точки зрения. Вы должны это учесть также. С точки зрения этих десяти миллионов вы ведете себя глупо. Шуточное ли дело — в таком непотребном виде, скопом приехали в Токио да еще колесницу надумали сжечь. Неужто вам непонятно, что это наша работа — охранять десять миллионов граждан города Токио!

— Ведь мы же молимся о благополучии **Могущественного господина А.**

— Для того чтобы молиться о благополучии одного человека, кем бы он ни был, вовсе не нужно такой толпы, да еще в непотребном виде — ни стыда у вас нет ни совести. Ты же благоразумный человек, пойми, что я тебе говорю!

— Прослушав вашу замечательную речь, мы хотим, чтобы вы выслушали и нас — от имени десяти миллионов человек мы хотим освободить вас от бремени ваших забот!

— **А ты в самом деле считаешь, что прав?** — угрожающе спросил карлик. — Мы привезли голову льва, чья раскрытая пасть ведет в ад, и мы должны сжечь ее в Токио! В самой гуще десяти миллионов его жителей!

— Я уже сто раз говорил — сжигать колесницу в городе нельзя!

— Ну что за чепуху вы все несете? — сдвинув огромную каску на затылок, подпел чиновнику пожарной охраны молчавший до сих пор пожарник.

Пожарные нервничали все сильнее, а карлик разговаривал с ними, точно с пьяными, и держался с большим достоинством. Тут вступил в разговор лжеблагоразумный черт, прикрыв маской лицо.

— Сжечь такую малюсенькую штуку, нашли о чем говорить! Неужели десять миллионов человек могут испугаться этого? — снова заспорил он.

Второй черт, которого только что обругали, намеренно или нет, вдруг распахнул соломенный плащ и показал спрятанную под ним небольшую канистру — красную, с маркой «Esso»!

— Оболью керосином и подожгу! За десять минут сгорит дотла!

— **Что, что, что такое? Я конфискую керосин!**

Подчиняясь приказу начальника, пожарник полетел к черту и, как тот ни увертывался, надвинул ему на лицо маску и стал гоняться за ним, колотя по висевшей у черта

через плечо канистре: бум-бум, бум-бум!.. Тут же подоспел отряд моторизованной полиции — где он только прятался? — и достаточно было одного удара щитом полицейского, чтобы черт свалился на мостовую. У него отобрали канистру, содрали маску и соломенный плащ и оставили в одном нижнем белье лежать на асфальте. Он лежал на правом боку, обхватив руками голову, видневшееся из-под локтей загорелое лицо приняло землистый оттенок.

Ряженные в один голос произнесли: **Фу!** Этот возглас можно было принять за выражение возмущения и протеста, но, обернувшись, я разглядел, что они просто смеялись! Пораженный, я поискал глазами Мори и увидел, что у стеклянной стены в некотором отдалении от группы смеющихся ряженных стоит старик, а рядом с ним секретарь **Патрона.**

ГЛАВА XII

ДВОЕ ПРЕВРАТИВШИХСЯ ССОРЯТСЯ МЕЖДУ СОБОЙ

1

Жмурясь и отводя глаза в сторону, будто ослепленный обликом подбежавшего к нему великовозрастного младенца, секретарь Патрона сказал, шеголяя своей компетентностью, которую он выказывал каждый раз, когда я приносил резюме:

— Я сразу же узнал вас, когда вы присоединились к этим ненормальным. Патрон сказал, чтобы я привел вас к нему в палату. По всей клинике расставлены полицейские, но ничего, как-нибудь выйдем из положения. Патрон уже несколько раз приглашал к себе этих ненормальных и заставлял их устраивать синтоистские пляски кагура. В таком виде, да еще в моем сопровождении вы вполне сойдете за новых исполнителей кагура.

Не дожидаясь ответа, секретарь повел нас прочь от главного входа. Мы с Мори, чувствуя себя целовко в своих нарядах, покорно пошли за ним, а наши *превратившиеся* души ликовали!

— Предположим, нам удастся обмануть бдительность полиции и проникнуть в клинику, но не окажемся ли мы потом в затруднительном положении? — занскивающе спросил я.

— Я точно следую приказу Патрона... Во всяком случае, если с ним что-либо случится, меня уже это не будет касаться! Патрон, считайте, кончился! Цепляется еще за какие-то давно ушедшие в прошлое химеры. Преж-

него **Патрона**, хладнокровного, до мозга костей реалиста, не существует! Обхаживать каких-то сумасшедших крестьян... Кто угодно подтвердит, что это отклонение от нормальной психики.

— Каким же образом вы улавливаете желания этого ненормального старика?

— Сам удивляюсь! — сказал секретарь, презрительно взглянув на меня — что, мол, пристаешь.

Когда стеклянная стена кончилась, мы повернули за угол и пошли вдоль больничного корпуса. За изгородью была проложена дорожка, потом снова шла изгородь, а за ней — другой корпус, из окон которого на нас во все глаза смотрели больные — может быть, потому, что ряженных, сидевших перед клинкой, они еще не видели, нас с Мори встретили настороженными взглядами; *даже страдая тяжелыми недугами, имеете ли вы право так открыто издеваться над нами?* — подумал я, чувствуя себя неудобно. Нырнув в служебный вход клиники, я наконец облегченно вздохнул, хотя наступил самый критический момент — чтобы добраться до палаты **Патрона**, нужно было пройти трех полицейских.

Когда мы наконец попали в огромную палату, старик с забинтованной головой, лежавший на кровати, метрах в пяти от нас, не поворачиваясь, лишь скосил в нашу сторону полузакрытые глаза, стараясь получше рассмотреть наши наряды. В лице **Патрона**, которое всегда было прекрасным, мужественным лицом современного человека, появилось старушечье выражение. Да, оно действительно превратилось в лицо древней старухи. Увидев **Патрона**, я телепатически передал Мори: *Это же беременная старая карга; что с ним произошло?!*

Мы с Мори стояли не шевелясь — ничего другого нам не оставалось, а **Патрон**, еще сильнее скосив глаза, внимательно рассматривал нас. Секретарь, который привел нас сюда, и другой секретарь, находившийся в палате, не получая указаний **Патрона**, предпринять что-либо самостоятельно не решались. Вдруг раздалось громкое фыркание, и я подумал, не спряталась ли где-то здесь собака. Фыркание раздалось снизу — за вздувшимся животом **Патрона** на корточках сидел обладатель массивной лысой головы, внимательно следивший за каждым движением **Патрона**. Помнится, я уже видел однажды эту массивную голову. Это был нефтепромышленник, чуть ли не самый крупный в Японии, владелец нефтеналивных

судов — после войны они с Патроном стали чемпионами по части сколачивания капитала посредством темных финансовых махинаций. Скривив свои толстые губы и глядя на нас с Мори, он громко сопел.

Будто сопенье было тайным знаком, Патрон, поняв, что это явились мы с Мори, тихонько засмеялся и хрипло, чего я никак не ожидал от него, поскольку голос его всегда был твердым и чистым, произнес:

— Хха-хха-хха, занятную штуку ты удумал. Так тщательно все рассчитал, столько сил положил, хха-хха-хха, необыкновенный человек. В тот раз, когда ты пришел, чтобы избить меня, я решил, что это ты просто переоделся; хха-хха-хха, а сейчас вы еще чуднее вырядились и пришли вдвоем, я в самом деле могу подумать, что произошло что-то поистине необыкновенное или что вы задумали нечто сверхъестественное. Слушай, а в самом деле, в прошлый раз это все-таки был ты или же здесь сейчас не ты, а кто-то другой? У меня даже в глазах рябит от этого вашего оригинального наряда. Отдайте-ка вашу палку, а то я подумаю, что вы пришли еще раз избить меня, хха-хха-хха.

Патрон умолк — голос у него был слабый, как писк комара, — из-под ворота пижамы выглядывала багровая кожа, под которой едва заметно билась жилка. Как только Патрон замолчал, нефтепромышленник, восприняв его слова как указание, широким шагом обошел кровать — и могучими бицепсами, и здоровым цветом лица этот хорошо сохранившийся пожилой человек являл собой полную противоположность Патрону. Брезгливо надув губы, он отобрал у Мори металлическую палку и стал ее изучать. Лысая, прекрасной формы мощная голова, огромное лицо, на котором застыла скорбь. Секретари, неслышно ступая, долго расставляли у кровати Патрона два стула: так — *слишком близко, так — слишком далеко, и вообще не будет ли Патрону неприятно, что эти двое сядут рядом с ним?* — колебались они, в общем, в отличие от нефтепромышленника их движения были значительно менее решительными.

— Ты садись вот тут, — указал на стул Патрон и, наблюдая, как мы с Мори усаживаемся, слегка прикрыл глаза и облизнул кончиком бледного языка свои искусственные зубы. Я сидел так близко, что мне была видна даже их внутренняя сторона. — Хха-хха-хха, мне больно говорить, и я уж подумываю, не замолчать ли мне до самой смерти? Но все же существуют слова, которыми следует

завершить земное существование, — вот только не знаю, какие из них выбрать, хха-хха-хха. Какими были первые в моей жизни осмысленные слова? Поскольку все мои родные умерли, а это было давным-давно, я не могу выяснить, что это были за слова, хха-хха-хха.

За полуприкрытыми веками Патрона мелькнули налитые кровью, казалось, пылавшие глаза — в какое-то мгновение они наполнились слезами, которые затем просочились на морщинистые, точно у черепахи, веки. Между моей головой и головой Мори протянулась сухая, точно отполированная, без единого волоска рука и промокнула марлей слезы. Просто удивительно, до чего опытный санитар — оставаясь в тени, он был ведущей фигурой там, где явно назревал скандал. Его розоватая, непомерных размеров рука выглядела рукой борца, выдающегося борца, он двигался необычайно проворно и целеустремленно. Если бы Мори или я сделали хоть малейшую попытку причинить Патрону вред, он бы легко свернул нам шею. Стоило представить себе это, и меня всего пронизывала мысль, что жизнь моя в опасности, ха-ха.

— Я скоро умру, но не потому, что ты или твой товарищ разбили мне голову. Обследовав меня после ранения, врачи обнаружили рак. Если бы ваше нападение не запоздало, оно могло бы обернуться для меня благом, хха-хха-хха, — сказал Патрон теперь уже менее хрипло и, приоткрыв один глаз, посмотрел на меня, а когда взглянул на Мори, глаз его торжествующе сверкнул. — ...Старики, пережившие атомную бомбардировку, часто болеют раком — оказывается, и у меня прогрессировал рак легких, опухоль дала уже метастазы в спинной мозг, и теперь боли заглушают морфием. У меня уже давно бывали боли, но... — Из глаз Патрона, оборвавшего фразу на полуслове, полились слезы, и санитар-нефтепромышленник проворно отер их — потом он снова громко засопел и замер в выжидательной позе. — ...Теперь, когда я, умирающий старик, оглядываюсь вокруг, то и в самом себе, и в том, что меня окружает, вижу лишь зло и жестокость... И мне, старику, жутко умирать, сознавая это, умирать без надежды, без благодати... Как страшно — ведь я прожил большую жизнь. Хха-хха-хха, — снова хрипло засмеялся Патрон, но на этот раз его смех сопровождался рыданиями!

Мы с Мори сидели молча и следили, как двигается между нашими головами рука нефтепромышленника, а оба

секретаря, даже тот, который столь цинично отзывался о хозяине, заплакал.

— Хха-хха-хха... это ужасно. Как мне хочется, чтобы этот отвратительный, беспощадный рак переродился в нечто противоположное... Конечно, рак есть рак, и, когда он в последней стадии, здесь уж ничего не поделаешь... Но я вынашиваю план, как сделать так, чтобы этот ужасный рак обернулся чем-нибудь грандиозным, сверкающим, как огромный фейерверк. И тут я вспомнил о тебе. Переодевшись, ты пришел и напал на меня, благодаря чему у меня и обнаружили рак... Хха-хха-хха, когда я узнал сегодня, что ты снова явился сюда со своим товарищем, мне захотелось использовать эту вашу «оригинальность»... И все же, что у вас за вид? Что с вами произошло? Хха-хха-хха... Прежде всего для чего ты или твой товарищ, загримировавшийся под тебя, совершил на меня нападение? Чтобы сообщить мне, что у меня рак? Хха-хха-хха. Что-то произошло... или ты просто уверовал, что произошло действительно что-то необычное, и это вынудило тебя, хха-хха-хха, к столь странным действиям?.. Вы гораздо больше годитесь для изгнания злых духов, чем те ряженые с моей родины, которые сидят сейчас перед клиникой. Хха-хха-хха, ну так что же ты собирался делать? Наверно, нечто намного более интересное, чем снабжать меня резюме, да? Хха-хха-хха... Так что же?.. Что ты собирался сделать?

Как только Патрон задал этот вопрос и его хриплый голос умолк, меня всего пронзил жгучий страх! Опасаясь, что Мори вдруг заявит: **Мы пришли, чтобы сделать это,** и бросится на Патрона, а протянувшаяся сзади могучая рука свернет ему шею, я дотронулся до колена старика и, задыхаясь, заговорил:

— Я и мой сын Мори *превратились*. Однажды утром, после невыносимо тяжелой ночи, мы *превратились*. Помните, мне было тогда тридцать восемь лет. За ночь я помолодел на двадцать и стал восемнадцатилетним мальчишкой! Я понял это, посмотрев на себя в зеркало, понял, ошупав свое тело. Ощущение своего тела, которое стало жить новой жизнью, заставило меня поверить в то, что мне в самом деле восемнадцать лет. Я же обладаю опытом человека, которому однажды в жизни уже было восемнадцать. Когда моему телу стало восемнадцать лет, то не только мои чувства, но и дух, очистившись, устремились туда же, назад к восемнадцатилетней душе! Благодаря

инерции памяти в эффекте *превращения* есть некоторая неравномерность — что-то устремляется вперед, что-то возвращается назад... Важно само по себе то, что сын Мори претерпел *превращение* одновременно со мной, но в противоположном направлении! Он был умственно отсталым восьмилетним ребенком, а стал и физически и духовно крепким, цветущим двадцативосьмилетним женщиной! Я думаю, это было *превращение*, стимулом которого послужила наша близость отца и сына.

(Патрон тихонько повернул в мою сторону голову и, пока я говорил, внимательно следил за мной прищуренными, точно подернутыми красным туманом, глазами. В своем мозгу, клетки которого плавилась от жара и ледяных карств, он, казалось, подбирал нужные слова. Но у него это никак не выходило, и он, напряженно пытаясь ухватить мысль, свел брови и, если бы он сейчас и мог вымолвить что-то своими сухими посиневшими губами, то, наверно, сказал бы, перемежая речь тихими смешками, такие слова: *Твоя супруга, ах нет, она ведь говорила, что вы расстались, значит, бывшая жена, да? Так вот, она сообщила моему секретарю, что ты просто-напросто вырядился молодым, а сына нарядил человеком старше себя. После этого ты совершил на меня нападение. Поскольку вы и сейчас наряжены, я не могу проверить, правду ли ты мне сказал. Твоя супруга, или бывшая жена, заявила также, что ты, боясь, как бы тебе как следует не досталось от ее братьев, взяв с собой переодетого сына, скрылся. Хотя она была в курсе того, что ты совершил на меня нападение, объяснить мотивы не смогла.*)

— Мори и я, побуждаемые силой, которая вызвала наше физическое и духовное *превращение*, действуем сейчас на ощупь, словно в тумане... Да нет, словно в тумане действую один я, восемнадцатилетний мальчишка! Мори, превратившийся во взрослого мужчину, прекрасно осведомлен не только о том, где находится космическая воля, совершившая наше *превращение*, но и о миссии, которую должны выполнить *превратившиеся*. Сразу же после *превращения* Мори совершил на вас покушение — ясно, что он сделал это по приказу космической воли, выполняя миссию, возложенную на него *превращением*! Моя жена, бывшая жена, утверждает, что я, переодевшись, напал на вас, и вы наполовину верите ей, наполовину сомневаетесь в правдивости ее слов, но, уверяю вас, она ошибается. Мори, не говоря мне ни слова

о приказе космической воли, совершил на вас покушение. Если бы жена, бы в ш а я жена, услышала то, что я сейчас говорю, она бы, несомненно, сказала, что я, пытаясь возложить вину за свои преступные действия на умственно отсталого ребенка, перерядился сам, перерядил его и вместе с ним попытался скрыться! Она действительно так думает и поэтому преследует меня, сговорившись с братьями и полицией. Но на самом деле все не так. Если бы Мори после *превращения* посвятил меня в суть приказаний, данного ему космической волей, я бы тоже, несомненно, участвовал в покушении. Однако Мори, видимо, стремясь как старший уберечь меня, восемнадцатилетнего, не допустил этого. Родительские чувства повзрослевшего Мори — вот в чем суть. Хотя настоящий отец — как раз и есть восемнадцатилетний, которого он оберегал...

(Хха-хха-хха, слабо рассмеялся Патрон. Его красные глаза под морщинистыми веками тоже смеялись. Может быть, лекарства, которые давали Патрону, действовали то возбуждающе, то успокоительно? Теперь к нему вернулась агрессивность, и он, наверно, хотел сказать так: *Хха-хха-хха. Говоря о превращении, происшедшем благодаря космической воле, ты почему-то рассказываешь не о космическом импульсе, а о том, что творится в твоём собственном доме. Скажи мне, что представляет собой космическая воля, совершившая превращение, о котором ты говоришь? Почему по ее приказу на меня совершено нападение? Во всяком случае, я имею право спросить об этом. Хха-хха-хха.*)

— Я думаю так: космическая воля, совершившая наше *превращение*, передает свои приказы достигшим зрелости телу и духу Мори. И Мори точно знает, что представляет собой космическая воля, являющаяся источником этих приказов. Поэтому я должен, участвуя в действиях Мори, помогать ему. Я твердо знаю лишь то, что из-за своей юношеской взбалмошности способен неверно понять космическую волю, ошибочно истолковать ее приказ, поэтому, веря в существование космической воли, обязан повиноваться действиям Мори. И сюда я тоже пришел вслед за Мори. Я ничего не знаю о выработанном им плане действий! Однако мне известно, что Мори находится в непосредственной связи с космической волей, и я повинуюсь его действиям. Это, конечно, не означает, что космическая воля может как угодно помыкать Мори. В главном он свободен, я, в общем, тоже могу действовать по собствен-

ному усмотрению. Ведь это было бы просто невежливо, если бы космическая воля, которая, не спрашивая нашего желания, не входя в наши обстоятельства, *превратила* нас, еще бы и навязывала нам свои приказы. Ни я, ни Мори не можем разрешить космической воле подобное неуважение к нам!.. Говоря «не можем разрешить», я имею в виду то, что у нас есть способ выразить космической воле свое несогласие. Мы с Мори можем перехитрить космическую волю. Мы можем сделать так, что космический компьютер, приведенный в действие для того, чтобы совершить наше *превращение*, окажется бесполезным! Иначе говоря, мы с Мори можем совершить самоубийство и тем самым сведем на нет усилия космической воли.

(Высказав это уверенным тоном, я вдруг вскрикнул от того, что кто-то из всех сил сдвинул мне запястье! Но кто? Не кто иной, как Мори, вложив страшную силу в свою правую руку. Мори крепко сжимал мне запястье, все сильнее и сильнее; первый раз он сдвинул его, когда я заявил, что если космическая воля будет отдавать нам приказы, то проявит этим неуважение по отношению к нам, но в тот раз боли я почти не почувствовал. Вначале я испытал даже радость от того, что мою левую руку, лежавшую на мускулистой ноге *превратившегося* Мори, крепко сжала его правая рука. И спокойно продолжал разговаривать с Патроном. Но тут я ощутил боль и попытался отбросить руку Мори, но восемнадцатилетнему мальчишке это оказалось не под силу. А после моих слов, что мы можем перехитрить космическую волю, совершив самоубийство, боль сделалась невыносимой и я вынужден был замолчать, обливаясь липким потом. Я укоризненно взглянул на Мори, но за бутафорской желтоватой бородой и усами уловить выражение его лица не смог. И только когда я замолчал, давление его руки сразу же ослабло. Причинив мне боль, рука Мори стала потом нежно поглаживать меня. Так в действиях правой руки Мори я усмотрел его критическое отношение к моим словам.)

— В действиях Мори, сразу же после *превращения* совершившего на вас нападение, содержался космический смысл. Ведь нападение было сопряжено с колоссальной опасностью, оно могло перечеркнуть наше *превращение*! Вашей охране ведь ничего не стоило избить до смерти или застрелить Мори. Наконец, просто арестовать его.

Быть арестованным — что для Мори может быть страшнее! В полиции он бы, несомненно, хранил молча-

ние; он же имеет право не отвечать на вопросы. Однако если бы власти вдруг решили установить его личность, выяснить возраст и биографию, то никакие фактические подтверждения, никакие научные выкладки не помогли бы доказать, что Мори и есть тот самый настоящий Мори!.. *Превратившись*, он стал новым человеком, а заниматься выяснением личности в масштабах земного шара невозможно. Даже если бы я заявил, что прихожусь ему отцом, и добровольно согласился, чтобы занялись выяснением моей личности, удалось ли бы мне убедить власти, что восемнадцатилетний юнец является отцом человека зрелого возраста, преступление которого доказано?

Кроме того, что стало бы с миссией, возложенной на нас *превращением*, если бы Мори был убит или арестован и ниточка между мной и им прервалась? Ведь только через Мори я могу слышать призывы космической воли, совершившей наше *превращение*. И я бы сделался подкидышем в космическом масштабе! Восемнадцатилетним подкидышем, только что пережившим *превращение*, я был вынужден бродить из конца в конец Вселенной в поисках ответа на вопрос: что есть я, кем должен стать? И это теперь, когда мы вдвоем отвечаем за судьбы человечества?

(Внутреннее беспокойство заставило меня умолкнуть на полуслове. Патрон засмеялся — хха-хха-хха, — а нефтепромышленник недоуменно хмыкнул. Секретари перестали всхлипывать и, слушая мои разглагольствования, сочувственно улыбались. Неужели Мори, сжимая мою руку, старается подбодрить меня?! Моему восемнадцатилетнему телу и духу он, как тогда во сне, передал благожелательное ЛИ... ЛИ... ЛИ!.. Я вновь обрел уверенность и утвердился в стремлении доказать, что мы с Мори, *превратившиеся*, избраны пинчраннерами человечества в решающий момент его жизни. Доказать всем тем, кто смеется нам в лицо, иронически хмыкает! Я не собираюсь задавать себе вопрос, за какие наши качества мы были выбраны пинчраннерами. Если мы — выдающиеся игроки, превосходящие всех людей на свете, то как постоянные члены команды уже давно должны были выйти на матч по спасению человечества. Мы не имеем права терять веру в свои силы, колебаться. Выбранные пинчраннерами, мы стоим в базе, дожидаясь благоприятного момента. Получая указания тренера — космической воли, мы с Мори напряженно думаем: бежать немедленно или чуть переждать. Мы сами обязаны выбрать момент, когда бежать! ЛИ...

ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ...)

— Я, как один из ваших помощников, которые выполняли для вас одну и ту же работу, не зная друг о друге, долго служил вам! Все это время я не задумывался над тем, как связано мое дело с вашими реальными замыслами. У своих помощников вы не будили желания задумываться. Однако моя крохотная работа, слившись с работой остальных, приносила конкретные плоды! Причем наша деятельность противоречила чаяниям людей, ради которых, как нам казалось, работали мы, ваши помощники!.. Используя нас, вы создавали систему господства над людьми. Ваши действия были весьма искусны. Например, вы финансировали ядерные исследования, проводившиеся революционными группами студентов. Если бы эти махинации выплыли наружу, никто бы серьезно не отнесся к ним — *крохотной группе изготовить атомную бомбу? Смехотворная детская болезнь левизны.* А когда атомная бомба была бы изготовлена, все бы ахнуло от ужаса и им бы ничего не осталось, как склонить голову перед неизбежностью. Я сам, не ведая, что творю, участвовал в реализации этого плана! Космическая воля послала вам, создателю системы господства над людьми, протест. Поскольку на Земле нет силы, способной разрушить ваши замыслы, у космической воли не было другого способа, как действовать самой... Однако здесь возникло непредвиденное обстоятельство. Оказалось, что вы больны раком и уже обречены. Зачем нужно было совершать на вас нападение, когда вы все равно умрете? Космическая воля вполне могла ничего не предпринимать, чтобы уничтожить вашу систему господства над людьми, а просто ждать! Зачем же она совершила наше *превращение* и противопоставила нас вам? Разве все это не бессмысленно?

— Нет, это не бессмысленно, — откашлявшись, сказал Патрон впервые за сегодняшний день ясным голосом. — Меня ждет ужасная смерть, и я теперь не в состоянии изучать резюме, связанные с проблемами космического масштаба, хха-хха-хха. Мне только хочется сделать одно замечание. Ты говоришь, что космическая воля, совершив ваше *превращение*, направила его острее против меня. Вопрос в том, как к этому отнестись. Допустим, космическая воля действительно существует, но почему своим объектом она избрала именно меня? Ответа на такой вопрос не существует. Почему я родился на планете Земля, входящей в нашу Вселенную — одну из бесчисленного

множества вселенных? Задайте этот вопрос, и ответить на него вы не сможете, хха-хха-хха. Тогда можно сформулировать так: поскольку я родился именно здесь — ничего не поделасшь, вот и все. Мне остается одно — подумать, что же мне предпринять, если, как ты утверждаешь, посланцы космической воли выступают против меня. Хха-хха-хха, ведь действительно ты или твой сын сразу же после *превращения* напали на меня. Откровенно говоря, я думал, что ты сошел с ума и, притворившись еще большим сумасшедшим, чем был на самом деле, совершил на меня покушение. Хха-хха-хха.

...В результате мне был нанесен удар по голове, я потерял сознание, и врачи, обследовав меня, обнаружили, что я болен раком в последней стадии. До этого я обращался к врачу, только когда у меня болела грудь или спина, чтобы он сделал мне обезболивающий укол! Хха-хха-хха... (*Патрон снова заплакал.*) Я считаю, что если, как ты утверждаешь, космическая воля существует и своим объектом избрала меня, то именно она послала сигнал, сообщающий время, когда все мои счета с жизнью будут сведены. Хха-хха-хха. (На этот раз он смеялся.)

Превратившиеся — ты и твой сын — пришли сюда, чтобы помочь мне свести счета с жизнью. В самом деле, если бы не руководство космической воли, ни один человек на Земле такого бы не придумал, хха-хха-хха.

Во всяком случае, с моей точки зрения, это совсем не бессмысленно. Как только я решил свести счета с жизнью и, готовясь к этому, стал подбирать человека, которому смог бы поручить это, появляешься ты со своим сыном. **Нет, все это определенно имеет смысл!**

В это время пришла сестра, чтобы поставить Патрону клизму, я смущенно стал приподниматься, но стоявший за моей спиной верзила положил мне руку на плечо. При чем с такой силой, что мне показалось, будто на плечо упал какой-то огромный предмет, тяжелый и твердый. Может быть, это был превентивный удар, продиктованный опасением, что я собираюсь напасть на Патрона? Увидев наш с Мори наряд, сестра изумилась, но, взглянув на нефтепромышленника, вздрогнула и чуть не заплакала от страха. И пока была в палате, больше ни разу не взглянула ни на нас, ни на него.

Уже некоторое время в палату доносился непрекращающийся топот множества людей, идущих по дорожке вдоль больничного корпуса. Причем дорожка кончалась

тупилом. Поэтому все они скапливались на ней, не имея возможности пройти вперед. Огромная толпа не кричала, не шумела, но все росла. Слышалось лишь глухое перешептывание. До меня долетали все эти звуки, а одновременно на старушечьем лице Патрона, до сих пор совершенно безразличном к шуму, доносившемуся с улицы, выразилось раздражение — виной тому была, вероятно, и обострившаяся боль. Нефтепромышленник тут же уловил это, но, поскольку он должен был наблюдать за мной и Мори, остался на месте. Он мотнул массивной головой, подавая знак, и оставившийся в палате секретарь подошел к окну посмотреть, что делается снаружи.

— Ваши земляки, сэнсэй, заняли всю дорожку, идущую к новому больничному корпусу. Там что-то, похоже, начинается... Все стоят спокойно и наблюдают. Может, прогнать их?.. Вы дали указание, сэнсэй, чтобы с ними обходились помягче, вот они и распоясались, и теперь нужно...

Патрон игнорировал слова секретаря, принадлежавшего к тому типу людей, которые начинают оправдываться еще до того, как их потребуют к ответу, и обернулся ко мне, понимая, что без меня ему не обойтись. Независимо от того, какие у Патрона были основания искать во мне поддержку, я был рад, что он отошел от темы нашей дискуссии — как наивен превратившийся восемнадцатилетний, ха-ха.

— Доложи конкретно, что они собираются делать и что делают сейчас. Ты, я надеюсь, лучше, чем он, поймешь, что там творят ряженые, хха-хха-хха.

Под недобрым бдительным взглядом подавшегося в мою сторону нефтепромышленника, у которого от напряжения на огромном лице выступили капельки пота, похожие на шарики нефти, я подошел к пылавшему злобой секретарю. Зрелище, которое я увидел, заставило меня, повернувшись к Мори, послать ему молчаливый призыв. *О, я уже однажды видел такое же прекрасное зрелище! Это были фрески, которые покрывали стены столовой калифорнийской лаборатории! Фрески, созданные одним мексиканским художником! На них изображалась вся история жизни калифорнийских индейцев, начиная с появления конкистадоров, искавших Эльдorado, и кончая эрой господства американцев. Но радость, которую я испытываю сейчас, несравненно глубже, обширнее радости, вызванной просто воспоминаниями о тех фресках! Будь*

у меня время, я бы рассказал тебе, Мори, как безгранична эта моя радость...

Зрелище показалось мне схожим с теми мексиканскими фресками благодаря его композиционному построению. Окно в палате Патрона обрамлял выступающий вперед бетонный паличник, и толпа казалась вставленной в раму. На идущей вдоль ограды дорожке толпились ряженные, окружившие колесницу, а по обеим ее сторонам стояли зрители. Все были возбуждены, предвкушая празднество, в котором собирались принять участие. Над толпой, из окон стоявшего напротив корпуса, свешивались больные, санитарки, а на газоне у изгороди, спиной к нам, в ожидании замерли полицейские моторизованного отряда. Можно без преувеличения сказать, что открывавшийся взгляду вид действительно напоминал горизонтальную фреску Риверы¹.

Перед самой колесницей, глядя в нашу сторону, с величественным видом стояли карлик и толстуха, по обеим сторонам от них — охранники в черных костюмах. Они были до предела напряжены. Карлик и толстуха, выступающие в качестве руководителей, провозгласили начало празднества. Ряженные, до этого поникшие, разом оживились и распрямили плечи. Глядя на толпу сверху, с довольно большого расстояния, я понял — то, что казалось мне, когда я находился в гуще ряженных, беспорядочным сборищем, на самом деле была структурно оформленная, хотя и несколько хаотичная, группа — разнообразные костюмы ряженных воспроизводили историю их родных мест. Это, несомненно, была их собственная история, но в то же время и история всего человечества, что и вызвало мою столь глубокую радость.

— Ряженные собрались вокруг колесницы, которую они привезли с собой в Токио, — доложил я Патрону, напомнившему о себе кашлем. — Когда мы были с ними, ряженные олицетворяли главным образом военные и послевоенные бедствия, хотя среди них были и Чаплины, а вот смотрю сейчас и вижу там Сарудахико, Амэ-но удзумэ-но Микото² и даже полководцев и финансового магната Сумитомо. Видимо, подобные наряды имеют какой-то особый смысл для людей из тех мест, но наряду с этим они воскрешают историю всего человечества. Есть среди них ряженные в на-

¹ Ривера, Диего (1886—1957) — мексиканский художник.

² Божества синтоистского Пантеона.

рядах, которые описаны в «Фудоки»¹, есть даже император Мэйдзи и Эйнштейн...

— В общем, деревенское шествие, в котором принимают участие ряженые, начиная с костюмов времен «Фудоки» и кончая Эйнштейном? Наверно, среди них есть и Санэморри? Хха-хха-хха. У них все так тщательно продумано, что эффект от праздника будет весьма внушительным, хха-хха-хха.

Эта тирада Патрона прервала мой рассказ, но тут мое внимание привлекло новое зрелище. Среди толпы, окружившей ряженых, я увидел походившую на замерзшую птицу жену, б ы в ш у ю жену, в черном платье с красным платком на шее и великана брата, охраняющего ее. В некотором отдалении от них, но в таком месте, чтобы не упустить их из виду, стояла Ооно Сакурао в желтом пальто. Ее толкали со всех сторон, и она сама без конца наступала на ноги окружающим. Рядом с ней были двое из *Корпуса лососей* — они смотрели вверх, на здание клиники, надеясь увидеть Мори. Когда я заметил их, мне показалось, что вся эта глазающая толпа — участники закончившегося потасовкой митинга против строительства атомных электростанций, и здесь сейчас снова собрались две враждующие революционные группы. В таком случае и присутствие моторизованной полиции необходимо, ха-ха.

Не видно было только Добровольного арбитра, но мои глаза, упорно рыскавшие по толпе, в надежде, что кто-кто, а Добровольный арбитр должен здесь обязательно быть, вдруг на мгновение выхватили из толпы маленькое личико человека в светло-коричневом хлопчатобумажном костюме — серьезное лицо Справедливца! Я весь задрожал от радости. *Мори, то, что Справедливец умер, неправда, если начнется схватка, этот пожилой математик вытащит свои вставные челюсти и будет всех подряд кусать ими, будет мужественно сражаться, посмотри туда!* — закричал я беззвучно и тут же потерял из виду Справедливца и снова отыскать его уже не мог.

— Не окажется ли этот праздник настолько чудотворным, что он уничтожит вирус рака? Хха-хха-хха, ты тоже ряженный и, несомненно, должен знать, о чем они будут молиться, хха-хха-хха. Может быть, они захотят отправить меня в безвозвратную даль и уничтожить, как вредное насекомое? Хха-хха-хха.

¹ «Фудоки» — историко-географический памятник древней Японии «Описания Земли и нравов» (VIII в.).

— О чем будут молиться, не знаю. Возможно, им и самим это как следует неизвестно. Они говорили, например, о защите десяти миллионов человек. Ясно лишь то, что ряженные вокруг колесницы своими нарядами образуют некий микрокосм... Если мы с Мори, двое *превратившихся*, вольемся в этот микрокосм, он станет более напряженным — вот что мне представляется. А если бы еще и вы влились! — сказал я и еле удержался, чтобы не продолжить: в этом своем наряде *беременной старой карги*.

— Неужели я, страдая раком и находясь на пороге смерти, могу выступать ряженным? — возмутился Патрон, и это было вполне естественно, ха-ха.

Я вернулся на свое место, так и не получив возможности еще раз убедиться, действительно ли это был *Справедливек*. Однако недовольство Патрона продолжалось недолго, он только понял, что вести бесконечные споры со мной, человеком, одержимым химерами, бессмысленно, и, будучи реалистом, решил, что наступила удобная минута, чтобы кое-что предложить нам, двум *превратившимся*. Я снова оказался под надзором нефтепромышленника, а Патрон сделал мне следующее, более чем конкретное, предложение:

— Ты и твой сын должны выслушать мой план до конца. Или вы не хотите меня слушать? Если вы собираетесь уйти отсюда, не дослушав моего рассказа, то из-за недавнего нападения на меня у вас возникнут серьезные осложнения с полицией, о которых ты сам только что говорил; так что вам стоит меня послушать, если, конечно, ваше *превращение* — факт, хха-хха-хха.

— Разумеется, выслушаем, — ответил я и почувствовал на своей руке одобрительное пожатие Мори. — *Разумеется, выслушаем!*

— Мой план — тебе, видимо, он известен — связан с идеей ядерного вооружения студентов, хха-хха-хха. У меня здесь имеется кое-что для воздействия на студенческие группы!

Патрон тяжело дышал, как регбист, прикрывавшая его простыня двигалась вверх и вниз. Он дотрагивался пальцами до своего вспухшего живота, подпирившего подбородок. На мгновение я подумал: *Не прячет ли он там готовую атомную бомбу?!* — и пришел в ужас от того, что вырвавшийся оттуда страшный яд, обезвредить который невозможно, прольется на весь Токио!.. В это время нефтепромышленник, поняв указание, сделанное Патро-

ном движением головы, поводя могучими, как у Нио, плечами, направился было к кровати, но, задев за стену металлической палкой, которая была у него в руках, вскрикнул от неожиданности и, присев, положил ее на пол. Продолжая приседать, он приблизился к кровати и, будто перезаряжая старинный фотоаппарат, запустил обе руки под одеяло, которым был укрыт Патрон. От напряжения он нахмурился и крепко сжал губы. Потом из живота умирающего Патрона, будто извлекая плод беременной старой карги, вытащил вспухший кожаный саквояж!

— *...Пятьсот миллионов наличными.* Я хочу, чтобы вы употребили эти деньги для ведения работы в студенческих группах, причем должен быть взят курс на слияние заводов обеих групп, изготавливающих атомные бомбы. Ваше дело — купите ли вы на эти деньги обе группы и заставьте их слиться или, наоборот, руками одной уничтожите другую. Во всяком случае, если останется одна группа и будут объединены оборудование и ядерное сырье, за пять-шесть недель удастся создать атомную бомбу... Затем под руководством тех, кто ответствен за общественную безопасность, при моем содействии *будут арестованы все, кто тайно изготавливал атомную бомбу!*

Потрясенный, я смотрел на живот Патрона, выглядевший так, будто по нему проехал каток. И тут я начал смеяться. Я так смеялся, что чуть было не упал со стула. Да как же мне было не смеяться? Из живота *беременной старой карги*, врага, к которому, выполняя указания космической воли, нам удалось наконец подобраться, родилось чертово дитя, несущее человечеству неисчислимые бедствия. Появились антихристовы пятьсот миллионов иен. *Мог ли я не смеяться?!*

2

— Для осуществления своего плана я избрал именно тебя потому, что ты человек, готовый бессмысленно смеяться, невзирая на место и время. Ты — прирожденный шут, — издевался надо мной Патрон, наблюдая налитыми кровью, тусклыми глазами, как я безудержно хохочу. — В отличие от пережитой мной атомной бомбардировки Хиросимы пережитая тобой атомная бомбардировка — комедия... Но я не обращаю на это внимания, ведь ты сейчас смеешься у постели старика, которому прекрасно известно, что он умирает от рака.

— Простите,— сказал я, но, неосторожно взглянув на плоский живот Патрона, снова фыркнул.

— Если ты такой комедиант... комедиант, способный утверждать, что восемнадцатилетний *превратившийся*, бывший до этого тридцативосьмилетним, вместе со своим двадцативосьмилетним сыном, бывшим до этого восьмилетним, действует на благо человечества, то полиция не заподозрит, что эти деньги имеют ко мне отношение, даже если они и будут обнаружены,— объяснял Патрон, не мне, продолжавшему смеяться, а нефтепромышленнику, несомненно, доставившему сюда эти деньги, который снова оказался у нас за спиной.— Но поскольку именно этот человек должен будет действовать в критический момент, он и появился здесь, эта странная личность, в не менее странном наряде, хха-хха-хха.

Наконец мне удалось справиться со смехом, и теперь уже беззвучно смеялся Патрон. Глаза он прикрыл морщинистыми веками и сложил на плоском животе костлявые руки, пальцы которых казались невероятно длинными — на них почти не было плоти. Не знаю почему, я внимательно следил за тем, как на его лице, где-то у покрасневших ноздрей, у полуоткрытого рта со сверкающими искусственными зубами, у мочек ушей, рождается смех. В этом смехе Патрона я видел не просто насмешку над нашими нарядами — это был отвратительный смех человека, издевающегося над всеми людьми, вообще над всем, с чем он сталкивался в своей жизни, над всем, что ему пришлось пережить. И поэтому мне теперь было не до смеха.

— Таким способом вы хотите передать информацию полиции, и тогда эти несколько сот миллионов, предназначенных заводам, оснащенным необходимым для изготовления атомной бомбы оборудованием и ядерным сырьем, заводам, которыми руководит группа талантливых студентов физического факультета, вынужденных уйти в подполье в результате беспорядков в университете, послужат тому, чтобы вы могли взять контроль над всем происходящим в свои руки. Средства массовой информации назовут то, что делают студенты, *величайшим после войны антигосударственным заговором*, а все японцы сплотятся, проникшись ненавистью к группам, создавшим подпольные заводы. И тут вы превратитесь в благородного спасителя сплотившегося народа! Ведь вы окажетесь тем, кто раскрыл заговор, целью которого было либо свершение революции при помощи ядерной угрозы, либо уничтожение

всех жителей Токио, включая императорскую семью. И вы умрете блистательной смертью национального героя, которого еще не знала история человечества, смертью величайшего японца нашего времени. Вместо того чтобы одиноко умереть от рака в ненависти и печали... Вы станете национальной гордостью, день вашего рождения превратится в национальный праздник, невинные дети по всей стране будут распевать в вашу честь гимны, на всеяпонском празднестве наследный принц возложит хризантемы у вашего портрета. И вы станете **Патроном** всего народа нашей страны. Ваш образ истинного героя ядерного века обойдет весь мир, станет достоянием всего человечества...

Мои слова не вызвали у **Патрона** никакой реакции, кроме слабой улыбки, а в это время ожидающие праздника ряженые, о которых я чуть раньше докладывал **Патрону**, подняли под окнами бесстыдный и веселый гомон, готовясь то ли к танцам в память умерших, то ли к обряду очищения. Я замолчал — сцепленные руки **Патрона**, теперь вытянутые вдоль одеяла, чуть дрожали, и я подумал, что шум за окном, видимо, не мешает ему спать. Но на лице **Патрона** снова появилась еле заметная улыбка, и он снова заговорил, и голос его звучал еще тише, чем если бы он беззвучно касался языком своих вставных зубов.

— Ну так как, согласен? Люди, отвечающие в своих группах за финансы, выплатят тебе комиссионные, пятьдесят миллионов, — не делай такого лица, хха-хха-хха, обычная практика, существующая во всем мире, хха-хха-хха.

Спровоцированный его улыбкой, я заколебался! *В самом деле, может, и вправду взяться! Пока он до недавних пор был беременной старой каргой, я, опасаясь его идей, считал величайшим преступлением помогать ему в осуществлении честолюбивых планов. А у него из брюха явились деньги, огромные, но всего лишь деньги. Смех. Взяв на себя поручение **Патрона**, я смогу контролировать то, что в результате этого произойдет в мире. В конце концов обязательно настанет черед двух превратившихся. Этот больной раком старик, видя, как рушатся его ядерные планы, все равно умрет как герой. Но это не явится концом! Двое превратившихся будут располагать не только моим техническим умением и теоретическими знаниями, но и огромными деньгами! И поскольку наше превращение произошло благодаря воле — силе космического масштаба, это естественно, что единственную силу космического*

масштаба, которую знает человечество, а именно силу ядерного взрыва, получают двое превратившихся?

...Думая об этом, я ощущал, как мое левое запястье все сильнее сжимает правая рука Мори. Не в силах терпеть боль, я попытался высвободиться, но железная рука Мори не выпускала моего запястья. Я взвыл, взвыл и Мори, из последних сил терзавший мою руку.

Теряя сознание от невыносимой боли, я вспомнил первое в своей жизни страдание. Еще ребенком я понял, что правой рукой могу сделать что угодно, а потом, поняв, что и левой рукой могу сделать что угодно, заставил их сражаться. Мать, увидев мои окровавленные руки, привязала каждую отдельно к столбу на кухне. *Может быть, потому, что мне не удалось довести до конца сражение своих рук, я всю свою жизнь нахожусь во взвешенном состоянии, ничего не сумев завершить*, подумал я, вопя от боли.

Патрон, теперь открывший покрасневшие от возбуждения глаза, с нетерпением ожидая моего ответа, смотрел на меня, исходившего криком, будто насмехаясь: какие у тебя есть шансы обеспечить свое существование, кроме как капитулировать и быть у меня на побегушках. И я, обратившись то ли к космической воле, то ли к Патрону, крикнул, изо всех сил напрягая голос:

— СОГЛАСЕН! — И тут же, пнув ногой кровать, бросился на стоявшего сзади противника!

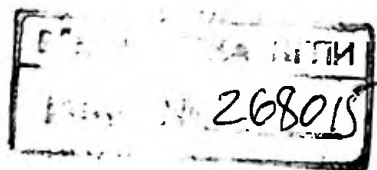
Я с трудом вытащил голову, оказавшуюся между ног нефтепромышленника, которого я боднул в пах, за секунду до того, как на меня обрушился новый удар, я увидел сражающегося Мори. Мори, который в тот миг, как я бросился на стоявшего сзади нефтепромышленника, отпустил мою руку и, схватив валявшуюся на полу металлическую палку, стал избивать Патрона. Потом я увидел мужественное лицо Мори в тот момент, когда он, выбив окровавленной палкой стекло и искоса взглянув на преследующих его секретарей, выпрыгнул наружу, прижав к груди кожаный саквояж с пятьюстами миллионами нен! Схватившись с могучим противником, я с трудом удерживал его, чтобы тот не бросился на помощь Патрону, — то, что я увидел, заставило меня трепетать от волнения, так не подходящего *превратившемуся* мальчишке родительского волнения: ради того, чтобы хоть на мгновение увидеть героические действия Мори, стоило растить и воспитывать его! И я закричал, надрывая грудь и горло: ЛИ... ЛИ..

ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... Закричал изо всех сил:
ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ...

Отброшенный огромным ботинком нефтепромышленника, я упал на осколки оконного стекла, а когда с трудом поднялся на ноги, увидел в центре площадки, освобожденной галдящей толпой, пылающую колесницу. Ряженные, все до одного, вытащили спрятанные под одеждой бидоны с керосином и лили его в огонь. К полыхавшей колеснице бежал, преследуемый полицейскими, Мори. Размахивая полураскрытым саквояжем, с развевающимися лохматыми волосами, Мори, сопровождаемый криками ряженных, криками толпы, взобрался на изгородь и прыгнул в горящую колесницу! Когда он бросился вниз головой в бушующее пламя и тело его еще летело в воздухе, уже загорелись волосы и сыпавшиеся из саквояжа деньги. Последний честолюбивый план Патрона, теперь мертвого, с отвисшей челюстью — я увидел его через плечо склонившегося над ним нефтепромышленника, — превратился в пепел. И в горящего Мори. Меня снова повалили на осколки стекла, набросились полицейские — я был весь в крови, как новорожденный, и кричал изо всех сил сквозь рыдания: ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. Гривнин. Левый экстремизм перед судом читателя</i>	5
ГЛАВА I. Золотой век послевоенного бейсбола	20
ГЛАВА II. Нанят писатель-невидимка	55
ГЛАВА III. Однако все это было в прошлом	79
ГЛАВА IV. Мы сразу же включились в борьбу	100
ГЛАВА V. Чувствую, что заговорщики чуждаются меня	126
ГЛАВА VI. Так я встретился с Могущественным господином А., то есть Патроном	153
ГЛАВА VII. Всестороннее изучение Патрона	176
ГЛАВА VIII. Всестороннее изучение Патрона (продолжение)	202
ГЛАВА IX. Двое превратившихся анализируют будущее	230
ГЛАВА X. Одиссея Корпуса лососей	252
ГЛАВА XI. В Токио прибывают ряженые	277
ГЛАВА XII. Двое превратившихся ссорятся между собой	295

Кэндзабуро Оэ
ЗАПИСКИ ПИИЧРАНИЕРА

ИБ № 9805

Редактор *Г. Дуткина*
Художник *Г. Дауман*
Художественный редактор *К. Балсанова*
Технические редакторы *Е. Мишина, О. Иванова*
Корректор *Е. Рудницкая*

[1955]

1955

Сдано на фотонабор 05.07.82. Подписано в печать 09.02.83. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,87. Тираж 50000 экз. Заказ № 312. Цена 2 р. 10 к. Изд. № 32639.

Издательство «Радуга» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17.

Фотонабор и фотополимерные формы изготовлены в Ленинградской типографии № 2 головном предприятии ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгения Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

Отпечатано с фотополимерных форм в Ленинградской типографии № 6 ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгения Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 193114, г. Ленинград, ул. Монсенко, 10.

Уважаемый читатель!

Сообщаем, что с 1 января 1982 г. на базе издательства «Прогресс» создано издательство «Радуга».

Адрес: СССР, 119021, Москва, Зубовский бульвар, 17

Издательство «Радуга» будет издавать на иностранных языках русскую и советскую классическую и современную художественную литературу, литературу для детей, книги по литературоведению, искусствоведению, лингвистике, спорту и туризму.

В переводе на русский язык «Радуга» будет публиковать произведения современных зарубежных писателей, литературоведов, специалистов по искусству, лингвистов, а также книги по спорту и туризму.

Издательство «Радуга» принимает на себя все обязательства по ранее подписанным издательством «Прогресс» контрактам на произведения своей тематики. Остаются в силе достигнутые ранее договоренности и соглашения об опциях, заключенные на международных книжных ярмарках и выставках с издательством «Прогресс».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РАДУГА»

ВЫХОДИТ В СВЕТ

ЯСУОКА С. Хрустальный башмачок: Повести и рассказы. Сборник. Пер. с япон. — М.: Радуга, 1983 (II кв.). — 10 л. — В пер.: 1 р. 40 к. 50 000 экз. 4703000000

Сётаро Ясуока (род. 1920) — известный японский писатель, член Академии изящных искусств. Оставаясь в русле национальной художественной традиции, он поднимает в своих произведениях темы, близкие современному читателю. Включенные в сборник повести и рассказы: «У моря», «Хрустальный башмачок», «Жена ростовщика» и другие — посвящены жизни страны в годы войны и в наши дни. Главный объект исследования автора — внутренний мир вступающего в жизнь молодого поколения